

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Д. В. Карнаухов

**КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
В ПОЛЬСКОЙ ХРОНОГРАФИИ
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Новосибирск 2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
К 245

Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета НГПУ

Научный редактор
доктор исторических наук
К. Б. Умбрашко

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор (Институт истории СО РАН)
М. В. Шиловский;
доктор исторических наук, профессор (НГПУ)
А. Е. Демидчик;
кандидат исторических наук, доцент (РГГУ)
К. Ю. Ерусалимский

Карнаухов, Д. В.

К 245 Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения: монография / Д. В. Карнаухов. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. – 291 с.

ISBN 978-5-85921-818-9

Монография посвящена проблеме формирования и эволюции концепций истории средневековой Руси, созданных выдающимися польскими интеллектуалами эпохи Возрождения. Автором обобщен опыт изучения в отечественной и зарубежной историографии источников представлений польских историков этого времени о прошлом русских земель, изучены особенности освещения ими наиболее актуальных вопросов истории Руси: этногенеза восточных славян и происхождения их номинации, возникновения и эволюции государственности на Руси, формирования политических центров на русских землях, специфики культурной жизни Руси, а также особенностей ее взаимоотношений с соседними странами и народами – Византией, Польшей, Литвой, печенегами, половцами и татарами.

Книга адресована историкам историографии, литературоведам и культурологам, интересующимся проблематикой зарубежной исторической россики.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-85921-818-9

© Д. В. Карнаухов, 2010
© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Латиноязычная и польскоязычная хронография в интеллектуальной культуре польского Ренессанса	8
Глава 2. Источники формирования представлений польских хронистов эпохи Возрождения об истории русских земель	28
2. 1. (Пара)библейская литературная традиция и труды авторов античности и раннего средневековья	28
2. 2. Восточнославянские летописные источники	31
2. 3. Польские средневековые источники	44
2. 4. Зарубежные европейские источники	48
Глава 3. Концепции этнокультурной и политической истории Руси в польской ренессансной хронографии	54
3. 1. <i>Russorum Gens et Nominatio Origo. Дискуссии о происхождении и этнонимии восточных славян</i>	54
3. 2. <i>Russorum Principatus. Представления о возникновении и эволюции государственности средневековой Руси</i>	86
3. 3. <i>Russia Orthodoxa. Особенности освещения вопроса христианизации Руси</i>	136
Глава 4. Международные связи средневековых русских земель в концепциях польских историков эпохи Возрождения ...	144
4. 1. <i>Russia vs Graecia. Известия о русско-византийских военно-политических отношениях IX–X вв.</i>	144
4. 2. <i>Russia vs Barbari. Особенности освещения взаимоотношений Руси с нехристианскими народами Восточной Европы</i>	149
4. 3. <i>Russia vs Polonia. Конструирование мифологического образа истории польско-русских отношений X–XIV вв.</i>	175
4. 4. <i>Russia vs Lithuania. Представления о взаимоотношениях Литвы и средневековых восточнославянских княжеств</i>	225
Заключение	264
Историографические источники	271
Библиографический список	277

Светлой памяти
моего Учителя
Александра Сергеевича
Мыльникова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Система знаний о прошлом современной России и ее исторических предшественников – Киевской Руси, средневековых русских княжеств, Великого княжества Московского, Русского (Российского) централизованного государства, Российской империи, СССР – имеет сложную структуру. В ней можно выделить три основных элемента, отражающих многообразие подходов к восприятию данного феномена: 1) официальное «прочтение» национальной истории, санкционированное государством и обусловленное политическими приоритетами конкретной эпохи; 2) совокупность альтернативных «внутренних» представлений о прошлом России, специфицированных направленностью индивидуальных или групповых интересов их носителей, к которым могут быть отнесены как отдельные ученые, так и целые исследовательские школы; 3) комплекс «внешних» взглядов на российскую историю, сформировавшихся за ее границами и, как правило, обусловленных характером отношений той или иной страны с Россией.

Первые два элемента являются предметом изучения историков отечественной историографии, в чьей компетенции находится исследование взглядов на русскую (восточнославянскую) историю самих носителей данной традиции исторических представлений. Третий элемент, для обозначения которого мы полагаем целесообразным применить обобщающее понятие *зарубежной исторической россики* (латинизированная форма: *rossica*, а также близкие понятия *russica*, *ruthenica*, *moscovitica*), является особым феноменом в истории исторической мысли и заслуживает пристального внимания исследовательского сообщества в силу огромного прикладного значения зарубежных представлений о русской истории для налаживания политического и культурного диалога России с ее зарубежными партнерами, понимания природы комплексов взаимного восприятия.

Предметом нашего исследовательского интереса является один из интереснейших образчиков зарубежной россики – концепции истории средневековых русских земель, представленные в трудах выдающихся польских ученых предренессансной и ренессансной эпох – Яна Длугоша, Матвея Меховия, Бернарда Ваповского, Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, Мачея Стрыйковского, а также натурализовавшихся в Польше иностранцев, внесших немалый вклад в развитие польской историографии, к числу которых относились эльзасец Иодокус Людовик Деций и итальянец Александр Гваньини. Общей характеристике вклада этих историков в изучение средневековых восточнославянских

земель, а также оценкам их достижений в отечественной и зарубежной историографии, была посвящена наша монография «История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII вв.», опубликованная в 2009 г. На ее страницах главным образом было уделено внимание структуре «русских» и «московских» известий в трудах конкретных польских авторов данной эпохи, определен характер и особенности их заимствования из различных источников.

Предлагаемая вниманию читателя новая книга является тематическим и логическим продолжением вышеупомянутой монографии. Главной задачей исследования на сей раз является анализ ключевых сюжетных линий освещения ренессансными авторами Польши истории средневековой Руси¹. В частности, рассматриваются взгляды польских историков на проблемы этногенеза восточных славян и происхождения их номинации, вопросы зарождения и эволюции восточнославянской государственности, особое внимание привлекают особенности освещения в польской хронографии эпохи Возрождения взаимоотношений Руси с ее ключевыми внешнеполитическими партнерами – Византией, Польшей, Литвой и нехристианскими народами Восточной Европы.

Хронологические рамки исследования включают период с 1480 по 1611 гг. и обусловлены особенностями развития исторической мысли Польши на рубеже Средневековья и Нового времени.

Выбор в качестве нижней хронологической границы 1480 г. продиктован важностью связываемого с этой датой события в истории польской историографии – созданием хроники Яна Длугоша, которая стала важнейшим источником представлений об истории Польши и других стран Восточной Европы для многих поколений польских интеллектуалов. Именно в этом сочинении впервые был представлен обстоятельный очерк истории русских земель, согласованный с описанием истории польского народа. 1611 г. в качестве верхней хронологической границы исследования выбран в связи с тем, что именно в этом году завершается цикл публикаций исторических хроник, сохранивших элементы новизны в интерпретации истории средневековой Руси изданием поль-

¹ Хронологически понятие «средневековая Русь» нами ограничивается 1506 г. Данные рамки обусловлены тем обстоятельством, что большая часть созданных в эпоху Возрождения польских хроник, сохранивших сведения об истории русских земель, была доведена до года смерти польского короля Александра, а соответствующие «русские» известия завершались тем же годом на знакомом для русской истории событии – смерти Великого князя Московского Ивана Васильевича. Некоторые хроники, например сочинения Марчина и Иоахима Бельских, а также Мачея Стрыйковского и Александра Гваньини включали описания также более позднего периода, современных их авторам событий. Вместе с тем представляется нецелесообразным рассматривать события XVI в рамках концепций средневековой Руси, поскольку реляции, посвященные этому периоду, обладают определенной спецификой и достаточно объемны, что может сделать их предметом отдельного исследования.

скоязычных версий изначально публиковавшихся на латыни сочинений Мартина Кромера и Александра Гваньини.

За этот относительно короткий временной отрезок в Польше и за ее пределами было налажено регулярное издание исторических сочинений польских авторов в латинской и польской языковых версиях, а также переводах на иностранные языки, которые содержали описание истории средневековой Руси и способствовали популяризации «русской» исторической тематики во всей Европе.

Представленные на страницах сочинений польских авторов эпохи Возрождения концепции истории русских средневековых земель играли двоякую роль. С одной стороны, они несомненно способствовали расширению исторического, географического и культурного кругозора как польских, так и европейских просвещенных элит, что привело к своеобразному научному «освоению» прежде малоизвестных стран, лежавших за восточными границами исторической Польши. С другой стороны, содержащиеся в трудах польских хронистов тенденциозные трактовки истории славянского востока служили целям обоснования и оправдания «русской» политики польского государства, являлись важным фактором политической борьбы за доминирование Польши в региональных международных отношениях, а также позволяли, благодаря распространению польских исторических сочинений за рубежом, навязать европейцам полоноцентристское «прочтение» истории Восточной Европы.

Эта двоякость польских ренессансных представлений об истории Руси предопределила наш подход к их изучению. Особое внимание на страницах монографии уделяется авторским подходам к освещению отдельных проблем русской истории, а также идеологическим акцентам в представлениях историков, порожденным обстоятельствами развития внутренней и внешней политики Польши.

Наше исследование самих концепций истории средневековой Руси, созданных польскими историками конца XV–XVI вв., предваряется двумя главами, призванными познакомить читателя с общими тенденциями развития польской ренессансной хронографии и важнейшими достижениями представлявших ее авторов (I глава), а также дать обзор основных видов источников по истории русских земель, привлекавшихся польскими историками интересующей нас эпохи (II глава). Последний вопрос рассматривается с учетом богатого опыта, накопленного отечественными и зарубежными источникововедами XIX и XX вв., которыми были глубоко изучены особенности русско-польских связей в области историографии, прежде всего влияние восточнославянской летописной традиции на польских историков интересующей нас эпохи.

В процессе написания монографии мы пользовались фондами отечественных и зарубежных библиотек. Наиболее плодотворными оказались поиски в библиотеке Варшавского университета и Национальной

библиотеке Республики Польша (Варшава), Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (Москва) и Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). Сотрудникам библиотек, оказавшим содействие в работе и помощь в получении необходимых материалов и сведений, мы считаем своим приятным долгом принести глубокую благодарность.

В ходе работы над монографией большое значение имела апробация отдельных аспектов ее темы в российских и польских научно-образовательных центрах, среди которых хотелось бы выделить Центр «Историческая наука России» и Центр истории русского феодализма Института российской истории РАН, Кафедру всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета, Лабораторию вспомогательных исторических дисциплин и издательского дела Института истории Польской академии наук в Варшаве, Сектор методологии истории и вспомогательных исторических дисциплин Исторического института Варшавского университета и Центр изучения античной традиции Института междисциплинарных исследований *Artes Liberales* Варшавского университета.

Одновременно хотелось бы выразить искреннюю признательность за организационную и финансовую поддержку исследовательского проекта, частью которого является данная монография, руководству Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, а также научным фондам Республики Польша: Фонду им. Юзефа Мянковского (*Kasa im. Józefa Mianowskiego*), Фонду поддержки польской науки (*Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej*), Польскому комитету по делам ЮНЕСКО (*Polski komitet do spraw UNESCO*), Стипендиальному фонду Музея истории Польши (*Fundusz stypendialny Muzeum Historii Polski*).

Глава 1

ЛАТИНОЯЗЫЧНАЯ И ПОЛЬСКОЯЗЫЧНАЯ ХРОНОГРАФИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЛЬСКОГО РЕНЕССАНСА

Характерной чертой интеллектуальной культуры эпохи Возрождения является двуязычность. Наряду с латинским языком, занимавшим господствующие позиции в эпоху Средневековья и обновленным авторами XV и XVI в. в соответствии со стандартами «золотой», классической латыни античности, все большую роль в различных сферах общественной жизни начинают играть национальные языки народов Европы. Эти тенденции прежде всего затронули такие важнейшие сферы интеллектуальной культуры, как литературное творчество, драматургия, публицистика, образование и наука, а также историография.

Латинская традиция сыграла огромную роль в развитии европейской интеллектуальной культуры Средневековья и Ренессанса. Она опиралась на потенциал античности, использовала ресурс классической литературы и на протяжении столетий поддерживалась в дееспособном состоянии католическим духовенством.

Латинский язык способствовал более интенсивному взаимодействию ученых разных стран католического культурного ареала, по выражению Б. Отвиновской, выполнял функции «соединения народов и времен, их научных и литературных традиций»². В результате, в эпоху Средневековья латинская традиция заняла господствующее положение в богослужении, государственном делопроизводстве, дипломатии, образовании и литературном творчестве – благодаря ей эти сферы стали элементами единой системы и тесно взаимодействовали друг с другом. Развитие светской культуры и образования в эпоху Возрождения привело к тому, что латинский язык превратился в важнейший «инструмент общественной коммуникации, используемый элитами»³. Именно на латыни велось обучение в европейских университетах, а также, благодаря интенсивному развитию книгопечатания, получили широкое распространение «эталонные» труды выдающихся писателей древности и средневековья – Геродота, Птолея, Плиния, Ливия, Тацита, Страбона, Иордана, Павла Диакона и многих других.

Национальные языки в условиях столь очевидной «элитарной» ориентированности латыни выполняли совершенно иные задачи. В научной литературе широко распространено мнение о существовании в эпоху Возрождения «антагонизма» между «мертвой» латынью и «живыми»

² *Otwinowska B.* Język, naród, kultura: Antecedencje i motywy renesansowej myśli o języku. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974. S. 180.

³ *Łacina jako język elit.* Warszawa, 2004. S. 8.

языками современных народов Европы, основанное на акцентировании негативной роли «стилизации» неолатинских текстов Ренессанса, их «подгонки» под образцы классической латыни. Сторонники теории антагонизма пришли к выводу, что неолатинская традиция по определению не могла отразить в полной мере особенностей современной жизни⁴.

Едва ли эти аргументы в полной мере применимы к ренессансной исторической литературе, описывавшей прошлое, и творчеству историков Ренессанса, использовавших сочинения выдающихся писателей античной эпохи в качестве источников при создании своих трудов. Здесь мы можем отметить очевидную неспособность национальных языков составить достойную конкуренцию латыни, что не только делало неизбежным двуязычие, но также было причиной более медленного развития сегмента исторической литературы, создававшейся на национальном языке, по сравнению с латиноязычными сочинениями аналогичной тематики.

Таким образом, для узкого круга интеллектуалов, профессионально занимавшихся историографией, выбор в пользу латыни был полностью оправдан. Однако совершенно иным было отношение широких слоев образованной публики, стремившихся расширить свои представления об истории родной страны и цивилизационном развитии всего человечества. Именно создававшийся ими спрос на доступную для понимания историческую литературу, поддерживавшийся стремительным удешевлением книги как источника информации, произошедшим в условиях бурно развивавшегося книгопечатания, становится важнейшим стимулом для создания исторических сочинений и публикации книг исторической тематики на национальных языках народов Европы.

* * *

Историография была чрезвычайно важной составляющей интеллектуальной деятельности, опиравшейся на потенциал латинской традиции. Исторические произведения являлись мощным инструментом формирования исторического самосознания европейцев, поскольку именно через описание истории, предполагавшем использование единых стандартов, передавался бесценный цивилизационный опыт античности, обосновывалось право на власть правящих династий, подчеркивалось культурное и политическое значение церкви, а также решались многие другие значимые вопросы. Латинский язык делал исторические произведения доступными интеллектуалам разных стран, вне зависимости от их национальной принадлежности. Тем самым происходил активный обмен опытом между историками, представлявшими национальные школы, и историческое знание в разных странах Европы развивалось в рамках общих тенденций.

⁴ *Otwinowska B. Język – naród – kultura... S. 122–123.*

Вместе с тем латинская историография, как и латинская традиция в целом, не была однородна и приобретала специфические черты в конкретных временных и пространственных рамках.

Каждая отдельно взятая национальная традиция по-своему специфицировала латинскую историографию. Особенным было прежде всего содержание исторических произведений. При сохранении ориентации на единые интеллектуальные стандарты историографической деятельности авторы, представлявшие конкретные страны, стремились уделить больше внимания освещению национальной истории – затрагивали вопросы происхождения своих народов, возникновения королевских династий, в выгодном для правящей элиты свете толковали ключевые события межгосударственных отношений и внутренней жизни своей страны.

Ренессансная латинская историография в Польше развивалась в русле описанных выше общеевропейских тенденций. Польские историки лишь к началу XVI в. в полной мере восприняли ценности гуманистической интеллектуальной культуры, то есть несколько позже своих итальянских, немецких и французских коллег. На протяжении нескольких столетий развития латинской историографии в Польше средневековые методы описания прошлого сосуществовали с новыми подходами. В значительной степени отказ от изживших себя методов стал следствием критики и крайне не лестных для поляков оценок устаревших концепций истории Польши со стороны ведущих европейских интеллектуалов XV в., в числе которых можно выделить итальянских гуманистов Энея Сильвия Пикколомини и Флавио Биондо.

Исторические произведения на латинском языке в XV–XVI вв. были написаны Яном Длугошем, Матвеем Меховием, Бернардом Ваповским, Мартином Кромером и другими польскими авторами. Допустимо также отнесение к этой традиции и некоторых натурализовавшихся в Польше иностранцев, в трудах которых нашли отражение вопросы польской истории, например уроженца Эльзаса Иодокуса Людовика Деция и итальянца Александра Гваньини.

Наибольший вклад в развитие латиноязычной историографии в Польше внес Ян Длугош (**Jan Długosz; 1415–1480**). Большинство современных исследователей не склонны причислять его к ренессансным историкам по причине ориентации на средневековую манеру изложения материала и игнорирование гуманистических подходов к объяснению прошлого⁵. Тем не менее, именно труд Длугоша в дальнейшем послужил основой для развития польской гуманистической историографии. Этому автору удалось создать универсальное историческое произведение, связавшее средневековую и ренессансную эпохи в развитии исторической мысли сво-

⁵ *Barycz H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: Studia nad historiografią w XVI–XVIII w. Wrocław, 1981. S. 75.*

ей страны, обобщить накопившийся к тому времени опыт развития знаний о прошлом и дополнить его собственными представлениями.

Длугош был типичным представителем интеллектуальной элиты эпохи позднего Средневековья. Он родился в небогатой шляхетской семье и был вынужден самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни. Длугош имел неоконченное университетское образование – тяжелые материальные условия вынудили его прервать обучение в Краковской Академии. Тем не менее, незаурядные интеллектуальные способности и приобретенные знания позволили будущему историку занять видное положение при дворе влиятельного церковного деятеля Польши – краковского епископа Збигнева Олесницкого (**Zbigniew Oleśnicki**). Это обстоятельство в значительной степени повлияло на решение Длугоша посвятить себя историографической деятельности, поскольку церковь остро нуждалась в создании исторического произведения, способного подчеркнуть ее роль в истории Польши. Работа над хроникой заняла без малого тридцать лет жизни Длугоша. Ее успешному проведению способствовал как незаурядный писательский талант, так и свободный доступ к историческим источникам (церковным и государственным архивам). Наконец, огромным подспорьем в работе Длугоша стал опыт практической деятельности в качестве церковного чиновника и дипломата, что позволило ему установить контакты с выдающимися людьми своего времени, как в Польше, так и за рубежом.

Созданный к 1480 г. исторический труд, содержал описание преимущественно польской истории «от сотворения мира» до середины XV в. Не сохранилось аутентичного названия хроники – в научной литературе это произведение фигурирует под титулами «*Annales Poloniae*», «*Historia Polonica*» и др.⁶ История Польши излагается Длугошем в хронологической последовательности. Сочинение разделено на 12 книг, каждая из которых посвящена определенному периоду. Исключением является лишь 1-я книга, представляющая собой историко-географический очерк, включающий описание древнейшей истории человечества, концепцию происхождения славянских народов, а также подробную характеристику ареала их расселения. Здесь Длугош не ограничивается описанием территории одной только Польши, а уделяет внимание также западнорусским и литовским землям, которые в современную ему эпоху были либо включены в состав польского государства, либо находились под политическим контролем польской короны.

⁶ Авторского названия хроники в созданных при жизни Длугоша списках не сохранилось. Современные польские исследователи склонны признавать авторской редакцией названия хроники титул, обнаруженный в одном из списков XVI в.: «*Annales seu Cronice incliti Regni Polonie, opera venerabilis domini Johannis Longini [...]*» (см.: *Semkowicz-Zarembina W. Przedmowa // Jana Długosza Roczniki Sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1961. Ks. 1/2. S. 10–11*).

2-я книга хроники Длугоша охватывала период с 965 по 1038 гг. (эпоха правления князя Мечислава I, королей Болеслава I и Мечислава II).

3-я книга – период с 1039 по 1081 гг. (эпоха правления польских королей Казимира I и Болеслава II).

4-я книга – период с 1082 по 1139 гг. (эпоха правления польских князей Владислава I и Болеслава III).

5-я книга – период с 1140 по 1173 гг. (эпоха правления польских князей Владислава II и Болеслава IV).

6-я книга – период с 1174 по 1240 гг. (эпоха правления сандомирско-краковских князей Мечислава III, Казимира II, Владислава Ляскононого, Лешека Белого, Генриха I и Генриха II).

7-я книга – период с 1241 по 1294 гг. (эпоха правления краковских князей Конрада I и Болеслава V).

8-я книга – период с 1294 по 1299 гг. (эпоха правления польского короля Пшемысла II).

9-я книга – период с 1300 по 1370 гг. (эпоха правления польских королей Вацлава II, Владислава Локетка и Казимира III).

10-я книга – период с 1371 по 1412 гг. (эпоха правления короля Венгрии и Польши Людовика, польской королевы Ядвиги, начальный период правления польского короля и великого князя Литовского Владислава-Ягелло).

11-я книга – период с 1413 по 1434 гг. (заключительный период правления Владислава-Ягелло).

12-я книга – период с 1435 по 1480 гг. (эпоха правления польских королей Владислава III и Казимира IV; описание прервано в связи со смертью Длугоша в мае 1480 г.).

Судьба произведения Длугоша оказалась крайне непростой. Несмотря на его огромную информационную ценность и позитивные отзывы современников, широкий доступ к нему долгое время был ограничен. Изначально созданная в рукописной форме хроника так и не была опубликована, хотя уровень развития книгопечатания в Польше позволял это сделать уже в начале XVI в. Более того, первая же попытка издания этого труда, предпринятая в провинциальном городке Добромиле в 1615 г.⁷, оказалась неудачной – тираж изданных типографским способом первых шести книг анналов Длугоша был арестован, а публикация остальных книг и вовсе запрещена королевским постановлением. В результате, представленные в этом сочинении ценнейшие исторические материалы не были доступны широкой публике и польскими историками XVI в. использовались лишь его немногочисленные списки.

Одним из первых плодов историографической деятельности Длугоша смог воспользоваться Матвей Меховий (Mathia de Mechow;

⁷ *Historia Polonica Joannis Długossi seu Longini Canonici Cracovien*. In 3 T. autoritate et sumptibus H. Dobromilski ed. Dobromili, 1615.

1457–1523). В отличие от Длugoша, Меховий получил полноценное и разностороннее высшее образование в Польше и Италии – в 1479 г. ему была присвоена степень магистра философии в университете Кракова, а спустя десять лет – ученая степень доктора медицины в Болонском университете. Меховий поступил на церковную службу, принял духовный сан и занял престижную должность краковского каноника, что способствовало укреплению его социальных и политических позиций как в своей стране, так и за рубежом.

Работа над историческими сочинениями была лишь одним из направлений деятельности Меховия. Этот ученый, принявший гуманистические ценности, добился немалых успехов как автор медицинских трактатов, углубленно занимался географией, астрологией и астрономией, а также преуспел как деятельный администратор – на протяжении многих лет занимая должности вице-канцлера и ректора Краковской Академии, значительно улучшил организационную структуру этого старейшего польского университета.

Вклад Меховия в развитие историографии состоял в написании двух сочинений – историко-географического «Трактата о двух Сарматиях» (*Tractatus de duabus Sarmatiis*, 1517) и «Польской хроники» (*Chronica Polnorum*, 1519). Обе эти работы благодаря публикации на латыни получили широкую известность не только в Польше, но и в других странах Европы.

«Трактат о двух Сарматиях» был написан с целью ознакомления просвещенной публики европейских стран с прежде малоизвестными землями Восточной Европы. Важно отметить, что в это время, знаменовавшееся открытием американского континента и началом активной колонизации Азии и Африки, интеллектуалы Старого Света испытывали немалый интерес к любым компетентным репортажам, позволявшим им получить представление о географии и истории отдаленных регионов. Меховию удалось удовлетворить эти потребности лишь частично. Трактат был написан в спешке, его автор далеко не всегда заботился о верификации используемого материала, в связи с чем сочинение содержало ряд ошибок и противоречивых умозаключений. Источниками трактата Меховия были анналы Длugoша, труды античных писателей, а также свидетельства современников – купцов и дипломатов, совершавших путешествия по землям Восточной Европы, и пленных, захваченных в войнах с московским государством и татарами. В то же время Меховий (в чем заключается его принципиальное отличие от Длugoша и прочих средневековых авторов) при написании своего труда занял позицию критического наблюдателя.

Первая краковская публикация «Трактата о двух Сарматиях» 1517 г. представляла собой небольшую брошюру объемом в 67 страниц, изданную в формате $\frac{1}{4}$ folio. Текст сочинения был разделен на книги, трактаты и главы (капитулы).

Первая книга включала описание азиатской части Сарматии, а также этногенетические гипотезы автора и состояла из трех трактатов. В первом и третьем трактатах уделяется особое внимание татарскому народу – его происхождению, истории завоеваний европейских стран и отношений государственных образований татар с христианскими государствами, а также их религии и культуре. Меховий первым из европейских авторов дифференцирует татарскую этническую общность и дает характеристику племенам перекопских, казанских и ногайских татар. Он указывает на родство татар и турков и, в связи с этим, кратко описывает историю могущественной Турецкой империи.

Во втором трактате первой книги содержится очерк истории народов, некогда населявших Сарматию – готов, аланов, вандалов, свевов, а также предпринимается попытка объяснения происхождения славян (главным образом чехов и поляков). Для изучения данного вопроса автором «Трактата о двух Сарматиях» были привлечены труды Иосифа Флавия, Птолемея, Плиния, Светония и Тацита, реляции которых польский ученый дополнил собственными умозаключениями. Именно эти разделы сочинения более всего уязвимы для критики, поскольку Меховию не удалось рассмотреть этот вопрос концептуально, то есть последовательно изложить и систематизировать имевшиеся в его распоряжении свидетельства древних писателей на основе определенного критерия. В результате, вместо цельной картины ранней этнической истории региона здесь мы обнаруживаем мало связанные друг с другом суждения и догадки, способные запутать даже искушенного читателя.

Вторая книга состоит из двух трактатов и содержит сведения о географическом положении и истории земель европейской Сарматии, к которой помимо Польши отнесены Русь, Литва, Московия, а также земли, «захваченные князем московским» (*ducem Moskovie subiugatis*) – Скифия, Пермь, Башкирия, Югра и Карелия. В отличие от первой книги, здесь сведения по географии региона преобладают над историческими экскурсами. Исторически Русь соотносится Меховием с ареалом древней Роксолании (*Russia, olim Roxolania*), известной по сочинениям античных и средневековых писателей. Территория Руси ограничивается «рекой Танаис» (Дон), «Меотским озером» (Азовское море) и Крымом на востоке, Карпатами и Днестром на юге, польскими землями на западе и литовскими – на севере. Весьма подробно польский ученый описывает природные богатства Руси, а также особенности православного религиозного обряда.

Второй трактат второй книги полностью посвящается «Московии». Исторического очерка здесь также нет. Акцент при описании владений московского князя сделан на обширности территорий, особенностях ландшафта и речной системы, разнообразии и этническом составе населения. Приведены также подробные описания городов, государственного устройства и военной организации московского государства.

«Трактат о двух Сарматиях» получил широкую известность в странах Европы благодаря многочисленным переизданиям⁸, а также переводам на немецкий, итальянский и польский языки⁹. Это сделало труд Меховия важнейшим и на долгое время единственным источником информации о восточных регионах Европы. Подобная безальтернативность во многом способствовала формированию культурно-исторического стереотипа Сарматии, который на протяжении столетий сказывался на характере восприятия Польши и России общественным мнением стран Европы.

Что не менее важно, Меховию удалось не только проинформировать европейских интеллектуалов о положении этого региона, но и сделать это с выгодных его стране идеологических позиций: Польша и союзная ей Литва были представлены как очаг цивилизации на востоке Европы. Тем самым в глазах европейцев оправдывалось расширение их территории путем присоединения «варварских» земель, а также обосновывалась необходимость проведения войн с татарами и московским государством.

«Польская хроника», второе латиноязычное историческое сочинение Меховия, с содержательной точки зрения не было оригинальным и представляло собой выборочную компиляцию анналов Длугоша. Тем не менее, культурно-просветительское значение этого труда трудно переоценить, так как «Польская хроника» стала первой печатной книгой, посвященной национальной истории Польши. Важно отметить и то обстоятельство, что в данном сочинении Меховием были применены ренессансные подходы к описанию прошлого. По мнению польской исследовательницы А. Джюбы, именно он первым из польских историков «скрупулезно следовал принципам научной историографии, ... пошел дальше своих средневековых предшественников, критикуя в своей

⁸ В Польше латинская версия «Трактата о двух Сарматиях» была опубликована дважды – в 1517 г. под оригинальным названием и 1521 г. под титулом «*Descriptio Sarmatarum Asiae et Europaeae et eorum que in eis continent [...]*» Она публиковалась также в Вене (1519), трижды в Базеле под титулом «*De Sarmatia Asiana atque Europa*» в составе различных сборников историко-географических сочинений – в 1532, 1537 и 1582 гг. В 1600 г. фрагмент латинского текста трактата Меховия, посвященный Московии, был напечатан во Франкфурте-на-Майне в составе сборника «*Regum Moscoviticarum Auctores varii [...]*».

⁹ В 1518 г. в Аугсбурге был опубликован перевод трактата Меховия на немецкий язык, сделанный швейцарским гуманистом Валентином Эком, в 1535 г. – польский перевод Анжея Глабра из Кобылина. Трижды был опубликован в рамках отдельных изданий итальянский перевод трактата Меховия, автором которого был Аннибал Маджи. Под титулом «*Historia delle due Sarmatie*» он был опубликован в 1561 г. венецианским издателем Габриелем Джолитти. В 1562 и 1584 гг. в той же типографии был переиздан текст итальянского перевода этого сочинения. В XX в. были подготовлены современные переводы «Трактата о двух Сарматиях» на русский (С. А. Аннинского) и польский (Т. Беньковского) языки.

хронике часть цитируемых источников и обращаясь к собственному опыту и наблюдениям»¹⁰.

Хроника Меховия была дважды опубликована в Кракове в 1519 и 1521 гг., а в 1582 г. переиздана в Базеле в сборнике трудов польских историков «*Polonicae historiae corpus*». Первое краковское издание подверглось цензурному запрету и его тираж был конфискован. Второе издание 1521 г. отличалось от первого незначительными изменениями, которые были внесены в заключительные главы, посвященные эпохе правления королей Яна Ольбрахта и Александра. Публикация хроники представляла собой солидный фолиант общим объемом в 392 страницы и содержала гравюры с изображениями польских королей. Текст сочинения разделен автором на четыре книги, каждая из которых в свою очередь подразделялась на главы.

1-я книга посвящена древнейшему периоду польской истории. Здесь Меховий представляет эпонимическую легенду о взаимоотношениях прародителей славянских народов Леха и Чеха, пересказывает позаимствованную у средневековых польских историков мифологическую версию возникновения династии Пястов, описывает правление польских языческих князей, а также уделяет внимание истории соседних народов и их взаимоотношениям с поляками. В первой книге представлено описание географии Польши и сопредельных стран. Некоторые сведения, касающиеся ранней этно-культурной истории региона, приводятся со ссылкой на мнения авторитетных ученых-писателей древности и современной Меховию эпохи – Птолемея, Светония, Евтропия, Флавия Вописка, Павла Диакона, Исидора, Блонда и других. В то же время автор «Польской хроники» не указывает источника информации в главах, посвященных ранней этнической истории славян, в том числе поляков. Между тем, есть все основания полагать, что таким источником мог быть только текст анналов Длугоша, значительно сокращенный и переработанный Меховием.

2-я книга «Польской хроники» охватывает период от эпохи правления первого польского христианского князя Мешко до года смерти короля Болеслава II в 1139 г. Наряду с описанием событий, происходивших в Польше, здесь уделено значительное внимание событиям на Руси, а также русско-польским отношениям в XI и XII вв. В этом разделе хроники заимствование сведений у Длугоша уже не может вызвать никаких сомнений. Меховий воспроизводит некоторые фрагменты, практически не изменяя текста своего предшественника, однако по-прежнему не ссылается на его работу. Заимствование проявляется и на уровне структуры текста хроники – вторая книга сочинения Меховия заканчивается описанием тех же самых событий, что и четвертая книга в анналах Длугоша.

¹⁰ *Dziuba A. Proza historyczno-naukowa Macieja z Miechowa (1457–1523) // Łacińska proza naukowa. Gniezno. 2001. S. 196.*

3-я книга также является выборочной компиляцией сочинения Длугоша (строго соответствует 5, 6 и 7-й книгам его анналов). Здесь освещен период с 1140 по 1294 г.

4-я книга занимает почти половину хроники. Она посвящена истории Польши в XIV и XV вв. Лишь заключительные главы 4-й книги (от 69 до 85), в которых описаны события последних трех десятилетий XV в. и первых лет XVI в. (до 1506 г.), являются результатом самостоятельной работы Меховия с источниками, поскольку этот период не был описан в анналах Длугоша.

Одновременно с «Польской хроникой» Меховия в 1521 г. в Кракове было опубликовано еще одно латиноязычное описание польской истории, автором которого был секретарь польского короля Сигизмунда I Иодокус Людвик Деций (Jodocus Ludovicus Decius; Dietz; 1485–1545). Деций был сыном бургомистра эльзасского городка Виссембурга. Он не имел университетского образования, много путешествовал, занимался торговлей и финансами. В Польше Деций преуспел как администратор – сначала поступил на службу к польскому магнату Яну Бонеру, а в 1520 г. занял должность королевского секретаря. Можно предполагать, что написание исторического сочинения было одним из первых поручений Сигизмунда I, однако прямых подтверждений тому нет и исследователи более склонны считать этот труд «частной историографической инициативой» его автора¹¹.

Хроника Деция, в отличие от труда Меховия, представляла собой краткое сочинение (в формате folio она насчитывала лишь 119 страниц) и состояла из трех книг, каждая из которых имела свой титул и была посвящена описанию определенного периода польской истории (общего названия хроника не имела). Обращают на себя внимание литературные достоинства сочинения Деция – оно написано на превосходной гуманистической латыни и стилем изложения выгодно отличалось от трудов польских историков.

1-я книга «О древностях поляков» (*De vetustatibus Polonorum*) содержала описание польской истории с древнейших времен до момента прихода к власти ягеллонской династии. Изложенные здесь исторические сведения не отличаются содержательной новизной, однако интерпретации автора заслуживают внимания, поскольку дают возможность выявить особенности восприятия польской истории с позиции внешнего наблюдателя. Наиболее интересны в этой связи самые первые разделы «*De vetustatibus Polonorum*», в которых Деций описывает раннюю этническую историю славян, дополняя тем самым этногенетические концепции Длугоша и Меховия собственной гипотезой, учитывающей достижения ренессансной исторической мысли Германии.

Во 2-й книге своей хроники «О династии Ягеллонов» (*De Jagellonum familia*) Деций на основе имевшихся в его распоряжении польских

¹¹ *Grabski A. F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000. S. 33.*

хроник кратко описывает правление первых королей ягеллонской династии – Владислава, Казимира, Яна Ольбрахта и Александра. 3-я книга «О временах правления Сигизмунда» (*De Sigismundi regis temporibus*) посвящена характеристике современной ситуации в Польше (до 1516 г.). Здесь польский король, на службе у которого состоял Деций, представлен как образец идеального ренессансного монарха.

Появление первых печатных латинских исторических хроник значительно усилило роль историографии в сфере государственной политики и пропаганды. Несмотря на то, что первые польские исторические сочинения были написаны пусть и при поддержке властей, но тем не менее по частной инициативе, высшие государственные деятели Польши постепенно пришли к выводу о необходимости создания «официальной» концепции национальной истории. Для реализации этого замысла в 1522 г. была учреждена должность королевского историографа, которую занял один из самых авторитетных польских ученых того времени Бернард Ваповский (*Bernard Wapowski; Vapovius; 1450–1535*).

Этот интеллектуал был хорошо известен не только в Польше, но и в гуманистических кругах Европы. Ваповский получил высшее юридическое образование и степень доктора канонического права в Болонском университете. Однако наибольших успехов он добился как картограф и историк. В начале XVI в. в Риме Ваповский принял участие в подготовке к публикации картографических материалов, содержащихся в «Руководстве по географии» Клавдия Птолемея, скорректировал их с учетом современной топографической номенклатуры. В 1526 г. в Кракове Ваповский опубликовал две географические карты Польши, послужившие ценнейшим дополнением к сочинениям Длугоша, Меховия и Деция.

В последние годы жизни по заказу властей Ваповский написал историческую хронику. Работа над ней была закончена к 1535 г., однако внезапная смерть автора помешала осуществить публикацию. Еще в XVI в. часть рукописи этого произведения, содержащая описание доягеллонского периода польской истории, исчезла при загадочных обстоятельствах¹². До наших дней сохранилась лишь заключительная часть этого сочинения (описание ягеллонской эпохи).

Хроника Ваповского была написана в гуманистическом духе, в лучших традициях ренессансной риторической историографии. Однако «заказной» характер этого сочинения значительно снижает его научную ценность. Ваповский восхваляет политику польских королей, находится под влиянием идеологических концепций того времени, в своих оценках необъективен и интерпретирует исторические события односторонне, исключительно с «патриотической» точки зрения. Эта конъюнктурная концепция польской

¹² Подробнее об этом см.: *Grygel S. Proba rekonstrukcji zaginionej części Kroniki Bernarda Wapowskiego // Studia Źródłoznawcze. 1964. T. 9. S. 106–115.*

истории стала одним из первых прямых обоснований с помощью исторических примеров актуальных политических задач, положила начало созданию в Польше национальной исторической мифологии.

С середины XVI столетия латинская историография утрачивает монопольное положение в Польше, поскольку начинается активное развитие польскоязычной историографии. В условиях обострившейся конкуренции с польскоязычной исторической литературой латиноязычная историография выгодно отличалась как более высоким интеллектуальным уровнем изложения материала, так и техническим совершенством в написании исторических произведений. Вместе с тем, появление польскоязычных исторических трудов во многом трансформировало латиноязычную историографию, заставило польских историков, писавших на латыни, обратиться к поиску новой интеллектуальной ниши и специфицировать читательскую аудиторию своих произведений.

С этой задачей блестяще справился выдающийся польский историк Мартин Кромер (Martin Cromer; 1512–1589), которому удалось создать исторический труд, полностью соответствующий европейским стандартам гуманистической историографии, и тем самым поддержать престиж польской исторической школы за рубежом.

Кромер получил высшее образование в университетах Кракова, Падуи и Болоньи, где изучал право и гуманитарные науки, а также приобрел опыт административной работы, занимая должности секретаря в канцелярии гнезнинского архиепископа Петра Гамрата и при дворе короля Сигизмунда Августа. Выполняя многочисленные дипломатические поручения польского монарха, Кромер приобрел известность в высших политических кругах многих стран Европы. Вторая половина его жизни была посвящена церковной службе в должности каноника в Кракове и Олыштыне. Венцом карьеры Кромера становится его назначение в 1579 г. на престижную должность варминьского епископа.

Главным достижением Кромера в области историографии было написание трактата «О происхождении и деяниях поляков в тридцати книгах» (*De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*). Этот труд был впервые опубликован в Базеле в 1555 г.¹³, впоследствии трижды корректировался автором и переиздавался на латыни в 1558¹⁴, 1568¹⁵ и 1589¹⁶ гг., а также был переведен на немецкий (1562) и польский (1611) языки. Интерес к этому произведению был велик настолько, что широкое

¹³ *Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* [...]. Basilea, MDLV.

¹⁴ *Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Recogniti ab autore* [...]. Basilea, 1558.

¹⁵ *Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti* [...]. Basilea, 1568.

¹⁶ *Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia, sive De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* [...]. Colonia Agrippina, M.D.LXXXIX.

распространение получили сделанные на его основе сокращенные описания польской истории, среди которых выделяются латиноязычный компендиум Яна Хербурта (*Chronica sive Historiae Polonicae*, 1571) и польскоязычное сочинение Павла Демитровича (*Compendium abo Krotkie opisanie ...z Kroniki Marcina Kromera*, 1625).

Труд Кромера представлял собой солидное по объему произведение – первое издание в формате folio насчитывало более 700 страниц. Текст сочинения был разделен на 30 книг. Первой книге предшествовал список историков, труды которых цитируются Кромером (*autores in hoc opere citati*), что было совершенно новым явлением для польской исторической литературы того времени. Список первой редакции трактата включал 50 имен и два неперсонализированных источника – русские и литовские анналы, тогда как в редакции 1589 г. фигурировали уже 58 источников. Примечательно, что наряду с иностранными авторами разного времени Кромер упомянул лишь тех польских историков, которые писали по латыни, в том числе «монаха Галла» (ныне известен как Галл Аноним – автор первой польской средневековой хроники), «польского анонима» (*Anonymos Polonos* – неизвестный автор так называемой «великопольской хроники» конца XIII в.), Винцентия Кадлубка (автор исторической хроники, созданной на рубеже XII и XIII вв.), а также представленных нами выше Длугоша, Деция, Меховия и Ваповского. При этом была проигнорирована польскоязычная хроника М. Бельского, а также зарубежные источники, опубликованные на национальных языках.

Структура сочинения Кромера оставалась неизменной во всех четырех редакциях. Корректировались лишь отдельные его разделы, причем чаще всего – первая книга, в которой автор, подобно своим предшественникам, предпринимает попытку решить вопрос происхождения народов Восточной Европы и описывает их взаимоотношения на ранних стадиях этногенеза. В последующих книгах изменения были не столь значительны. Здесь, на основе трудов польских историков, последовательно излагалась история Польши, а также Руси, Литвы, Венгрии и Пруссии (во фрагментах, посвященных международным отношениям). Трактат дополнен описанием современной Кромеру эпохи, являвшимся отдельным сочинением, написанным еще в 1548 г., где излагалась история правления Сигизмунда I в форме «речи» на похоронах этого монарха (*Oratio in funere ... Sigismundi*).

Сочинение Кромера получило самые позитивные отзывы в Польше и европейских странах. Автор был удостоен похвалы со стороны польского Сената, выдающиеся ученые того времени как в личной переписке с ним, так и в своих произведениях подчеркивали достоинства стиля и содержания его трактата, который на многие десятилетия стал образцом

латинской научной литературы, а также способствовал популяризации истории Польши за рубежом¹⁷.

Одной из причин усиления интереса европейцев к истории Польши во второй половине XVI в. становится рост могущества польского государства и его влияния на международной арене, чему в немалой степени способствовали успехи польской короны в Ливонской войне и создание Речи Посполитой – огромного по европейскими меркам государства, объединившего польские и литовские земли. В связи с этим велика была потребность в новых ученых трудах, описывающих историю и современное состояние не только Польши, но и других стран на востоке европейского континента, способных заменить уже изрядно устаревшие сочинения первой половины XVI столетия, к которым относился «Трактат о двух Сарматиях» Меховия.

Автором сочинения, удовлетворившего такого рода потребности, был натурализовавшийся в Польше итальянец Александр Гваньини (Alexander Guagninus; 1534–1614), который в составе польской армии принял участие в Ливонской войне и в течение восемнадцати лет командовал гарнизоном приграничной витебской крепости. Эти обстоятельства позволили Гваньини не только получить представление о польско-литовском государстве, но и собрать немало ценных сведений о Руси, Московии, Пруссии и других восточноевропейских землях.

В 1578 г. в Кракове Гваньини опубликовал ученый трактат «Описание Европейской Сарматии» (*Sarmatiae Europaeae Descriptio*), который впоследствии неоднократно переиздавался, а также (полностью или частично) был переведен на немецкий, итальянский, польский и чешский языки. Авторские права на это произведение оспаривались польским историком Мачеем Стрыйковским (Maciej Strykowski), который также служил в Витебске и был подчиненным Гваньини. Стрыйковский обвинял своего командира в краже принадлежавшей ему рукописи «Описание Европейской Сарматии», однако факт плагиата не был достоверно доказан, в связи с чем проблема авторства этого сочинения и по сей день вызывает споры исследователей¹⁸.

Трактат Гваньини был небольшим по объему произведением (первое издание в формате folio насчитывало около 200 страниц), но при этом имел сложную структуру: состоял из этногеографического описания древней Сарматии, «компендиума» польской хроники с несколькими приложениями, географического описания польских земель, описания истории и географического положения Литвы, описания провинций Пруссии и Ливонии, а также описания земель, принадлежащих Москве и Татарии.

¹⁷ *Barycz H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego ...* S. 92–102.

¹⁸ Подробнее о проблеме предполагаемого плагиата Гваньини и ее оценках в современной историографии см.: *Карнаухов Д. В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII вв.* Новосибирск, 2009. С. 170–171, 186–192.

В разделах, посвященных Польше и Литве, содержались исторические очерки в виде жизнеописаний королей и князей. Прочие регионы представлены лишь в их современном состоянии – автор трактата описывает города, местности, природные условия, этнический состав населения, а также политическое устройство. Гваньини уделяет особое внимание Пруссии, Ливонии и Московии, во многом потому, что эти страны оказались в сфере интересов Речи Посполитой в ходе Ливонской войны – либо были включены в ее состав, либо рассматривались в качестве неприятелей.

Предпринятый обзор развития польской латиноязычной ренессансной историографии позволяет сделать ряд выводов о значении этого элемента национальной интеллектуальной культуры.

Историческая мысль Польши во многом благодаря использованию латинского языка и единых подходов к изучению прошлого стала неотъемлемой частью общеевропейской историографии. С одной стороны, это позволяло польским интеллектуалам напрямую, без посредничества переводчиков, использовать в своей работе труды античных и средневековых авторов, а также выдающихся мыслителей современной им эпохи. С другой стороны, историографическая деятельность польских историков подвергалась строгой оценке и нередко заслуженно критиковалась зарубежными коллегами, что в немалой степени способствовало корректировке методологии изучения прошлого, самосовершенствованию польских авторов и служило стимулом для профессионального роста, повышения качества исторических сочинений и технического мастерства при их написании.

В то же время использование латинского языка при создании исторических хроник и ученых трактатов в эпоху Возрождения принесло пользу не только Польше, но также позволило расширить представления европейцев о Восточной Европе. Благодаря таким знаниям именно в эпоху Возрождения, вследствие интенсификации информационного обмена, вызванного распространением книгопечатания, сложились ключевые устойчивые комплексы восприятия истории и культуры стран и народов этого региона. Польским интеллектуалам удалось блестяще воспользоваться возможностями этой информационной революции и представить европейскому читателю сведения о своей стране и ее отношениях с восточноевропейскими государствами и народами в выгодном свете.

* * *

Исторические сочинения, публиковавшиеся на польском языке, в период расцвета ренессансной интеллектуальной культуры, мы можем условно разделить на две основные группы: с одной стороны, выделяются издания переводов латиноязычных исторических сочинений, с другой –

оригинальные исторические труды, изначально создававшиеся на национальном языке.

Практика переводов исторических сочинений с латыни на польский язык не получила широкого распространения. Лишь два латиноязычных произведения польских историков XVI в. были опубликованы в переводе – упоминавшиеся нами выше «Трактат о двух Сарматиях» Меховия¹⁹ и хроника Кромера²⁰. Следует так же упомянуть о попытке перевести на польский язык «Польскую хронику» Меховия, которая была предпринята Станиславом Хвальчевским. Однако перевод Хвальчевского был сделан лишь с отдельных фрагментов хроники и при жизни переводчика не был опубликован²¹.

Особого внимания исследователей заслуживает публикация польскоязычной версии сочинения Гваньини – «Хроника Европейской Сарматии» (*Kronika Sarmacye Europarskiej*) в 1611 г. краковским издателем Миколаем Лёбом. На титульном листе использовавшегося нами экземпляра этого сочинения из собрания «Кабинета старопечатных книг» Библиотеки Варшавского университета (*Gabinet starych druków BUW*) содержится указание на то, что данное сочинение было в 1578 г. издано автором на латыни, а в состав польскоязычного издания включены новые разделы, которых в латинской редакции этого труда не было. Таким образом, польская редакция описания Европейской Сарматии была значительно полнее латинской и лишь частично может быть признана переводом, а большей частью – пространной компиляцией, включавшей наряду с материалами «Описания Европейской Сарматии», также фрагменты польскоязычных сочинений современников Гваньини – Мачея Стрыйковского, а также Марчина и Иоахима Бельских.

Что любопытно, на титульном листе экземпляра из университетского собрания вовсе не упоминается автор перевода сочинения Гваньини на польский язык Марчин Пашковский (*Marcin Paszkowski*). Такую особенность мы можем признать дефектом титульного листа, на который в свое время обратил внимание польский библиограф К. Эстрайхер, сравнивший несколько сохранившихся до наших дней экземпляров краковского издания хроники Гваньини, титульный лист которых содержал указание на то, что она была «переложена» Пашковским с латинского

¹⁹ Польский перевод трактата Меховия, осуществленный Анжеем Глабром из Кобылина, впервые был опубликован под титулом «Polskie wypisanie dwoiey krainy świata: która po łacinie Sarmatią [...]» в 1535 г., и в дальнейшем был переиздан дважды – в 1541 (это издание не сохранилось до наших дней) и 1545 гг.

²⁰ *Kromer M. O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach koronnych polskich: ksiąg XXX przez Marcina Błazowskiego na polski język przetłumaczone [...].* Kraków, 1611.

²¹ *Kronika Polska Stanisława Chwalczewskiego.* Warszawa, 1829.

на польский язык «стараниями автора» (przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Autorowym z Łacińskiego na Polskie przelożona)²².

Первым оригинальным (непереводным) польскоязычным историческим трудом, удостоенным публикации, становится «Хроника всего света» Марчина Бельского (Marcin Bielski, 1495–1575), которая издавалась трижды – в 1551²³, 1554²⁴ и 1564²⁵ гг. Структура и содержание этого сочинения изменялись автором от издания к изданию.

В тексте первой редакции 1551 г. формально не выделялись книги или главы – материал был разделен по хронологическому либо территориально-географическому принципу, а также специфицировался тематическими заголовками и выносными глоссами. Вводная часть хроники включала космографию, далее следовал очерк всемирной истории, а также самостоятельные хроники Венгрии, Чехии и Польши.

Космография, «то есть разделение земли согласно степеням и иным знакам в небесных сферах», представляла собой описание трех «частей света» – Азии, Африки и Европы. Очерк «истории мира» был разделен Бельским на шесть «веков» и четыре монархии в соответствии с широко распространенными в его время представлениями о цивилизационном развитии человечества и представлял собой совокупность выстроенных в хронологическом порядке характеристик ключевых событий из истории государств Востока и Запада в древности и средневековье, христианства и магометанства, включал обзор истории папства, а также разные по объему рассказы, посвященные отдельным странам и населявшим их народам. В частности, Бельский уделил внимание французам, евреям, готам, вандалам, булгарам, итальянцам, немцам, испанцам, татарам и туркам. Венгерская и чешская хроники по объему значительно превосходили очерки истории вышеупомянутых народов, но уступали описанию польской истории, которое занимает почти половину текста первой редакции «Хроники всего света».

Текст второй редакции разделен Бельским на четыре книги, а те, в свою очередь – на разделы. 1-я книга, состоявшая из 43 разделов, посвящена дохристианской эпохе, здесь описываются первые пять «веков» истории человечества. 2-я книга состоит из 20 разделов и включает очерки истории христианских и магометанских государств – от Древнего Рима до Османской империи. В состав 3-й книги Бельский включил Космографию, перенесенную из вводного раздела первой редакции хроники, которая была дополнена описаниями венгерской, чешской и польской истории, а также некоторыми новыми главами. В первых двух книгах текст первой редакции

²² *Estreicher K.* Bibliografia Polska. T.17. Kraków, 1899. S. 481.

²³ *Bielski M.* Kronika wszytkego świata na sześć wieków, Monarchie cztery rozdzielona [...]. Kraków, 1551.

²⁴ *Bielski M.* Kronika Wssythyego swyata na ssec wieków a na czwory księgi także Monarchie rozdzielona [...]. Kraków, 1554.

²⁵ *Bielski M.* Kronika, to jest Historyja świata na sześć wieków i na cztery Monarchie rozdzielona [...]. Kraków, 1564.

несколько дополнен, но в целом сохраняется ориентация на содержание первого издания. Совершенно новый материал мы находим лишь в четвертой книге, посвященной великим географическим открытиям – плаванию Христофора Колумба и других первооткрывателей заморских территорий.

Третья редакция «Хроники всего света» по сравнению с первыми двумя редакциями была значительно дополнена новым материалом, причем изменения осуществлялись как за счет добавления новых массивов информации, так и за счет переработки ранее написанных разделов. Число книг было увеличено с четырех (во второй редакции) до десяти. Первые две книги были сохранены в неизменном виде. Большая часть материала была разделена на книги не по хронологическому, а по географическому принципу – отдельные книги были посвящены истории Турции, Венгрии, Чехии, Польши, «московского или русского народа, согласно описанию Зыгмунта Херберштына», а также Реформации. В рамках отдельной книги излагался географический очерк – Космография. В заключительную десятую книгу хроники были включены фрагменты различной тематики – рассказы «об островах морских вновь открытых, которые могут быть названы новым светом», большая часть которых была перенесена из второго издания хроники, а также очерки «О евреях», «О рае», «Об аде» и «О воскресении и судном дне».

Культурное значение «Хроники всего света» состояло прежде всего в том, что именно через посредничество этого сочинения широкие круги просвещенной публики не только Польского королевства, но и сопредельных с Польшей стран, в которых был широко распространен польский язык, имели возможность познакомиться с многовековым опытом цивилизационного развития человечества. Не случайно, что именно эта книга становится одним из первых исторических сочинений, переведенных на русский язык уже во второй половине XVI в.

Наряду с Марчином Бельским польский язык для написания своего исторического сочинения использовал также Мачей Стрыковский (Maciej Strykowski, 1547–1590). Его писательский талант раскрылся при написании цикла стихов и очерков исторической тематики. Наибольший интерес из них для нас представляет стихотворная историческая повесть «Посланик добродетели», опубликованная в Кракове в 1574 г. Это сочинение содержало рифмованный очерк истории Литвы и истории литовско-русских отношений, при составлении которого использовались летописные памятники восточнославянского происхождения²⁶.

²⁶ Это сочинение Стрыковского с незначительными изменениями было переиздано в 1626 г. под титулом «Genealogia albo krótkie opisanie Wielkich Książąt Litewskich i ich wielkich a miężnych spraw wojennych» Самуэлем Довгирдом из Поровя (современное репр. переиздание: Poznań, 2004), а в 1846 г. было опубликовано в оригинальном варианте 1574 г. М. Малиновским (См.: *Goniec Cnothy do prawdziwych słachciców, przez Matysa Strykowiusa uczyniony* [...] // *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego*. Wydanie nowe [...]. T. II. Warszawa, 1846. S. 467–557.

Во второй половине 1570-х гг., в разгар Ливонской войны, Стрыйковский приступает к работе над исторической хроникой, которая была опубликована в 1582 г. в Крулевце (Кёнигсберге) под титулом «Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси» (*Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi*)²⁷. В рукописи сохранился еще один исторический труд Стрыйковского – стихотворная историческая повесть «О началах, происхождении, доблестях рыцарских и гражданских деяниях славного народа литовского, жемоидского и русского» (*O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego*)²⁸. В научной литературе нет единого мнения относительно происхождения и взаимной связи этих двух сочинений Стрыйковского. Тогда как А. И. Рогов называет повесть «рукописным экземпляром» хроники Стрыйковского²⁹, польская исследовательница Ю. Раджишевска полагает, что ряд содержательных и композиционных отличий дает основание трактовать повесть как самостоятельное произведение, которое в равной степени может быть адресовано историкам литературы, историографам как образец романа в стихах, написанного по мотивам реальных исторических событий³⁰.

Уже сами названия сочинений Стрыйковского указывали на стремление его автора отразить историю многонационального восточноевропейского региона, что в определенной степени контрастировало с господствующей в его время «полоноцентрической» тенденцией в развитии польской историографии.

Наиболее содержательным историческим сочинением Стрыйковского была хроника, которая представляла собой солидный по объему труд – будучи опубликованной в формате folio, она насчитывала порядка 800 страниц и была разделена автором на 25 книг, каждая из которых посвящалась описанию конкретной этнополитической общности Восточной Европы на том или ином этапе развития.

По сложившейся традиции, 1-я книга была посвящена описанию древнейшей истории человечества – здесь представлены сведения о генеалогии потомков ветхозаветного Ноя, которым приписывалось основание собственных народов и государств. Сведения, позаимствованные

²⁷ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi* [...]. Królewiec, 1582.

²⁸ *Strykowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego [...] / oprac. i koment. J. Radziszewska. Warszawa, 1978.

²⁹ *Pogow A. I.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 28.

³⁰ *Radziszewska J.* Maciej Strykowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978. S. 56.

из парабиблейских источников³¹, Стрыйковский дополнил данными античных писателей и собственными выводами, основанными преимущественно на спекулятивном этимологизировании, поиске аналогий в названиях древних и современных народов и населенных ими местностей.

В последующих книгах сочинения Стрыйковского представлено описание соседей Польши по региону – литовцев, восточных славян, пруссов, жмуди, лифляндцев и других народов. Более всего внимания уделено Литве и Руси. Очерк русской истории, до момента поглощения русских княжеств Литвой занимает три книги хроники – 4-ю, 5-ю и частично 6-ю – которые позволяют получить представление о начальной этнополитической истории русских земель и взаимоотношениях русских княжеств с Польшей и другими соседними государствами. Московскому государству отдельного раздела хроники не посвящено, информация о нем представлена в нескольких книгах, начиная с 21-й, в которых описывались события XV и XVI вв.

Следует отметить, что именно хроника Стрыйковского становится наиболее полным источником сведений об истории стран Восточной Европы, наряду с «Хроникой всего света» Бельского она получила широкую известность в среде восточнославянских книжников, использовалась ими в качестве компендиума знаний в области истории взаимоотношений Польши с народами, вошедшими в состав многонациональной Речи Посполитой.

Хроника Стрыйковского послужила одним из главных источников при создании «Польской хроники» Иоахима Бельского (Joachim Bielski, 1550–1599), которая была опубликована в 1597 г. и позиционировалась в качестве расширенной версии очерка истории Польши, который был представлен в составе «Хроники всего света» Марчина Бельского. «Польская хроника» представляла собой фолиант объемом 804 страницы и была разделена на шесть книг, которые в свою очередь состояли из глав, посвященных периоду правления тех или иных польских монархов. Изложение было доведено до эпохи правления польского короля Стефана Батория³².

Таким образом, три упомянутые нами оригинальные (непереводные) исторические книги – описание всеобщей истории Марчина Бельского, описание региональной истории Стрыйковского и, наконец, описание национальной истории Польши Иоахима Бельского – составили тот «культурный минимум» исторических знаний, который позволил просвещенной публике ренессансной Польши на национальном языке получить представление об эволюции цивилизации в целом, соседних странах и народах, а также истории своего собственного народа, создало фундамент польской учености, открыло путь для развития исторических знаний нового типа, востребованных в период бурного развития наук в последующие эпохи.

³¹ Подробнее об этом виде источников во 2-й главе данной книги.

³² Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna jego wydana [...]. Kraków, 1597.

Г Л А В А 2

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОЛЬСКИХ ХРОНИСТОВ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Переход от отрывочных и крайне скудных представлений о славянском востоке, характерных для средневековой польской хронографии, к созданию полноценных концепций истории «русских народов», представленных в сочинениях польских историков эпохи Возрождения, был бы невозможен без проведения огромной работы по сбору и обобщению «русских» известий в источниках различного происхождения.

Наряду с польскими источниками, содержащими свидетельства о русских землях, использованием которых, как правило, ограничивались средневековые польские историки, их последователи – авторы исторических сочинений Ренессанса – привлекли новые источники, позволявшие не только подробно описать историческое развитие средневековой Руси, но и доказать древность происхождения ее народа. Решение этой задачи обусловило использование помимо польских средневековых хроник, восточнославянских летописей и источников зарубежного происхождения, также памятников библейского и парабиблейского происхождения, трудов писателей античности и средневековья, посредством обращения к которым реконструировалась генеалогия современных восточных славян.

В настоящей главе мы предпримем обзор использовавшихся польскими ренессансными авторами источников, послуживших основой для формирования их представлений об истории Руси. Помимо общей характеристики каждой группы таких источников наш обзор предполагает также анализ опыта их исследования в историографии. Прежде всего такой анализ необходим в случаях неоднозначного отношения исследователей к определению источников «русских» известий польских авторов интересующей нас эпохи.

2. 1. (Пара)библейская литературная традиция и труды авторов античности и раннего средневековья

Использование польскими ренессансными авторами для освещения истории Руси и Московии текстов Св. Писания и памятников античной литературы главным образом было вызвано их стремлением связать современные восточнославянские народы с прославленными народами древности и тем самым значительно расширить хронологические рамки их истории. Ссылки на труды авторитетных античных писателей, как правило, мы находим в вводных разделах хроник польских авторов, где излагаются этногенетические гипотезы, а также высказываются предположения о происхождении различных форм номинации восточных славян. Польские ренессансные историки в своих сочинениях обычно не

только приводят названия своих источников и/или имена конкретных авторов, высказывавшихся о происхождении народа Руси и его номинации, но также нередко ссылаются на конкретные разделы (книги или главы) используемых трудов с тем, чтобы сделать свою аргументацию отстаиваемых тезисов еще более убедительной, либо опровергнуть казавшиеся им ложными представления о древностях восточных славян, обнаруженные в сочинениях современников. При этом следует отметить, что из текстов Св. Писания и сочинений древних авторов польские ренессансные авторы заимствовали лишь отдельные известия, тогда как сами этнонимические и этногенетические концепции были их авторскими гипотезами.

В числе библейских и парабиблейских источников для польских ренессансных авторов, пытавшихся реконструировать прошлое «русских народов», наибольший интерес представляли книги Ветхого Завета, содержавшие описание родословия библейских героев, а также сочинения их толкователей и «продолжателей» разного времени – Иосифа Флавия³³, Бероса³⁴, Евсевия Кесарийского³⁵, Симмаха³⁶, св. Иеронима³⁷, Исидора Севильского³⁸, Теодора «Библиандра»³⁹ и др. К этим источникам апеллировали Кромер и Стрыйковский, которые предприняли попытку включить восточных славян в библейскую генеалогию народов, а также обосновать «библейское» происхождение их номинации. Чаще всего эти авторы апеллировали к различным разделам Книги Бытия, а также 38 и 39-й главам Книги пророка Иезекииля, в частности при попытках обосновать гипотезу о происхождении названия народа «Руссов» от имени «князя Роса», упоминающегося в Библии, а также основывались на упомянутых выше парабиблейских сочинениях (главным образом трудах Флавия и Бероса), представляя развернутые гипотезы происхож-

³³ *Иосиф Флавий* (Josephus Flavius) – древнееврейский историк I в., автор нескольких сочинений, в числе которых выделяются два труда – «Иудейская война» и «Иудейские древности».

³⁴ Речь идет о так называемой хронике Псевдо-Бероса, содержавшей описание древнейшей истории человечества. Это не сохранившееся до наших дней сочинение, приписывавшееся вавилонскому историку IV–III вв. до н. э. Беросу, по всей видимости являлось более поздней подделкой (предположительно датируется XV в.). К нему проявили интерес многие средневековые и ренессансные авторы, представлявшие разные страны Европы, обращавшиеся к описанию древнейшей истории человечества.

³⁵ *Евсевий Кесарийский* (Eusebius Caesariensis) – древнеримский историк христианства III–IV вв., автор «Церковной истории» и ряда агиографических сочинений.

³⁶ *Симмах* – автор перевода на греческий язык книг Ветхого Завета (нач. III в.), которым пользовался св. Иероним при составлении латинского перевода Библии.

³⁷ *Св. Иероним Стридонский* (Hieronymus) – раннехристианский теолог IV–V вв. один из «отцов» церкви, переводчик текстов Св. Писания на латинский язык.

³⁸ *Исидор* (Isidorus) – архиепископ Севильи, теолог, энциклопедист и историк VI–VII вв., один из «отцов» церкви, автор описания истории готов, вандалов и свевов.

³⁹ *Теодор Библиандр* (Theodor Bibliandr) – историк и издатель ученых трудов XVI в.

дения имен и народов предков современных им восточных славян от потомков ветхозаветного Ноя – Мосоха и Сарматы / Асармота.

Апелляции к наследию античной и раннесредневековой литературной традиции, широко распространенные в исторических сочинениях европейских авторов, были характерны также для этногенетических и этнонимических разделов трудов польских историков эпохи Возрождения. Обращаясь к свидетельствам об истории и географии Восточной Европы, содержащихся в сочинениях древнегреческих, древнеримских авторов, а также писателей раннего средневековья, они имели возможность доказать связь восточных славян с древними народами, чьи этнические наименования были созвучны именам «руссов» и «московитов», проследить направления переселений народов, считавшихся предками восточных славян, показать особенности их взаимоотношений с соседями, характерные черты социальной и политической организации.

В частности, в сочинениях Меховия, Кромера, М. Бельского и Стрыйковского приводятся аргументы, подтверждавшие сарматское происхождение «руссов» посредством указания на сходство их этнонима с именем сарматского племени роксолан. Сведения о роксоланах заимствовались из сочинений Страбона⁴⁰, Птолемея⁴¹, Плиния⁴², Тацита⁴³,

⁴⁰ *Страбон (Strabo) – древнегреческий географ и историк I в. до н.э. – I в. н.э.* Автор не сохранившихся до наших дней «Исторических записок», содержащих описание истории древних народов и государств. Огромной ценностью для ученых эпохи Возрождения обладала «География» Страбона, содержащая подробное описание цивилизационного ареала античности и являвшаяся итогом изысканий греческих и римских ученых предшествующего периода. Несколько книг этого сочинения посвящались описанию Восточной Европы.

⁴¹ *Птолемей (Claudius Ptolemaeus) – географ, картограф, астроном и математик II в.,* жизнь которого была связана с Александрией Египетской. Наибольшую ценность для историков эпохи Возрождения представляли карты Птолемея, а также его «Руководство по географии», позволяющие и в наши дни называть этого ученого основоположником научной географии и картографии. «Руководство по географии» было написано на греческом языке, в начале XV в. переведено на латынь и после распространения книгопечатания опубликовано. Этот труд Птолемея был одной из самых востребованных научных книг в ренессансной Европе. Свой вклад в изучение наследия Птолемея, популяризацию и внедрение в практику научных исследований его идей внес польский ученый-гуманист Бернард Ваповский, принявший участие в подготовке трех изданий карт Птолемея, в том числе карты Восточной Европы, которая не сохранилась до наших дней.

⁴² *Гай Плиний Старший (Gaius Plinius Maior) – древнеримский историк и писатель I в.,* автор многочисленных литературных произведений: военных трактатов, жизнеописаний и исторических трудов, среди которых выделяются «Современная история» и «Естественная история».

⁴³ *Корнелий Тацит (Cornelius Tacitus) – древнеримский историк I–II вв.,* к его наиболее известным сочинениям относятся «Анналы» и «Истории», а также трактат «О происхождении и местах обитания германцев».

а также Прокопия Кесарийского⁴⁴, в которых упоминались роксоланы, а также описывались их войны с Римом и другими государствами древности. Аналогичным образом польские историки стремились доказать происхождение современных им «московитов» от древнего народа мосхинов / модок, известного по трудам все тех же Птолемея и Плиния, а также Помпония Мелы⁴⁵.

Сведения о предполагаемых предках восточных славян могли заимствоваться польскими ренессансными историками как напрямую из современных им публикаций оригиналов античных памятников (первые публикации историко-географических трудов Птолемея и Помпония Мелы), так и через посредничество трудов современников, знатоков античной историко-географической литературы – Иоганна Кариона⁴⁶, Иоахима Вадяна⁴⁷, Альберта Кранца⁴⁸, Волатерана⁴⁹, Флавио Биондо⁵⁰ и др.

2.2. Восточнославянские летописные источники

Восточнославянские летописные памятники являются наиболее важным источником «русских» известий польских авторов эпохи Возрождения. Именно они позволили получить представление о политической истории славянского востока, а также значительно дополнить представления средневековых польских анналистов об отношениях Польши и средневековых русских княжеств.

⁴⁴ *Прокопий Кесарийский* (Προκόπιος Καισαρεύς) – византийский дипломат и историк VI в., участник войн с персами, вандалами и готами, которые были описаны в цикле трактатов, содержавших ценнейшие сведения по этнографии и географии различных регионов Византийской империи и примыкавших к ней областей.

⁴⁵ *Помпоний Мела* (Pomponius Mela) – автор трактата «Космография или о положении мира» (начало I в.), который оценивался учеными эпохи Возрождения как одно из выдающихся географических сочинений античности.

⁴⁶ *Иоганн Карион* (Johann Carion) – немецкий историк XVI в., автор описания всемирной истории. Хроника Кариона была написана на немецком языке, но была переведена на несколько европейских языков, в том числе и на латынь.

⁴⁷ *Иоахим Вадян* (Vadianus) – швейцарский гуманист I пол. XVI в., издатель и комментатор географического трактата Помпония Мелы.

⁴⁸ *Альберт Кранц* (Albertus Crantius) – немецкий историк второй половины XV–начала XVI в., автор нескольких сочинений, в которых описывалась история Германии. Наиболее известны из них «Саксония» и «Вандалия».

⁴⁹ *Волатеран* (Volaterranus) – псевдоним Жанпьетро Маффей (Giampetro Maffei). Маффей принадлежал к ордену иезуитов, был участником католических миссий в странах Южной Азии. Также был известен как переводчик с испанского языка на латынь записок путешественников, содержавших сведения о странах Востока.

⁵⁰ *Флавио Биондо* (Flavio Biondo) – итальянский историк-гуманист XV в., автор «Истории, начиная от упадка Римской империи».

Вместе с тем отношение польских историков конца XV–XVI вв. к летописям не всегда было корректным. Ссылки на русские летописные памятники в польских хрониках являются большой редкостью, заимствованные из них известия зачастую переносились со значительными искажениями, допускались многочисленные ошибки при транслитерировании хоронимов и имен собственных, а также хронологические неточности, обусловленные погрешностями, связанными с переводом дат из летоисчисления «от сотворения мира» в летоисчисление «от Рождества Христова». Отчасти данные недостатки можно отнести на счет плохого знания польскими авторами русского языка, а также опосредованным характером восприятия русских летописных памятников⁵¹.

Вопросу использования летописных памятников «чисто» русского и литовско-русского происхождения польскими средневековыми и ренессансными авторами в качестве источников формирования представлений о прошлом русских земель посвящена обширная литература. Эта проблематика привлекла внимание отечественных и зарубежных исследователей: И. Даниловича, К. Н. Бестужева-Рюмина, Х. Зайсберга, И. А. Линниченко, А. Семковича, А. А. Шахматова, Е. Перфецкого, И. А. Тихомирова, М. Н. Тихомирова, Н. Н. Улащика, А. И. Рогова, Ю. А. Лимонова, Ю. Раджишевской, Ф. Щелицкого, Б. М. Клосса, Н. И. Щавелевой, А. В. Назаренко, Р. А. Наливайко и др. Эти ученые выявили объем и структуру заимствованных польскими хронистами сведений по истории средневековых русских земель из летописных памятников различного происхождения. Главным образом их внимание привлек вопрос заимствования свидетельств из русских летописей Длугошем и Стрыйковским, которые владели русским языком и имели возможность непосредственно использовать материалы русского летописания.

Соображения о русских источниках хроники Длугоша высказывались как отечественными, так и зарубежными учеными уже в первой половине XIX в. – Н. М. Карамзиным, Р. Роепелем и др. Однако глубокая проработка данного вопроса была осуществлена лишь исследователями второй половины XIX столетия, продолжена в XX в., также сохраняется к нему интерес научного сообщества и в наше время.

Впервые выборка «русских» известий Длугоша (охватившая период с древнейших времен до 1386 г.) была осуществлена К. Н. Бестужевым-Рюминым, который опубликовал в приложении к своей монографии «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868) фрагменты хроники этого польского историка, заимствованные из летописных памятников, нашел соответствия этим фрагментам в русских летописных па-

⁵¹ Можно предполагать, что отдельные летописные известия могли заимствоваться польскими историками второй половины XVI в. через посредничество не сохранившейся до наших дней первой части хроники Ваповского.

мятников, а также частично перевел их на русский язык⁵². Вместе с тем в работе К. Н. Бестужева-Рюмина не было проведено глубокого источниковедческого анализа «русских» известий Длугоша и даже не давалось их общей характеристики. Этим вопросам в своих работах уделили внимание А. Семкович и А. А. Шахматов.

А. Семкович был автором «критического разбора» первых десяти книг хроники Длугоша (доведен до 1384 г.), в котором были подробно проанализированы источники «русских» известий этого польского историка. Комментариям погодных статей Длугоша предшествовала обстоятельная характеристика важнейших групп источников этого историка. Летописные памятники вызвали у А. Семковича наибольшие сложности: он не берется определить происхождение всего комплекса русских источников хроники, ограничившись констатацией того, что «все они восходят к одному и тому же основанию, а именно к хронике Нестора»⁵³. Аргументы своих предшественников, называвших в разное время источниками Длугоша Ростовскую (Н. М. Карамзин), «Пушкинскую» (Р. Роепель), Троицкую и Радзивилловскую (Х. Зайсберг) летописи, А. Семкович считает неубедительными и, со своей стороны, приводит доводы в пользу невозможности достоверно определить происхождение летописных сводов, которые были источниками «русских» известий польского хрониста. Польский ученый называет в качестве причин, затрудняющих работу исследователя этого вопроса, искажения летописных свидетельств Длугошем вследствие плохого знания им русского языка, произвольных сокращений летописных свидетельств и объединений в одних и тех же фрагментах описания событий разного времени, а также полного незнания летописной хронологии.

Польский исследователь приходит к выводу об использовании Длугошем «собственно» летописи Нестора в качестве источника «русских» известий о событиях, произошедших до 1112 г., который, по его оценке, «сознательно изменяя или утаивая детали невыгодные для Польши», а также соединяя в своей хронике ее свидетельство со свидетельствами польских источников, нередко «сводил» вместе события, которые «ни хронологически, ни логически не могли быть соединены». Период с 1117 по 1239 гг., как полагает А. Семкович, Длугошем освещался по памятникам, созданным «продолжателями» Нестора, в числе которых выделяются Лаврентьевская, Троицкая и Радзивилловская летописи, а после 1239 г. в качестве важнейшего летописного источника ученым характеризуется летописный памятник, «близкий Ипатьевскому и Во-

⁵² Русские известия Длугоша до 1386 г. (по изданию 1711 г.) // Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. Приложения. СПб, 1868. С. 64–378.

⁵³ *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887. S. 52.

лынскому сводам»⁵⁴. Детально влияние этих памятников прослеживается в комментариях к «погодным» статьям хроники. Вместе с тем, польский исследователь также особо выделяет те «русские» известия, которые не находят отражение ни в одном из известных в его время (работа А. Семковича была опубликована в 1877 г.) летописных памятников, характеризуя их как «Перемышльскую» летопись (*latopis przemyski*), и относит такие свидетельства к неразрешимым загадкам хроники Длугоша⁵⁵.

Влияние русских летописей на Длугоша, по заключению А. Семковича, прослеживается лишь в первых семи книгах хроники (последнее летописное известие датируется 1288 г.). В дальнейшем этот польский исследователь констатирует наличие огромного почти 100-летнего разрыва между представленными Длугошем свидетельствами, заимствованными из «чисто» русских летописных памятников и «летописей литовских». Влияние последних на польского хрониста А. Семкович отмечает лишь при описании событий двух заключительных десятилетий XIV в. и последующего времени. Во всей IX книге сочинения Длугоша польский исследователь не находит «ни одной детали, которая бы была заимствована из русских хроник».

А. Семкович предпринимает попытку соотнести известия по истории восточнославянских земель, заимствованные из литовских летописей с двумя памятниками, введенными в научный оборот польскими учеными в первой половине XIX в., называемыми по именам их издателей «хрониками» Даниловича⁵⁶ и Нарбута⁵⁷. При этом исследователем высказывается предположение о том, что «Длугош использовал неизвестную летопись, происходящую с того же самого источника, что и летописи открытые Даниловичем и Нарбутом», так как им не обнаружено прямых соответствий заимствований из литовских летописей его хроники с текстом какого-то одного из открытых в XIX в. памятников⁵⁸. Таким образом, вопрос литовского летописного источника «русских» известий Длугоша А. Семкович также оставляет открытым.

А. А. Шахматов в монографии «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908) критически относится к достижениям своих предшественников и подробнейшим образом анализирует летописные источники Длугоша, предпринимает попытку определить взаимное отношение друг к другу отдельных списков и сводов, имевшихся в распоряжении этого польского историка. Исследователь приходит к выводу о

⁵⁴ Ibid. S. 54.

⁵⁵ Ibid. S. 53.

⁵⁶ Иначе: Супрасльская летопись.

⁵⁷ Иначе: Хроника Быховца.

⁵⁸ *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 55.

том, что Длугош ограничился использованием лишь нескольких, «трех или четырех русских летописей»⁵⁹. Основным источником польского хрониста А. А. Шахматов называет «общерусский по содержанию и составу своему свод», включавший как статьи, восходившие к «Повести временных лет», так и известия, вошедшие в состав киевской и суздальской летописей⁶⁰. При этом ученый не берется указать на определенный летописный памятник, «вполне соответствовавший тому составу, который предполагается общерусским источником Длугоша», однако высказывает гипотезу, что основным источником его «выборки» мог быть общерусский свод 1423 г.⁶¹ Вместе с тем «русские» известия в пределах XII и начала XIII в. А. А. Шахматов склонен возводить к своду, сходному с Лаврентьевской летописью⁶², которая признана ученым главным источником представлений Длугоша о событиях русской истории до XI в. включительно.

Вторым по значимости летописным источником Длугоша А. А. Шахматов считает летопись XIII в., названную им «Галичской» (соотнесена с Перемышльским летописцем А. Семковича), которая, по мнению ученого, частично вошла в состав Ипатьевской летописи и общерусского свода начала XIV в. Именно к этому источнику А. А. Шахматовым отнесены «русские» известия, не известные составителям общерусского свода 1423 г., главным образом касавшиеся событий в истории русско-польских приграничных отношений XII и XIII вв. Русский ученый также высказывает гипотезу о влиянии «Галичской» летописи на «русские» фрагменты Длугоша IX–XI вв., и объясняет именно привлечением этого источника расхождения со свидетельствами Лаврентьевской летописи⁶³.

Таким образом, в заслугу А. А. Шахматову можно поставить прежде всего попытку определения летописного источника Длугоша, альтернативного «Повести временных лет» и продолжавших ее памятников, что нашло выражение в выдвижении интересных предположений, впрочем не подтвержденных открытием конкретных памятников (каких-либо источников, указывавших на существование «Галичской» летописи, не было открыто, и потому этот памятник так и остался лишь «гипотетическим» сводом). Впрочем, сам А. А. Шахматов отмечал вводный характер своих «замечаний», полагая изучение Длугоша «со стороны

⁵⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 341.

⁶⁰ Там же. С. 342.

⁶¹ Там же. С. 343.

⁶² Там же. С. 345.

⁶³ Там же. С. 352. Известия, которые не могут восходить к данному источнику, А. А. Шахматов приводит в своей монографии и допускает вероятность того, что именно «Галичская» летопись могла быть компиляцией «Повести временных лет» и более раннего Начального свода, в состав которой включались также заимствования из других источников (Там же. С. 353).

русских источников» делом будущего, видел в этом задачу последующих поколений исследователей.

Изыскания в интересующем нас направлении были значительно активизированы в связи с переизданием оригинального латинского текста и современного польского перевода хроники Длугоша, а также публикацией «русских» фрагментов первых шести книг его сочинения в России.

Изучению вопроса использования Длугошем особого русского летописца были посвящены работы Е. Перфецкого и М. Н. Тихомирова. Украинский историк Е. Перфецкий предпринял попытку реконструировать этот памятник посредством сравнения «русских» известий, содержащихся в хронике Длугоша, «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, при этом называет его, следуя А. Семковичу, «Перемышльским» сводом⁶⁴. Результаты изысканий Е. Перфецкого, определившего «Перемышльский» свод как памятник, производный от «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, были поставлены под сомнение М. Н. Тихомировым, который, со своей стороны, высказал предположение об использовании Длугошем более раннего по времени возникновения в сравнении с вышеупомянутыми памятниками летописного источника, содержавшего сведения о древнейшей истории Руси, который был доведен до смерти Владимира Святого.

Попытка реконструкции этого предполагаемого источника Длугоша была осуществлена М. Н. Тихомировым посредством выявления в тексте хроники тех «русских» известий, которые содержательно не согласуются с «русскими летописными данными», прежде всего с открытыми летописными памятниками, восходящими к «Повести временных лет». Эти расхождения, которые скрупулезно перечислены в работе М. Н. Тихомирова, для исследователя являются свидетельством наличия у Длугоша источника, заключавшего в себе «особую традицию», но в то же время состоявшего в непосредственной связи с «Повестью временных лет» и Новгородской I летописью. Тем самым отрицается сама возможность заимствования Длугошем свидетельств из этих памятников и на этом основании пересматривается ключевой тезис гипотезы Е. Перфецкого о производности «Перемышльского» свода, хотя и соглашается с высказанным этим ученым предположением об использовании польским историком этого памятника не в первоначальном виде, а в составе более поздней компиляции. При этом М. Н. Тихомиров не сомневается в южнорусском, а точнее киевском, происхождении предполагаемого русского летописца, использовавшегося Длугошем, считая основанием для такого вывода особое внимание хрониста к событиям

⁶⁴ *Perfeckij E. Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectvi // Práce Slovanského ustavu v Praze. 1932. Sv. 7. S. 105–110; Перфецький С. Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 149. Львів, 1928. С. 31–45.*

в южной Руси (прежде всего основанию Киева, о котором упоминается раньше, нежели описывается сюжет призвания варяжских князей в Новгород), отсутствие упоминаний об Олеге и ряд других особенностей⁶⁵.

Еще одним основанием для выделения русского летописца Длугоша в качестве особого памятника М. Н. Тихомиров называет игнорирование польским хронистом хронологии «Повести временных лет»: датировка описываемых событий, как замечает исследователь, появляется достаточно поздно (с 968 г.) и при этом не совпадает с датировкой дошедших до нашего времени летописных памятников. Этот аргумент для концепции советского ученого крайне важен, поскольку подкрепляет высказанную в свое время А. А. Шахматовым гипотезу об искусственности внесенных в текст русской начальной летописи погодных дат. Таким образом, летописный источник Длугоша, реконструкция которого могла быть осуществлена посредством анализа его «русских» известий, относящихся к X в., по мнению М. Н. Тихомирова, мог послужить основанием для пересмотра многих устоявшихся взглядов на историю русского летописания в целом⁶⁶.

Круг летописей, рассматривавшихся в качестве вероятных источников «русских» известий Длугоша, был существенно расширен в результате изысканий, проведенных Ю. А. Лимоновым: помимо Лаврентьевской (Троицкой), Ипатьевской и западнорусских летописей этот исследователь также был склонен относить к их числу Софийскую I летопись, в которой отразились своды 20-х гг. XV в. и Московский свод 1480 г., содержащий наиболее полное собрание известий о событиях XII–XIII вв., а также Ермолинскую летопись⁶⁷. Этот ученый полагал наиболее вероятным использование Длугошем не множества летописей, а одного памятника, созданного в современную ему эпоху, на что, по его мнению, указывали случаи объединения не только в одном «погодном» сообщении, но даже в одной фразе свидетельств, заимствованных из разных летописных памятников.

Ю. А. Лимонов предполагает, что «русский источник Длугоша уже соединял чтения многих памятников, был сложным по своему составу» и включал различные заимствования из летописей в зависимости от освещаемой эпохи. Так, текст хроники до XII в., согласно выводам Ю. А. Лимонова, основывался на «Повести временных лет» третьей редакции «с некоторыми дополнениями из юго-западных сообщений». Текст за XII в. – на известиях, близких сообщениям Московского летописного свода 1480 г., а также Лаврентьевской и Ипатьевской летописям

⁶⁵ Тихомиров М. Н. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 235.

⁶⁶ Там же. С. 237.

⁶⁷ Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 11.

с добавлением цикла юго-западных галицких известий. Текст за XIII в. помимо все тех же Лаврентьевской и Ипатьевской летописей также сохранил заимствования, относящиеся к русской летописи, посвященной Галичу, которые не находили себе параллелей в каких-либо сохранившихся памятниках⁶⁸. Наконец, «русские» известия Длугоша XIV и XV вв., как полагает Ю. А. Лимонов, были близки сообщениям западнорусских летописей и свода 1480 г.

Выводы Ю. А. Лимонова были подвергнуты критике Б. М. Клоссом, автором вводной статьи к публикации современного перевода на русский язык известий Длугоша об истории русских земель, содержащихся в первых шести книгах его труда. Этот исследователь также высказал свои предположения о составе русских источников польского хрониста. По его мнению, Длугошу могли быть доступны памятники четырех типов: 1) летопись типа Лаврентьевской, 2) памятник из семейства Софийской I – Новгородской IV летописей (вероятно одна из переработок относящегося к нему свода митрополита Фотия, оказавшихся на территории Литвы⁶⁹), 3) южнорусский источник XIII в., сходный с Ипатьевской летописью и отражающий южнорусскую (галицко-волынскую) традицию, 4) западнорусская летопись, которая была привлечена для описания событий конца XIV в. Б. М. Клосс в своем исследовании настаивает на использовании Длугошем смоленских редакций упомянутых русских летописей, что относится как к южнорусскому источнику, так и летописному своду новгородско-софийского происхождения⁷⁰.

Гипотезы упомянутых нами выше авторов, несмотря на критические замечания, высказанные в их адрес, несомненно обогатили научные представления о летописных памятниках, использовавшихся Длугошем при написании хроники, однако не позволили окончательно ответить на вопрос о происхождении «русского» протографа (или протографов), ставшего источником его сочинения. Идентификация источников «русских» известий польского хрониста по ряду позиций вызывала и будет вызывать сомнения прежде всего потому, что его хроника не была компилятивным произведением, в связи с чем отдельные ее свидетельства вовсе не подтверждаются русскими источниками, а в иные польский историк произвольно вносил существенные изменения. Прежде всего, мы имеем в виду те сообщения польского историка, которые не согласуются с общепринятыми трактовками описываемых событий в русских летописях. Эти реляции, как правило, были результатом амплификаций Длугоша, литературного «развертывания» им того или иного конкретного

⁶⁸ Там же. С. 94.

⁶⁹ Клосс Б. М. Русские источники I–VI книг *Анналов Яна Длугоша* // *Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент.* М., 2004. С. 43.

⁷⁰ Там же. С. 52.

сюжета, в основу которого могли быть положены заимствованные из источников упоминания о фактах или событиях, но при этом фабула сюжета нередко претерпевала значительные изменения вследствие подчинения описания задаче доказательства тех или иных конъюнктурных идей.

Большинство польских историков XVI в. пользовались хроникой Длугоша для описания событий русской истории и лишь изредка использовали восточнославянские летописные памятники в качестве источников. Отдельные случаи таких заимствований можно отметить в сочинениях Меховия, Ваповского, М. Бельского и Кромера.

Попытка реконструкции русских летописных источников Матвея Меховия была предпринята в работах С. А. Аннинского и Ю. А. Лимонова. С. А. Аннинский высказал предположение об использовании Меховием при написании «Трактата о двух Сарматиях» русской летописи, хотя и не дал ответа на вопрос о происхождении этого источника, ограничившись сопоставлением «русских» известий польского автора с «неизвестным источником, близким к Густынской летописи», написанной в XVII в. под польским влиянием, а также усмотрев в описании ряда событий русской истории (например, битвы на р. Калке) заимствование из летописных источников отдельных фактов, неизвестных Длугошу, но упоминаемых в Воскресенской и Троицкой летописях⁷¹.

Ю. А. Лимонов скептически отнесся к вышеупомянутым «указаниям» С. А. Аннинского на предполагаемые заимствования из русских летописей, полагая, что Меховий при написании «Трактата о двух Сарматиях» использовал их лишь опосредованно, хотя и не отрицает самого факта наличия у этого автора данного типа источника⁷². Со своей стороны, Ю. А. Лимонов, проанализировавший «русские» известия не только трактата, но и «Польской хроники» Меховия, высказал предположение, что польский автор «проделал чрезвычайную и сложную и тщательную сверку текста Длугоша и своего русского источника», по результатам которой исправления реляций его предшественника оказались незначительными. Именно это, по мнению Ю. А. Лимонова, указывает на сходство, а возможно даже и тождество русских источников Меховия и Длугоша, дает основание предполагать использование ими одной и той же редакции летописного свода, что подтверждается как структурой обоих памятников, так и комплексом заимствованных из них «русских» известий⁷³. Как мы уже упоминали выше, данным источником этот ученый считал Московский летописный свод 1480 г., дополненный комплексом «галицких» известий, относящихся к событиям XIII в.

⁷¹ *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер., коммент. С. А. Аннинского. М.: Л., 1936. С. 208.

⁷² *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России ... С. 109.

⁷³ Там же. С. 148.

Пожалуй, наиболее сложной задачей является реконструкция русских источников весьма немногочисленных оригинальных, то есть не встречающихся в хронике Длугоша, свидетельств об истории Руси в сочинениях Ваповского, Бельского и Кромера. Главным образом эти свидетельства касаются событий ранней этнополитической и этнокультурной истории Руси. Определить русские источники свидетельств Ваповского, известных нам лишь по ссылкам на его утерянное сочинение более поздних историков, не представляется возможным из-за отрывочности таких ссылок и вероятно имевших место существенных искажений при передаче его реляций М. Бельским, Кромером и Стрыйковским.

Русские известия Кромера в значительной степени были заимствованы из русских летописных памятников через посредничество сочинений все того же Ваповского, а также Сигизмунда Герберштейна⁷⁴. Посредничество Ваповского очевидно и при описании начальной истории славян и Руси М. Бельским, однако здесь заимствования не только отражают свидетельства летописных памятников, но также содержат авторский взгляд на данный вопрос самого Ваповского. Кроме того М. Бельский мог иметь в своем распоряжении также некий особый русский памятник, позволивший ему внести изменения в рассказ предшественников о крещении Руси: в частности, указывается, что местом крещения русского князя Владимира был Константинополь, а также содержится свидетельство о месте его захоронения в Киеве. А. И. Рогов в свое время высказал предположение о том, что источником этого рассказа польского историка могла быть не сохранившаяся до наших дней, западнорусская по происхождению переделка жития Владимира, включавшая в себя упомянутые «фантастические» дополнения⁷⁵. Каких-либо иных случаев непосредственного влияния русских памятников на хронику М. Бельского не обнаруживается.

Русские летописные источники также сыграли определяющую роль в создании концепции истории русских земель Мачея Стрыйковского. В заслугу этому автору можно поставить, прежде всего, существенное расширение спектра летописных памятников, привлеченных для написания им хроники и других исторических сочинений. Эти памятники можно разделить на две группы: с одной стороны, выделяются «чисто» русские летописи, близкие по происхождению источникам Длугоша, с другой – памятники литовско-русского происхождения, использование которых позволило описать историю тех восточнославянских земель, которые были подчинены литовским князьям.

К первой группе источников самим историком относятся «4 старые киевские хроники» (*Kijowskie kroniki stare 4*), «старые русские хрони-

⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 81–83.

⁷⁵ *Рогов А. И.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 127–128.

ки» (*Ruskie kroniki stare*) и «московская история» (*Moskiewskie dzieje*). Какие именно летописные памятники были использованы при написании хроники, Стрыйковский не сообщает. А. И. Рогов пришел к выводу, что большая часть летописей, использовавшихся польским автором, находились в частных собраниях князей Заславских и Слуцких, а также Яна Ходкевича, который был опекуном Супрасльского монастыря, тесно связанного с Киево-Печерским монастырем – крупнейшим центром западно-русской книжности того времени⁷⁶. Эти возможности, по мнению А. И. Рогова, позволили польскому автору познакомиться с «Повестью временных лет» через посредство Новгородско-Софийского свода 1448 г., Тверской летописи и Летописца Переяславля Суздальского⁷⁷. Именно они, как полагает исследователь, составляли летописную основу «русских» известий Стрыйковского, благодаря чему реляции этого польского автора оказались гораздо содержательнее сообщений Длугоша, также использовавшего русские летописи при написании своей хроники⁷⁸.

Интереснейшим источником познаний Стрыйковского об истории Руси А. И. Рогов называет «русскую хроничку» – не сохранившийся до наших дней в составе летописных сводов «особый русский летописец», описывавший события второй половины XI – начала XII в. (открывается известием о смерти князя Ярослава Владимировича)⁷⁹. Источником для составителя хронички, по мнению А. И. Рогова, послужили Печерская летопись и ряд других памятников⁸⁰.

Не вполне ясно, что именно подразумевает Стрыйковский под «киевскими летописями» и «московской историей», фигурирующими в реестре источников его хроники. По всей видимости, определение «киевский», применительно к источнику исторических сведений, употребляется в данном случае как синоним определения «русский», поскольку в тексте хроники первого словосочетания мы ни разу не встречаем. Упомянув о «московской истории», Стрыйковский, очевидно, имел в виду не какой-либо конкретный памятник, а всю совокупность исторических свидетельств московского происхождения, использовавшихся преимущественно при написании заключительных книг его хроники. О том, что это были за памятники, мы можем лишь догадываться по весьма скудным оговоркам историка. Так, по словам Стрыйковского, в его распоряжении находилась некая «старая московская хроника» (*stara kronika Moskiewska, której ja też exsempplarz mam*), содержание которой польский автор даже соотнес с содержанием исторического очерка в со-

⁷⁶ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 31–32.

⁷⁷ Там же. С. 108.

⁷⁸ Там же. С. 110.

⁷⁹ Там же. С. 83.

⁸⁰ Там же. С. 117–118.

ставе записок Герберштейна и сумел выявить между ними сходство⁸¹. О наличии в арсенале источников Стрыйковского каких-либо иных московских памятников нам ничего не известно.

Ко второй группе летописных источников Стрыйковского относятся так называемые «литовско-русские» летописи, к которым он получил широкий доступ также благодаря содействию покровительствовавших ему магнатов и церковных иерархов Великого княжества Литовского. Вопрос соотношения известий польского историка со свидетельствами литовско-русских летописных памятников привлек внимание исследователей в связи с открытием в 20-х гг. XIX в. польскими учеными Т. Нарбутом и И. Даниловичем двух «хроник», первоначально названных их именами, а ныне известных как хроника Быховца и Супрасльская летопись. Содержание этих памятников во многом перекликалось со свидетельствами сочинений Стрыйковского. Вместе с тем, мнения исследователей, сопоставлявших эти источники, разделились.

Так, Т. Нарбутом и было высказано мнение о том, что именно список хроники Быховца являлся основным источником тех фрагментов сочинений Стрыйковского, которые были посвящены литовско-русской истории⁸². И. Данилович выделяет в качестве «чисто-литовских» источников этого автора две летописи, названные им «древними». Первая из них не соотносится с памятниками, известными современникам – вывод о ее существовании исследователь делает на основании свидетельств самого Стрыйковского⁸³. Вторую «древнюю» летопись, использованную Стрыйковским, И. Данилович прямо называет «Литовской летописью Быховца», считает ее той самой летописью, которая была получена историком от князей Заславских (полагая, в связи с этим, что летописец Быховца более справедливо было бы называть «Заславским»)⁸⁴, и вслед за Т. Нарбутом склонен признавать ее лучшим и наиболее полным источником «литовско-русских» известий Стрыйковского⁸⁵.

И. А. Тихомиров, проанализировавший заимствования Стрыйковского из литовско-русских летописей, пришел к выводу, опровергнувшему гипотезу Т. Нарбута и И. Даниловича, в частности, их тезис о непосредственном использовании польским историком текста летописца Быховца. По мнению И. А. Тихомирова, в распоряжении Стрыйковского были различные редакции литовских летописей, нередко превосходившие по полноте сохранившиеся памятники, в том числе и летописец Быховца⁸⁶.

⁸¹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 128.

⁸² *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. III. Wilno, 1838. S. 579.

⁸³ *Данилович И.* О литовских летописях // Журнал Министерства Народного Просвещения. Т. 28., ноябрь 1840. С. 82.

⁸⁴ Там же. С. 92.

⁸⁵ Там же. С. 89–90.

⁸⁶ *Тихомиров И. А.* О составе западно-русских, так называемых литовских летописей // Журнал Министерства Народного Просвещения. Т. 335, май 1901. С. 89.

Использование Супрасльской летописи Стрыйковским исследователем и вовсе отрицает⁸⁷, а при осуществлении подробного обзора «литовских» известий находит соответствия свидетельствам польского историка в ряде других открытых ко времени написания его работы (1901 г.) летописных памятниках литовско-русского происхождения, в числе которых помимо летописца Быховца (Нарбута) чаще других упоминаются открытая в 1846 г. О. М. Бодянским «Познанская» рукопись (иначе: список Рачинского), летопись Археологического общества и рукопись Красинского. Из них исследователь выделяет летописи Быховца и Красинского, усмотрев в них наибольшие сходства с текстом хроники, что дает ему основание полагать, «что первая летопись Стрыйковского одно и то же с летописью, сохраненной в рукописи Красинского, а вторая с изданной Нарбутом»⁸⁸.

Отечественные ученые второй половины XX в. Н. Н. Улащик и А. И. Рогов, скрупулезно исследовавшие литовско-русские летописи, также как и И. А. Тихомиров пришли к выводу, что Стрыйковский не использовал непосредственно текст открытой Т. Нарбутом летописи, а имел в своем распоряжении несколько летописцев «типа Быховца», очень близких ему по содержанию и соединявшие черты той или иной разновидности известных нам летописей⁸⁹. К числу таковых, помимо упомянутых выше списков Археологического общества, Рачинского и Красинского, А. И. Рогов и Н. Н. Улащик отнесли также неизвестную И. А. Тихомирову Евреиновскую летопись, опубликованную в составе XVII (1907) и XXXV (1980) томов Полного собрания русских летописей.

Таким образом, при определении литовско-русских источников Стрыйковского целесообразно находить соответствие летописных памятников применительно к каждому конкретному свидетельству. При этом некорректно было бы назвать какой-либо из известных нам памятников основным источником сочинений польского историка. По всей видимости, им использовался не дошедший до нас протограф летописца Быховца (поскольку именно в этом источнике обнаруживается более всего соответствий с хроникой Стрыйковского), включавший также отдельные свидетельства, которые позже могли быть перенесены в литовско-русские летописные памятники, сохранившиеся до наших дней. Данная гипотеза нашла подтверждение в исследованиях Н. Н. Улащика и А. И. Рогова, осуществивших источниковедческий анализ «литовско-русских» известий хроники Стрыйковского на предмет заимствований им свидетельств из летописей литовско-русского происхождения⁹⁰.

⁸⁷ Там же. С. 90.

⁸⁸ Там же. С. 87.

⁸⁹ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 128, 130; Улащик Н. Н. Предисловие // Хроника Быховца. М., 1966. С. 19.

⁹⁰ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 123–258; Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 82–129.

Н. Н. Улащик дополнил и развил упомянутое нами выше предположение А. И. Рогова о наличии у Стрыйковского нескольких летописцев «типа Быховца», со своей стороны высказав предположение о схожести или даже идентичности протографов летописца Быховца и не дошедшей до нас летописи князей Заславских, которая была названа им Берестовицкой (по местности Великая Берестовица, где ее список был передан Заславскими Стрыйковскому⁹¹). Возникшую незначительную разницу между содержанием этих двух источников, Н. Н. Улащик связывал с двумя обстоятельствами: с одной стороны, объяснил ее тем, что их гипотетический протограф при списывании с него Берестовицкой летописи «был в гораздо лучшем состоянии, чем когда с него списывалась хроника Быховца»; с другой стороны, в качестве причины различий в содержании Берестовицкого списка, напрямую переданного Стрыйковским, и летописца Быховца указал последующий перевод их гипотетического общего протографа, изначально созданного на старобелорусском языке (термин Н. Н. Улащика), на польский язык⁹².

Эти выводы могут быть основанием для оценки открытых и опубликованных в XXXII и XXXV томах ПСРЛ летописей литовско-русского происхождения в качестве источников весьма близких летописным памятникам, использованным Стрыйковским при создании интересующей нас концепции истории русских земель, но не идентичных им. В этой связи объяснимы различия в описании отдельных сюжетов русской истории между хроникой и иными произведениями польского историка, с одной стороны, и доступными нам летописями, с другой. В числе последних ближе всего к летописным источникам Стрыйковского оказываются летописец Быховца, Евреиновская, Румянцевская, Ольшевская летописи, а также списки Рачиньского и Красинского.

Также не следует недооценивать возможного влияния на представления Стрыйковского об истории русских земель гипотетического летописца «смоленского монаха Димитрия», упоминающегося среди источников «Посланника добродетели» (в иных сочинениях проигнорирован), реконструкции которого посвящено исследование современного польского ученого З. Войтковяка⁹³.

2.3. Польские средневековые источники

Польские средневековые источники – анналы (рочники) и хроники – не содержали систематизированного очерка истории славянского востока, однако включали фрагменты, позволявшие получить представление

⁹¹ Там же. С. 91.

⁹² Там же. С. 94.

⁹³ *Wojtkowiak Z.* O smoleńskim Latopisie Demetriusza, nieznanym źródle Macieja Strykowskiego i o przyczynach jego «zapomnienia» // *Scriptura custos memoriae: prace historyczne.* Poznań, 2001. S. 253–262.

о характере отношений Польши и Руси, главным образом об их войнах и брачных союзах польских и русских княжеских домов. Следует отметить крайне небрежное отношение ряда польских авторов ренессансной эпохи к ссылке на сочинения своих предшественников. Упоминание о трудах польских средневековых историков в их сочинениях крайне немногочисленны, в отличие от трудов античных или средневековых зарубежных авторов. Информацию об использовании сведений соотечественников можно обнаружить в «списках цитируемых авторов», но они очень редки на страницах сочинений. Это обстоятельство существенно затрудняет исследование заимствований тех или иных «русских» известий интересующих нас исторических произведений, имеющих польское происхождение.

Первенство в обобщении свидетельств польских средневековых источников, посвященных истории Руси и польско-русских отношений, принадлежало Длугошу. Среди его источников для освещения данного сюжета главным образом использовались составлявшие на протяжении длительного времени «Рочники краковского капитула», «Рочник Свентокшиский» и «Рочник Траски», а также ряд хроник, в числе которых выделяются сочинения Галла Анонима (начало XII в.), магистра Винцентия Кадлубка (начало XIII в.), Великопольская хроника (доведена до конца XIII в.) и хроника Янка из Чарнкова (конец XIV в.). Подходы польских авторов конца XV–XVI вв. к заимствованию сведений из средневековых польских источников при описании русских событий были изучены Н. И. Щавелевой, которая пришла к заключению, что при описании тех или иных событий Длугош и его последователи отдавали предпочтение свидетельствам современников⁹⁴. Между тем провести грань между заимствованиями из определенных источников непросто, поскольку средневековые хронисты нередко целиком включали свидетельства своих предшественников в состав собственных сочинений, в результате чего их «русские» известия различались лишь в отдельных деталях, тогда как сам подход к трактовке тех или иных событий не менялся.

Хроника Галла Анонима использовалась Длугошем в качестве источника описания польско-русских отношений XI и начала XII вв. А. Семкович отметил в числе особенностей использования Длугошем ее известий весьма свободное отношение автора к отдельным свидетельствам Галла, в частности, обратил внимание на его склонность к «соединению дел не состоящих между собой в какой-либо взаимосвязи»⁹⁵, а также произвольную хронологизацию описываемых событий (в хронике Галла не упоминалось ни одной даты)⁹⁶. Существенное расхождение изве-

⁹⁴ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша ... С. 16.

⁹⁵ Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 26.

⁹⁶ Ibid. S. 27.

стий Галла и русских летописных памятников открывало для Длугоша широкие возможности для амплификаций и описания прошлого, исходя из собственного видения ситуации. Примером такого рода комбинации было сочетание известий Галла и русского летописца при описании польских походов на Русь Болеслава I и Болеслава II⁹⁷.

Польские известия по истории польско-русских отношений, относившиеся к периоду после 1113 г., Длугош преимущественно передает по хронике Винцентия Кадлубка, но также привлекает и свидетельства «Великопольской хроники», что нашло отражение в освещении событий 1134–1136 гг., польско-русских династических браков середины XII в., а также событий конца столетия, связанных с русскими походами Казимира II. Оба эти источника использованы и при описании некоторых событий внутренней русской истории – в частности, по ним освещен сюжет жестокого обращения Романа с галичкой знатью, не нашедший отражения в памятниках русского летописания⁹⁸. Такие дополнения можно объяснить большей информативностью «Великопольской хроники», основывавшейся на широком спектре источников, прежде всего «рочников», не сохранившихся до нашего времени⁹⁹. Таким образом, хронист Великой Польши, знакомый с сочинением Кадлубка, существенно его дополнил, в том числе и в части «русских» известий, а также ввел описываемые события в строгие хронологические рамки, что имело большое значение для Длугоша.

Основным польским источником Длугоша при описании польско-русских отношений XIII в. являлась «Великопольская хроника», доведенная до 1273 г. Н. И. Щавелева также отметила влияние на представления этого историка ряда других польских источников – «Рочников краковского капитула» и «Хроники Межвы» (иначе: Дежвы)¹⁰⁰, а польский исследователь Г. Лябуда высказал предположение об использовании Длугошем гипотетического продолжения хроники Кадлубка, не сохранившегося до наших дней¹⁰¹. В основу описания событий истории польско-русских отношений второй половины XIII в., по заключению А. Семковича, Длугошем были положены «Рочник Свентокшиский» и «Рочник Траски». Не находит подтверждения ни в одном из упомянутых нами выше польских источников лишь свидетельство Длугоша о коронации русского князя Даниила папским легатом Опино, датированное в его хронике 1246 г. Отметим, что именно при описании русских собы-

⁹⁷ Подробнее об этом см. *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: текст, пер., коммент. М., 1990. С. 43–45, 50–53, 88–89, 99–100.

⁹⁸ Там же. С. 97, 112.

⁹⁹ *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 31.

¹⁰⁰ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники ... С. 148–149.

¹⁰¹ *Labuda G.* Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w Rocznikach królestwa Polskiego Jana Długosza: Próba rekonstrukcji. Poznań, 1983. S. 31–36.

тий, касающихся межконфессиональных отношений, такого рода источниковые лакуны не были единичны: в частности, также нет очевидного ответа на вопрос об источнике свидетельства Длугоша, помещенного им под 1309 г., касавшегося направленного на Русь посольства папы Климента V, целью которого было убедить православных отказаться от схизмы¹⁰².

Рочник Траски, а также хроника Янка из Чарнкова служат источником Длугоша при описании событий XIV в., связанных с завоеванием Казимиром III Червонной Руси в 40-х гг. XIV в. Кроме того хроника Янка из Чарнкова также является источником «русских» фрагментов IX книги хроники Длугоша, посвященных польско-литовским и польско-венгерским войнам за раздел русских земель. Благодаря этому памятнику, созданному современником и непосредственным участником борьбы за расширение границ Польши на восток, в сочинении Длугоша переданы не только исторические факты, но и важные с идеологической точки зрения аргументы, посредством которых обосновывались права поляков на русские земли.

Роль польских источников в описании Длугошем русских событий XV в. невелика. Это обусловлено тем обстоятельством, что взаимодействие между Польшей и русскими землями, сохранившими независимость, было опосредованным и осуществлялось через Литву. В этой связи «русские» известия Длугоша основывались не на польских, а на литовско-русских источниках¹⁰³, а также памятниках прибалтийского происхождения. Если же говорить именно о польских свидетельствах, то применительно к событиям современной ему эпохи Длугош мог использовать в качестве источников реляции соотечественников, являвшихся очевидцами тех или иных событий, например донесения польских участников похода литовского князя Витовта против новгородцев или свидетелей «московских» событий, известия о которых представлены в предпоследней погодной статье его хроники.

Польские историки XVI в. при освещении русских событий предпочитали заимствовать реляции польских средневековых источников не напрямую, а через посредничество хроники Длугоша. Не отмечается расхождений с реляциями Длугоша, основанными на заимствованиях сведений из польских средневековых источников, в хрониках Меховия, Бельских, Стрыйковского и Гваньини. Отдельные несоответствия обнаруживаются лишь в хронике Кромера, который в числе своих источников указывает сочинения Галла Анонима (**Gallus monachus**), **Кадлубка (Vincentius Cadlubus)** и «Великопольскую хронику» (**Anonymos Polonus**), а

¹⁰² *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 333.

¹⁰³ *Наливайко Р. А.* О русско-литовских источниках XV в. «Annales Poloniae» Яна Длугоша // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 3. С. 55–62.

также в ряде случаев даже ссылается на эти памятники (прежде всего на Кадлубка). По всей видимости, Кромер старался провести сверку свидетельств Длугоша с этими памятниками, в результате чего корректирует реляция последнего: к примеру, следуя свидетельству хрониста Великой Польши, Кромер приводит иную, нежели Длугош, дату смерти «короля Руси» Даниила, помещая это событие раньше второго похода Шварно на Польшу, поскольку именно в такой последовательности эти события описывал его средневековый источник¹⁰⁴.

Таким образом, средневековые польские источники, содержавшие ценный фактический материал, были использованы Длугошем наряду со свидетельствами русских и литовско-русских летописей для создания ориентированной на обоснование внешнеполитических интересов Польши концепции двусторонних польско-русских отношений, а также для акцентирования ведущей роли польского государства в региональных международных отношениях. Отрывочные и нередко безликие факты, содержащиеся в трудах предшественников, Длугошу и его последователям удалось включить в концепцию, охватывавшую огромный хронологический период, которая оказала влияние на историческое сознание многих поколений польских интеллектуалов.

2. 4. Зарубежные европейские источники

В эту группу источников «русских» известий польских ренессансных авторов нами включены памятники, не имеющие отношения ни к польской, ни к восточнославянско-литовской традициям – мы рассмотрим памятники византийского происхождения, свидетельства средневековых западноевропейских анналистов, а также наиболее авторитетные европейские памятники, посвященные истории восточнославянских земель, созданные в эпоху Возрождения. Эти источники имели для польских историков интересующей нас эпохи важное значение по двум причинам. С одной стороны, они позволяли обосновать важные положения их исторических концепций, не обеспеченные иными источниками; с другой – ссылки на свидетельства зарубежных авторов придавали польским историческим сочинениям солидности, демонстрировали эрудицию их авторов, что должно было способствовать признанию достижений польских историков среди их европейских коллег.

В отличие от польских источников и летописных памятников ссылки на источники этого вида, как правило, не скрывались, а напротив, всячески подчеркивались. Преуспели в их использовании прежде всего авторы XVI в., стремившиеся к европейской славе и признанию и повышавшие свой собственный авторитет за счет демонстративного расширения своей источниковой базы.

¹⁰⁴ Подробнее об этом см.: *Карнаухов Д. В.* История русских земель... С. 87.

Наибольшее количество ссылок на сочинения зарубежных европейских писателей мы находим в разделах польских историков, посвященных русско-византийским отношениям: военным столкновениям двух стран и вопросу христианизации Руси. Приведем несколько примеров заимствования сведений из зарубежных европейских памятников, касающихся данных сюжетов:

1) Меховий в своей «Польской хронике» при описании войн русских с греками, дополняя заимствованный у Длугоша рассказ о походе против Византии сына кн. Ярослава Владимира, ссылается на свидетельство французского хрониста начала XI в. Сигиберта из Жамблу (Sigibertus)¹⁰⁵. Польский автор сообщает о морском сражении, в ходе которого греками были применены огненные снаряды, позволившие им одержать победу над русскими. Через посредничество Меховия, но без какой-либо ссылки на его труд, данную реляцию Сигиберта приводит в своем сочинении также и Стрыйковский, который дополняет его свидетельства, заимствованные из русских летописей. Этот автор ссылается также на свидетельство информатора Сигиберта – кремонского епископа Луидпранда (Luidprand)¹⁰⁶ и византийского историка Иоанна Зонары (Zonaras)¹⁰⁷, благодаря которым «открывает» якобы неизвестный русскому летописцу неудачный греческий поход Игоря.

2) В качестве ключевых зарубежных источников, позволивших дополнить рассказ русского летописца о крещении Руси, польские историки второй половины XVI в. Кромер и Стрыйковский используют сочинения все того же Зонары, а также Ламберта «Шафнабургского» (Lambertus Safnaburgensis)¹⁰⁸ и Гельмольда (Helmoldus)¹⁰⁹. Из хроники Зонары этими польскими авторами заимствуется свидетельство о первой христианской миссии, направленной на Русь византийским императором Василием «Македонянином», а также реляции об обстоятельствах крещения Ольги в Константинополе. В привлечении хроники Зонары

¹⁰⁵ Сигиберт – французский анналист, знаток средневековой ученой литературы; данное свидетельство Сигиберта было заимствовано через посредничество записок Луитпранда.

¹⁰⁶ Иначе: Луидпранд – писатель и дипломат X в., кремонский епископ, посетивший Константинополь в качестве посла в 949 и 968 гг. и оставивший подробные отчеты о своих миссиях.

¹⁰⁷ Иоанн Зонара – создатель исторического сочинения, известного под названием «Сокращенная история». Ценность труда Зонары состоит в том, что его автором использованы многие источники, до нас полностью не дошедшие. Выбор польскими историками этого сочинения в качестве источника сведений о русско-византийских отношениях можно объяснить публикацией в 1567 г. его латинского перевода.

¹⁰⁸ Иначе: Ламберт Херсфельдский – германский анналист XI в., описавший историю Германии и сопредельных с ней стран.

¹⁰⁹ Гельмольд фон Бозау – немецкий священник и историк XII в., автор «Славянской хроники» (Chronicon Slavorum).

в качестве источника отметим первенство Стрыйковского. Из хроники Ламберта этими же польскими историками заимствуется свидетельство о посольстве, направленном якобы из Руси к императору Оттону I с просьбой прислать епископа для обращения ее народа в христианскую веру. Это известие подвергается критике и опровергается со ссылкой на свидетельства сочинителя «славянской хроники» Гельмольда, с помощью которых доказывается ошибочность соотнесения региона, инициировавшего посольство к Оттону с Русью (указывается на путаницу Ругии, населенной поморскими славянами и кашубами и Руссии). В привлечении данных источников отметим первенство Кромера.

Из современных польским историкам зарубежных европейских авторов, чьи труды мы можем рассматривать в качестве источника формирования представлений об истории средневековых русских земель, выделяется фигура немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна, автора знаменитых «Записок о Московитских делах» (*Regum Moschoviticarum commentarii*). В основу обстоятельного очерка русской истории, включенного в состав этого сочинения, был положен материал, собранный в Великом княжестве Московском, которое Герберштейн посетил в качестве посланника Германской империи в 1517 и 1526 гг. «Записки о Московитских делах» впервые были опубликованы в Базеле в 1549 г. и до конца XVI в. семь раз были переизданы только в оригинальной латинской версии – в 1550 (Венеция), 1551 (Базель), 1556 (Базель), 1557 (Антверпен), 1571 (Базель), 1582 (Базель) и 1600 (Франкфурт-на-Майне) годах, а также неоднократно публиковались в переводах на языки народов Европы.

Хотя в польском переводе сочинение Герберштейна не было опубликовано, для польских хронистов оно становится наиболее авторитетным зарубежным европейским источником сведений по русской истории. Рецепция «русских» известий Герберштейна в польской хронографии второй половины XVI в. имела чрезвычайно важное значение, поскольку через посредничество этого немецкого автора в сочинения польских историков включались реляции, дополнявшие свидетельства по русской истории, заимствовавшиеся главным образом Длугошем и Стрыйковским непосредственно из летописей. В то же время появление этого альтернативного источника «русских» известий, отразившего взгляд иностранного наблюдателя, которому не были присущи шаблоны восприятия славянского востока, характерные для польской россики, становится причиной некоторого пересмотра взглядов на прошлое Руси в сочинениях Кромера, М. Бельского, Стрыйковского и Гваньини¹¹⁰.

¹¹⁰ Подробнее об этом см.: *Grala H.* Die Rezeption der «*Rerum Moscoviticarum Commentarii*» von Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der zweite Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins «*Rerum Moscoviticarum Commentarii*». Münster, 2002. S. 317–326.

Вопрос летописных источников свидетельств Герберштейна об истории средневековой Руси и по сей день остается дискуссионным. Различные предположения на этот счет были высказаны в работах А. В. Флоровского¹¹¹, Ю. А. Лимонова¹¹², В. И. Охотниковой¹¹³ и Я. С. Лурье¹¹⁴, которыми в числе источников немецкого писателя, как правило, назывались летописные памятники московской традиции, чаще других – Ермолинская летопись или источник сходный с ней, дополнявшийся свидетельствами, заимствованными из летописца, основанного на московском своде 1479 г. и производных от него памятниках¹¹⁵. Вместе с тем для формирования взглядов Герберштейна на русскую историю большое значение имели не только (а может и *не столько*) сами по себе имевшиеся в его распоряжении источники, сколько характер, способ их интерпретации, в чем едва ли следует недооценивать активного участия московских информаторов немецкого дипломата, несомненно заинтересованных в «разъяснении» ему концептуальной составляющей, определяющего вектора развития русской истории, отражавших интересы московских политических и культурных элит. Именно различие представлений о направленности исторического развития Руси в трудах Герберштейна и польских авторов делает вопрос польской рецепции содержавшегося в «Записках о Московитских делах» очерка русской истории чрезвычайно интересной исследовательской проблемой.

Первым из польских историков сочинение Герберштейна в качестве источника сведений об истории Руси использовал Кромер. Этим историком немецкий автор был удостоен обстоятельной «персональной» характеристики в 1-й и 30-й книгах хроники «О происхождении и деяниях поляков», которая корректировалась и дополнялась от издания к изданию¹¹⁶. В ранних редакциях своего сочинения Кромер делает акцент на славянском происхождении Герберштейна, а также характеризует его как «знатока многих вопросов и регионов», «старательнейшего ис-

¹¹¹ Флоровский А. В. Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отделение гуманитарно-общественных наук. Т. II. Одесса, 1922. С. 70–80.

¹¹² Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 149–167.

¹¹³ Охотникова В. И., Лурье Я. С. Русское историческое повествование и западная письменность XV–XVII вв. // Известия АН СССР. Т. 40. 1981. № 1. С. 70–71.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ См. комментарий Б. М. Клосса, содержащий подробный обзор достижений исследователей данного вопроса: Сигизмунд Герберштейн Записки о Московии: в 2 т. М., 2008. Т. II: Статьи, комментарии, приложения, указатели, карты. С. 295–296.

¹¹⁶ Эти изменения можно объяснить особенностями биографии Кромера. С 1558 по 1564 г. – в период между публикациями второго и третьего изданий хроники – он возглавлял польскую дипломатическую миссию при императорском дворе в Вене, где, очевидно, лично познакомился с Герберштейном.

следователя» (*Sigismundus Gerbersteinus, Slavus genere, vir plurimarum rerum et regionum... diligentissimus indagator*), собравшего сведения о происхождении и истории московского народа благодаря пребыванию в Москве в качестве посланника «цесаря Максимилиана» к князю Василию, которые польский историк кратко передает в ряде разделов своего сочинения¹¹⁷, а также существенно дополняет заимствованными у него известиями описание ранней этнополитической истории Руси (здесь ссылки на авторство Герберштейна, причем в тех случаях, где заимствование очевидно, нередко подменяются ссылками на некие якобы использованные Кромером «русские анналы»).

Заимствованные у Герберштейна «русские» известия без изменений воспроизводятся также в третьей и четвертой редакциях хроники Кромера, опубликованных в 1568 и 1582 гг., уже после смерти немецкого автора. Здесь изменения коснулись лишь характеристики Герберштейна, в которую добавлены новые важные детали: польский историк называет автора «Записок о Московитских делах» своим другом (*mihi amicus*), а также сообщает о его официальном статусе «советника и главного казначея Австрии» при дворе императора Фердинанда, короля Богемии и Венгрии¹¹⁸. Наконец, в последней редакции хроники Кромера 1589 г. характеристика Герберштейна еще раз была скорректирована – повторив все сказанное выше, Кромер указывает также на то обстоятельство, что этот автор трижды (!) был послом у князя Московии (*dum ter apud Principis eius... legatione fungitur*) и добавляет, что сведения об истории Московии им были получены «из анналов ее народа и разговоров с очевидцами» (*in Moschovia sua, ex eius gentis annalibus et sermonibus*)¹¹⁹.

Наиболее содержательным заимствованием «русских» и «московских» известий из сочинения Герберштейна является 9-я книга третьей редакции «Хроники всего света» М. Бельского, которая целиком основывалась на материалах «Записок о Московитских делах», представляла собой краткий авторский пересказ на польском языке содержания этого сочинения (можно сказать, была ее эрзац-переводом). Те изменения, которые были внесены М. Бельским в текст Герберштейна нами будут исследованы в последующих разделах данной книги. Наконец, «Записки о Московитских делах» также были использованы в качестве важнейшего источника «русских» и «московских» известий в хрониках Стрыйковского и Гваньини: первым – при описании событий русской истории «киевского» и «московского» периодов, вторым – лишь в описании Московии. Отметим подчеркнуто комплиментарное отношение М. Бельского и Стрыйковского к своему источнику. Эти авторы не скрывают происхождения заимствованных из сочинения Герберштейна «русских»

¹¹⁷ *Martini Cromeri De origine et rebus...* 1555. P. 15, 656.

¹¹⁸ *Martini Cromeri De origine et rebus...* Basileae, 1568. P. 9–10.

¹¹⁹ *Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia...* P. 9.

и «московских» известий, дают точные ссылки на его труд, а М. Бельский даже указывает на источник своих познаний в титуле упомянутого выше раздела своей хроники. Иной подход демонстрирует Гваньини, в сочинении которого имя Герберштейна упоминается лишь в эпилоге, однако при этом вовсе не указывается на заимствование привлеченных сведений из «Записок о Московитских делах».

ВЕЩЬ

Г Л А В А 3

КОНЦЕПЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУСИ В ПОЛЬСКОЙ РЕНЕССАНСНОЙ ХРОНОГРАФИИ

3. 1. *Russorum Gens et Nominatio Origo*

Дискуссии о происхождении и этнонимии восточных славян

Представления об этногенезе играют немаловажную роль в формировании исторического образа народа, не только являются важнейшим фактором самоидентификации этнического сообщества, но и оказывают влияние на характер его восприятия внешним миром. В отечественной и зарубежной научной литературе неоднократно затрагивались вопросы природы этногенетических представлений, их влияния на формирование этнической идеологии, а также их роли в эволюции исторического познания. Наиболее существенный вклад в разработку данной проблематики внесли Я. С. Быстронь, Л. Лечейевич, А. С. Мыльников, А. Н. Робинсон и др.

Польский этнолог Я. С. Быстронь в книге «Национальная мегаломания» рассматривал поиски корней народов в качестве важного элемента этнической культуры. По его мнению, каждый народ стремится представить себя в качестве центра мира и отражает эти представления в мифологических сюжетах и этноисторических концепциях. В качестве доказательства ученый приводит многочисленные вторичные интерпретации мифов о происхождении разных народов мира, создававшихся на «языческой стадии развития культуры», при этом выделяет христианскую традицию этноисторических представлений, унифицировавшую локальные интерпретации мифа о происхождении посредством их сведения к библейской генезе, согласно которой все народы мира производились «от Вавилонской башни». Именно этот сюжет в эпоху господства доктрины христианского универсализма служил неотъемлемым прологом к родословным англичан, римлян, литовцев, славян и многих других народов¹²⁰. В то же время гибкость и подвижность ориентированных на потенциал парабиблейской традиции этногенетических мифологем, по мнению исследователя, были феноменальны, а итогом их интеграции в интеллектуальную культуру, полагает Я. С. Быстронь, становится создание на основе санкционированного авторитетом Священного Писания этногенетического предания этнополитической те-

¹²⁰ *Bystron J. S. Megalomania narodowa. Warszawa, 1935. S.14–15.*

ории, функционально сориентированной на обоснование актуальных политических или культурных задач, стоящих перед тем обществом, в интересах которого создавал свою концепцию конкретный автор. Исследователь трактует этногенетические представления как элемент интеллектуальной традиции, призванный «сотворить мираж счастливого прошлого», позволяющий народам, лишенным выраженных достижений «в настоящем», найти таковые «в прошлом», посредством всяческого их преувеличения, идеализации национального характера и рассуждений «о великих перспективах на будущее»¹²¹.

Современный польский исследователь представлений о происхождении народа Л. Лечейевич рассматривает этногенетические легенды в качестве «преданий о происхождении собственного племени, иногда также племен ему родственных», как «важный элемент общественного сознания каждой человеческой общности»¹²². Такие предания Л. Лечейевич подразделяет на два типа, выделяя легенды фольклорного происхождения и представления, составляющие часть ученой, литературной традиции. Последние, по мнению польского ученого, как правило, содержат общие сведения о происхождении как славянского суперэтноса в целом, так и отдельных этнических групп, не противоречащие принятым в момент их изложения принципам исторической правдоподобности¹²³.

Российский ученый А. С. Мыльников в свое время предпринял попытку определить место и роль этногенетических представлений в эволюции исторического познания, которые рассматриваются в качестве представлений «книжного или фольклорного происхождения, посвященных появлению тех или иных народов, а также поискам их основателей – культурных героев». Этот исследователь отделяет этногенетические предания от этнополитических легенд о возникновении государств и правящих династий, указывая в то же время на тесную взаимосвязь таких мифологических сюжетов. Вместе с тем, этногенетические представления рассматриваются А. С. Мыльниковым как одна из форм этнического самосознания, как способ критики типологически сходных легенд инационального происхождения и, наконец, в качестве «своеобразного звена, соединившего мифологизм и историзм научного познания»¹²⁴.

Говоря о роли этногенетических преданий в эволюции исторического познания, в частности «в углублении критического метода при изучении

¹²¹ Ibid. S.22.

¹²² *Leciejewicz L. Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim // Slavia Antiqua. Rok 1989 / 1990. T. XXXII. S.129.*

¹²³ Ibid. S.133.

¹²⁴ *Мыльников А. С. Славянские этногенетические легенды: место и роль в эволюции исторического познания // Славяне и их соседи. Миф и история. М., 1996. С. 33.*

славянского этногенеза первого и второго уровня», А. С. Мыльников признает познавательную ценность для исследователя не только самих мифологем и их научных интерпретаций, но и откровенных фальсификатов. Анализ эволюции этногенетических преданий, по его мнению, позволяет их исследователю «смоделировать приоритетные направления сотворения мифологическим сознанием вымышленной действительности: происхождение героев-эпонимов, маршрут их странствий в поисках обетованной земли с одновременным включением в реальную ткань исторического повествования мифологических событий, антропонимов и т.д.»¹²⁵.

Отечественный литературовед А. Н. Робинсон пришел к выводу о том, что доминирование мифологического элемента в представлениях о прошлом отражает специфику интеллектуальной культуры эпохи Возрождения, в целом, и исторических представлений того времени, в частности. По мнению этого ученого, важнейшей задачей ренессансного историка является «прославление действительных или воображаемых прошедших деяний как выражение идеологических потребностей возникающего в обществе национального самосознания»¹²⁶.

Ренессансные исторические мифологические концепты, отражавшие начальный период истории народов, по заключению А. Н. Робинсона, как правило, конструировались при помощи «символической этимологии», «аксиом Библии», а также посредством апелляции к авторитетным мнениям авторов, представлявших античную литературную традицию. Эти элементы произвольно интерпретировались и механически объединялись с целью последующей интеграции в уже сложившуюся концепцию. Такая произвольность объясняется стремлением историка Ренессанса представить как можно больше «желательных» и как можно более авторитетных свидетельств, подходящих под заранее избранную историографическую гипотезу и, в конечном итоге, создать впечатление ее «всемирного признания». В результате, в силу своей функциональности, эти кажущиеся в наши дни фантастическими идеи пользовались доверием читателей и не воспринимались как заведомая ложь самими историографами¹²⁷.

Опираясь на достижения упомянутых выше авторов, у нас появляется возможность конкретизировать понятие этногенетических представлений. В качестве таковых целесообразно рассматривать представления о происхождении и ранней этнической истории определенного народа, которые сформировались под влиянием первичной культурной традиции в ученой среде самими носителями этнической культуры или

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский: Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963. С. 85.

¹²⁷ Там же. С. 87.

сторонними наблюдателями и постоянно видоизменялись под влиянием актуальных условий развития национального государства и национальной культуры. Содержание этногенетических представлений, в свою очередь, раскрывает историческую роль и место того или иного народа в рамках определенной этнокультурной среды, их отношение к другим народам, здесь также проясняются вопросы территориального и языкового размежевания.

Специфическими для нас являются обстоятельства места, времени и направленности рефлексии создателей этногенетических сюжетов, в основе которой лежал «внешний» культурно-исторический образ, модель происхождения «другого» народа¹²⁸.

Получившие широкое распространение в польской хронографии ученые мнения о происхождении и номинации «русских народов» в интересующую нас эпоху, как правило, сводились к гипотетическим рассуждениям об их месте в «библейской» генеалогии народов мира¹²⁹ и родовой иерархии славян, их переселениях, характере взаимоотношений с соседними этносами, а также о происхождении этнонима «Русь» и производных от него этнотерриториальных или этнополитических понятий. Воспользовавшись определением Л. Лечейевича, такие представления мы можем охарактеризовать как «этногенетические легенды литературного типа»¹³⁰. Конструирование с помощью этногенетических преданий начальной истории Руси стало причиной разработки и утверждения в общественном сознании Польши мифологизированных

¹²⁸ На различном историческом материале исследования этногенетических представлений проводились рядом известных отечественных и зарубежных ученых. См., например: *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. СПб., 1996; *Szafrań-Szadkowska L.* Zagadnienie etnogenezy Słowian w historiografii polskiej w okresie od średniowiecza do końca XIX stulecia. Opole, 1983; *Malicki J.* Mit początku narodu a świadomość etniczna: Szesnastowieczne polemiki o pradzieje Polski, Litwy i Śląska // *Staropolskie teksty i konteksty: Studia.* Katowice, 1989. S. 7–25; *Malicki J.* Mity etnogenetyczne w kulturze polskiej średniowiecza i renesansu // *Z polskich studiów slawistycznych. Seria 8. Literaturoznawstwo, folklorystyka, problematyka historyczna.* Warszawa, 1992. S. 89–94; *Тржещитик Д.* Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // *Studia Balcanica.* София, 1991. Т. 20: Раннефеодальные славянские государства и народности.

¹²⁹ Подробнее о попытках польских историков «вписать» славян в библейскую генеалогию см.: *Момрик А.* Біблійна генеалогія в етногенетичних концепціях польських та українських хроністів (до постановки проблеми) // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей.* Киев, 1998. Т. 5. С. 111–117; *Козым З.* От Иафета до Москвы: процесс создания библейской родословной славян в польской, украинской и русской историографии (XVII–XVIII вв.) // *Украина и соседние государства в XVII веке.* СПб., 2004. С. 59–82.

¹³⁰ *Leciejewicz L.* Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim ... S. 129.

исторических версий происхождения восточных соседей поляков, которые стали важным фактором исторической самоидентификации польских элит интересующей нас эпохи, поскольку играли немаловажную роль для конкретизации культурно-исторической картины мира, что было особенно востребовано в период динамичной трансформации этнополитической архитектуры Восточной Европы на рубеже Средневековья и Нового времени.

Этнонимические и этногенетические представления польских авторов позднего средневековья во многом формировались под влиянием европейской хронографии¹³¹. В книжной традиции латинская форма этнической номинации восточных славян утверждается уже с конца XI в. Так, в немецких источниках этого времени (салических, швабских и саксонских анналах, хронике Оттона Фрейзингенского) упоминались матримониальные связи европейских династий с русскими княжескими домами и при этом князь Руси именовался *rex Rutenorum*. Таким образом, в европейской хронографии утвердилась форма этнонима *Rut(h)eni* и производное от него определение *rut(h)enus*.

В польской средневековой анналистике этот экзоэтноним и производные от него этнонимические понятия встречаются в сочинениях Галла Анонима¹³², Винцентия Кадлубка¹³³, анонимной «Великопольской хронике»¹³⁴ и других памятниках. Восточные славяне польскими средневековыми авторами характеризовались как народ, населяющий «рутенское королевство» (*regnum Rutenorum*)¹³⁵ и подчиненный правителю рутенов (*dux, princeps, rex Rutenorum*). Различия в номинации можно наблюдать здесь лишь в отношении названия страны: реже используется производная от вышеупомянутого наименования форма *Ruthenia*, чаще – более близкая к аутентичной (то есть употребляемой самими восточными славянами) форма *Russia*.

Лишь в «Великопольской хронике» была предпринята попытка объяснения происхождения имени Руси. В вступительном разделе хроники, так называемом Прологе, датированном началом XIV в., представлена эпонимическая легенда, в которой впервые в славянской историографии

¹³¹ О средневековых хронографических канонах этнической номинации в средневековой Европе подробнее см.: *Zientara B.* «Populus – gens – natio»: *Z zagadnień średniowiecznej terminologii etnicznej // «Cultus et cognitio»: Studia z dziejów średniowiecznej kultury.* Warszawa, 1976. S. 673–682.

¹³² *Galli Anonymi Cronicae Gesta Ducum sive Principum Polonorum // Monumenta Poloniae Historica. Series Nova.* Kraków, 1952. T. II.

¹³³ *Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum // Monumenta Poloniae Historica. Series Nova.* Warszawa, 1994. T. XI.

¹³⁴ *Chronica Poloniae Majoris // Monumenta Poloniae Historica. Series Nova.* Warszawa, 1970. T. VIII.

¹³⁵ Здесь и далее мы приводим формы номинации, характерные для того или иного источника.

наряду с основателями Польши и Чехии братьями Лехом и Чехом, фигурирует эпоним Рус, от имени которого производится название «королевства рушенов» (ex hiis ... tres fratres ... primogenitus Lech, alter Rus, tercius Czech ... tria regna Lechitarum, Ruthenorum et Czechorum ... possederunt)¹³⁶. Данная версия автора «Великопольской хроники» также является первой попыткой прояснить вопрос этногенеза рушенов, которые, благодаря представлению Руса в качестве брата Леха и Чеха, занимают равное положение в родовой иерархии славянских народов.

Польские историки предренессансной и ренессансной эпохи дополнили, а также в значительной степени пересмотрели взгляды своих предшественников на вопросы номинации восточных славян, во многом ориентируясь на достижения европейской гуманистической историографии¹³⁷. Длугош на страницах своей хроники для обозначения восточнославянского населения современной ему Польши и Литвы также как и его предшественники использует этноним *Rutheni*, а также производные от него определения *Ruthenicalius* (применительно к географическим понятиям, например *Ruthenicalium regionum*¹³⁸), или *Ruthenicus* (например, при характеристике языка восточных славян – *lingua Ruthenica*¹³⁹). Ареал расселения восточных славян в хронике Длугоша обозначен с помощью термина *Russia*.

Представления Длугоша о прошлом славянских народов, в том числе русских, весьма противоречивы – этот автор пытается согласовать их легендарную историю с парабиблейской литературной традицией¹⁴⁰, и в то же время обращается к потенциалу славянских эпонимических легенд.

Действуя в русле первой тенденции, польский автор доказывает общность происхождения русских и других славянских народов воспроизводя этногенетическую легенду о происхождении славян от одного из потомков Ноя – первого насельника Европы Алана. Согласно представленной на страницах хроники Длугоша легенде, младший сын Алана Негно, поселившись в Паннонии, «самой первой и древней колыбели славянства», стал прародителем всех славянских народов, в том числе поляков и русских. Длугош утверждает, что от Негно произошли по-

¹³⁶ *Chronica Poloniae Majoris* ... P. 4.

¹³⁷ Представления европейских ренессансных историков о происхождении «русской» и «московской» этнонимии были изучены А. С. Мыльниковым. См.: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 45–57.

¹³⁸ *Historia Polonica Ioannis Długossii* [...]. Dobromil, 1615. P. 18.

¹³⁹ *Ibid.* P. 175.

¹⁴⁰ Подробнее о концепции древнейшей истории человечества Длугоша, основанной на интерпретациях библейского сюжета см.: *Pieradzka K. Genealogia biblijna i rodowod Słowian w pierwszej księgie «Annales» Jana Długosza // Nasza Przeszłość. 1958 nr 8, S. 83–116.*

ляки, а также народы иных славянских земель, первой в ряду которых указывается «вся Русь» (*A Negnone ... tota Russia*)¹⁴¹.

Вторая тенденция проявляется в том, что место Руси в славянском мире Длугош пытается определить, опираясь также на эпонимическую легенду, которая в его интерпретации существенно отличается от версий предшественников. При том, что наряду с «прародителями» поляков и чехов Лехом и Чехом, в качестве основателя «русских народов» Длугошем упоминается Рус (Rusz), статус этого персонажа в родовой иерархии эпонимов славянских народов для историка не очевиден. Хотя польский автор со ссылкой на неких не названных им писателей (*asserere nonnulli sonantur*), не скрывая своего скептического отношения, передает их мнение о том, что Рус вышел вместе со своими братьями Лехом и Чехом из Хорватии и населил «обширнейшие Русские Царства» (*amplissima Russorum Regna*), столицей которых являлся Киев, а также «отодвинул свои границы за Новгород, город в Руссии ... расположенный среди болот и озер почти на краю земли»¹⁴², более реалистической ему представляется версия о происхождении русских от поляков. Эту точку зрения Длугош обосновывает утверждая, что Рус был не братом, а «одним из потомков» прародителя поляков Леха (*uno nepotum Lech*)¹⁴³.

Такая трактовка славянской эпонимической легенды не встречалась в средневековой хронографии (в более ранних польских и чешских хрониках, содержащих свидетельства о славянских братьях, Рус либо назывался братом Леха, либо вовсе не упоминался) и, таким образом, является авторской гипотезой Длугоша. Причем польский историк на страницах своей хроники не просто констатирует факт происхождения Руса от Леха, но и, стремясь усилить идеологический эффект этого тезиса, дополняет свою реляцию указанием на то, что «русские в своих анналах гордятся тем, что происходят от рода князя Леха»¹⁴⁴, хотя каких бы то ни было упоминаний о гордости по этому поводу в русском летописании мы не обнаруживаем.

По всей видимости, основанием для таких предположений Длугоша послужили действительно имеющиеся в русских летописных памятниках прямые указания на «ляшское» происхождение некоторых восточнославянских племен, в частности радимичей и вятичей¹⁴⁵, а также реляция древнерусского летописца о происхождении двух одноименных племен – полян, одно из которых, согласно «Повести временных лет», расселилось на Висле и произведено русским источником «от Ляхов»

¹⁴¹ *Historia Polonica ...* P. 4.

¹⁴² *Ibid.* P. 22.

¹⁴³ *Ibid.* P. 20–21.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 21.

¹⁴⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1: Повесть временных лет. Ленинград, 1926. Л. 4об.; стб. 11.

(«Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове а от тех Ляхов прозвашася Поляне»), а другое (днепровские поляне) производило непосредственно от «словен» («Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне») ¹⁴⁶.

В ряде фрагментов «Повести временных лет» мы находим реляции, которые действительно могли убедить Длугоша в верности отождествления днепровских полян с поляками. В первом случае такой «зацепкой» можно считать определение «польская земля», примененное к Киеву и его окрестностям ¹⁴⁷. Во втором случае, сообщая о масштабах распространения народов «словеньского языка», русский летописец упоминает о том, что среди них были «и Чехи и Ляхи, и Поляне, которые ныне зовутся Русь» ¹⁴⁸. Имеющее здесь место упоминание ляхов и полян в одном ряду с чехами, могло подтолкнуть Длугоша к выводу о происхождении отождествлявшихся с полянами руссов от поляков.

Исследователи хроники Длугоша указывают на то, что его позиция по вопросу происхождения Руси объясняется прежде всего политической ангажированностью польского автора, его стремлением обосновать претензии польского государства на соседние с ним земли восточных славян, а так же неприязню, которую вызывала у поляков схизматическая религиозная ориентация населения русских земель ¹⁴⁹.

Матвей Меховий существенно расширил представления своих современников о восточных славянах. В вступительном разделе «Трактата о двух Сарматиях» он указывает на то, что «в Европейской [Сарматии] находятся регионы руссов или рутенов, литовцев, москов и другие, прилегающие к ним» (In Europiana sunt regiones Russorum seu Rutenorum, Lithuanorum, Moskorum & eis adjacentes) ¹⁵⁰. Такое разделение обосновывается во второй книге трактата, в составе которой русским землям посвящена самостоятельная глава «О Руси» ¹⁵¹.

В сочинениях Меховия впервые высказывается предположение о происхождении термина *Russia* от древней Роксолании (Russia, olim Roxolania dicta) ¹⁵², в свою очередь получившей свое название от одноименного сарматского племени, упоминавшегося в трудах авторитетных

¹⁴⁶ Там же. Л. 2об. – 3; стб. 6.

¹⁴⁷ Там же. Л. 7об.; стб. 21; в летописи дословно: «Акольдо же и Дир остава в граде сем ... и начаста владеет Польскою землею».

¹⁴⁸ Там же. Л. 9, стб. 25–26.

¹⁴⁹ *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie. Wrocław, 1964. S. 238.

¹⁵⁰ *Матвей Меховский* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. P. 129.

¹⁵¹ Там же. P. 172–176; в пределы России Меховий не включает земли, подчиненные московскому государю, поскольку их описанию посвящена отдельная глава трактата.

¹⁵² Там же. С. 94.

историков¹⁵³. При этом роксоланы и руссы-рутены рассматриваются Меховием как самостоятельные этнические общности, объединенные лишь общностью территориального ареала. Польский автор свидетельствует, что роксоланы постепенно были полностью уничтожены и прекратили существование как народ, оставив о себе память лишь в названии некогда контролировавшегося ими региона. Важно отметить, что сопряжение *роксоланы / руссы-рутены* отсутствовало у Длугоша, и это обстоятельство является очень характерным свидетельством того, что происхождение «сарматской» терминологии именно благодаря сочинениям Меховия в ученой мысли XVI в. увязывалось не только со славянскими народами вообще, но конкретно с восточными славянами (на основании созвучия имени роксолан с этнонимом «Русь»). Такого рода этнонимические догадки сыграли в дальнейшем выдающуюся роль, поскольку создавали предпосылки для постепенного пересмотра культурного статуса восточнославянских народов, происходившего по мере роста интереса европейской ученой мысли к сарматской тематике.

Впрочем, ограничившись лишь территориальным сопряжением роксолан и руссов-рутен, при построении своей этногенетической гипотезы Меховий все же сохраняет приверженность версии, предложенной Длугошем, который производил имя и народ Руси от эпонима Руса, хотя при этом несколько видоизменяет ее. В частности, во фрагменте «Польской хроники», помещенном под выносной глоссой «Рус потомок Леха и от него Руссия» (**Russ nepos Lech. ab eo Russia**) Меховий высказывает сомнение в том, что Рус является потомком Леха, поскольку «некоторые», по утверждению историка, считают их родными братьями (*Russ aut nepos vel ut nonnulli aiunt germanus Lech*)¹⁵⁴. А. С. Мыльников в свое время высказал предположение, что решить этот вопрос с большей определенностью этому автору не позволила политизация легенды, в результате чего Рус сознательно был выведен им из числа самостоятельных персонажей эпонимического предания и сыграл роль «логического баланса в трехмерной конструкции легенды»¹⁵⁵.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные изменения, по представлениям Меховия, этнический статус руссов-рутен все же ниже, чем статус поляков, поскольку прямо не повторяя мысли Длугоша об основании Руси поляками, этот автор вместе с тем не упускает случая заметить уже применительно не к исторической, но к современной ему ситуации, что

¹⁵³ В Польской хронике Меховий ссылается на Прокопия [Кесарийского] (см. *Mathia de Mechow: Chronica Polonorum ... P. 4v*).

¹⁵⁴ *Mathia de Mechow: Chronica Polonorum ... P. II*.

¹⁵⁵ Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, загадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб, 1996. С. 154.

«во главе народа рутенов стоят знатные люди из поляков» (*genus Rutenorum, quibus praesident nobiles Polonorum*)¹⁵⁶.

Современник Меховия Иодокус Людовик Деций, при описании славянской эпонимической легенды, ориентируется не на интерпретацию Длугоша, а на более раннюю версию чешского происхождения, представленную в трактате историка второй половины XIV в. Пшибика Пулжавы, где Чех выступает в роли главы родовой иерархии славянских народов¹⁵⁷. Однако, в отличие от чешской интерпретации эпонимического сюжета, в версии Деция речь идет о тернарной конструкции: эпоним Рус, хотя и представляется как второстепенный персонаж, но его существование не подвергается сомнению¹⁵⁸. Таким образом, происходит закрепление за прародителем восточных славян определенного места в генеалогической цепочке, что позволяет сделать вывод о признании Децием его равноправия в родовой иерархии эпонимов славянских народов.

В рукописных анналах польского историка и публициста Станислава Ожеховского, созданных в середине XVI в. (опубликованы лишь в начале XVII в.), этногенетическая концепция, связывавшая происхождение славянских народов с их легендарными братьями-эпонимами, претерпела некоторую эволюцию. Этот автор называет прародителем и «вождем» произошедших от славян русских (*Ruteni ... a Slavis profecti*), а также братом Чеха и Леха не Руса, а Роксолана (*Roxolan*)¹⁵⁹. По свидетельству Ожеховского, Роксолан вместе со своими братьями получил земли, на которых расселился его народ, «за верность и победы от Александра [Македонского]», в соответствии с выданным им «привилеем», упоминавшимся в средневековых чешских хрониках.

Родиной всех славянских народов этот польский автор называет Македонию и Далмацию, следуя, таким образом, ключевому тезису «балканской» теории происхождения славян, являвшейся в эпоху Средневековья основой всех этногенетических построений. Сарматия в концепции Ожеховского рассматривается как территория, полученная рутенами-роксоланами по праву, согласно воле сюзерена, роль которого в данном случае играет фигура Александра Македонского, обладавшая несомненным авторитетом, необходимым для легитимации владения народом рутенов их территориями. Польский историк в этой связи считает вполне правомерным использование наименования «сарматы» для обозначения как поляков, так и роксолан, не только как владельцев по-

¹⁵⁶ *Матвей Меховский* Трактат ... Р. 173.

¹⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Карнаухов Д. В.* Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // *Восточная Европа: концерт культур.* СПб., 2004. С. 48–56.

¹⁵⁸ *Decius I. L.* De vetustatibus Polonorum. Liber I. Cracoviae, 1521. P.IV, VIII.

¹⁵⁹ *Annales Stanislai Orichovii* [...]. *Dobromili in Officina Ioannis Szeligae*, 1611. P. 6.

лученной по «привилею» территории, но и как победителей «скифских народов», прежде населявших сарматские земли¹⁶⁰.

Таким образом, Ожеховскому удается согласовать «сарматскую» этнонимию восточных славян, в частности все больше ассоциировавшиеся с ними имя роксолан, с балканской теорией происхождения славян как господствующим этногенетическим концептом предшествующих столетий. Современники этого автора все в большей степени ставили под сомнение данный концепт, выдвигая в качестве альтернативы принципиально новую модель объяснения славянского этногенеза, в которой восточнославянские народы занимали центральное место.

Основателем нового направления становится Бернард Ваповский, который в своей рукописной латинской хронике, созданной двумя десятилетиями раньше анналов Ожеховского, выдвинул этногенетическую гипотезу, принципиально отличающуюся от представлений упомянутых нами выше польских историков, назвав прародиной всех славянских народов не Балканы, а северо-западную Русь. Верность своего предположения Ваповский доказал, указав на сходство названий расположенного около Новгорода «озера Словеного» и этнонима «славяне»¹⁶¹. Эта догадка Ваповского сыграла революционную роль для осмысления исторического прошлого не только восточных соседей польского государства, но и самих поляков и всей славянской общности. Новизна подхода этого автора состояла в том, что впервые восточные славяне и ареал их расселения оказались в центре внимания польской исторической мысли, вызвав к жизни многие причудливые этногенетические версии наиболее известных польских историков второй половины XVI в.

В польских исторических сочинениях второй половины XVI в. наблюдается резкий рост интереса к этногенетической проблематике. В контексте разработки вопроса происхождения славян польские авторы по-прежнему уделяли внимание вопросам происхождения не только собственного народа, но также ближайших соседей поляков – чехов и восточных славян. При этом происходит пересмотр средневековых представлений об этногенезе как славян в целом, так и отдельных славянских народов. Говоря об особенностях разработки проблематики происхождения восточных славян, мы можем выделить две тенденции.

С одной стороны, во второй половине XVI в. в Польше приобретает все большую популярность некогда высказанная Меховием новаторская гипотеза, связывавшая прошлое славянских народов с древней Сарма-

¹⁶⁰ Ibidem.

¹⁶¹ Этот тезис Ваповского нашел в отражение сочинениях историков второй половины XVI в. См.: *Bielski M.* Kronika wszytkego świata na sześć wieków, Monarchie cztery rozdzielona [...]. Kraków, 1551. L. 156; *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszytkiey Rusi [...]. Królewiec, 1582. S. 102.

тией и отождествлявшая современные славянские народы с хорошо известными ренессансным авторам по сочинениям античных писателей племенами сарматского происхождения. С другой стороны, совершенно новым направлением этногенетических изысканий польских историков этого времени становится создание концепций происхождения «московского народа», что было в немалой степени обусловлено ростом влияния Московского государства на международной арене.

Ведущие польские историки второй половины XVI в. стремились осветить эти вопросы, высказывая собственные догадки и предположения, неизменно апеллировали к авторитетным источникам – трудам ученых древности и средневековья, а также тексту Священного писания. Мы последовательно рассмотрим авторские этногенетические гипотезы, призванные разрешить загадку происхождения восточнославянских народов в трудах М. Бельского, Кромера, Стрыйковского и Гваньини. Важно при этом отметить, что этногенез русских и москвитов большинство этих авторов рассматривали отдельно, полагая, что эти два народа имели различное происхождение. Лишь Стрыйковскому удалось создать этногенетическую концепцию, позволявшую объяснить очевидную этнокультурную близость восточнославянских народов. Эта особенность делает для нас целесообразным последовательное рассмотрение двух вышеупомянутых концепций: первоначально – концепции происхождения Руси, а затем – концепции происхождения «московского народа».

Концепция происхождения Руси, созданная Марчином Бельским, была представлена во всех трех редакциях его польскоязычной «Хроники всего света». В редакции 1551 г., взяв за основу идею, нашедшую отражение в сочинениях Меховия и Ожеховского, Бельский обосновывает происхождение не только этнонима, но и самого народа Руси от племени роксолан, а также всячески стремится убедить читателя своего сочинения в их исторической известности.

Наиболее раннее по хронологии упоминание о роксоланах Бельским отнесено к временам Митридата Евпатора (132–63 гг. до н. э.), могущественного понтийского царя, покорителя Северного Причерноморья и достойного соперника Рима. Польский историк повествует о войнах, которые этот царь вел с сарматскими племенами, жившими в то время «по другую сторону моря Понтского». Свой рассказ о событиях, в действительности имевших место, автор хроники дополняет собственным комментарием, называя часто упоминавшихся в сообщениях о митридатовых войнах роксолан «нашими предками», и помещает свои рассуждения на эту тему под выносной глоссой «Roxolani / Rus»¹⁶².

Сообщение о войнах роксолан с Митридатом повторяется Бельским и в разделе о происхождении славян, где приводится подробная характеристика этого народа, отсутствующая в последующих изданиях хрони-

¹⁶² *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata ... 1551. L. 35–35v.

ки. Роксоланы здесь вновь охарактеризованы как «наши предки», но на сей раз без прямой увязки с Русью. Польский автор указывает, что они «в то время были язычниками, письма не имели ... в полях проживали, никакого имущества не имели ...»¹⁶³. Эта характеристика была заимствована из описаний народов Северного Причерноморья, создававшимися античными писателями и затем пересказанными византийскими историками.

О роксоланах речь заходит также в связи с изложением Бельским теории о происхождении «словаков» из новгородских земель со ссылкой на хронику Ваповского. Заимствованная у этого автора концепция излагается во всех трех изданиях «Хроники всего света» под выносной глоссой «Словаки от озера Словоёного». В этом разделе Бельский свидетельствует о том, что «после Вандалитов вышли наши предки Роксоланы из Болгарии, того же края, где были и Вандалиты, как о том пишет Прокопий Кесарийский греческий историк; но покойный Бернат Ваповский писал, что произошли они из Москвы, от города Новгорода великого и от озера Словоёного, от которого нас зовут Словаками; ведь все это находится в одной стране ... Снявшись со своих мест, Роксоланы пришли в поля, простирающиеся до ... перекопской земли ... Прослышав о раздорах государей христианских, одни пошли во Фракию ... разбили цесаря Михаила Куроплата в Адрианополе; осели в Мизии и прозвались родным именем Волгария, ныне Болгария. Другие удалились на Волынь, где ныне находятся Волынцы, назвавшиеся также от реки Волги; иные [дошли] до Литвы ...»¹⁶⁴. Не вполне ясно в данном случае лишь то, в какой мере тезис о тождестве роксолан и Руси был плодом самостоятельных рассуждений Бельского, а в какой – заимствованием из сочинения Ваповского.

Свое описание Бельский дополняет сообщением о том, как «звуют или пишут нас историки». В связи с этим приводится длинный перечень этнонимов славянских народов, в числе которых фигурируют Росаны, Роксоланы и Расцы, наименования которых в данном случае также связываются с Русью. О какой-то этнической дифференциации при этом речь не идет. Упомянув в одном ряду с этими народами так же Болгар, Венетов, Антов, Склавов, Иллириков, Истров и др., Бельский свидетельствует, что «все это одни и те же люди были», известные под разными именами¹⁶⁵. Таким образом, сведения о происхождении восточных славян нашедшие отражение в первом издании «Хроники всего света» убеждают читателя в том, что именно на землях, являвшихся родиной сарматов, известных под именем руссов / роксолан, образовался славянский суперэтнос, в дальнейшем разделившийся на отдельные

¹⁶³ Ibid. L. 155.

¹⁶⁴ Ibid. L. 156.

¹⁶⁵ *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata ... 1551. L. 156v.

народы, которые, по сути, произошли от русских. В этой связи вопрос происхождения восточных славян у Бельского сливается с вопросом происхождения славян вообще.

Наибольшую известность приобрела концепция происхождения Руси, представленная в 1-й книге хроники Кромера, которая претерпевала изменения при подготовке этим автором к публикации разных редакций своего труда. Особенностью концепции Кромера является четкое разделение фрагментов, посвященных Западной и Северо-Восточной Руси, выделение в восточнославянском этническом субстрате трех народов: «руссов» (Russi), под которыми подразумевались православные подданные Литвы и Польши, жителей Московского государства – «московитов» (Moschovitae), а также «волынов» (Volini), что можно объяснить политическим разделением восточного славянства в тот период, а также свойственным польской культуре стереотипом восприятия славянского востока¹⁶⁶.

Этническая территория руссов, «которых многие именуют Рутенами» (Russi, quos Ruthenos plerique vocant), описана Кромером под выносной глоссой «Пределы Руссии» (Russiae fines) (фрагмент идентичен в первой и второй редакциях хроники). Польский автор использует в качестве географических маркеров, ограничивающих русские земли, сопредельные страны, реки и моря. Указывается на то, что Руссия располагается между Балтийским морем (Venedicum), Ливонией, Швецией, Ледовитым океаном, Волгой, Азовским (Меотским) и Черным (Понтским) морями, Карпатами (Сарматскими горами), Польшей (Полонией), Литвой и Самогитией¹⁶⁷.

Упоминание в тексте первой редакции хроники Волги в качестве восточной границы Руссии и Ледовитого океана как ее северной границы свидетельствует об очевидном несоответствии заявленной Кромером этнической дифференциации восточных славян и представлений об их этнической территории, поскольку в ареал Руссии здесь включены также и московские земли. Данное несоответствие можно объяснить тем обстоятельством, что польский историк механически перенес сведения о географии Восточной Европы из сочинений своих предшествен-

¹⁶⁶ Подробнее о стереотипах восприятия восточных славян в Польше XV–XVI вв. см.: Kloczowski J. Polacy i cudzoziemcy w XV w. // Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej. Warszawa, 1973. S. 47–57; Геійштор А. Образ Руси в средневековой Польше // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 17–26; Semianczuk A., Semianczuk H. Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. Poznań, 1999. S. 21–36; Карнаухов Д. В. Ренессансная трансформация средневековой традиции восприятия Славянского Востока в польской историографии XVI в. // История идей и история общества: Материалы V Всероссийской научной конференции. Нижневартговск, 2007. С. 36–37.

¹⁶⁷ Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX [...]. Basilea, 1555. P. 16.

ников – Длугоша и Меховия¹⁶⁸, в эпоху написания которых акцентирование этнического размежевания восточного славянства, приобретшее накануне Ливонской войны выраженную политическую окраску, еще не было столь выражено. Для этих авторов проблема этнического размежевания восточного славянства не была настолько актуализирована, как для Кромера, вынужденного учитывать политические реалии современной ему эпохи (накануне и в годы Ливонской войны вопрос границ русских владений Литвы и Польши, стремившихся защитить их от посягательств со стороны московского государя, был предельно политизирован).

Полагаем, что во многом именно поэтому в третьей редакции сочинения Кромера уже нет упоминания о Волге как восточной границе Руси. Прежнее описание подвергается корректировке. В частности, здесь сообщается, что руссы «все еще и в наши дни держат почти те же самые места, ... что находятся к востоку от Карпатских гор и реки Неструм, Понта Евксинского и озера Меотин, куда Танаис впадает, их пределы достигают до Ледовитого океана и Швеции, Ливонии, Литвы и Полонии... а также [земель] по ту сторону Танаиса в Азиатской Европе»¹⁶⁹. Этот фрагмент мы находим и в тексте редакции 1589 г., причем в качестве дополнительного свидетельства о границах Руси на сей раз Кромер приводит реляцию византийского историка XII в. Иоанна Зонары, который, по утверждению Кромера, описал «скифский народ Россов, проживавший вблизи гор Таврии» (*Zonaras ... Rossos gentem Scythicam Tauri montis accolam esse scribit*)¹⁷⁰.

Таким образом, в свое описание этнической территории Руси Кромер постоянно вносил изменения. Столь пристальное внимание к территориальному вопросу далеко не случайно, поскольку его решение создавало предпосылки для объяснения самоназвания и этногенеза руссов. Так, рассуждая об их этнониме, Кромер опровергает ряд мнений о его происхождении. К заслугам этого автора, прежде всего, следует отнести указание на некорректность обозначения восточных славян наименованием *Rutheni*, традиционно использовавшимся в средневековой латиноязычной анналистике. Польский историк замечает, что данное

¹⁶⁸ Волга как важнейшая речная артерия Восточной Европы была известна как Длугошу, так и Меховию. Но если Длугош упоминает о ней лишь один раз (*Historica Polonica ... P. 30*), то для Меховия эта река играет роль важнейшего географического и даже в какой-то степени цивилизационного маркера. В «Трактате о двух Сарматиях» Меховий неоднократно упоминает о том, что эта река «течет из Московии» и именно она отделяет земли христианских славянских народов от Скифии, населенной «ордами татар»: *Матвей Меховский Трактат ... С. 46, 61, 110, 115*.

¹⁶⁹ *Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti [...]. Basilea, 1568. P. 9.*

¹⁷⁰ *Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia, sive De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX [...]. Colonia Agrippina, 1589. P. 8.*

имя на самом деле относилось к древнему народу рутенов в Аквитанской Галлии (*Ruthenorum vetusta gens in Gallia Aquitanica*)¹⁷¹. Этот тезис воспроизведен и в поздних редакциях хроники и дополнен указанием на «вульгарный» характер данной номинации¹⁷². Сам Кромер в последующих книгах своего сочинения практически полностью отказывается от его использования.

Несколько этнонимических гипотез, излагаемых Кромером с критических позиций, содержатся в специально посвященной нашему вопросу 12-й главе 1-й книги хроники, которая была включена в состав лишь первых двух редакций под заголовком «О названии и происхождении Руссов» (*De nominatio et origo Russorum*).

Одна из этих гипотез была выдвинута по результатам изучения ветхозаветных текстов самим Кромером и потому излагается от первого лица: «Я выяснил, что у пророка Езекии упоминаются князья Рос, Мосох и Тубал» (*principis Ros, Mosoch, atque Tubal*)», – сообщает польский историк, давая точную ссылку на свой источник – 38 и 39 главы соответствующей книги Ветхого Завета, а также указывая имена ее толкователей (Евсевия Кесарийского, Феодосия и Симмаха). Для убедительности здесь же приведено авторитетное мнение св. Иеронима, в свое время высказавшего предположение о том, что от имени «Рос» могло произойти название целого народа. Впрочем, свою же версию объяснения происхождения этнонима руссов Кромер признает неубедительной на том основании, что имя «Рос» не встречается в других источниках – «у Бероса, Иосифа или Моисея, а также в древних генеалогиях»¹⁷³.

Вторая гипотеза излагается со ссылкой на «Записки о Московитских делах» (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*) Сигизмунда Герберштейна, впервые опубликованные за шесть лет до выхода в свет первой редакции хроники Кромера¹⁷⁴. В данном случае польский историк пытается объяснить происхождение имени руссов «от древней крепости Русь» (*Russia oppidum vetustum*), расположенной в новгородской земле. В качестве доводов в пользу достоверности этой версии приводятся, с одной стороны, позаимствованная у того же Герберштейна аналогия с Москвой, «невзрачной» крепостью, от которой был назван народ (*ab ignobilibus etiam oppidi populus denominari*), а с другой – ссылка на то обстоятельство, что именно новгородские земли были колыбелью русской государственности¹⁷⁵.

¹⁷¹ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 16.

¹⁷² *Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia ...* P. 8.

¹⁷³ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 18–19.

¹⁷⁴ Нами использовалось второе латинское издание труда Герберштейна: *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein [...]*. Basilea, 1551.

¹⁷⁵ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 19.

Однако далеко не все версии происхождения русской этнонимии, нашедшие отражение в исторической литературе того времени, заинтересовали Кромера. В частности, вовсе была проигнорирована эпонимическая легенда, к которой Кромер относился более чем скептически¹⁷⁶.

Ни одной из представленных версий польский историк не отдает предпочтения и заявляет, что этноним руссов в его современном виде не может претендовать «ни на известность, ни на древность» на том основании, что о нем ничего не знали авторы, упоминавшие о древних славянах, а появляется он лишь «в анналах их народа не ранее седьмого столетия нашей эры»¹⁷⁷.

Кромер также связывает имя современных ему руссов с этнонимами древних сарматских племен роксан и роксолан, причем для обоснования данного сопряжения приводит собственные аргументы. Под выносной глоссой «Роксаны то же, что и Руссы» (*Roxani jidem qui Russi*) этот автор высказывает предположение, что автохтонное население Сарматии «сохранило за собой имя древних Роксан, которое легко превратилось в [имя] Руссиан и Руссов» (... *antiquum Roxanorum nomen retinuisse: cuius facilis est flexus in Russianos, & Russos*), поскольку «между буквой х и двойным ss при многократном пересказе возникает сходство как у древних, так и современных италийцев»¹⁷⁸. Таким образом, Кромер отождествляет современных ему руссов с древними сарматскими племенами, называя жителей Руси прямыми потомками роксан и роксолан, а также наследниками их исторической известности. Еще одним доводом в пользу этой гипотезы Кромеру представляется приблизительное совпадение ареала проживания руссов и древних сарматов, что, по его указанию, приведенному под выносной глоссой «Местоположение Роксан», подтверждается свидетельствами Птолея, Плиния, Тацита и Страбона¹⁷⁹.

В результате предпринятых усилий, Кромеру удалось согласовать концепцию происхождения имени и народа руссов с приобретаемой все большую популярность полонцентристской «сарматской» теорией происхождения славян, которая несла крайне важную идеологическую нагрузку и долгое время служила историческим обоснованием внешнеполитической доктрины ягеллонской Польши. Согласно этой теории, именно Сарматия рассматривалась в качестве прародины славянских народов, что давало возможность значительно «удревнить» их генеалогию, распространяло на славян доблести воинственных сарматов, и, в конечном счете, давало право претендующему на это наследие современному польскому государству на законных основаниях осуществлять

¹⁷⁶ Ibid. P. 21–25.

¹⁷⁷ Ibid. P. 16.

¹⁷⁸ Ibid. P. 17.

¹⁷⁹ Ibid. P. 16.

политическую экспансию на востоке Европы¹⁸⁰. Аргументы Кромера, восходившие к высказанной еще Меховием догадке о тождестве руссов и роксолан, во многом способствовали окончательному утверждению сарматской теории в качестве базовой модели объяснения славянского этногенеза в историографии второй половины XVI в., поскольку польским историкам лишь благодаря сопряжению роксоланы-роксаны / руссы удалось доказать этнонимическую, а значит, и этногенетическую связь славян и сарматов.

Под влиянием сочинения Кромера Бельский в третьей редакции «Хроники всего света» конкретизирует, упорядочивает и дополняет свою концепцию происхождения Руси, в частности еще больше акцентирует заимствованный у Ваповского тезис о происхождении славянских народов из новгородских земель. Особенность подхода Бельского заключалась в консолидации аргументов, характерных как для «сарматской» гипотезы, так и для эпонимической легенды, на что Кромер не решился из-за скептического отношения к преданию о славянских братьях. Бельский свидетельствует о том, что «Лех, а также Чех, предки наши, славянский князь, не с Далмации или с Карвации пришли в страны немецкие ... а из русских стран, они в то время широко расселялись на больших равнинах между реками Волгой и Днестром, которые из Москвы выходят и прилегают к Москве ...». По словам автора «Хроники всего света», именно из этих земель «орды роксоланов» начали продвижение на запад, в том числе на Балканы и в «немецкие страны», а также братья Чех и Лех пришли из этого региона на те земли, которые занимают произошедшие от них современные народы чехов и поляков. Что касается восточных славян, то есть автохтонных жителей Роксолании («тех, которые на месте остались»), то их земли, по словам Бельского, «и ныне зовут Русией, от Руссанов или Роксоланов, вместе с Москвой; они потому Роксоланы, потому что одного народа и языка с Роксоланами»¹⁸¹. В заключении Бельский делает вывод о том, что «народ славянский был некогда в единстве в тех странах» и относит существенное различие нравов современных славянских народов на счет влияния со стороны иноземных культур.

Таким образом, Бельский, опираясь на авторитет «доктора Кромера», не просто дополняет сложившуюся в начале XVI в. сарматскую теорию непосредственного происхождения славян «с востока» из Сарматии-Роксолании, но и полемизирует с традиционным для западнославянской хронографии взглядом на происхождение славян «с юга». Деятельность этого польского историка, как следует из анализа различных редакций

¹⁸⁰ Подробнее об этом см.: *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

¹⁸¹ *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historya świata na sześć wieków i na cztery Monarchie rozdzielona [...]. Kraków, 1564. L. 336.

его хроники, дает нам возможность проследить процесс постепенного пересмотра этногенетических представлений польской исторической мысли конца XV – первой половины XVI в.

Вместе с тем «двойственностью» политической принадлежности земель Роксолании способствовала актуализации в трудах польских историков вопроса установления соответствия между политическим размежеванием восточных славян и различиями в их происхождении. На решение этой задачи были сориентированы трактовки этногенеза «московского народа», подвергшиеся значительной эволюции на протяжении всего лишь нескольких десятилетий.

Первая полноценная этногенетическая концепция, позволявшая объяснить происхождение «московского народа» была представлена в хронике Кромера. В сочинениях его предшественников высказывались лишь отдельные догадки, касавшиеся прошлого москвитов. Так, в ученой мысли Европы первой половины XVI в. приобрела популярность гипотеза, связывавшая их происхождение с древними народами Ближнего Востока – амаксобитами и модоками. В частности, в 1518 г. швейцарский гуманист Иоахим Вадриан (Ioachim Vadianus), автор комментариев к одному из первых изданий географического трактата Помпония Мелы, указывает на то, что упоминавшийся в этом источнике народ Амаксобитов ныне находится в других местах и его «поляки, исказив слово, называют москвитами» (Namaxobitae... esse quos hodie alibi sitos Poloni Moscouitas nommant corrupto uocabulo). Свидетельство о тождестве москвитов и модоков мы находим у итальянского историка Павла Йовия в «Книге о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VIII», опубликованной в Риме в 1525 г., где он ссылается на V книгу «Географии» Птолемея, содержащей описание народа модоков¹⁸². Марчин Бельский во второй редакции «Хроники всего света», апеллируя к парабиблейской традиции, высказывает мнение, что легендарным праотцом «московского народа» был один из ветхозаветных героев, а именно «Мосх или Мосох, сын Иафета»¹⁸³. Однако для обоснования своего предположения Бельский никаких усилий не прилагает.

«Рассуждения» на тему этногенеза «московского народа» мы находим в 9-й главе 1-й книги первой и второй редакций хроники Кромера¹⁸⁴, а также в 8-й главе 1-й книги в третьей, четвертой и пятой ее редакциях¹⁸⁵. Под выносной глоссой «Откуда Мосхи и когда они так

¹⁸² *Pauli Iovii Nouocomensis libellus de legatione Basilii magni Principis Moschouiae ad Clementem. VII. Pont. Max. [...]* // *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. М., 1997. P. 240.

¹⁸³ *Bielski M. Kronika wszytkyego świata na sześć wieków i na czwory księgi takżej Monarchie rozdzielona [...]*. Kraków, 1554. L. 6v.

¹⁸⁴ Текст 9-й главы в первых двух изданиях хроники идентичен.

¹⁸⁵ Текст 8-й главы идентичен в третьей и четвертой редакциях хроники. В пятой редакции в него внесены отдельные изменения.

стали называться» (*Moschi unde, et quando appellari coepti*) в качестве предполагаемых древних предков московитов на основании сходства в наименованиях Кроммер называет племена «амаксобиев» (*Amachobiae*), «модоков» (*Modocae*), «мосхенов» (*Moschenaе*), «мосхов» (*Moschi*), свидетельства о которых им были найдены в ветхозаветных текстах и сочинениях античных писателей¹⁸⁶.

С целью верификации, подтверждающей вышеупомянутую гипотезу «записи» (*scriptum*) Иосифа Флавия о проживавшем в Каппадокии «народе Мосхинов, произошедшем от Мосха или Мосоха, сына Иафета» (*Moschinos populos ... a Moschum, sive Mosoch Iapheti filio, ut est in Genesi apud Mosen, oriundos esse*), Кроммер обращается к 10-й главе Книги Бытия. Он также приводит сведения, позаимствованные из 6-й, 9-й и 13-й глав V книги «Географии» Птолемея, о некогда проживавшем в Азиатской Сарматии «народе Модокон», о «Москских» или «Мосхских» горах в Каппадокии или Армении (*Moschicos, sive Moschios montes in Capradocia, sive Armenia*). Наконец, привлекаются свидетельства из «Географии» Страбона о «народе Москов», жившем по соседству с Колхами (*Moschos populos Colchis finitimos*), и «Естественной истории» Плиния Старшего, в свое время описавшего «народы Мосхенов и местоположение Мосхов» (*Moschenos populos, et Moschorum tractum*)¹⁸⁷.

Кроммер отмечает, что в современный ему период сосуществуют три формы обозначения населения московских земель: латинская *Moschi*, германская *Moschovitae* и славянская *Mosqua*¹⁸⁸. Разнотчения польский историк объясняет неопределенностью происхождения имени этого народа и различиями в традициях его наименования. Подводя итог своим «рассуждениям», польский историк делает акцент на том, что московский народ «как в Европейской, так и Азиатской Сарматии долгое время скрыто господствовал, пользовался Славянским языком... и с тех отдаленных времен на протяжении многих веков эти свои земли удерживает»¹⁸⁹.

Благодаря обоснованию и популяризации данной гипотезы, Кроммеру удалось согласовать концепцию происхождения московитов с распространенными в его время представлениями об истории древних цивилизаций. Вместе с тем очевидное противоречие концепции Кроммера состоит в том, что, несмотря на констатацию различий в происхождении русских и московитов от различных народов древности, он одновременно включал и тех и других в число славянских народов, приняв во внимание прежде всего очевидное их сходство в языке и культуре. Возникшую коллизию Кроммер в третьей редакции своего сочинения объясняет

¹⁸⁶ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 15.*

¹⁸⁷ *Ibid. P. 14.*

¹⁸⁸ *Ibid. P. 15.*

¹⁸⁹ *Ibid. P. 14–15.*

тем, что «мосхам» лишь на определенное время перешло имя «русов или роксолан» по причине их длительного проживания на одной и той же территории, а впоследствии было возвращено первоначальное наименование¹⁹⁰.

На данное противоречие в своей концепции происхождения восточных славян также обратил внимание Стрыйковский, который, обосновывая достоверность «сарматской» и «мосоховой» генез, предпринимает попытку их согласования, приводя собственную аргументацию.

В 1-й книге своего сочинения Стрыйковский упоминает о «разделении языков при построении Вавилонской башни и размножении многочисленных и разнообразных народов от трех сыновей Ноя», ссылаясь на ветхозаветные тексты, а также свидетельства Бероса и Иосифа Флавия. При описании истории народов, возникших в результате такого разделения, польский автор представляет обе упомянутые нами выше трактовки этногенеза восточных славян.

С одной стороны, Стрыйковский старается вписать свои умозаключения в рамки сарматской теории путем применения традиционного для его эпохи приема – поиска соответствий между именами библейских персонажей и этническими наименованиями древних или современных народов. Оптимальным вариантом объяснения происхождения «сарматской» этнонимии для Стрыйковского становится ее сопряжение с именем Асармота – правнука Ноя через Сима¹⁹¹. По словам автора хроники, именно этот библейский герой «от своего имени назвал» сарматский народ, в результате чего это наименование и «получило распространение среди историков»¹⁹². Тождественность древних сарматов и современных ему славян Стрыйковский верифицирует, сославшись на авторитетное мнение Кромера¹⁹³, приписывая последнему утверждение, что под именем сарматов подразумеваются «некоторые народы скифские, и наши все предки, Москва, Поляки, Русаки, Литва, Жмудь, Поморяне, Волынцы и т.д.»¹⁹⁴. Однако именно в таком виде данный тезис в хронике Кро-

¹⁹⁰ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1568. P. 10.

¹⁹¹ В тексте хроники можно встретить сразу четыре варианта написания этого имени: Асармот, Асармат, Сармат и Сармата. Во всех случаях Стрыйковский имеет в виду одно и то же лицо.

¹⁹² *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 13.

¹⁹³ Судя по всему, Стрыйковский использовал третью редакцию хроники Кромера.

¹⁹⁴ В тексте хроники Стрыйковского эта фраза выглядит так: «*zamykaią się niektóre narody Scytijskie / u Historikow / i naszy wszyscy przodkowie / Moskwa / Polacy / Rusacy / Litwa / Zmódź / Pomorzanie / Wołyńcy etc.*» (Ibid. S. 13). Вызывает интерес употребление оборота, который трудно адекватно передать на русском языке. Стрыйковский использует возвратный глагол *zamykać się*, который в данном контексте, с нашей точки зрения, может означать идентификацию славян под именем сарматов, но вовсе не предполагает констатации факта происхождения первых от вторых.

мера не был представлен, поскольку ни Москва, ни Литва и Жмудь к сарматским народам этим автором прямо не были причислены. Таким образом, применение «сарматского» маркера ко всем народам Восточной Европы было гипотезой самого Стрыйковского.

С другой стороны, также в 1-й книге своей хроники Стрыйковский пытается обосновать альтернативную этногенетическую гипотезу, связывавшую происхождение восточных славян с другим ветхозаветным героем – младшим сыном Иафета Мосохом, который, согласно библейскому рассказу, приходился внуком «праотцу» Ною¹⁹⁵. Как можно видеть, здесь также был реализован прием этнонимического сопряжения, однако на сей раз имя легендарного первопредка славян отождествляется с названием современной Стрыйковскому этнополитической общности «московитов» – «московским народом». Каких-либо ссылок на мнения древних или современных авторов, позволявших верифицировать данную гипотезу именно в таком виде, в хронике Стрыйковского мы не обнаруживаем. Этот автор утверждает лишь от своего имени, что именно Мосох «является Отцом и Патриархом всех народов Московских, Руских, Польских, Вольньских, Ческих, Мазовецких, Булгарских, Сербских, Карвацких, и всех вообще, сколько есть народов Славенского языка»¹⁹⁶. Таким образом, Стрыйковский «по умолчанию» приписывает данную гипотезу себе, вовсе не упоминая о том, что в свое время Бельский во второй редакции «Хроники всего света» уже называл Мосоха праотцем не только московитов, но и всех «славаков»¹⁹⁷.

Обе упомянутые нами выше этногенетические гипотезы в развернутом виде излагаются Стрыйковским в 4-й книге его хроники, где речь идет о выяснении «правдивого и подтвержденного доказательствами происхождения народов наших Сарматских, Славянских, Руских, а при том и Литовских ... о том, каким образом они от потомства Ноя пошли и также почему в этих северных странах осели»¹⁹⁸. При этом «мосохова» генеза для Стрыйковского является базовой, тогда как «сарматская» теория играет вспомогательную роль. Именно с первой из них польский историк согласовывает славянскую эпонимическую легенду, являвшу-

¹⁹⁵ В польской историографической традиции в качестве возможных первопредков славян были представлены три связанные с Иафетом персонажа: его старший сын Гомер (через сына Рифата), четвертый – Яван (через сына Елису) и шестой – Мосох (напрямую). Ни один из них не был выделен в качестве славянского «праотца» самим Стрыйковским – упомянутые родословные были обоснованы более ранними польскими историками. Предположения о происхождении славян «от Гомера» и «от Явана» можно встретить в трудах Длугоша, Меховия, Ваповского, М. Бельского и Кромера, но при этом упомянутые теории так и не стали ключевым элементом этногенетических построений этих авторов.

¹⁹⁶ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 17.

¹⁹⁷ *Bielski M.* Kronika wszytkego świata ... 1554. L. 6v.

¹⁹⁸ *Ibid.* S.86.

юся ключевым элементом объяснения разделения славянской общности на отдельные народы, утверждая, что «от Мосоха, патриарха нашего, шестого сына Иафета, и от его потомков Русса, Леха и Чеха [произошли] все Руссаки, Поляки, Москва, Булгары, Чехи»¹⁹⁹.

В то же время Стрыйковский также был вынужден решать задачу соотнесения родословной славян «от Мосоха» с сарматской теорией, которая в его время приобретала все большее идеологическое значение для польского государства. Нам уже приходилось говорить о том, что родословная славян «от Мосоха» никак не сочеталась с сарматской этнонимической номенклатурой, а единственный подходящий на роль эпонима персонаж Асармот был потомком Сима, то есть вовсе не был связан с родом Иафета. В результате, польский автор оказывается перед дилеммой – либо принять сарматский этнонимический маркер за основу и отказаться от «мосоховой» генезы, либо попытаться объяснить различия. Стрыйковский выбирает второй путь, можно предположить, по причине очевидной привлекательности фигуры Мосоха в качестве первопродка славян.

Эта привлекательность прежде всего обуславливалась тем, что Мосох, в отличие от других потенциальных «праотцов» из числа реальных ветхозаветных персонажей, был наиболее близок в родовой иерархии к Ною, а именно, являлся его внуком. Второй аргумент – историчность Мосоха. Стрыйковскому не приходится доказывать самого факта существования Мосоха, ему достаточно сослаться на источники, чей авторитет в то время был неоспорим. Польский автор указывает на то, что уже с древности «о Мосохе, патриархе Славянском» много писали крупнейшие историки, по-разному называвшие его имя (Moscus, Mosca)²⁰⁰. Стрыйковский при перечислении этих авторов демонстрирует редкое для исторической литературы того времени качество – приводит точные ссылки на цитируемые или используемые тексты. По ходу изложения мнений тех или иных авторов в тексте хроники приводятся латинские цитаты и в отдельных случаях дается их перевод на польский язык. Так, например, цитируется свидетельство «древнейшего халдейского историка» Бероса об основании «Мосхом народа Мосхов одновременно в Европе и Азии» и иудейского историка Теодора «Библиандра» о мосхах в Азии, в Каппадокии²⁰¹. Все эти аргументы, подкрепленные выдержками из трудов древних авторов, призваны были убедить читателя в том, что как сама фигура Мосоха, так и его исторические заслуги неоспоримы.

Стрыйковский также прилагает немало усилий для доказательства древности происхождения основанного Мосохом «народа мосхов» и

¹⁹⁹ Ibid. S. 89.

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Ibid. S. 90.

одновременно полемизирует с получившей широкую известность после публикации записок Герберштейна теорией, объяснявшей происхождение названия ключевого для «мосоховой» генезы топонимического маркера «Москва» от «реки, города и столичной крепости»²⁰². Стрыйковский, отстаивая свою позицию, апеллирует к логике: доказав с использованием конкретных исторических примеров тот факт, что крепость Москва имеет относительно недолгую историю (тогда как о потомках Мосоха говорили очень древние авторы), он приходит к выводу, что «имя Московского народа было известно древним историкам благодаря Мосоху»²⁰³.

«Мосохову» и «сарматскую» генезы Стрыйковский согласовывает с помощью двух доводов. С одной стороны, он ссылается на уже упоминавшийся нами выше фрагмент 8-й главы 1-й книги третьей редакции хроники Кромера (для убедительности дается точная цитата в оригинальном латинском варианте без польского перевода), где сходство упоминавшихся древними авторами Мосхов и русских или роксолан объяснялось их близким соседством, повлекшим за собой «обмен» этнонимами²⁰⁴. С другой стороны, Стрыйковский предпринимает попытку соотнести две противоречащие друг другу теории славянского этногенеза через анализ взаимоотношений эпонимов Мосоха и Сарматы. Сармата характеризуется Стрыйковским как «родственник» (krewny) Мосоха, на том основании, что оба они имели общего главу родовой иерархии – Ноя. Сославшись на Книгу Бытия, 14-ю главу «*Antiquitatum Hebraicarum*» Иосифа Флавия и сочинения Бероса польский автор описывает взаимоотношения этих персонажей и их народов после разрушения Вавилонской башни, в частности свидетельствует, что Мосох отправился вслед за Сарматой «через армянские горы, и скифские или татарские поля из восточных стран в северные части мира, и осели они оба прямо на побережье Понтского или Черного моря в 131 г. после Потопа»²⁰⁵.

Данные аргументы позволили Стрыйковскому устранить противоречия между двумя трактовками славянского этногенеза, так как им было доказано, что славяне по крови связаны с «народом мосхов», а по имени – с сарматскими племенами роксолан. Причем оба варианта номинации были приемлемы и престижны, поскольку «мосохова» этнонимия актуализировалась в рамках парабиблейской традиции, тогда как роксоланы-сарматы в большей степени были известны по сочинениям античных римских и греческих историков. Достижение столь важного компромисса позволяет Стрыйковскому рассматривать в качестве древ-

²⁰² Ibid.

²⁰³ Ibid. S. 91

²⁰⁴ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1568. P. 10.

²⁰⁵ *Strzykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 91

них предков восточных славян как мосхов (этнонимически связанных с современными «московитами»), так и роксолан (этнонимически связанных с современным «народом русским»).

В результате, ключевым элементом этногенетической концепции Стрыйковского становится признание «патриарха Руского и Сарматского» Мосоха одновременно эпонимом московитов, праотцем восточных славян и персонификацией общеславянского праотца. Он же называется Стрыйковским создателем первого государства «народа мосхов» – Колхидского королевства, «известного своим золотым руном»²⁰⁶. В дальнейшем «народ Славянский Руский», пишет Стрыйковский, начинает осваивать и заселять огромные пространства Восточной Европы: «все северные страны ... народами Славянского языка наполнились ... везде около Кимерии, Боспора и Черного моря ... Танаиса, Оки, Волги, Камы, Днепра, Буга, Десны, Днестра, Дуная вплоть до истоков Двины и Немана они осели на всех берегах, наконец до ледяного Балтийского моря ... достигли Норвегии, распространили имя, мощь и власть Славянского языка»²⁰⁷.

В своей хронике Стрыйковский неоднократно использует «мосохову» этнонимно в качестве этногенетического и этногеографического маркера. Особенно показательна здесь апелляция к хронике Ваповского. Стрыйковский воспроизводит гипотезу этого автора о происхождении этнонима «славаков» «от озера Словеного» и адаптирует ее к «мосоховой» генезе, указав на то, что «Поляки, Чехи, Булгары и все другие Славаки и Русаки ведут свое происхождение от Мосоха или Москвы, сына Иафета, потому что из стран московских вышли»²⁰⁸. При этом для подхода Стрыйковского (в отличие и от оригинальной гипотезы Ваповского и более поздней интерпретации Бельского²⁰⁹) было характерно сочетание этнотерриториальных, этногенетических и этнополитических представлений, порожденных геополитическими изменениями регионального масштаба, произошедшими во второй половине XVI столетия. К примеру, высказывая предположение о происхождении славян из восточнославянских земель, Стрыйковский предпочитает использовать не топонимический («озеро Словеное»), но, главным образом, понятный для его современников государственный маркер, прибегая к определениям «московские пределы» и «края московские», едва ли актуальным применительно к новгородской Руси (где и находится упомянутое озеро) в первой половине века, когда Новгород все еще воспринимался внешними наблюдателями как квазисуверенное образование, по крайней

²⁰⁶ Ibid. S. 92¹ (в использовавшемся нами экземпляре – дефект пагинации – одинаковый номер на двух страницах).

²⁰⁷ Ibid. S. 92¹–92².

²⁰⁸ Ibid. S.102.

²⁰⁹ *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata ... 1551. L. 156v.

мере *de facto*. Для сравнения отметим, что еще на рубеже 50-х и 60-х гг. XVI в. Бельский, так же пытавшийся решить вопрос локализации славянской прародины на востоке Европы, не был столь категоричен в применении к ареалу происхождения славян определения «московский» и несколько раз оперировал менее привязанными к Москве географическими понятиями, говоря о «русских землях» и «обширной области ... в соседстве с Москвой»²¹⁰.

В новой исторической обстановке Стрыйковский вынужден был в гораздо большей степени считаться с возрастающей ролью Москвы в региональной политике, нежели кто бы то ни было из его предшественников. Именно поэтому он пересмотрел замысел Ваповского настолько, что вовсе отказался от топонимической привязки своей этногенетической концепции, соотнес изложение ранней этнокультурной истории славян с актуальными этнополитическими реалиями и, в результате, сформулировал принципиально новую теорию происхождения восточных славян, смысл которой заключался в их сопряжении с библейским Мосхом, именно потому, что имя последнего созвучно Москве как центру сопоставимого по своей мощи с Польшей славянского государства.

Предпочтение Стрыйковским «мосховой» генезы и связанной с ней этнонимии не исключало использования при описании этногенеза восточных славян не менее престижной сарматской терминологии. Основанием для этого послужило сопряжение этнонима «Русь» с наименованиями широко известных античным авторам сарматских племен, в первую очередь роксолан, а также совпадение географического ареала расселения древних сарматов и современных Стрыйковскому восточных славян.

Отсутствие упоминаний о «русаках» в греческих и латинских источниках (контрастирующее с известностью «народа мосхов») Стрыйковским объясняется тем, что последние все «северные народы» называли скифами и сарматами, за исключением имени «Роксоланов или Роксанов, которые имеют отношение к Руссанам или Росанам и Руси»²¹¹. Основанием для такого суждения для Стрыйковского служат свидетельства Птолемея, Страбона и Плиния, которые находили роксолан неподалеку от «озера Меотис, в которое Танаис или Дон впадает». От себя польский историк добавляет, что там «ныне Московские и Белорусские народы живут»²¹².

Стрыйковский приводит выдержки из античной литературы, способные подтвердить славянское происхождение сарматских племен. Под выносной глоссой «Страбон о Руси» он помещает подтвержденное цитатой свидетельство знаменитого географа о том, что «Роксаны или Рус-

²¹⁰ *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 335v – 336.

²¹¹ *Ibid.* S.110–111.

²¹² *Ibid.* S.111.

саны ... проживавшие между реками Танаисом или Доном и Днепром ... сражались против военачальников Митридата Евпатора»²¹³. Далее Стрыйковский пересказывает фрагмент 17-й книги сочинения «древнего историка» Корнелия Тацита, где речь идет о военных действиях против двух римских когорт «сарматского народа Роксолан» (*Roxolani Sarmatica gens*) в имперской провинции Мизии во времена правления императора Оттона Сильвия. Все эти свидетельства, по мнению Стрыйковского, указывают на то, что «имя Роксоланов и Роксанов известно было» с давних времен, а по сообщениям Птолемея, еще и «за несколько сот лет до Рождества Христова»²¹⁴.

По всей видимости, приведенные аргументы, хотя и убеждают читателей в исторической известности сарматских народов, представляются Стрыйковскому недостаточно убедительными для выяснения происхождения самого этнонима «Русь», так как он пишет о том, что трудно понять, «оттуда ли Роксоланы были названы Россанами и Руссаками, или Русией»²¹⁵. Одну из версий происхождения «русской» этнонимии Стрыйковский, следуя упомянутой нами выше гипотезе Кромера, связывает с «князем Россом», который мог дать имя русским точно также, как Мосох московитам, Асармот сарматам, а Туискон немцам, поскольку «близок названию Руси и Россов или Руссов». Повторяя все того же Кромера, Стрыйковский считает эти аргументы спорными и почти буквально воспроизводит аргументацию своего предшественника о том, что сомнения обусловлены тем, что имя Росса «не встречается больше нигде в Библии, а только у Езекии, но его нет ни у Бероса, ни у Иосифа»²¹⁶. Косвенно говорит в ее пользу, по мнению Стрыйковского, лишь то, что «греки, древние и нынешние, Русь не Руссией, а Россией называют и пишут, по видимому потому, что думают, что Русь от слова Росс у Езекии названа»²¹⁷.

Далее Стрыйковский ссылается на «хронистов наших польских», в числе которых упоминаются Длугош и Меховий, а также приводится их суждение, что «русские земли были названы и размножены от РУССА (od RUSSA), внука, или как некоторые говорят, родного брата Леха и Чеха». Сам Стрыйковский полагает, что «Русс или Русса (в имени которого только одна буква **У** не согласуется с езекиевым Россом) является третьим братом Леха и Чеха, прямым потомком Мосоха от Иафета, многочисленные и широко расселившиеся народы в северных и восточных пределах и на юге распространил, заселил и от своего имени те

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ Ibid. S.112.

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ Ibid.

земли (как и другие его братья Лех и Чех) наименовал»²¹⁸. Тем самым Стрыйковский качественно трансформирует славянскую эпонимическую легенду, поскольку уравнивает родовой статус всех трех эпонимов и основателей современных славянских народов. Более того, впервые в польской историографии главой родовой иерархии прародителей славянских народов признавался именно Рус.

Стрыйковский приводит ряд других мнений о происхождении имени русских от цвета волос или города Руссы под Новгородом, но характеризует их как вздорные, поскольку, по его мнению, «не хозяина по построенному его собственными руками дому, а дом по имени хозяина называют»²¹⁹. Историк также обращает внимание на то обстоятельство, что «Москва и все Белоруссаки всех тех вышеизложенных родоводов и объяснений названия народа своего Руского, или Российского не принимают», поскольку считают их с правдой не согласующимися. «А то утверждают, что Руссия или Руские народы с древнейших времен себя называют Россиею (Rossieią), то есть людьми рассеянными и расселенными на обширных территориях всего мира»²²⁰. Стрыйковский усматривает связь данной точки зрения с распространенным прежде всего в греческой историографии мнением, что все сарматы называются «номадами», то есть народами перемещающимися с одного места на другое, и «спорами», то есть «распростертыми» и «рассеянными». Здесь же Стрыйковский дает ссылку на Священное Писание и книги пророков, в которых понятие «рассеяние» обычно употребляется, когда речь идет о разделении народов.

Несмотря на некоторую сумбурность изложения и хаотичность аргументации, за рассуждениями Стрыйковского, с нашей точки зрения, стоит стремление упорядочить многочисленные этногенетические гипотезы его предшественников, скорректировать образ древнейшей славянской истории, а также подтвердить тезис о локализации славянской прародины «на востоке», связать ее территориально с восточнославянскими землями, что было вызвано особенностями актуальной ситуации в Восточной Европе, сложившейся в результате тех геополитических изменений, к которым привела Ливонская война.

Современники Стрыйковского не представили полноценных концепций происхождения Руси и Московии, как правило, ограничиваясь пересказом мнений предшественников, дополнявшихся собственными оценочными суждениями. Такого рода фрагменты, посвященные восточнославянским этногенетическим сюжетам, можно найти в сочинениях Яна Красиньского (1574), Александра Гваньини (1578, 1611) и Станислава Сарницкого (1585, 1587).

²¹⁸ Ibid. S.112–113.

²¹⁹ Ibid. S.113.

²²⁰ Ibid.

В латинском трактате Красиньского, публикация которого была приурочена к избранию на польский трон французского принца Генриха Валуа, помимо свидетельств о происхождении славянских народов мы находим также краткое историко-географическое описание восточнославянских земель Речи Посполитой. Хороним «Сарматия» этот польский автор считает старинным названием Польши (*Polonia olim Sarmatia*)²²¹, а происхождение славян связывает с «Руссией», известной древним авторам под названием Роксолании (*Slavos ex Russia quae vetustis autoribus Roxolania*)²²², обращая внимание читателей на то обстоятельство, что ныне эта территория принадлежит Польше (*Slavinorum populi ex Russia in Poloniam*)²²³. Тем самым Красиньский повторяет аргументы Кромера, сославшись на его сочинение²²⁴, в частности передает свидетельство о неизвестности античным историкам этнонима «руссов», современных насельников древней славянской прародины, а также констатирует тождественность имен роксолан и руссов (*Roxolanorum nomen tamen, quod Russorum appellationi convenit*)²²⁵. Таким образом, все, что было сказано о роксоланах древними писателями, автор трактата относит на счет руссов²²⁶.

Происхождение польского народа Красиньский также связывает с Роксоланией и при этом выдвигает собственную версию этногенеза поляков, свидетельствуя о том, что легендарный прародитель поляков Лех переселился в Польшу из Роксолании приблизительно во времена гуннского короля Атиллы (*Polonos Duce Lecho ex Roxolania in Polonia migrasse, circiter Atillae Hunnorum regis tempora*)²²⁷. Важно отметить, что именно в таком виде польская эпонимическая легенда не была представлена ни в каком ином сочинении того времени. Таким образом, Красиньский представляет Роксоланию древней родиной современного ему польского народа, окончательно пересматривает «южную» теорию происхождения славян. Причиной такого решения, по всей видимости, является стремление Красиньского обосновать включение части Роксо-

²²¹ *Ioannis Crassinii Polonia* [...]. Bononiae, Apud Peregrinum Bonardum. Venia ad superioribus consella. [1574]. F. 2v.

²²² *Ibid.* F. 6.

²²³ *Ibid.* F. 7.

²²⁴ Кромер единственный из польских авторов удостоен в трактате персональной ссылки, назван «великим мужем». Красиньский утверждает, что именно он «первым всю историю Польши осветил».

²²⁵ *Ioannis Crassinii Polonia* ... F. 6v.

²²⁶ Хотя Красиньский ссылается непосредственно на труды Плиния, Тацита и Страбона, приводимые им выдержки из этих источников идентичны тем, которые мы находим в тексте третьей редакции хроники Кромера (Для сравнения: *Martini Cromeri De origine et rebus* ... 1555. P. 9; *Ioannis Crassinii Polonia* ... F. 6v–7).

²²⁷ *Ioannis Crassinii Polonia* ... F. 11v.

лании в состав владений польского короля, что ориентировано, главным образом на европейских читателей трактата.

Этнокультурную характеристику восточнославянских земель Красиньский представляет в специально посвященной описанию этого региона главе «О Роксолании». При этом польский автор указывает на сходство роксолан и других славянских народов в языке и обычаях (*Roxolani ... lingua, & moribus nihil fere ab alijs Slavonicae linguae populis discrepant*)²²⁸, а также не разделяет их на какие-либо группы по этническому и культурному признакам, поскольку к «роксоланскому народу» отнесены также и москвиты²²⁹. В трактате также содержится указание на его «альтернативное» наименование – «россияне», объясняемое, со ссылкой на «древних», дисперсностью и рассеянностью проживания (*Rosseiam ... quasi gentem dispersam vel disseminatam*)²³⁰. Географические границы Роксолании-Руси Красиньский описывает по сочинениям Герберштейна и Кромера. Политической границей, разделяющей земли, населенные «роксоланским народом», на владения польского короля и великого Князя Московского, автор трактата называет реку Борисфен²³¹, по всей видимости имея ввиду верховья Днепра, а конкретно смоленские земли.

Несмотря на то, что по сравнению с «фундаментальными» сочинениями Кромера и Стрыйковского «книжечка» Красиньского являлась не более чем кратким конспектом основных тезисов сарматской теории происхождения славянских народов, ее информационное значение было огромным. Польское государство здесь было представлено как легитимный владелец значительной части территории, признававшейся древней славянской прародиной, что способствовало повышению в глазах просвещенных европейцев культурного статуса как Польши, так и Роксолании-Руссии.

Близкий по форме и идеологической направленности очерк происхождения восточнославянских народов был представлен на страницах сочинений Александра Гваньини. Этот автор изложил сарматскую этногенетическую концепцию, ориентируясь, в основном, на аргументы Кромера и Бельского. В отличие от Красиньского, Гваньини отказывается восточнославянским народам – «руссам или рутенам» (*Russici & Rutheni*) и «москвитам» (*Moschovitae*) – в общем происхождении: поскольку москвитов считает потомками каппадокийских мосхов²³², а руссов – потомками «жестокоего народа роксолан или россан», расселившегося

²²⁸ Ibid. F. 113.

²²⁹ Ibid. F. 109v.

²³⁰ Ibidem.

²³¹ Ibid. F. 110v.

²³² *Gwagnini A. Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum [...]. Cracoviae, 1578. F. 47v.*

на берегах Дона и Азовского моря, доказательством чего считает созвучие их этнонимов (*a fluvio Tanai et paludibus Meotidis gens crudelis ... Roxolani sive Rossani, et Rutheni Rußiquae cognominati sunt*)²³³. Ранняя этническая история руссов-роксолан, по мнению Гваньини, была тесно связана с племенем «волгар или волгин» (этноним производится «от Волги»: *Volgari ... sive Volhini populi ex ijsdem sedibus a Volga amplissimo cognominati*) по причине сходства нравов этих народов, а также общности славянского языка (*moribus et Idiomate Slavonico cum Roxolanis concordantes*). Роксоланы и «волгары», по свидетельству историка, совместно заселили Таврию (*Tauricae Regionem*), после чего расселились не только по территории современной Руси, но и на Балканском полуострове²³⁴.

В трудах Гваньини собраны разнородные, нередко противоречащие друг другу гипотезы происхождения «русской» этнонимии и народа Руси, причем больше всего таких казусов мы обнаруживаем в польскоязычной версии сочинения этого автора, опубликованной в 1611 г. К примеру, библейским первопредком славяно-сарматского народа здесь назван Иафет, что указывает на заимствование этого тезиса из хроники Стрыйковского, однако не сопровождается изложением «мосоховой» генеалогии, в которую он был интегрирован в первоисточнике. Этноним «роксоланы» Гваньини представляет как комбинацию наименований двух племен – Руси и Аланов (*Roxolany, yakoby Ruś i Alani*), в числе противников предков руссов называет свеонов, или шведов, готов, понтского короля Митридата, римских императоров Оттона и Льва I²³⁵. Механически перечислены упоминавшиеся когда-либо версии происхождения имени и народа Руси: от «Руса, внука Леха», библейского «князя Роса», городка Руссы, «от русских волос» и «рассеяния». При этом Гваньини не предпринимает попытки критически проанализировать заимствованные из произведений предшественников гипотезы, а также не представляет собственной трактовки этногенеза руссов.

В хронике Сарницкого также сделан акцент на «сарматской» генезе славян. Однако, в отличие от сочинений Бельского, Кромера и Стрыйковского, здесь не представлено каких-либо доказательств связи «сарматской» и «русской» этнонимии. Сарницкий лишь констатирует сам факт происхождения славян от роксолан и не отводит восточнославянским народам какой-то особой роли в своей концепции славянского этногенеза, ограничиваясь упоминанием об их сарматском происхож-

²³³ *Gwagnini A. Sarmatiae Europaeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur [...]. Cracovia, 1578. F. 4v.*

²³⁴ Гипотеза о происхождении болгарской этнонимии «от Волги» могла быть заимствована лишь у Бельского.

²³⁵ *Gwagnini A. Kronika ziemie Ruskiej [...]. Kraków, 1611. S. 1.*

дении²³⁶. Из многочисленных вариантов объяснения этнонима «русы» этот автор выбирает гипотезу, связывавшую их наименование с переводом на славянский язык греческого слова *sporos* («рассеянный») и для убедительности ссылается на мнение Прокопия Кесарийского²³⁷. Происхождение москвитов Сарницкий подобно Гваньини связывает с каппадокийскими «мосхами», характеризует последних как славяноязычный сарматский народ, основавший собственное королевство в Пафлагонии и Каппадокии²³⁸. В хронике также приводится заимствованный у Стрыйковского рассказ о совместном заселении Сарматии народами Мосоха и Асармота, после чего представляются собранные из различных источников свидетельства о «мосхинах». Также подчеркивается связь названия этого народа и имени современной Сарницкому «Москови»²³⁹, расположенной в «двойке Сарматии», тогда как претензии «славного Ивана Васильевича», ведущего свой род «от цезаря Августа», объясняются историком героическим прошлым «мосхов», в частности успешными войнами с армиями римских императоров во времена Митридата²⁴⁰. Как и Гваньини, Сарницкий не позаботился об элементарной систематизации представленных сведений о происхождении восточнославянских народов, взаимном согласовании излагаемых этногенетических гипотез.

Подводя итог предпринятому нами обзору концепций, гипотез и догадок польских авторов конца XV–XVI вв., мы можем отметить наличие в их работах как продуманных и глубоко обоснованных концепций, представлявших собой попытки дать объяснение сложным проблемам этногенеза восточнославянских народов, так и спекуляции на эту тему, не имеющие существенной познавательной ценности. Актуализация данной тематики была обусловлена, с одной стороны, огромным интересом широких слоев просвещенной публики того времени к вопросам происхождения народов, а с другой – ангажированностью этногенетической доктрины польско-литовского государства в период коренной трансформации системы международных отношений в регионе.

В отличие от представлений Стрыйковского, более ранние взгляды на древнейшую (в наши дни можно было бы сказать – легендарную) историю восточных славян скорее унижали историческое достоинство последних. Господствовавшая на протяжении веков южная (балканская) теория происхождения славян отводила восточным славянам крайне

²³⁶ *Stanislai Sarnicii Annales sive De origine et rebus gestis Polonorum et Litanorum* [...]. [Kraków], 1587. P. 160.

²³⁷ *Ibid.* P. 189.

²³⁸ *Ibid.* P. 6, 23.

²³⁹ *Ibid.* P. 25.

²⁴⁰ *Ibid.* P. 26.

скромное место в истории славянства, а ареал их расселения воспринимался в качестве периферии славянского мира. В западнославянской (чешской и польской) средневековой историографии упоминания о русских землях были большой редкостью, интерес к восточным славянам авторы исторических произведений проявляли лишь в силу необходимости осветить взаимоотношения других стран с Русью²⁴¹.

Начавшееся в ягеллонскую эпоху сближение западной Руси и Польши скорее усугубило вышеупомянутую тенденцию – дискриминация восточных славян в историографических концепциях только усилилась. Русские подданные Литвы воспринимались польскими историками как «младшие партнеры», их история излагалась в еще более тесной увязке с историей Польши.

Лишь возвышение Москвы, начало активного военного противостояния польско-литовского союза с русско-московским государством заставило польских интеллектуалов пересмотреть свои взгляды на прошлое восточного славянства. С началом Ливонской войны восточный вектор внешней политики Польши становится определяющим фактором пересмотра устоявшихся этногенетических представлений. В рамках развернувшихся на страницах польских исторических произведений дискуссий, начиная с 50-х гг. XVI в., статус восточного славянства постоянно повышается и, в конечном итоге, в польской историографии оно занимает почетное место насельников древней славянской прародины – Сарматии.

Описанная нами концепция происхождения восточных славян Мачея Стрыйковского знаменовала собой кульминационную точку в развитии этой тенденции и появилась далеко не случайно. Она отражала позицию той части политической элиты Речи Посполитой, которая была заинтересована в неконфронтационной интеграции восточнославянских регионов страны, с учетом культурных и политических интересов их населения, а также в установлении максимально благоприятных, добрососедских взаимоотношений с восточнославянским Московским государством, вплоть до создания политического союза или даже потенциального объединения с ним.

3. 2. *Russorum Principatus*

Представления о возникновении и эволюции государственности средневековой Руси

Вопрос зарождения и развития государственности на восточнославянских землях привлекал внимание польских историков интересующей нас эпохи прежде всего в силу важной роли «русского» фактора во

²⁴¹ Подробнее об этом см.: Карнаухов Д. В. Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа: концерт культур. СПб., 2004.

внешней и внутренней политике польско-литовского союза. Их интерес к прошлому соседнего государства был также не в последнюю очередь обусловлен стремлением раскрыть причины бывшего политического могущества Киевской державы, а также возникших в дальнейшем после ее постепенного распада удельных русских княжеств, большая часть которых к исходу эпохи Средневековья вошла в состав Польши и Литвы.

О генезисе русской государственности в той или иной степени были осведомлены авторы польских средневековых исторических сочинений – Галл Аноним и Винцентий Кадлубек, а также хронист Великой Польши. Однако реляции этих авторов о политической организации Руси были крайне скудными, поскольку они не имели доступа к русским источникам.

Наиболее содержательные реляции о внутривосточном положении русских княжеств содержатся в хронике Длугоша, который опирался на памятники восточнославянского летописания. Последователи Длугоша, как правило, значительно сокращали пространные «русские» известия его хроники, а также нередко изменяли характерные для этого автора идеологические акценты и оценки. Именно эти нюансы привлекают наше внимание. Кроме того весьма интересны изменения в описаниях внутренней политической истории Руси польских историков второй половины XVI в., появившиеся под влиянием сочинения Герберштейна, а также в результате привлечения не использовавшихся Длугошем восточнославянских летописных источников.

Нам будут интересны реляции польских историков о происхождении и эволюции древнерусской государственности, а также их восприятие периода удельной раздробленности Руси в период до начала XIV в., когда значительная часть русских княжеств была лишена суверенитета.

Мы уже отмечали то обстоятельство, что концепция истории Руси, созданная Длугошем, в целом носила дискриминационный характер, то есть трактовала восточных славян как «младших партнеров» поляков. Эта тенденция проявилась в произведении всего «русского народа» от «лехитов», неравноправной трактовке эпонимов русских и поляков. Будучи верен такой трактовке русских, Длугош также называет «польскими князьями» основателя Киева Кия (*Polonorum principum Kig*)²⁴², а также Радима (*Radzyn*) и Вятко (*Wiathko*), давших название радимичам и вятичам, и подчеркивает польское происхождение произошедших от них «рутенских народов» (*nationes Ruthenorum ex Polonis decedentes*)²⁴³.

Длугош пересказывает заимствованную из «Повести временных лет» легенду об основании Киева²⁴⁴, однако развивает летописный сюжет, приписывая не только Кию, но и двум его братьям Щеку (*Szczyg*)

²⁴² *Historica Polonica Ioannis Długossi ...* P. 40.

²⁴³ *Ibid.* P. 47.

²⁴⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 3об. – 4; стб. 9–10.

и Кореву (Korew) основание на Руси собственных «крепостей» и «племен», получивших их имена (hi tribus castris in Russia erectis, sua illis indiderunt nomina)²⁴⁵. По Длугошу, после смерти братьев их сыновья и внуки наследовали власть «по прямой линии» (*linia directa*) и господствовали над русскими в течение «многих лет», до тех пор пока власть не перешла по наследству к двум родным братьям (*ad duos fratres germanos*) Оскальду и Диру, которые впоследствии были коварно убиты варяжским князем Игорем. Эти детали повествования, происхождение которых невозможно объяснить исходя из доступных ныне источников, по всей видимости, были вымышлены Длугошем и появились в его хронике далеко не случайно – они обращают внимание на то обстоятельство, что основанная польским князем Кием династия, которая на законных основаниях властвовала над киевлянами, была в дальнейшем насильственным путем свергнута. Таким образом, у польского автора появляется возможность оспорить легитимность варяжской династии, указать на незаконность ее господства в Киеве и тем самым усилить идеологические позиции Польши при обосновании права владения русскими землями в современную Длугошу эпоху.

В хронике этого автора отмечается также, что «принятие» альтернативной династии произошло из-за неприятия «некоторыми русскими народами» власти потомков Кия (Оскальда и Дира), что стало причиной перехода этих народов под власть варяжских князей. То есть у Длугоша речь идет о сепаратизме, измене части подданных законным киевским князьям.

О призвании варягов (*Varahi*) Длугош был осведомлен, по всей видимости, лишь по русским источникам. Что любопытно, каких-либо указаний на их иностранное происхождение в хронике этого автора мы не обнаруживаем. Описывая саму ситуацию утверждения варяжской династии, польский историк передает основные факты, позаимствованные из своего летописного источника. Он называет всех трех князей по именам и перечисляет столицы их княжений, сообщает о смерти братьев Рюрика, не оставивших потомства, о наследовании последним их владений и даже указывает на размер дани, уплачиваемой русскими и иными покоренными народами. Вместе с тем, Длугош вовсе не упоминает Олега и пишет о том, что киевских князей Оскальда и Дира убил сын Рюрика Игорь (*Ihor*), который в дальнейшем завладел их княжествами и землями.

Рассказ Длугоша о возникновении двух восточнославянских династий кратко передает Меховий в VI и XVI главах 1-й книги своей «Польской хроники». В этом сочинении повторяется тезис о родственных связях основателей Киева с Оскальдом и Диром²⁴⁶, однако проиг-

²⁴⁵ *Historia Polonica Ioannis Długossi ...* P. 47.

²⁴⁶ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum. Cracovia, 1521. P. VI.*

норировано утверждение Длугоша о том, что призвание варягов было следствием сепаратистских настроений. Согласно реляции Меховия, многочисленные народы русских расселились в новых местностях на севере (*novas sedes ab septemtrionem dilataverunt*) и установили над собой князей из «инородцев» (*ex alienigenis*), поскольку сами из своих не смогли найти приемлемой кандидатуры²⁴⁷. Убийство Оскальда и Дира автором «Польской хроники» также приписано Игорю (Igor).

Именно на версию Меховия первоначально ориентировался Марчин Бельский, который почти дословно передал ее в первом издании «Хроники всего света»²⁴⁸. Вместе с тем уже в третьем издании 1564 г. этот автор корректирует свою позицию, вносит изменение в описание ранней этнополитической Руси под влиянием сочинения Герберштейна, реляции которого пользовались авторитетом также у современников Бельского – Кромера и Стрыйковского.

Уже в первом издании хроники Кромера 1555 г. мы находим реляцию о трех варяжских братьях, господствовавших над «северными руссами» (*apud Russos septentrionales*) со ссылкой на некую первую книгу «их собственных annales», называя «приблизительную» дату их призвания – 6370 г. от сотворения мира, или 861 г. от Рождества Христова. Кроме того, в отличие от Длугоша, Меховия и Бельского, о Рюрике Кромер сообщает раньше, нежели о Кие, Щеке, Хореве и Лыбеди (*Kius, Sciecus, Choreus cum sorore Libeda*), которые названы основателями четырех южных княжеств. При этом никаких реляций относительно польского происхождения династии Кия в хронике Кромера нет, равно как нет также указаний на какие-либо родственные связи этого князя с Оскальдом и Диром. Упоминается лишь факт их владения Киевом²⁴⁹. Вместе с тем этот автор уделяет внимание деятельности Олега (*Olgu*), о существовании которого его предшественники не знали. Кромер свидетельствует о том, что Олег по воле Рюрика выполнял обязанности опекуна малолетнего Игоря и присоединил к его владениям Киевское княжество, сделав Киев новой столицей «русской империи» (*sedes Russici imperij*). Упоминается в этом памятнике также о смерти Олега от укуса змеи (*serpentis seu viperæ morsu extinctum esse*)²⁵⁰.

Происхождение реляций Кромера не вызывает сомнений – все неизвестные предшественникам факты, касающиеся призвания варягов и Олега, могли быть заимствованы лишь из сочинения Герберштейна²⁵¹. Вместе с тем, немецкий автор не упоминал об основателях Киева – та-

²⁴⁷ Ibid. P. XVII

²⁴⁸ *Bielski M. Kronika wszytkyego świata ... 1551. L. 165v.*

²⁴⁹ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 40*

²⁵⁰ Ibid. S. 41.

²⁵¹ *Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain [...]. Basileae, 1551. P. 5.*

ким образом, свидетельства Кромера были комбинацией сообщений польских историков и Герберштейна, причем приоритет явно отдавался последнему.

Бельский в 9-й книге третьей редакции «Хроники всего света» 1564 г. помещает очерк ранней этнополитической истории Руси, основанный на реляциях Герберштейна, где в сокращенном виде пересказывает соответствующие фрагменты латиноязычного трактата немецкого автора на польском языке. Так же как и у Герберштейна, у Бельского нет в данном разделе упоминания об основании Киева – эти сведения мы находим в составе 8-й книги третьей редакции «Хроники всего света», куда данный фрагмент был перенесен из первого издания этого сочинения²⁵².

Наиболее развернуто о происхождении древнерусской государственности пишет Стрыйковский в 4-й и 11-й книгах своей хроники. Этот автор называет сообщение об основании Киева первым «надежным» свидетельством об истории Руси²⁵³. Со ссылкой на «мнение некоторых» даже указывается точная дата этого события – 430 г., однако сам историк признает ее сомнительность из-за отсутствия упоминаний о ней в летописях²⁵⁴. «Русских князей» – родных братьев Кия, Щека и Хорева (Kij albo Kig, Scieg i Korewo), а также их сестру «Лебеду или Лебедь» – Стрыйковский относит к «народу и потомству Иафета и Мосоха сына его», тем самым связывая этногенетическую и династическую легенды. Киев при этом характеризуется как «столица русской монархии», а под властью упомянутых братьев, по свидетельству Стрыйковского, находились иные князья, в том числе Радим (Radzim), Вятко (Wiatko) и Дулеба (Duleba), основатели иных «русских народов»²⁵⁵. Таким образом, по представлениям Стрыйковского, роль главного политического центра Руси Киев выполнял задолго до его захвата варяжскими князьями.

В хронике Стрыйковского упоминаются также Оскальд и Дир (Oskald, Askolt, albo Oskolod, i Dyr), однако их статус не прояснен в полной мере. В одном из фрагментов они прямо не отнесены к династии, основанной Кием и его братьями, лишь названы «князьями их же народа»²⁵⁶. В другом случае братья Оскальд и Дир названы «потомками истинных князей Русских и Киевских» (potomstwo własnych Xiążąt Ruskich, Kijowskich)²⁵⁷. Вероятно, основанием для колебаний Стрыйковского послужила верификация свидетельств Длугоша и Меховия посредством их сравнения с реляциями русских летописных памятников (где не подтверждаются родственные связи Кия и его братьев, с одной

²⁵² Bielski M. Kronika wszytkyego świata ... 1551. L. 343v.

²⁵³ Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 115.

²⁵⁴ Ibid. S. 396.

²⁵⁵ Ibid. S.115.

²⁵⁶ Ibidem.

²⁵⁷ Ibid. S. 120.

стороны, а также Оскальд и Дира, с другой). В то же время в хронике Стрыйковского нет никаких указаний на польское происхождение киевской династии.

«Другими» русскими Стрыйковский называет население северных земель, расположенных «у озера Ильмень или Ильмер». Описав их нравы и местоположение, польский историк излагает варяжскую династическую легенду, опираясь на источники различного происхождения, а также высказывает ряд оригинальных догадок.

В частности, по Герберштейну описаны взаимоотношения Новгородской Руси с «коссерами» и варягами, охарактеризовано местоположение варяжского народа. Со своей стороны Стрыйковский высказывает гипотезу о тождестве варягов и «вандалитов», а также называет их славянским народом²⁵⁸. Эти выводы позволяли представить варяжскую династическую легенду в совершенно ином свете, поскольку тем самым был пересмотрен высказанный в свое время Меховием тезис об «инородческом» происхождении новой династии, что усиливало акцент славяноцентризма, проявившийся в этногенетических построениях Стрыйковского, который, как мы помним, причислял к славянским народам также и болгар-волгар, связывая происхождение их имени с Волгой²⁵⁹.

Стрыйковский почти дословно повторяет реляцию Герберштейна, упоминая о совете князя Гостомысла (Gostomissel) новгородцам пригласить на княжение трех варяжских братьев. Однако его свидетельство о призвании варягов дополнено свидетельством русской летописи, с указанием на этот источник, где содержится обращенная к потенциальным князьям просьба новгородцев взять под свою власть Русь, мотивированная отсутствием в их стране порядка²⁶⁰ и неспособностью знати выбрать князя из своей среды из-за равенства в положении.

Сообщая о времени призвания варяжских князей, Стрыйковский ссылается на Кромера, который единственный из авторов того времени «перевел» фигурировавшую в летописях дату этого события (6370 г.) в привычное для европейцев летоисчисление «от Рождества Христова» (861 г.). Новая династия удостоена весьма лестной характеристики, принадлежащей самому Стрыйковскому: акцент сделан на «рыцарских доблестях» трех братьев, а также «огромном желании» принять их власть, которое проявили «все Российские сословия» (*z wielką chęcią od wszech*

²⁵⁸ Ibid. S. 116.

²⁵⁹ Ibid. S. 105, 114.

²⁶⁰ Фрагмент, содержащийся в «Повести временных лет», Стрыйковским воспроизведен почти буквально. Для сравнения: «вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. да поидете княжить и володети нами» (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 7, стб. 19–20); «Iż ziemia i państwo nasze, jest wielkie i okwite, a sprawy w nim nie masz, podźcie wy, a panujcie i władajcie nad nami» (*Strzykowski M. Która przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 117*).

stanów Rosiejskich byli przyjeści), пользовавшиеся прежде свободой²⁶¹. Таким образом, польский историк «вводит» исторические факты в оборот посредством понятных его современникам терминов, характерных для эпохи расцвета в Польше системы сословного представительства.

Со ссылкой на «русские хроники» Стрыйковский упоминает о существовании предания, производившего варяжскую династию «от римских государей императорского поколения» и актуализирует его посредством акцентирования аналогичных претензий современных ему московских монархов, в том числе «нынешнего Ивана Васильевича»²⁶². Эта легенда проникла в польскую историческую литературу через посредничество трактата Герберштейна²⁶³ – краткое упоминание о ней мы находим в третьей редакции хроники Бельского²⁶⁴. Однако, в отличие от этих авторов, Стрыйковский связывает генеалогию варяжских князей с получившей широкое распространение в его время легендой о римском происхождении литовцев, в частности высказывает предположение об их родстве с потомками «Палемона или Публия Либона, римского князя», прибывшего в северные страны с пятью сотнями благородных римлян на кораблях через английский и балтийский океаны. Имя варягов Стрыйковский в связи с этим с некоторым сомнением производит от «землицы Варагии или Верагии» (*ziemica Waragia albo Weragia*), расположенной в государстве савойского князя на границе Италии и Франции, некогда также являвшейся римской провинцией. В результате, польский историк приходит к выводу о том, что «если эти князья с Палемоном в те северные страны приплыли, то и были названы Верагийскими или Варагскими, от итальянской родины Варагии, и страну Лотевскую в то время Варагией называли, когда Палемон с другими римлянами поселился в Жмуди и Литве»²⁶⁵. Таким образом, легенда о римском происхождении династии Рюрика получила неожиданную поддержку и была аргументированно подтверждена именно в хронике Стрыйковского.

Причины актуализации данной легенды в европейской ученой мысли XVI столетия не только представляют немалый интерес для историков историографии, но и позволяют лучше понять природу и смысл идеологического противостояния держав Восточной Европы того времени. В первой половине XVI в. отношение иностранцев к этому сюжету было

²⁶¹ Ibid. S. 117.

²⁶² Ibid. S. 118.

²⁶³ Отношение Герберштейна к данной легенде было весьма скептическим. Этот автор считает ее проявлением «хвастовства» русских (*gloriantur Rhuteni*), склонен объяснять использование данного сюжета стремлением возвысить статус «нынешнего московского князя». См.: *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein ... 1551. P. 6.*

²⁶⁴ *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 427v.

²⁶⁵ *Strzykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ... S. 118.*

весьма неопределенным и скорее скептическим²⁶⁶. Однако повышенное внимание к легенде со стороны Стрыйковского, завершавшего работу над хроникой в последние годы Ливонской войны, имело практическую подоплеку, поскольку в это время особую актуальность приобретают вопросы обоснования и легитимизации «наследственных» прав участвующих в войне династических монархий на земли Прибалтики. В этих условиях историографические аргументы приобретают выраженную идеологическую функцию²⁶⁷. Не исключено, что тезис Стрыйковского о связи варяжских братьев с «Лотевской страной», то есть Ливонией, также мог быть актуализирован попытками обосновать право на владение частью Прибалтики одной из сторон (в данном случае – московской династией Рюриковичей). В то же время непросто дать ответ на вопрос, почему в хронике именно польского историка нашли отражение аргументы, способные пусть и косвенно оправдать экспансию Русского государства, являвшегося в это время прямым конкурентом Речи Посполитой в борьбе за Ливонию.

Описывая разделение русской земли между Рюриком и его братьями, Стрыйковский обращается к хронике Меховия и трактату Герберштейна, приводит различные варианты наименований крепостей и городов, указывает размеры новгородских владений варягов в ту эпоху, привязывая их тем не менее к актуальным топонимическим маркерам, а именно Москве²⁶⁸. Завершается изложение легенды о варяжских братьях развернутым литературным рассказом о смерти и погребении Синеуса и Трувора, а также распределении подвластных Рюрику земель между «своими дворянами и заслуженными друзьями», причем в рамки подвластных князю Великому Новгороду территорий Стрыйковский включает помимо известных ему по русским летописям Новгорода, Пскова,

²⁶⁶ Б. М. Клосс, отметивший рост интереса к данной легенде в Московском государстве в 20-х XVI в., характеризует ее краткий пересказ, представленный в трактате Герберштейна, как «контаминацию легенды об Августе с летописным текстом о призвании варягов», однако не комментирует особенностей отношения и причин интереса немецкого автора к данному сюжету (*Герберштейн С. Записки о Московии*. М., 1988. С. 290). Современники Герберштейна, писавшие о Московии – Павел Йовий и Альберт Кампенский – вовсе игнорируют вопрос римского происхождения династии Рюриковичей.

²⁶⁷ На связь историографии и политики применительно к проблематике легенд о римских корнях московской и литовской династий указал К. Ю. Ерусалимский, который на примере легенды о связях эпонима Прусса с литовской и московской династиями в исторической литературе и дипломатической практике 70-х гг. показал политическую подоплеку дискуссий о наследственных правах. См.: *Ерусалимский К. Ю. Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории*. М., 2008. С. 612–625.

²⁶⁸ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 117.

Белого озера, Полоцка, Мурома и Ростова²⁶⁹, также Смоленск, который сохранившиеся до нашего времени летописи не причисляли к владениям Рюрика²⁷⁰.

Захват Киева Олегом (Olech) Стрыйковский описывает по русской летописи²⁷¹, однако представляет это событие как насильственную смену династии, обернувшуюся тем, что после «предательского» убийства «истинных русских князей» было положено начало династии «князей Варецких», продолжавшейся от Игоря (Igor) и до «нынешнего Великого князя Московского»²⁷². Таким образом, Стрыйковский отчасти следует тезису Длугоша о неправомочности захвата власти в Киеве варяжскими князьями, корректируя своего предшественника лишь в деталях: в частности указывает на роль в этих событиях Олега, инициировавшего коварное убийство Оскальда и Дира.

Несколько иначе скомбинированы факты и оценки событий, связанных с возникновением древнерусской государственности, в вступительном разделе «Хроники русской земли» Гваньини. Этот автор уделяет особое внимание основанию Киева и даже указывает, впрочем без ссылки на источник своих сведений, точную дату этого события – «приблизительно 6370 г. от сотворения мира, или 796 г. от Рождества нашего спасителя», которая не фигурировала в каких-либо иных источниках. На весьма небрежное отношение Гваньини к хронологии указывает также свидетельство этого автора о том, что Кий, Щек, Хорев и Лыбедь переселились «на восток через несколько сот лет после потопа» (*w kilka set lat po potopie*)²⁷³. Таким образом, здесь смешиваются совершенно разные легендарные сюжеты – основание Киева связывается с библейской историей, несмотря на очевидную хронологическую несостоятельность таких сопряжений.

Потомками Кия названы «другие русские князья» – Радим, Вятко и Дулеба, которым, по словам Гваньини, основатель династии раздавал пустующие земли для строительства крепостей, а также народы, расширявшие государство на север. Последние, как свидетельствует этот автор, избрали себе князей «из другого народа». Варяжским братьям

²⁶⁹ Ibid. S. 119.

²⁷⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 7–7об., стб. 20. В Лаврентьевской летописи первое упоминание о Смоленске мы находим под 882 г., и связано оно не с Рюриком, а с Олегом (Там же. Л. 8, стб. 22–23). Упоминание Стрыйковским Смоленска среди владений Рюрика может служить косвенным подтверждением выдвинутой в свое время З. Войтковяком гипотезы о влиянии на этого историка летописного источника смоленского происхождения (см.: *Wojtkowiak Z. O smoleńskim Latopisie Demetriusza, nieznanym źródle Macieja Strykowskiego* ... S. 262).

²⁷¹ Для сравнения: Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 8–8об., стб. 23–24; *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska* ... S. 119.

²⁷² Ibid. S. 120.

²⁷³ *Gwagnin A. Kronika ziemie Ruskiey* [...]. Kraków, 1611. S. 2.

при этом уделено очень мало внимания, хотя и указана дата их призвания на княжение (865 г.). Рюрику произвольно «приписано» восемь лет правления после смерти двух других его братьев, также почти ничего не говорится об обстоятельствах установления власти его династии над Киевом, речь идет лишь о том, что первым монархом (Jedynowładec) на Руси был сын Рюрика Игорь (Geor)²⁷⁴.

Дальнейшие события истории Киевской державы и удельных русских княжеств наиболее обстоятельно были описаны в хрониках Длугоша и Стрыйковского, которые напрямую использовали материалы русского летописания. Реляции других польских историков представляли собой пересказы свидетельств этих авторов, лишь в незначительной степени дополнялись, но в то же время нередко содержали авторские оценки роли тех или иных событий в истории русских земель. В наибольшей степени внимание польских историков привлекала деятельность русских князей, а также междоусобные войны между русскими княжествами. Мы рассмотрим реляции, посвященные этим вопросам, охватывающие период с начала X до середины XIV вв.

Свидетельства о внутренней политике первых киевских князей крайне лаконичны. В хронике Длугоша передан рассказ древнерусского летописца об убийстве Игоря «народом древлян из русского рода». Особенно бросаются в глаза разночтения в наименовании древлянского князя в сравнении с русскими летописями: тогда как русскому летописцу он был известен под именем Мал, Длугош упоминает о Мискине или Нышкине (*Drewlanos cum ducem eorum Misikina / Nyszikina*)²⁷⁵. Комментируя описываемые события, польский историк полагает, что Игорь решил на злоупотребление при сборе дани, стремясь показать свое могущество, а также оправдывает расправу древлян над ним используя этический аргумент – называет ее карой за убийство Оскальда и Дира.

Описывая месть Ольги за гибель мужа, Длугош опять же использует лишь отдельные факты из летописи, а рассказ в целом подчиняет собственному замыслу. Близко к «Повести временных лет» переданы свидетельства о «коварном» истреблении древлянского посольства, а вот об известном летописцу разгроме древлян в результате штурма Искоростеня Длугош вовсе не упоминает, вместо этого он пишет об

²⁷⁴ Ibid. S. 3.

²⁷⁵ В различных списках хроники Длугоша мы обнаруживаем разные варианты имени этого древлянского князя. В свое время А. А. Шахматов связывал разночтения с наличием в распоряжении Длугоша не сохранившейся до наших дней летописи (*Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах ... С. 349*). Попытки объяснения этих разночтений давались также иными исследователями хроники Длугоша (см., например: *Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша ... С. 376*).

уничтожении пятитысячного войска древлян в непроходимых зарослях из-за внезапного нападения их врагов из засад²⁷⁶.

В числе направленных на объединение русских земель мероприятий, предпринятых наследником Игоря и Ольги Святославом (Suantoslaus), Длугош упоминает о походах этого князя против древлян²⁷⁷ и «козар», причисленных историком к «русским народам» (*Kozaros, qui et ipsi Ruthenorum sunt populi*)²⁷⁸. Этими краткими ремарками описание внутренней политики Святослава исчерпывается (главным образом уделяется внимание его внешнеполитическим акциям – войнам с болгарами и печенегами).

Меховий в точности передает содержание реляций Длугоша об Игоре, Ольге и Святославе в своей хронике, опустив лишь отдельные детали²⁷⁹. Кроме ограничивается кратким упоминанием о покорении Игорем народа древлян и последующей расправой над ним («в Коростани» (a Dreflianis populis [...] Corostani interfectus est), а также мести Ольги. В реляции Кромера вызывают интерес два обстоятельства: во-первых, этот автор пусть и с некоторым сомнением, связывает народ древлян с болгарами (qui nescio an Bulgari sint); во-вторых, месть Ольги он датирует 950 г. Ни то, ни другое не подтверждается ни одним из известных нам источников, подобных реляций мы не встречаем ни в русских летописях²⁸⁰, ни в сочинениях Длугоша и Герберштейна.

Бельский в 9-й книге третьей редакции «Хроники всего света», почти буквально следуя реляциям Герберштейна, крайне лаконично характеризует Игоря, упоминая лишь о его внешнеполитических достижениях и поражении, нанесенном ему «древлянским князем Мальдитом» (Ihor syn Rurikow ... rogażon y zabit od Maldyta Książęcia Drewłańskiego). Здесь же упоминается о псковском происхождении Ольги и обстоятельно рассказывается о ее мести древлянам за смерть мужа. Каких-либо

²⁷⁶ В «Повести временных лет» упоминается о пяти тысячах убитых древлян, но речь идет не о численности их войска, а о древлянах, которые были опоены медом и истреблены по приказу Ольги на могиле Игоря (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 16; стб. 57).

²⁷⁷ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 48; Прямое указание на покорение древлян Святославом в русских летописях нет. По всей видимости, основанием для этой реляции Длугоша могло послужить упоминание о «символическом» участии малолетнего Святослава в карательной акции Ольги, мстившей за смерть мужа (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 16, стб. 57–58).*

²⁷⁸ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 93.*

²⁷⁹ *Ibid. S. 17.*

²⁸⁰ Русская летопись датирует смерть Игоря 945 г. (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 140б–150б; стб. 56–57), а войну Ольги против древлян 946 г. (Там же. Л. 16–17; стб. 57–60).

существенных содержательных отличий от текста источника Бельского в его хронике мы не обнаруживаем²⁸¹.

Наиболее содержательные реляции о периоде правления Игоря, Ольги и Святослава мы находим в 4-й книге хроники Стрыйковского. Игорь назван этим историком владыкой «всех княжеств и земель русских», лежащих на западе, севере и юге, при этом в числе его владений упомянуты Киев, Новгород, Псков и Белоозеро²⁸². Акцент сделан на отношениях с древлянами. По свидетельству Стрыйковского, на этот народ была наложена дань большая, чем при Олеге, что стало причиной датированного 6458 г. убийства Игоря князем Нискиней (*Niskinia*), «согласно некоторым, называемым Мальдитом».²⁸³ Эти детали описания указывают на использование Стрыйковским для освещения данного сюжета русской летописи, а также сочинений Длугоша и Герберштейна.

Княгину Ольгу Стрыйковский называет «правнучкой Гостомысла из Пскова»²⁸⁴. Данный факт не находит подтверждения в каких-либо иных известных нам источниках и вполне мог быть вымышлен польским историком с вполне конкретной целью: именно акцентирование этого обстоятельства давало возможность Стрыйковскому «породнить» две династии – новгородскую, представленную Гостомыслом, и варяжскую, начинавшуюся от Рюрика. Полагаем, что может быть также принята во внимание и догадка А. И. Рогова, который в свое время высказал предположение, что известие о происхождении Ольги в хронике Стрыйковского могло идти от некоего устного псковского предания, слышанного этим историком²⁸⁵.

Рассказ Стрыйковского о мести Ольги древлянам лишь в отдельных деталях расходится с летописным преданием²⁸⁶, тогда как сам факт использования летописей не вызывает сомнений. Причем польский автор литературно развивает рассказ русского летописца, добавляет от себя множество деталей, драматизирует повествование, особенно во фрагментах, посвященных тризне на могиле Игоря, истреблению древлянской знати и взятию «Хростена» хитростью²⁸⁷.

Святослав Игоревич назван сначала «царевичем» (*czarewic*), а затем «Великим Князем, либо Царем Киевским, Переяславским и проч.», «самодержцем» всей Руси. О его внутривосточных акциях сказано

²⁸¹ Для сравнения: *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551*. P. 6; *Bielski M.* *Kronika, tho iesth Historya świata ...* L. 427v.

²⁸² *Strykowski M.* *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała*. *Kronika Polska ...* S. 121.

²⁸³ *Ibid.* S. 122.

²⁸⁴ *Ibid.* S. 121.

²⁸⁵ *Рогов А. И.* *Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения ...* С. 51.

²⁸⁶ А. И. Рогов обратил внимание на искажение Стрыйковским имен воевод Игоря, а также различия в численности древлянского посольства (Там же. С. 52).

²⁸⁷ *Strykowski M.* *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała*. *Kronika Polska ...* S. 123–124

крайне мало – Стрыйковский не подтверждает свидетельства Длугоша о войне Святослава с древлянами, но повторяет реляцию своего предшественника о походах этого князя против «козар или коссер», которые вновь охарактеризованы как «люди Русского народа» (*Kozary albo Kosserzy ludzi Ruskiego narodu*)²⁸⁸.

О разделении «княжества Руссии» между наследниками Святослава–Ярополком, Олегом и Владимиром–Длугош упоминает под 971 г.²⁸⁹ и по своему русскому источнику перечисляет их «персональные» уделы. Автор хроники дополняет это известие собственным комментарием, в частности приписывает Святославу рассуждения на тему судьбы государства и называет в качестве обоснования раздела державы стремление русского князя избежать спора за власть, и также от себя добавляет, что соглашение было заверено клятвой наследников воздерживаться от претензий на долю друг друга²⁹⁰.

Краткий рассказ о последовавшей после гибели Святослава войне его сыновей Длугош помещает под 976 г., выборочно воспроизводит известия «Повести временных лет». Различаются лишь объяснения причин конфликта Святославичей: тогда как русский летописец главным виновником междоусобицы называет воеводу Свенельда, Длугош свидетельствует о том, что война началась из-за «соперничества о большей власти и превосходстве», стремления князей установить господство над всей Русью. Следуя этой логике, польский историк объясняет действия Ярополка как стремление к тирании, вопреки известиям русской летописи напрямую обвиняет этого князя в убийстве брата Олега, тогда как действия Владимира, согласно Длугошу, убившего Ярополка по наущению «своего преступного советника» Блуда, оправдывает стремлением отомстить за смерть Олега²⁹¹. О внутренней политике нового киевского князя Владимира Длугош почти не пишет (упоминается лишь походы против радимичей и хорватов²⁹²), уделяя главным образом внимание проведенным этим князем реформам вероисповедания и его многочисленным войнам с соседними государствами и народами (Польшей, Византией, печенегами и половцами).

Кромер и Бельский описывают ход и результаты борьбы за киевский княжеский престол между наследниками Святослава, ориентируясь на записки Герберштейна²⁹³. Кромер, следуя своему информатору, датирует

²⁸⁸ Ibid. S. 126.

²⁸⁹ Датировка «русских» известий у Длугоша зачастую не совпадает с хронологией «Повести временных лет», что можно объяснить стремлением польского историка «вписать» русские известия в концепцию польской национальной истории.

²⁹⁰ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 97.

²⁹¹ Ibid. P. 99.

²⁹² *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 104, 117.

²⁹³ *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein ...* 1551. P. 4.

эти события 971 годом, упоминает о различиях в происхождении детей Святослава, выделяя рожденных «законными женами» (*ex iusta uxore natus*) – Ярослава и Олега, и «зачатого наложницей Малушей» Владимира (*Volodimirum ... e Malussa concubina susceptum*), а также упоминает о Свенельде (*Svenceldo*), чей статус не вполне ясен²⁹⁴. Реляция Кромера о ходе и результатах войны отличается краткостью.

Бельский, опираясь на записки Герберштейна, конкретизирует роль «советника» Свенельда (**Swadolt Pan Radny**) в разгоревшемся конфликте Святославичей, в частности указывает, что именно по его наущению Ярополк убил Олега (использована формулировка «разгромил брата и убил», указывавшая на то, что киевский князь лишил жизни своего соперника собственноручно, хотя об этом не шло речи ни в русском источнике, ни в записках Герберштейна²⁹⁵). В «Хронике всего света» отмечается также, что Владимир в свою очередь победил Ярополка благодаря измене его советника Блуда, воспользовавшись в войне помощью наемников-варягов, от рук которых и погиб киевский князь.

Лишь Стрыйковский излагает историю войны Святославичей со всеми подробностями по летописному источнику и Герберштейну – описывает обстоятельства смерти Олега, жестокую расправу Владимира с непокорными ему псковскими князьями, отказавшимися дать согласие на его брак с княжной Рогнедой (о чем не упоминали иные польские историки), а также в виде развернутого художественного рассказа представляет историю измены Блуда и коварного убийства Ярополка союзными Владимиру варягами. Свое описание Стрыйковский сопровождает оценочными характеристиками: по убеждению историка, братоубийственная война велась ради утоления «жажды властвования» (*dla łakomej chciwości panowania*)²⁹⁶.

Владимир удостоен Стрыйковским весьма лестной характеристики, которая опять же не лишена ориентации на современные историку реалии. В частности, описывая владения этого князя на севере, востоке и юге, польский автор оперирует терминами «Белая и Черная Русь», а также утверждает, что Владимир «писался Царем или Королем, самодержцем и Великим Князем Всея Руси»²⁹⁷. Не вполне также ясно, что именно имеет в виду Стрыйковский, когда приписывает именно Владимиру перенесение столицы из Новгорода в Киев. По всей видимости, речь идет об изменении статуса удельного князя (Владимир первоначально княжил в Новгороде) на статус Великого киевского князя. Следуя запи-

²⁹⁴ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 49.

²⁹⁵ В «Повести временных лет» и у Герберштейна сообщается, что Олег погиб в результате давки на мосту, то есть Ярополк не принимал непосредственного участия в его убийстве.

²⁹⁶ *Strzykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 131.

²⁹⁷ *Ibid.* P. 132.

скам Герберштейна, этот историк упоминает об основании Владимиром города на Клязьме, «между Волгой и Окой», а также повторяет известие своего информатора о переносе русскими князьями в будущем именно в этот город «своей столицы», якобы сохранявшей статус столичного города вплоть до времен «Бело-Русского князя Ивана Даниловича», отдавшего предпочтение Москве.

Военные акции, направленные на поддержание внутреннего единства державы Владимира, Стрыйковский не отделяет от конфликтов с внешними противниками. Сведения о первых весьма лаконичны – упоминаются походы против радимичей, вятичей и дулебов²⁹⁸, причем краткие известия о последних двух мы также находим и в хронике Кромера²⁹⁹.

Масштабная междоусобная война, начавшаяся после смерти Владимира, привлекла внимание всех без исключения польских авторов интересующей нас эпохи в связи с тем, что в ней были напрямую затронуты интересы Польши и ее первого короля Болеслава Храброго. В этой связи нас интересуют не только источники представлений польских историков о конфликте наследников Владимира, но и те идеологические акценты, которые нашли отражение в их авторских интерпретациях этих событий.

Почти все наши источники содержали описание многочисленного мужского потомства от нескольких жен Владимира. Длugoш упоминает о женах и детях Владимира сразу в двух фрагментах 2-й книги своей хроники, причем эти его известия не идентичны друг другу. В первом случае Длugoш следует летописному рассказу, посвященном «похоти» Владимира³⁰⁰. Во втором случае по летописи этот автор называет лишь количество сыновей этого князя и их имена, однако произвольно указывает матерей наследников, в результате чего и возникает содержательное несоответствие с предыдущим фрагментом³⁰¹. Тогда как первоначально «единоутробными» детьми он называет Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода, в дальнейшем в эту группу включаются Вышеслав, Изяслав, Святополк и Ярослав. Прочие же восемь сыновей вовсе не «распределены» по матерям. Это противоречие польский историк никак не комментирует.

Распределение городов и земель русской земли между главными наследниками Владимира Длugoш воспроизводит по летописи. Однако в летописный рассказ им внесено несколько изменений, в частности указываются уделы трех младших сыновей – Станислава, Позвизда и Судислава, за которыми, согласно хронике, Владимиром были закреплены

²⁹⁸ Ibid. P. 133.

²⁹⁹ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 49.

³⁰⁰ *Historia Polonica Joannis Długosi ...* P. 100.

³⁰¹ Ibid. P. 136.

Киевское и Берестовское княжества, «которые должны были перейти к ним лишь после его смерти»³⁰².

Совершенно иную картину разделения Руси рисует в своей хронике Кромер, апеллировавший к сочинению Длугоша³⁰³. Вместе с тем расхождения с этим источником существенны, поскольку Кромер не только допускает много искажений при передаче на латинском языке имен сыновей Владимира и названий городов, переданных им в уделы (Тверь путает с Туровом, а Полоцк – с Пултуском), но и «перераспределяет» уделы трех младших князей, происхождение известий о которых в хронике Длугоша у нас вызвало сомнение. В частности, Станиславу Кромер «отдает» Смоленск, Судиславу – Псков, а Позвизду – Вольтынь³⁰⁴. Интерес в данном случае вызывает указание на уделы Судислава, дальнейшая судьба которого действительно была связана со Псковом, и Станислава, на что имеются указания в русских летописных памятниках³⁰⁵.

Стрыйковский о 12 сыновьях Владимира упоминает в связи с их «особливым» крещением корсунским епископом³⁰⁶. О разделении княжества между ними этот польский автор пишет без ссылки на источник, но в своей реляции соединяет известия Длугоша и Кромера, поскольку одновременно упоминает в качестве уделов младших наследников Владимира как Смоленск, Псков и Вольтынь, так и Берестовское княжество³⁰⁷.

Поводом для начала войны вышеупомянутых наследников Владимира, Длугош, вопреки свидетельству русского источника, называет «враждебный мятеж» ростовского князя Ярослава, поход собранной им из варягов и печенегов наемной армии на Киев и захват «отцовской казны» еще при жизни Владимира³⁰⁸. Эти события, по Длугошу, ускорили кончину Владимира. Согласно «Повести временных лет», ситуация разворачивалась прямо обратным образом: в русском источнике речь идет о нереализованных планах Великого Киевского князя наказать к тому

³⁰² Ibid. P. 137.

³⁰³ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 56.

³⁰⁴ Ibid. P. 57.

³⁰⁵ На распределение княжений в Смоленске и Пскове между Станиславом и Судиславом, соответственно, имеются указания в Московском летописном своде, Воскресенской, Тверской и Никоновской летописях, а также IV Новгородском и I Софийском летописных сводах. Остается неясным, использовал ли Кромер один из этих памятников непосредственно или получил сведения по интересующему вопросу опосредованно через какого-то информатора. Лишь предоставление вольтынского удела Позвизду, по всей видимости, является авторским вымыслом Кромера или его гипотетического информатора.

³⁰⁶ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 140–141.

³⁰⁷ Ibid. P. 165.

³⁰⁸ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 137.

времени уже княжившего в Новгороде сына Ярослава войной за неуплату налогов³⁰⁹.

Описывая следующую стадию конфликта, наступившую после смерти Владимира, Длугош упоминает о совместных действиях Святополка и Бориса против Ярослава и разгроме ими последнего, при том, что русский источник о каких-либо союзах князей, направленных против новгородского князя, не сообщает. В соответствии с русской летописью Длугошем описаны лишь промежуточные итоги войны – захват Святополком власти в Киеве, убийство им Бориса и Глеба³¹⁰, а также последующая победа Ярослава над Святополком в «ледовой» битве при Любиче³¹¹.

Путаницу в представлениях Длугоша о первой стадии междоусобной войны на Руси, последовавшей после смерти Владимира, усугубляет ложная хронология. Упомянутые нами выше события польский автор датирует 1005–1008 гг., тогда как русские летописи сообщали о них под 1015 г. Эта разница в датировке, по всей видимости, была обусловлена «полоноцентристской» ориентацией хроники Длугоша, в результате чего очерки о событиях русской истории интегрировались в канву описания политической ситуации в самой Польше. Главной задачей, которую стремился решить польский историк, было акцентирование особой роли польского короля Болеслава Храброго, который вмешался в войну наследников Владимира и помог Святополку одержать победу над Ярославом и восстановить его власть в Киеве. Исказив хронологию, Длугош получает возможность говорить о двух походах Болеслава на Русь, первый из которых датирован 1008–1009 гг., а второй – 1018 г.

Под 1010 г. Длугош упоминает о том, что через год после вывода польских войск из Киева, оставшись без поддержки своего покровителя, Святополк дважды потерпел поражение от Ярослава, после чего, при попытке вновь бежать в Польшу, умер «от внезапного недуга»³¹². Смерть Святополка, по Длугошу, не привела к прекращению междоусобной войны на Руси – в его хронике упомянуты еще несколько войн Ярослава: против полоцкого князя Бретислава и союзных ему новгородцев, «князя Кошохори Редеди» (все датированы 1011 г.)³¹³, а также Мстислава Тмутараканского (датирована 1014 г.)³¹⁴. Причем в данном случае хронистом искажены не только даты, но и субъектность противостояния (согласно «Повести временных лет», с «Кошохори», то есть касогами, и

³⁰⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 44об.; стб. 130.

³¹⁰ *Historia Polonica Joannis Dlugossi* ... P. 137–138.

³¹¹ *Ibid.* P. 142.

³¹² *Historia Polonica Joannis Dlugossi* ... P. 149.

³¹³ *Ibid.* P. 150.

³¹⁴ *Ibid.* P. 152.

князем Редедей в 1022 г. воевал Мстислав³¹⁵), что создает впечатление массовости сепаратизма и сопротивления Ярославу множества князей, особенно с учетом искусственной «концентрации» описанных конфликтов во времени. Установление «единовластия» Ярослава, его превращение в «монарха всей Руси» Длугош связывает с гибелью «русского и черниговского князя» Мстислава, которая датирована 1033 г. О смерти Ярослава «на семьдесят шестом году жизни» Длугош сообщает под 1052 г. (в некоторых списках хроники фигурирует 1051 г.)³¹⁶, точно передав летописное известие о возрасте князя, но несколько исказив дату его кончины³¹⁷.

Последователи Длугоша восприняли его трактовку истории русской державы первой половины X в., поскольку практически не имели в своем распоряжении альтернативных источников. Меховий сводит воедино «погодные» отрывочные русские известия из его хроники, но при этом сохраняет последовательность в описании событий. Кромер и Бельский, использовавшие в качестве источника о событиях на Руси предшествующего периода записки Герберштейна, также применительно к данному периоду вынуждены либо кратко пересказывать Длугоша и Меховия (Кромер), либо вовсе игнорировать события этого времени (Бельский), поскольку немецкий автор завершает свое описание свидетельством об убийстве Святополком Бориса и Глеба³¹⁸.

Стрыйковский описывает историю междоусобной войны наследников Владимира, опираясь на Длугоша и на материалы русского летописания, некритически смешивает их реляции. К примеру, свидетельствуя о конфликте Владимира и Ярослава из-за неуплаты последним надлежащих налогов, он обращается к русской летописи, упоминая о размере налога и намерении отца наказать непокорного сына. В то же время свидетельство о «взятии» Ярославом Киева при жизни отца заимствовано Стрыйковским у Длугоша.

Эта тенденция проявляется и в дальнейшем, причем польский автор согласовывает данные, заимствованные из разных источников, по своему усмотрению. В результате, действия Ярослава представляются как открытый мятеж против Киевского князя, для осуществления которого были привлечены иностранные наемники (варяги и печенеги). Стрыйковский свидетельствует, что против мятежников выступили из-за болезни отца живший при нем ростовский князь Борис и Святополк, которые совместными усилиями «наголову разгромили Ярослава». Так же сообщается, что в период их отсутствия Владимир умер, и Свято-

³¹⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 50, стб. 146–147.

³¹⁶ *Historia Polonica Joannis Dlugossi* ... P. 219.

³¹⁷ Согласно «Повести временных лет», Ярослав умер в 1054 г.

³¹⁸ *Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain* ... 1551. P. 9.

полк, воспользовавшийся тем, что Борис продолжил войну и преследовал печенегов, вернулся в Киев, похоронил отца, занял его трон, после чего коварно умертвил братьев Бориса и Глеба, подослав к ним наемных убийц³¹⁹. Из летописи заимствуется пространное описание злодеяния Святополка, представленное Стрыйковским в виде яркого рассказа. Этот историк также упоминает о неизвестном Длугошу бунте новгородцев, стремившихся свергнуть Ярослава и принять власть Святополка, жестоко подавленном лояльным новгородскому князю «рыцарством»³²⁰. Решающая битва, между армиями Святополка и Ярослава описана в хронике Стрыйковского обстоятельнее, чем в сочинении Длугоша: например, упоминается об участии в битве воевод Блуда и Волчьего Хвоста (Wilczogon), что указывает на использование неизвестных Длугошу летописных материалов³²¹.

Войну Ярослава и польского короля Болеслава, поддержавшего Святополка, Стрыйковский описывает со ссылкой на Длугоша и воспринимает некорректную хронологию своего предшественника (русско-польская война описывается под 1008 г.)³²², в результате чего к этим датам «привязывается» также и изложение событий внутриполитической истории Руси. Возникающей при этом временной коллизии, обусловленной тем, что ранее по русской летописи смерть Владимира самим Стрыйковским была датирована 6525 г. (1018)³²³, польский автор либо не замечает, либо не придает значения.

Ориентируясь на хронологию Длугоша, Стрыйковский считает 1009 г. временем установления «единовластия» Ярослава на Руси, назвав этого князя «вторым русским христианским самодержцем» (wtóry jedynowłajca Ruski chrześcijański), упоминает в числе его главных владений Киев, Владимир и Великий Новгород³²⁴. Важнейшие события первых лет княжения Ярослава – войны с Бретиславом, Редедей «из Коссохону» и Мстиславом «Вотмутараканским» Стрыйковский описывает, ссылаясь на Длугоша и Меховия, в том числе повторяя все допущенные ими искажения летописных рассказов, о которых мы упоминали выше. От себя Стрыйковский добавляет лишь гипотезу, касающуюся происхождения хоронима «Коссохон», предполагая, что под этим непонятным ему названием может скрываться Корсунь³²⁵. Обратившись к русским летописям, Стрыйковский упоминает о судьбе еще одного сына Владимира – псковского князя Судислава. По его свидетельству, этот

³¹⁹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 166–167.

³²⁰ *Ibid.* P. 168.

³²¹ *Ibidem.*

³²² *Ibid.* P. 169.

³²³ *Ibid.* P. 166.

³²⁴ *Ibid.* P. 173.

³²⁵ *Ibid.* P. 174.

князь был «пойман и заточен в Поруби»³²⁶. Таким образом, польский историк проследил судьбу почти всех наследников Владимира, переживших своего отца – Святополка, Бориса, Глеба, Мстислава и Судислава. Устранение всех их, по мнению Стрыйковского, и дало основание Ярославу «писаться законным единовластителем или монархом и Царем всей Руси»³²⁷.

Об обстоятельствах смерти Ярослава Стрыйковский был осведомлен по сочинениям более ранних польских историков, однако, упомянув возраст князя и даже день его кончины, этот историк не назвал года этого важного события. Эта особенность свидетельствует об использовании Стрыйковским в качестве источника при описании данного сюжета хроники Меховия, так как лишь в этом сочинении нет прямого указания на год кончины Ярослава³²⁸.

Описание истории Руси середины XI – середины XIV вв. в сочинениях польских историков представляет собой череду рассказов о взаимоотношениях удельных русских князей, которые, как правило, слабо связаны друг с другом и сюжетно разобщены. Наиболее содержательны реляции Длугоша, составленные на основе русских летописей. Этот польский историк не берется проследить и упорядочить генеалогические связи русских князей, в большинстве случаев он связывает два, а в исключительных – три поколения, указывая отчество того или иного монарха, либо цепочку «отец – сын – внук»³²⁹. В этом вопросе неискушенному читателю разобраться было крайне сложно по причине характерной для Длугоша путаницы в именах и отчествах, степенях родства, а также датах смерти одних князей и вокняжения других. Значительно затрудняло восприятие «русских» сюжетов также и то обстоятельство, что автор хроники, оставаясь верен себе, «вписывал» их в погодные статьи, в которых приоритет отдавался описанию событий польской истории. В результате, нередко можно наблюдать существенную коррекцию в датировке тех или иных событий по сравнению с хронологией русских источников Длугоша.

Следует отметить, что отчасти упорядочить разрозненные представления Длугоша о взаимоотношениях русских князей удалось Меховию. Этот автор изложил «русские» известия своего предшественника в рамках компактных очерков, специально посвятил этому вопросу несколько

³²⁶ Ibid. P. 175.

³²⁷ Ibid. P. 176.

³²⁸ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum. Cracovia, 1521. P. XLII; Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 179.*

³²⁹ Генеалогической характеристики с указанием четырех поколений удостоен лишь князь Всеволод «сын Ярослава и внук Владимира, оставивший сыновей Владимира и Ростислава» (*Historia Polonica Joannis Długosi ... P. 275*). Таким образом, Длугошу удалось проследить цепочку киевских князей на протяжении полутора веков. Однако этот случай является исключительным.

глав своей хроники. Важность проделанной Меховием работы состояла еще и в том, что именно к его сочинению обращались интересовавшиеся проблемами внутривосточной истории Руси авторы второй половины XVI в., прежде всего Кромер и Гваньини. Особняком среди авторов этого времени стоит Стрыйковский, который также как и Меховий «сконцентрировал» русские известия в рамках нескольких, более содержательных, книг своего сочинения и дополнительно привлек материал русских летописей.

Раздел русской земли между сыновьями Ярослава, осуществленный накануне смерти этого князя, был описан в хронике Длугоша и воспроизведен по его сочинению в трудах Меховия, Кромера и Стрыйковского. Во фрагментах, посвященных описанию событий второй половины XI–первой половины XII вв., в центре внимания хронистов находится Киев, трактованный как резиденция князей, за которыми закреплялось старшинство в родовой иерархии и признавалось политическое лидерство на Руси. В этой связи в польских хрониках в меньшей степени описываются какие-то конкретные достижения киевских князей, главным образом хронистов привлекает борьба за обладание столицей представителями различных династий потомков «князя Руси и Киева» Ярослава. Прежде всего уделяется внимание правлению в Киеве и борьбе за власть в столице сыновей Ярослава Изяслава и Всеволода, а также их потомков.

Изяслав (*Zaslaw, Zaslaus*) изображен Длугошем как слабый князь, вынужденный искать поддержки в Польше у короля Болеслава Смелого, «своего брата по родной тетке» (*fratrem suum amitam germanum*), в борьбе против стремившихся захватить Киев полоцкого князя Всеслава³³⁰ и черниговских князей³³¹. Именно эта слабость, по мнению Длугоша и большинства его польских последователей, послужила основанием для вмешательства Польши во внутренние дела Руси. Лишь Кромер и Стрыйковский обратили внимание на то обстоятельство, что в «русских хрониках» нет каких-либо сведений о протекции польского короля, оказанной Изяславу, однако и тот и другой в конце концов отдают предпочтение в этом вопросе свидетельствам своих соотечественников³³². Длугош и Стрыйковский упоминают об обстоятельствах гибели Изяслава, основываясь на летописном предании³³³. В их сочинениях, также по

³³⁰ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 229

³³¹ *Ibid.* P. 248.

³³² *Martini Cromeri De origine et rebus... 1555.* P. 79; *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 180.

³³³ Длугош датирует гибель Изяслава 1076 г., тогда как ПВЛ – 1078 г. (*Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 259; Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 67об. – 68б стб. 201–202). Стрыйковский кратко упоминает об этом событии дважды: первый раз без датировки в «русской хронике» (*Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 185) и второй раз со ссылкой на Длугоша и Меховия, ориентируясь на их хронологию (*Ibid.* S. 189).

летописи, воспроизведен фрагмент панегирика Изяславу, в котором этот князь характеризуется как выдающийся поборник справедливости³³⁴.

В хронике Длугоша мы находим прямое указание на принцип наследования власти в Киевском княжестве: после смерти Изяслава, пишет историк, «наследовал ему ... родной брат Всеволод как старший по рождению» (*successiit illi frater germanus Wschewolodus ... velut natu maior*), раздавший, в свою очередь, уделы собственным сыновьям³³⁵. Свидетельства о Всеволоде в хронике главным образом связаны с попытками других князей военным путем оспорить как его персональное право владеть Киевом, так и сам вышеупомянутый порядок престолонаследия. Несмотря на то, что данная причина войн Всеволода и других русских князей прямо не подтверждается летописными источниками³³⁶, Длугош настаивает именно на этом и, амплифицируя сюжет, приводит не подтвержденное какими бы то ни было иными источниками высказывание сына Изяслава Ярополка, якобы считавшего «великой несправедливостью» (*grandem iniuriam*) передачу Киевского княжества его дяде Всеволоду в обход прямого наследника³³⁷. В династический конфликт русских князей, разгоревшийся в результате предъявления упомянутых выше претензий, Длугош вновь получает возможность «вписать» короля Болеслава Смелого, поддерживавшего Ярополка, и, тем самым, в очередной раз сделать акцент на вмешательстве польского монарха во внутренние дела Руси³³⁸. Смерть Всеволода Длугош датирует 13 апреля 1083 г., называя ее причиной эпидемию. В хронике отмечена его «любовь к беднякам и вещам духовным», а также указывается на то, что отцом Ярославом он был благословлен «за смирение». Эти сведения, за исключением даты смерти, были заимствованы из русских летописей³³⁹.

Другие польские историки не придают правлению Всеволода особого значения – этот фрагмент отсутствует в хрониках Кромера и Бельско-го. Лишь Стрыйковский описывает конфликт Всеволода с Ярополком,

³³⁴ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 259; *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy swiatla nie widziala. *Kronika Polska ...* S. 189.

³³⁵ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 259.

³³⁶ Подробнее об этом см.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 401.

³³⁷ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 263.

³³⁸ О вмешательстве в конфликт Всеволода и Ярополка Болеслава Смелого Длугош упоминает под 1078 г. С этим связана датировка этих событий, не совпадающая с данными русского летописца, упоминавшего об этих событиях под 1085–1086 гг. Расхождения вызваны тем, что король Болеслав, прославившийся как завоеватель Руси, скончался в 1079 г. и, таким образом, никак не мог принять участие в описываемой войне. Длугош в данном случае изменяет даты, по всей видимости, лишь с целью решения конъюнктурной задачи включения в число достижений польского короля еще одной успешной акции на востоке.

³³⁹ Согласно «Повести временных лет», Всеволод умер десятью годами позже – 13 апреля 1093 г. (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 72; стб. 215–216).

но не вносит ничего своего, почти дословно повторяя Длугоша, в том числе ошибку своего предшественника, допущенную при датировке смерти киевского князя³⁴⁰.

Длугош корректно передает летописное известие о «мирной» передаче власти в Киеве новому князю Святополку, старшему из оставшихся в живых сыновей Изяслава, в том числе передает реляцию летописца о «размышлениях» сына Всеволода Владимира относительно вероятных последствий занятия им отцовского престола вопреки установленному порядку³⁴¹. Эпоха правления Святополка подробно описывается Длугошем, в частности приведены рассказы о войне с внуками Ярослава – Давидом и Олегом и «генеральном съезде» в Любече, который датирован 1094 г. В хронике передано ключевое решение съезда: «чтобы каждый довольствовался отцовским уделом, не досаждая другому в его области» (*quod quilibet paterna sorte contentus alterum in sua porcione non molestet*)³⁴². Вместе с тем Длугош акцентирует «ужасное преступление» Святополка – ослепление одного из участников съезда в Любече – князя Василько, что дает повод ему представить киевского князя как коварного и лживого человека. И в этом случае порожденная данными событиями междоусобица Длугошем была связана с поддержкой сопротивлявшегося преступному Святополку князя Давида польским князем Владиславом³⁴³. Смерть Святополка Длугош датирует 16 апреля 1112 г., что весьма близко датировке летописи³⁴⁴. История княжения Святополка отражена также в сочинениях Меховия и Стрыйковского: эти авторы в сокращенном виде передали свидетельства своего предшественника³⁴⁵.

Весьма неоднозначным было отношение польских историков интересующей нас эпохи к личности и политическим достижениям Владимира Мономаха. Длугош никак не выделяет этого князя из ряда предшественников и последователей, а также ошибочно указывает место Владимира в генеалогической иерархии: несколько раз называет этого князя родным братом Святополка, тем самым включая его в число потомков Ярослава через Изяслава, тогда как на самом деле Владимир Мономах был сыном Всеволода и приходился Святополку не родным, а двоюродным братом. Причиной искажения Длугошем происхождения Владими-

³⁴⁰ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 189–190.

³⁴¹ Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 72 об; стб. 217; *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 275–276;

³⁴² *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 295.

³⁴³ *Ibid.* P. 297, 310.

³⁴⁴ *Ibid.* P. 355.

³⁴⁵ См.: *Mathia de Mechow.* *Chronica Polonorum ...* P. LX–LIV; LXXXIII; *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S.192–202. Стрыйковский игнорирует хронологию Длугоша и опускает многие детали, в том числе лишь упоминает о съезде в Любече, не показывая его политического значения.

ра Мономаха А. В. Назаренко называет «расширительную» трактовку латинского термина *germanus*, использованного Длугошем, которая, по мнению исследователя, могла применяться не только для обозначения кровных братьев, но и братьев двоюродных³⁴⁶. Со своей стороны, мы можем высказать альтернативную точку зрения, предположив, что Длугош, указывавший прежде на реальное положение Владимира в родовой иерархии, в рассказе о вокняжении в Киеве мог «присвоить» ему статус родного брата умершего Святополка, рассуждая по шаблону: так как в двух предыдущих случаях престолонаследие осуществлялось «от брата к брату», то есть киевский стол наследовали родные братья умерших князей.

Достижения Владимира в период его правления в Киеве Длугошем описаны крайне скупо. Упор сделан на двух обстоятельствах. Упоминается о том, что он был призван на княжение горожанами, хотя и сомневался, принимать ли власть в Киеве. Кроме того уделено внимание войне с «родным племянником», сыном Святополка Ярославом, в результате которой последний был разгромлен и бежал в Польшу под защиту князя Владислава³⁴⁷, а также последующему неудачному походу объединенной польско-венгерской армии на Киев с целью свержения Владимира и установления власти Ярослава³⁴⁸. О смерти Владимира Киевского Длугош кратко сообщает под 1126 г., никак не выделяя это событие из ряда других³⁴⁹. Еще более краток в изложении истории правления Владимира Меховий³⁵⁰. Совсем не упомянут этот князь в двух первых редакциях «Хроники всего света» Бельского и сочинении Кромера.

В 9-й книге третьего издания «Хроники всего света» содержится краткое свидетельство о Владимире Мономахе, основанное на записках Герберштейна. Бельский, по всей видимости не справившись с переводом, называет Владимира Мономаха Всеволодом Владимиром (*Wszewołod Wołodymir*), а его прозвище (у Герберштейна – *cognomento Monomach*) передает с помощью термина «Монарх» (**Monarcha**), трактуемого в качестве синонима русского слова «единовладец». Польский историк называет главным итогом правления этого монарха установление «обычая избрания великого князя» (*ustawił obyciaiu iako wielkiego Kniaża wybierać*)³⁵¹. Герберштейн несколько иначе характеризует достижения Владимира Мономаха: он пишет лишь об оставленных этим князем «инсигниях» (*insignia*), донныне употребляемых при коронации

³⁴⁶ Щавелева Н. И. Древняя Русь... С. 413.

³⁴⁷ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 370–371.

³⁴⁸ *Ibid.* P. 377–378.

³⁴⁹ *Ibid.* P. 383.

³⁵⁰ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. LXXXIII.

³⁵¹ *Bielski M. Kronika, tho iesth Historya swiata ...* L. 428.

русских государей³⁵². В обоих сочинениях фигурирует одна и та же дата смерти Владимира – 6633 г. от сотворения мира.

Судя по всему, именно свидетельства Герберштейна подтолкнули Стрыйковского к созданию обстоятельного очерка, посвященного достижениям Владимира Мономаха. Во всяком случае, именно при характеристике этого князя им была существенно дополнена хроника Длугоша. Следуя Герберштейну, Стрыйковский называет Владимира сыном Всеволода, но в то же время повторяет ошибку Длугоша, представляя его как дядю (*stryj*) **Ярослава – главного противника Мономаха в борьбе за киевский престол**. Вызывают интерес прежде всего обобщения Стрыйковского, касающиеся положения русского государства в первые десятилетия XII в. По его словам, «Владимир Мономах, взошедший на киевский престол Русской державы, пришедшей в упадок и измученной из-за несогласий, убийств, внутренних войн сыновей и потомков русского самодержца и первого христианина Владимира Великого, собственными руками оттолкнул от края пропасти все Русские княжества, разорванные и раздробленные на части, и вновь своей деятельностью сплотил в единое целое, объединил и в монархию или единодержавие прежнее привел»³⁵³.

Ориентируясь на краткие ремарки об «инсигниях», имеющиеся в трактате Герберштейна, Стрыйковский свидетельствует о захвате Владимиром в Генуэзской Кафе драгоценных царских регалий³⁵⁴, посвящая этому событию обстоятельный рассказ. В частности, сообщается о том, что регалии были взяты в качестве трофеев у побежденного «кафского старосты», которого Владимир «сбил с коня» в поединке и пленил. Стрыйковский свидетельствует, что на пленнике была «большая золотая цепь, искусно украшенная жемчужинами и драгоценными камнями». По словам историка, ее Владимир «оставил Великим Князьям, потомкам, и ныне она находится у Московского [князя] в сокровищнице; и всякий раз, когда Московских князей посвящают, эту цепь, которая Бармами называется, на них возлагают»³⁵⁵. Прозвище «Мономах» Стрыйковский объясняет пристрастием Владимира к единоборствам с неприятелями.

³⁵² *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein ...* 1551. P. 9

³⁵³ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy swiatla nie widziala. Kronika Polska ...* S. 210.

³⁵⁴ У Герберштейна дословно: **Varmai est veluti torques latae formae, ex serico villosa, extrinsecus tamen auro & omnis generis gemmis concinne confectus: quem Vuolodimerus praefecto cuidam Caphae Ianuensi profligato ademit**. Стрыйковский при написании своей хроники, пользовавшийся, по всей видимости, самым поздним из доступных ему изданий трактата Герберштейна (*Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein [...] Basileae, 1571*), дает ссылку на 22 страницу этого сочинения, на которой он обнаружил данный фрагмент.

³⁵⁵ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy swiatla nie widziala. Kronika Polska ...* S. 210–211.

В заключении очерка этот князь характеризуется как пример могущественного монарха, от которого «ведут добропорядочную генеалогию все Великие Князья Московские и прочие Князья Русские, которые в связи с этим пользуются титулом самодержцев и Царей всей Руси»³⁵⁶.

Как видим, обстоятельная и яркая характеристика, данная Мономаху Стрыйковским, резко контрастирует со сдержанными и скудными реляциями Длугоша. Едва ли ее появление в хронике было обусловлено какими-то идеологическими соображениями. Скорее можно предположить, что польский автор, знакомый с записками Герберштейна, и слышанный от очевидцев о великолепии царских регалий, литературно развил биографический очерк Владимира и представил этого князя в качестве образца для подражания. Что касается тенденции изложения русской истории в целом, то она в хронике Стрыйковского не изменилась, поскольку при описании последующих событий этот автор пользовался привычными источниками, как правило, сочинением все того же Длугоша.

Наследники Владимира на киевском княжении удастаиваются Длугошем кратких характеристик. В хронике мы находим упоминания о его старшем сыне Мстиславе³⁵⁷, а также брате Ярополке, получившем киевское княжество после смерти Мстислава³⁵⁸. Период правления Ярополка для Длугоша был знаменателен затяжной и жестокой войной с польским князем Болеславом Кривоустым и междоусобицей на Руси, в ходе которой сопротивление киевскому князю оказывали Ольговичи, сыновья «князя Руси Олега». О смерти Ярополка Длугош сообщает под 1140 г.

Дальнейшие события в Киевском княжестве Длугош представляет как бесконечную череду переворотов, в результате которых власть менялась либо в результате насильственного захвата города тем или иным князем, приходившим из других русских земель, либо «призвания» правителя по инициативе самих горожан. Какого-либо законного «порядка» престолонаследия Длугошем не отмечается. Если ориентироваться лишь на реляции этого автора, то крайне затруднительно установить место князей, боровшихся за Киев, в родовой иерархии, поскольку допущены многочисленные ошибки в характеристиках степени родства и именах. В лучшем случае указывается домен того или иного соискателя киевского стола, но чаще всего польский историк ограничивается лишь персональной номинацией, причем статус участников междоусобиц чаще всего обозначается с помощью самого общего маркера «князь Руси».

³⁵⁶ Ibid. 211.

³⁵⁷ Historia Polonica Joannis Długosi ... P. 383.

³⁵⁸ Упомянув о передаче власти в Киеве Ярополку в результате смерти брата, Длугош называет Мстислава Святополком (Ibid. P. 387).

В числе наиболее активных участников борьбы за Киев в середине XII в. чаще других упоминаются Изяслав (Iszslaus) и Георгий (Georgius). Об Изяславе сообщается лишь то, что он был переяславским князем, но ничего не сказано о его предках³⁵⁹. Георгий представлен как князь, борющийся за право занять «стол отцовский и дедовский» (эта характеристика повторяется дважды³⁶⁰), хотя Длугош также прямо не указывает на его предков. Таким образом, читатель хроники лишь по косвенным данным мог заключить, что Георгий был сыном Владимира Мономаха (в двух фрагментах этот князь назван по отчеству³⁶¹).

Последующие более или менее связанные рассказы о начавшейся после смерти Георгия борьбе князей за обладание киевским княжеством Длугош помещает под 1167, 1170 и 1179 г. В них основанием для занятия киевского престола назван либо силовой захват власти, либо добровольный отказ от нее, либо назначение киевского князя извне, решением князей других земель. В дальнейшем о событиях в Киеве в хронике упоминается крайне редко: включаются лишь несколько кратких известий о престолонаследии, связанных со смертью князя Ярослава Изяславича³⁶² и наследовавшего ему черниговского князя Святослава³⁶³, а также уделено внимание разорению Киева Рюриком Ростиславичем (упоминается под 1202 г.), который, согласно Длугошу, привлек для захвата киевской крепости половецкие отряды, проявившие чрезмерную жестокость в отношении горожан³⁶⁴.

Таким образом, для Длугоша очевидна периферийность «киевских» сюжетов при описании событий русской истории второй половины XII и начала XIII вв. Польский историк отдает предпочтение другим политическим центрам Руси, уделяя их князьям гораздо больше внимания в своей хронике, тогда как «киевскую резиденцию» называет «разоренной и почти обезлюдившей» (*vasta et pene deserta*)³⁶⁵. Титул киевского князя в хронике нередко представляется как фактор повышения статуса князей других русских земель, Киевом не владевших. Так, например, один из выдающихся политических деятелей середины XIII в. Даниил, владевший Галицкой, Владимирской и Луцкой землями, назван Длугошем «князем и монархом Русским, Киевским и Дрогичинским» (Daniel

³⁵⁹ Согласно русским летописям Изяслав был внуком Владимира Мономаха через Мстислава, однако Длугош не указывает даже его отчества.

³⁶⁰ У Длугоша дословно: «...in sede paterna et avita consedit» (*Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 433). См. также о наследственном праве Георгия на Киев: *Ibid.* P. 466.

³⁶¹ *Ibid.* P. 451, 455.

³⁶² *Ibid.* P. 493.

³⁶³ *Ibid.* P. 518.

³⁶⁴ *Ibid.* P. 526–527.

³⁶⁵ *Ibid.* P. 527.

Ruthenorum Kyoviensis et Drohicziensis dux atque monarcha)³⁶⁶, что, по словам историка, повышало его статус, но не отражало факта реального контроля над бывшей столицей русских земель.

Другие польские историки, как правило, ориентировались на известия Длугоша о киевских князьях. Меховий в «Трактате о двух Сарматиях» применительно к эпохе татарского нашествия характеризует Киев как «обширный город и великолепную столицу Руссии» (Kíow, **amplissimam urbem et metropolim Rutenorum magnifice**)³⁶⁷, а также излагает историю киевского княжества в сжатом виде со значительными сокращениями, пересказывая свидетельства Длугоша, описанные нами выше, в VI, XV, XXI и XXIX главах третьей книги «Польской хроники»³⁶⁸. Кромер, напротив, почти не уделяет внимания истории Киевского княжества XII–XIII вв. и ограничивается лишь краткими ремарками, упоминая Киев как резиденцию отдельных князей, вступавших во взаимоотношения с польскими монархами³⁶⁹.

Стрыйковский, также главным образом по Длугошу, подробно описывает события, происходившие в Киевском княжестве в пятой, шестой и восьмой книгах своей хроники. Историк называет Киев «столицей монархии» (stolica monarchię Kijowskiej) и характеризует его князей как «киевских самодержцев» (jednowładzies Kijowski) во фрагментах, посвященных княжению Ярополка Владимировича, Вячеслава (Wicisław), Всеволода, а также Георгия или Юрия (Georgi albo Jurgi), Романа, Изяслава Ярославича и Святослава. Титул киевского князя Стрыйковский закрепляет также за неким Дмитрием (xiądz wielki Kijowski Dimitrij), по его свидетельству, владевшим «престолом всей русской земли» в год нашествия «татарского царя Батяя»³⁷⁰, а также за Даниилом Романовичем, «который писался в то время также королем и царем всей Руси»³⁷¹.

Характеристика Даниила в сочинениях предшественников Стрыйковского была очень лаконичной. Как правило, подчеркивался факт его

³⁶⁶ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. IV]. Lib. 7, 8. Varsavia, 1975. P. 57.

³⁶⁷ *Матвей Меховский*. Трактат ... P. 131.

³⁶⁸ Там же. С. 60–64, 82–85, 96–98, 114–115; вслед за Длугошем Меховий наделяет титулом киевского князя также и Даниила (Там же. С. 141–142)

³⁶⁹ Из киевских князей подробной характеристики Кромером удостоен лишь «сын Владимира (Мономаха) Ярополк» (*Martini Cromeri De origine et rebus...* 1555. P. 129). Даниила Кромер называет «русским королем» (**rex Russorum**), **никак не связывая** этот титул с фактом владения киевским княжеством (Ibid. P. 232–233).

³⁷⁰ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 258; по всей видимости автор хроники имеет в виду сына Святослава Всеволодовича, которого русский летописец не называет великим киевским князем. Однако Стрыйковский ссылается в данном случае на некие «старые литовские летописи», в достоверности которых сам же и сомневается.

³⁷¹ Ibid. S. 327.

коронации папским легатом Опизо, тогда как статус этого монарха в родовой иерархии русских князей и политической системе Руси не был прояснен. Подробный рассказ о Данииле мы находим лишь в 8-й книге хроники Стрыйковского. Этот польский историк характеризует его как «истинного хозяина Русской монархии», «Русского короля и Киевского монарха», называя в числе владений Даниила помимо Киева, также Галич, Владимир и Дрогичин³⁷². Стрыйковский представляет этого русского князя как объединителя русских земель, сумевшего «править великой силой будучи монархом всей Русью лежащей на юге», а также сравнивает его достижения с результатами деятельности московских князей, считая достаточным доводом для такого сопоставления сходство их титулов³⁷³. Значение Киева, как столицы Руси, польский историк подчеркивает рассказом о коронации Даниила, по его свидетельству, прошедшей в этом городе в 1246 г. «с великой помпой и надлежащими церемониями»³⁷⁴. Упоминается Стрыйковским также и о повторной коронации Даниила, состоявшейся в Дрогичине в присутствии польских епископов в 1253 г.

Свои реляции Стрыйковский подтверждает ссылками на труды Длугоша и Меховия. Между тем представленное нами выше описание отличается от рассказов этих двух авторов. Так, Длугош под 1246 г. подробно сообщает о том, что Даниил был «коронован и помазан в крепости Дрогичин» (*in castro Drohiczin regem super Russiam coronat et inungit*)³⁷⁵, однако ни о каких иных коронациях не упоминает. У Меховия мы находим свидетельства о двух коронациях Даниила, но его рассказ очень краток³⁷⁶. Стрыйковский «переносит» первую коронацию в Киев, но при этом строго следует хронологии Длугоша, вторую же описывает по сочинению Длугоша, но при этом берет за основу датировку Меховия. Причина этих произвольных манипуляций фактами и датами, по всей видимости, была вызвана желанием польского историка подтвердить «монархический» статус Даниила и его потомков, поставить его в один ряд с великими русскими князьями, столицей которых был Киев. Тем самым Стрыйковский «продлевает» историю единой и могущественной киевской державы до середины XIII в.

Ее необратимый упадок описан Стрыйковским в 11-й книге. Под 1321 г. упоминается о захвате Киевского княжества литовским князем Гедимином вследствие поражения князя Станислава, «ведущего происхождение из народа древних русских князей киевских монархов и от

³⁷² Ibid. S. 328–330.

³⁷³ Стрыйковский утверждает, что Даниил принял титул «Короля или Царя всей Руси» (Ibid. S. 330).

³⁷⁴ Ibid. S. 331.

³⁷⁵ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. IV] ... P. 57–58.

³⁷⁶ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum* ... P. CXLII, CLXI.

Рюрика, Трувора, Синауса, а также от Игоря и Олега»³⁷⁷. Историк констатирует факт гибели «монархии или самодержавия Киевского» после победы Гедимины, связывая это с подчинением Литве Киева, который «с давних времен был главой всей Русской монархии». Стрыйковский подводит итог правлению русских князей, кратко упомянув основные их достижения и кризисы внутривосточного развития киевской державы. Указывается, в частности, на то, что «монархия Киевская всей Руси лишь в период правления Рюрика, Игоря, Олега, Святослава и Владимира в начале своим и уверенными успехами в своем могуществе процветала и развивалась». Стрыйковский полагает, что первый кризис русской державы был связан с «внутренней войной после смерти Владимира», и преодолеть его на время удалось лишь Владимиру Мономаху, чья смерть обернулась новым разрывом некогда единого государства³⁷⁸. Этот авторский очерк по своему уникален, так как никто из предшественников Стрыйковского не предпринимал попытки обобщить многовековую историю русских земель от момента возникновения государственности и до момента полного подчинения Киева власти литовских князей.

История отдельных русских земель периода удельной раздробленности также привлекала внимание польских авторов, хотя следует отметить тот факт, что ее изложение связывалось либо с событиями, происходившими в Киеве, либо с проблемами взаимоотношений русских княжеств и Польши.

Длугош, а вслед за ним и прочие польские историки, упоминают те или иные русские земли и их столицы в рассказах о разделении державы киевскими князьями между наследниками. Если говорить об известиях, посвященных событиям во внутренней жизни Руси, произошедшим с X по XIII вв., чаще других среди уделов князей династии Рюриковичей польскими авторами упоминаются Чернигов, Смоленск, Новгород, Переяславль, Полоцк, Владимир, Перемышль, Галич, Луцк и Брест; значительно реже – Псков, Рязань, Суздаль, Ростов, Туров, Вышгород.

Свидетельствуя об удельных княжествах центральной и северной Руси польские историки обычно ограничивались лишь соответствующей маркировкой того или иного правителя как владельца конкретной земли или города. История граничивших с Польшей земель юго-западной Руси вызывала значительно больший интерес, что было не в последнюю очередь обусловлено претензиями на эти территории польских монархов. Не случайно относящееся к концу X в. упоминание об одном из важнейших центров этого региона Перемышле, в сочинении Длугоша сопровождается характеристикой этого города как «польской

³⁷⁷ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 394.

³⁷⁸ *Ibid.* S. 396.

крепости» (*castra Polonorum, videlicet Przemysl*)³⁷⁹. История юго-западных русских земель XI – первой половины XII вв. рассматривалась в польских хрониках в контексте истории киевской державы, а их князья представлялись как соискатели киевского престола или участники междоусобных войн. Самостоятельное значение княжеств этого региона придается лишь при описании событий конца XII – начала XIII вв.

В хронике Длугоша уделено внимание истории Галицкого княжества (*ducatus Haliczienus*) в период правления князей Мстислава, Владимира и Романа³⁸⁰. Польский историк отдает предпочтение событиям в Галицко-Владимирском княжестве и считает их более важными по сравнению с событиями в Киеве. В его описании хода борьбы за власть между князьями подчеркивается роль польских и венгерских монархов в урегулировании конфликтов соискателей галицкого престола, тогда как киевские князья при этом представляются как второстепенные политические фигуры.

Главной особенностью внутриполитической ситуации в Галицком княжестве Длугош называет «ненависть и отвращение» к князьям со стороны русской знати. В его хронике описываются острые конфликты с аристократией Мстислава и Романа. Галицкий князь Мстислав (*Msczislavus Haliczienus dux*), коварно отравленный заговорщиками, представлен Длугошем как жертва знати: в хронике упоминается о том, что этот правитель заплатил жизнью за то, что пресекал различного рода злоупотребления и отдавал предпочтение полякам в управлении государством³⁸¹. Особое внимание польский историк уделяет личности и внутренней политике владимирского князя Романа, согласно Длугошу, получившего в лен галицкий престол «благодаря благосклонности, доброте и щедрости» польского князя Лешека Белого. Описывая правление Романа в Галиче, Длугош всячески акцентирует его «крайнюю жестокость»: свидетельствует об экзекуциях, в ходе которых князь «первых из галичан ... публично казнил мечом, закапывал и засыпал песком, на глазах у всех разрывал на части, сдирал кожу, вырывал внутренности или ... привязав наподобие мишени к столбу, расстреливал стрелами». В результате такой политики, констатирует автор хроники, была истреблена «почти вся галицкая знать», что позволило Роману снискать за короткое время такую славу и власть, благодаря которой «он с легкостью повелевал всеми русскими областями и все князья Руси были его данниками и подданными»³⁸². Тем самым Длугош представляет Романа как фигуру общерусского значения. По свидетельству историка, даже заме-

³⁷⁹ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 104.

³⁸⁰ Фрагменты, посвященные истории Галицкой Руси, в хронике Длугоша охватывают период с 1182 по 1205 гг.

³⁸¹ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 495.

³⁸² *Ibid.* P. 519.

щение вакантного киевского престола требовало согласования именно с ним, что подтверждается характерным примером замены киевского князя по воле Романа: в хронике упоминается об изгнании из Киева Святослава Мстиславича, вместо которого галицкий князь «посадил» на киевский стол находившегося у него в плену Ростислава Рюриковича³⁸³.

Созданный Длугошем образ Романа был воспринят последующими польскими историками – рассказ о тиранстве и свирепости этого князя с некоторыми сокращениями передан Меховием³⁸⁴ и Кромером³⁸⁵. Стрыйковский объединяет сведения, касающиеся Романа, заимствованные из различных фрагментов хроники Длугоша, а также дополняет эти реляции собственным свидетельством о переносе «в Галич столицы всей Русской монархии из Киева» (*do Halicza przeniósł stolec monarchiej Ruskiej z Kijowa*)³⁸⁶ и «присвоении» Романом «титула Русского монарха». Эти достижения, по словам Стрыйковского, привели к установлению полного контроля галицкого, луцкого, вольнского и владимирского князя (этот титул историк считает официальным) над всеми князьями «Белой и Черной Руси», над которыми он «властвовал словно аист над лягушками» (*jako bocian żabom panował*). Заслуживает внимания то обстоятельство, что автор хроники склонен видеть сходство этой формы господства Романа над другими князьями с политической практикой современной ему эпохи, обнаруживая множество общих черт в действиях галицкого князя и «нынешнего Московского» (хроника Стрыйковского была опубликована незадолго до смерти Ивана Грозного)³⁸⁷.

Гибель Романа в войне с Польшей привела к упадку Галича как альтернативного Киеву центра политической консолидации Руси. Эта тенденция нашла отражение также в реляциях польских авторов. Длугош, Меховий, Кромер и Бельский во фрагментах своих сочинений, посвященных событиям на прилегающих к Польше территориях, не выделяют сильных региональных центров и склонны характеризовать их князей не с помощью «регионального» маркера (как в случае с Романом), а посредством их отнесения к Руси вообще³⁸⁸. Территориальная дифференциация этих земель характерна лишь для описания включения рус-

³⁸³ Ibid. P. 536.

³⁸⁴ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. CIX.

³⁸⁵ *Martini Cromeri De origine et rebus... 1555. P. 181–182. Источниками представлений Длугоша о русском князе были сочинения современника Романа – Винcentия Кадлубка, а также анонимного автора «Великопольской хроники». Русские источники свидетельств Длугоша прямо не подтверждают. Подробнее об этом см.: Щавелева Н. И. Древняя Русь... С. 441; Она же. Польские латиноязычные средневековые источники: текст, пер., коммент. М., 1990. С. 97, 112.*

³⁸⁶ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 238.

³⁸⁷ Ibid. S. 239.

³⁸⁸ Как правило, используются латинские обозначения: *Ruthenorum principes* для маркировки территории и *Ruthenorum duces* для характеристики князей.

ских земель в состав Польского королевства, а также их раздела между Польшей и Литвой.

Иной подход прослеживается в русско-литовских фрагментах сочинений Стрыйковского и Гваньини. Эти авторы, описавшие постепенное подчинение западных русских земель литовским князьям, достигшее кульминации во второй половине XIII – первой половине XIV вв. среди региональных центров «литовской» Руси чаще других упоминают Брест, Дрогичин, Новогрудок, Полоцк и Смоленск. Реляции о них также обычно были связаны с установлением на этих землях власти литовских князей. Таким образом, интерес в польской историографии к юго-западным и западным русским землям был главным образом вызван усилением экспансии и все больше получал привязку к отношениям отдельных русских земель и их соседей (Польши, Литвы, Венгрии, татар, половцев), что может нами рассматриваться как элемент историографического обоснования необратимости процесса постепенного включения этих территорий в состав польской и литовской монархий.

Особое место среди региональных центров средневековой Руси в сочинениях польских историков конца XV–начала XVII вв. занимают княжества, сохранившие независимость от Польши и Литвы, а именно Новгород, Псков и Москва. Эти государственные образования рассматривались либо как претенденты на включение в орбиту влияния польско-литовского союза, либо как серьезные противники и равные партнеры. Именно эти обстоятельства привлекли внимание авторов польских исторических сочинений к их внутреннему положению.

Интерес к новгородским землям со стороны польских авторов был обусловлен прежде всего их особой ролью в период складывания державы Рюриковичей. Длугошем и его последователями неизменно делался акцент на баснословном богатстве и периферийном положении ее столицы – расположенного среди болот, почти на краю земли города, «богатого золотом, серебром и мехами»³⁸⁹. Политическая роль Новгорода представлялась польскими авторами весьма неопределенно. Этот город был известен как резиденция Рюрика. Освещая последующие этапы русской истории, авторы польских исторических сочинений, с одной стороны, упоминали Новгород как удел различных русских князей, находившихся в вассальной зависимости от киевского князя (таким образом, новгородское княжество представлялось в качестве провинции русской державы). Однако, с другой стороны, польские историки обращали внимание также на то обстоятельство, что Новгород, в отличие от прочих земель, подчиненных Киеву, обладал рядом привилегий, подчеркивавшихся особым характером отношений его политических элит и киевских князей. Иллюстрацией могут послужить реляции Длугоша и Стрыйковского о роли новгородцев в

³⁸⁹ *Historia Polonica Joannis Długoski ...* P. 22.

междоусобной войне наследников Владимира, сопровождавшейся интервенцией со стороны Польши.

Длугош посвящает содержательный рассказ тому, как именно добровольная материальная помощь новгородцев, позволила разбитому польским королем Болеславом князю Ярославу решиться на продолжение войны и предпринять попытку освободить Киев от поляков. Для создания новой армии, по Длугошу, «каждый крестьянин (*agrestis*) должен был внести четырех куниц, знатные горожане (*nobilis*) – по пятьдесят марок, каждый командир (*capitaneus*) – по десять марок». Эта «разнарядка» давала возможность показать особенности социальной структуры новгородского общества того времени и имущественную дифференциацию элиты³⁹⁰. Также рассказ Длугоша указывает на лояльное отношение новгородцев к киевским князьям, их готовность оказать содействие в преодолении угрозы всей Руси, исходящей извне, со стороны враждебного государства.

Стрыйковский представляет отношения Новгорода с Ярославом в период его борьбы со Святополком не столь однозначно позитивными. С одной стороны, в его хронике упоминается о стремлении новгородцев принять власть Святополка, ставшем, по словам историка, причиной «бунта», подавленного верным Ярославу новгородским «рыцарством»³⁹¹. С другой стороны, Стрыйковский сообщает о поддержке «деньгами на варяжских солдат» и военной силой (*swoim gycerstwem Ruskim*), регулярно оказывавшейся Новгородом Ярославу на решающих этапах войны со Святополком и польской армией Болеслава Храброго. Стрыйковский пишет, что помощь со стороны Новгорода была предоставлена трижды: в первый раз – накануне битвы с армией Болеслава, состоявшейся под Любечем, когда Ярослав получил средства на найм варягов, но ему было отказано в непосредственном участии в войне нов-

³⁹⁰ Ibid. P. 144; Длугош в целом корректно пересказывает свидетельство летописца, датированное 1018 г., но не совсем верно передает с помощью термина *agrestis* (лат. земледельцы, крестьяне) термин *муж*, обозначавший более широкую социальную группу. Новгородских старост Длугош обозначает с помощью термина *capitaneus*, а бояр – *nobilis*, что в целом соответствовало реальности. Также ошибается польский историк, существенно завышая сумму взноса бояр – вместо 50 гривен (у Длугоша – «марок», *marcas*) в летописи мы находим упоминание о 18 (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 149. стб. 143).

³⁹¹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 168; О лояльности Новгорода к Святополку не упоминает ни русская летопись, ни Длугош. Появление в хронике Стрыйковского такого пассажа мы можем объяснить тем, что польский историк произвольно «вписывает» в свой рассказ о противостоянии Ярослава и Святополка летописное свидетельство о восстании новгородцев (в действительности имевшем место) против наемников-варягов, «творивших насилие новгородцам и женам их», которое не было напрямую связано с борьбой за киевский престол (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 48, стб. 140).

городских отрядов³⁹²; второй раз – после разгрома Ярослава в битве под Любечем, когда посадник Константин (Konstanti possadnik) морально поддержал Ярослава и призвал его продолжить борьбу³⁹³; в третий раз – когда после повторного разгрома Ярослава поляками, историчность которого сомнительна, по свидетельству Стрыйковского, новгородцы «в те времена могущественные богатством и рыцарским людом» также помогли ему как деньгами, так и войском³⁹⁴. Польский историк пишет и о том, что после третьего по счету поражения от польской армии Ярослав также «убежал в Новгород»³⁹⁵.

Последующие этапы истории Новгорода польскими историками освещены крайне скупо. В хрониках Длугоша, Меховия и Стрыйковского мы находим сообщения о попытке захвата Новгорода полоцким князем Бретиславом, племянником Ярослава, повлекшей за собой войну между ними, завершившуюся возвращением города под контроль Киева. Тогда как в разделах исторических сочинений польских авторов, посвященных событиям XI–XII вв., Новгород фигурирует как домен ряда удельных князей династии Рюриковичей³⁹⁶, в описаниях истории Руси XIII и XIV вв. этот политический центр вовсе не упоминается.

Интерес к внутреннему положению новгородской земли в описаниях новейшей истории Восточной Европы можно объяснить тем, что в XV в. эта земля, наряду с псковской, становится объектом экспансии Великого княжества Литовского и Московского государства. Наиболее содержательные свидетельства о географическом и политическом положении Новгорода в XV в. мы находим в 11-й и 12-й книгах сочинения Длугоша, а также в 6-й и 15-й книгах хроники Стрыйковского.

Длугош значительно преувеличивает степень изоляции Новгородской земли, свидетельствуя об экстремальных природных условиях – непроходимых лесах, озерах и болотах, из-за которых, по его словам, попасть в Новгород можно лишь зимой, когда воды скованы льдом³⁹⁷.

³⁹² *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 168.

³⁹³ *Ibid.* S. 169.

³⁹⁴ *Ibid.* S. 170.

³⁹⁵ *Ibid.* S. 171.

³⁹⁶ Наибольшее внимание владевшим Новгородом князьям уделено в хрониках Длугоша и Стрыйковского. Реляции Длугоша весьма разрознены, как правило, этот автор характеризует в качестве «новгородских» князей участников описываемых им междоусобных войн. Стрыйковский в основном пересказывает Длугоша, лишь в одном случае передает по русским летописям сведения о Новгороде, отсутствующие в сочинении его предшественника – пишет о том, что этот город был передан Ярославом в удел своему старшему сыну Владимиру (*Ibid.* S. 175), а после его смерти – Вячеславу (*Ibid.* S. 178).

³⁹⁷ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. VII]. Lib. 11: 1413–1330. Varsavia, 2000. P. 243.

Польскими авторами подчеркивается «купеческий» характер новгородской экономики и огромные богатства, которые приносила международная торговля: Стрыйковский называет Новгород «купеческим складом всей Руси»³⁹⁸, а Длугош по изобилию ставит этот город выше Венецианской империи (*in finitibus divitiis, magis aliquando, quam Venetorum imperium*)³⁹⁹. Зажиточность Новгорода также были призваны подтвердить сообщения Длугоша о размере установленных в разное время контрибуций и налогов, уплачивавшихся новгородцами в пользу Литвы и Польши⁴⁰⁰, а также о богатстве, которое было вывезено Иваном III в Москву после превращения новгородской земли в провинцию его державы. При этом указывается как на состоятельность новгородской элиты, так и на богатство сокровищницы архиепископа, которое накапливалось в течение длительного времени.

Жителей Новгорода Длугош называет «новгородскими рутенами» (*Nowogrodenses Rutheni*) и относит их к тому же народу, что и русских подданных Литвы, на основании сходства религиозных обрядов, обычаев и языка (*gente unius ritus morum et lingue*)⁴⁰¹. В его сочинении новгородцам дается весьма нелицеприятная характеристика: они названы «слабым и женоподобным народом» (*gens muliebris et effeminata*)⁴⁰², также подчеркивается их «пацифичность» и отрицательное отношение к войнам, указывается на склонность к пьянству, алчности и чревоугодию (*pacificos, imbelles, velut tantummodo crapule lucris et ventri op-*

³⁹⁸ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 544.

³⁹⁹ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. X]. Lib. 12: 1462–1480. Cracovia, 2005. P. 443.

⁴⁰⁰ В 11-й книге своей хроники Длугош упоминает о единовременной контрибуции, уплаченной новгородцами Витольду по итогам войны, которая включала 10 тыс. рублей серебром, «пятьдесят шуб, отделанных соболями и столько же из всяких других кож», а также триста пурпурных мантий (*Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. VII] ... P. 245). Стрыйковский о единовременной контрибуции не пишет, однако свидетельствует об установленном Витольдом ежегодном налоге в размере 10 тыс. рублей золотом, ста немецких фрезев, а также десяти или сорока сороков различных мехов (*Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 544). В 12-й книге хроники Длугоша упоминается о ежегодном налоге в сто тысяч рублей золотом (*centum millia ciclogum*), уплачиваемом Новгородом в пользу короля Польши и Великого князя Литвы Казимира (*Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. X] ... P. 443). Впрочем, достоверность последнего свидетельства весьма спорна, так как существование такого налога никакими иными источниками не подтверждается (см. *Kijas A.* Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza // *Europa Orientalis: Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność.* Toruń, 1996. С. 33).

⁴⁰¹ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. VII] ... P. 245.

⁴⁰² *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. X] ... P. 443.

eram dare solitos)⁴⁰³. В хронике Длугоша также упоминается о том, что «новгородцы являются обширным самоуправляемым сообществом, не подчиненным никакому королю или князю» (Nowogrodenses, qui per se communitatem faciunt amplissimam, nulli regi aut principi deditos sibi subiugaret)⁴⁰⁴, и имеют возможность выбирать себе князей по своей воле, при посредничестве старшего епископа и народа, а также сменять их и отстранять (sibi pro libito, quos vellet, Duces et Ciliarehas, ad arbitrium Episcopi senioris et populi, constitueret et destitueret)⁴⁰⁵.

Стрыйковский отмечает сходство «вольной» государственной организации Новгорода с политическим порядком, утвердившимся в двух других державах Руси – Пскове и Полоцке. По его словам, жители этих трех городов «свободно собой управляли и никакого верховенства над собой не имели» (wolno sobie panowali i żadnej zwierzchności nad sobą nie mieli). Причиной утверждения столь экзотической формы правления, созданной «по образцу государственного устройства знаменитых греческих республик, таких как Афины, Фивы, Спарта или Лакедемон», Стрыйковский считает внутренние и внешние политические обстоятельства: с одной стороны – «внутренние войны», разногласия «своих русских князей», приводившие к взаимным убийствам и изгнаниям, с другой стороны – гибель князей в период татарского нашествия⁴⁰⁶. Республиканские вольности в Новгороде и Пскове, согласно Стрыйковскому, были ликвидированы в результате походов великого литовского князя Витольда, который поставил над новгородцами и псковичами своих наместников-старост⁴⁰⁷.

О переходе Новгорода и Пскова под контроль Москвы, их включении в состав державы Ивана III сообщают все польские авторы интересующей нас эпохи в разделах своих сочинений, посвященных истории Московского княжества, которое позиционируется как новый центр политической консолидации восточного славянства.

Ранняя политическая история Москвы не была известна ни Длугошу, ни Меховию – эти авторы впервые касаются данной темы во фрагментах своих сочинений, посвященных событиям начала XV в. Поэтому о происхождении государства московитов были осведомлены лишь те польские историки, которые имели возможность прочесть записки Си-

⁴⁰³ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. VII] ... P. 243; Сходную характеристику Длугош дает соседям новгородцев псковитянам (Pszkowienses): Ibid. P. 220.

⁴⁰⁴ Ibid. P. 243.

⁴⁰⁵ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. X] ... P. 443.

⁴⁰⁶ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska* ... S. 271.

⁴⁰⁷ Ibid. S. 544.

гизмунда Герберштейна⁴⁰⁸, то есть Кромер, Бельский, Стрыйковский и Гваньини.

Кромер представляет концепцию политогенеза Московского княжества уже в первой редакции своей хроники. Он делает акцент на том обстоятельстве, что «имя Москов» в качестве маркера одноименной этнополитической общности «получило распространение относительно недавно и далеко не всеми в России охотно принималось». Сославшись на мнение Герберштейна, Кромер утверждает, что «так был назван один из многих народов от реки и крепости Москва» (*unus de multis populis, a flumine & arce Mosqua, ita dici coeptus est*) во времена, когда империя Руссов была разделена на множество княжеств (*post divisum in multos principatus*). Под выносной глоссой «Русские северные народы, которые повинуются князю Москов» в первой редакции хроники Кромер сообщает о том, что московским князьям удалось значительно расширить свое княжество и в дальнейшем покорить «русские народы более значительные, древние и благородные нежели Мосхи, которые «перешли в имя Москов, однако в равной мере охотно имя Руссов и теперь еще признают»⁴⁰⁹. В третьей и последующих редакциях своего сочинения Кромер вносит изменения в этот фрагмент и под выносной глоссой «Каким образом была расширена империя Москов» дополняет свое повествование указанием на методы, применявшиеся московскими князьями, в том числе свидетельствует, что вышеупомянутые народы были покорены «частично путем заключения брачных союзов, частично благодаря изменам, частично насилием»⁴¹⁰. Польский историк объясняет успех экспансии московских князей слабостью русских княжеств, причинами которой названы жестокие внутренние раздоры, а также нападения половцев и татар.

Кромер делает акцент на претензиях не только московского князя, но и московского митрополита на первенство во всей Руси (значитель-

⁴⁰⁸ «Московия» в записках Герберштейна впервые упоминается в рассказе о нашествии татар под предводительством «татарского короля Батыея» (*Bati rex Tartarorum*), в результате которого, по свидетельству немецкого автора, были сожжены и опустошены Владимирщина, Московия (*Moscovia*) и большая часть России (*Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein ... 1551. P. 7*). В его трактате также мы находим сообщения о московских князьях Иване Калите, Василии I и Василии «слепом», подробно описаны достижения Ивана III и Василия III. Важно отметить то обстоятельство, что записки Герберштейна содержали сведения об истории Московии, в основе которых лежали исторические представления самих москвитов. Таким образом, польские авторы, использовавшие это произведение в качестве источника при создании своих концепций истории Московии, были вынуждены так или иначе реагировать на существенные разночтения «внутреннего» и «внешнего» восприятия прошлого московского народа.

⁴⁰⁹ *Martini Cromeri De origine et rebus... 1555. P. 15.*

⁴¹⁰ *Ibid. P. 9.*

ная часть которой входила в состав Польши и Литвы), отразившихся в титулах глав светской и духовной власти Московии. Польский историк дает негативную оценку таким претензиям – использование московским митрополитом титула «митрополита Руссии» он называет «узурпацией», а присвоение «князьями Москов» господства над всей Русью, нашедшее отражение в их «титуле короля или императора всей Руссии» (*totius Russiae regis, vel imperatoris titulum*), характеризует как «величайшее хвастовство» (*magna vanitate*) на том основании, что «Мосхи» как самостоятельный народ появились на исторической арене относительно недавно и потому не располагают убедительными аргументами для обоснования подобных претензий⁴¹¹. Таким образом, Кромер стремится дать рациональное объяснение феномену Московии, военнополитическое значение которой в региональной политике его времени значительно возросло. Данная концепция становления «Империи Москов» имела также и прикладное значение, поскольку позволяла объяснить читателям хроники Кромера как в самой Польше, так и за ее пределами, мотивы участия московского государства в Ливонской войне, а также выявить причины его вражды с польско-литовским союзом.

Аргументы Кромера были почти буквально воспроизведены в «Описании Европейской Сарматии» Гваньини⁴¹². Вместе с тем авторы польскоязычных исторических сочинений – Бельский и Стрыйковский – не приняли его тезис об исторической неизвестности московитов, а также рассматривали историю Московии не изолированно, а в контексте общерусской истории.

Так, в генеалогической таблице, представленной на титульном листе 9-й книги третьей редакции «Хроники всего света» Бельского, «родословная Московских князей» (*Rodzay Moskiewskich Kniażow*) начинается от Рюрика (*Rurug*). Его наследниками названы Игорь, Святослав, Владимир, Борис, Глеб и Святополк. Затем генеалогическая цепочка без каких-либо комментариев разрывается, так как сразу после Святополка в таблице указан Всеволод, за которым следуют князья Юрий (*Jurhi*), Андрей и Дмитрий «Семечка» (*Dymitr Semecka*). Данный раздел таблицы Бельский сопровождает своим комментарием, в частности подчеркивает несuverенный характер власти этих князей, которым «татары отдавали приказы в Москве», и указывает на «большой разлад» между братьями. В заключительном разделе таблицы фигурируют московские князья XV и XVI вв. – Василий, Василий «слепой», Иван и Иван «второй» («Иван Габриель, названный Василием»)⁴¹³. Несмотря на много-

⁴¹¹ Ibid. P. 15.

⁴¹² *Gwagnini A.* Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium arcium civitatum praecipuarum, illarum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio [...]. Cracoviae, 1578. F. 2–3

⁴¹³ *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historia swiata ... L. 426.

численные ошибки и неточности, допущенные Бельским при составлении данной таблицы, важно отметить, что именно этот историк первым из польских авторов связал родословные киевских и московских князей, то есть не только признал единство русского и московского народов, но и истолковал историю Московии как продолжение истории государства, основанного Рюриком.

Отвергая тезис Кромера об относительной исторической неизвестности московского народа, Стрыйковский приводит аргументы, нашедшие отражение как в его этногенетической концепции, связывавшей прошлое не только Руси, но и всех славянских народов с древним народом Мосхов, давшим название городу Москва, так и в представлениях о единстве этнополитической истории Руси и Московии. Стрыйковский неоднократно подтверждал идею преемственности государственных традиций киевской и московской держав историческими примерами и аналогиями. В 3-й главе 4-й книги его хроники в рассказе об успешном походе киевского князя Олега на Константинополь, завершившемся почетным перемирием с греческим императором, со ссылкой на русские источники (*jak Ruś albo pisze*), упоминается о щите с изображением княжеского герба (*scit swój albo herb z tarczą*), оставленном Олегом «на память» в византийской столице. Стрыйковский, комментируя это обстоятельство, свидетельствует, что аналогичный по форме герб «ныне использует Московский», и приводит в доказательство собственные наблюдения, сделанные им во время пребывания в Турции. Историк утверждает, что он «своими глазами» видел в 1575 г. над Галатскими воротами в Константинополе нарисованный на старинный манер герб, напоминающий геральдический символ современной ему Московии⁴¹⁴. Подробным же образом «символическую» преемственность киевской и московской традиций Стрыйковский верифицирует в 10-й главе 5-й книги своей хроники, посвященной регалиям Владимира Мономаха⁴¹⁵. Польский историк сообщает о том, что символы великокняжеской власти, принадлежавшие Мономаху, как монарху Киева и всей Руси, «ныне хранит в своей сокровищнице Московский», который ведет свой род от этого князя и также претендует на владение всеми русскими землями, свидетельством чего является титул московских князей. Еще одно четкое указание на «родовую» связь московских князей и основателей «русской монархии» мы находим в разделе хроники Стрыйковского, посвященном деяниям Дмитрия Донского⁴¹⁶, которому уделим внимание ниже.

⁴¹⁴ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 120; из этой реляции не вполне ясно, какой именно герб имеет в виду автор хроники. По косвенным данным можно установить, что речь идет об изображении св. Георгия, поражающего змея. Предположение Стрыйковского о «киевском» происхождении этого герба носит чисто умозрительный характер.

⁴¹⁵ *Ibid.* S. 211.

⁴¹⁶ *Ibid.* S. 419.

Руководствуясь идеей преемственности киевской и московской держав, Стрыйковский почти на столетие «удревняет» историю Московского княжества, считая «наследниками Бело-Русской монархии» погибших во время нашествия Батгя Юрия и Василия, которых называет «великими московскими князьями». Это высказывание Стрыйковского не имеет ничего общего с действительным положением дел, поскольку упомянутые князья, фигурирующие в записках Герберштейна как жертвы татарского нашествия, прямого отношения к Московскому княжеству не имели. «Присваивая» им великокняжеский титул, польский историк по всей видимости стремился заполнить огромный разрыв в генеалогической цепочке, отделявший Владимира Мономаха от московских князей XIV столетия, в числе которых Герберштейн первым называет Ивана, сына Даниила (Ioannis, Danielis filii).

Основанные на записках Герберштейна реляции польских авторов об этом князе не вполне идентичны. Кроме главной заслугой Ивана считает «восстановление прежде неизвестной крепости», в которой была расположена княжеская резиденция, однако ничего не пишет о причинах выбора Москвы в качестве новой столицы⁴¹⁷. Он почти дословно повторяет Гваньини, но добавляет, что «метрополия всей Руси» (totius Russiae metropolis) была перенесена в Москву из Владимира⁴¹⁸. Наиболее адекватно передал реляцию Герберштейна Стрыйковский, отметивший важную роль в принятии Иваном Даниловичем решения о переносе столицы из Владимира в Москву «совета» митрополита Киевского и Русского Петра (Iwan Daniłowicz ... z Włodimirza stołec swój przeniósł, z porady Piotra metropolita Kijowskiego i Ruskiego)⁴¹⁹.

Этот автор также упоминает наследников Ивана Даниловича – второго Ивана Ивановича» и Дмитрия. Об Иване II ничего дополнительно не сообщается, а Дмитрий удостоен в 3-й главе 12-й книги хроники Стрыйковского более подробной характеристики: назван «Великим Московским князем» и прямым потомком «русских монархов» Юрика, Игоря, Святослава и Владимира (Dimitr ... potomek własny Ruryków, Ihorów, Swatosławów i Włodimirzów, Ruskich monarchów, będąc Wielkim Książem Moskiewskim)⁴²⁰. Ссылаясь на труды Герберштейна и Ваповского, Стрыйковский неоднократно называет этого московского князя Дмитрием «Семечкой» (Semeczka)⁴²¹. Не вполне ясно, чем была вызвана эта очевидно ошибочная номинация, которую мы обнаруживаем также в ранее опубликованной «родословной московских князей» и очерке

⁴¹⁷ Для сравнения: *Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551*. P. 60; *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555*. P. 14.

⁴¹⁸ *Gwagnini A. Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum ... F. 4v.*

⁴¹⁹ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 90.*

⁴²⁰ *Ibid.* S. 419

⁴²¹ *Ibid.* S. 419, 491.

истории Московского княжества Марчина Бельского⁴²². Герберштейн действительно упоминает князя Дмитрия, имевшего прозвище *Semecka* (латинская транслитерация русского слова Шемяка или Шемячич), однако в его записках этот персонаж однозначно позиционировался как участник междоусобной войны в московском княжестве, начавшейся после смерти сына Дмитрия Донского Василия. О реляции на эту тему Ваповского нам ничего не известно – в его хронике не упоминается ни Дмитрий Донской, ни Дмитрий Шемяка. Наиболее правдоподобным нам представляется предположение, что Стрыйковский некритически воспринял произвольную интерпретацию реляции Герберштейна Бельским, не сверил ее с данными первоисточника.

Сын Дмитрия Василий упоминается не только историками второй половины XVI в., но также Длугошем и Меховием. Интерес к нему был вызван, прежде всего, активизацией военной конфронтации Москвы с Литвой, к тому времени уже заключившей с Польским королевством унию, а также династическим браком, связавшим московскую и литовскую династию родственными узами.

Длугош называет страну Василия «землей Москвитов» (*terra Mosquitarum*), не применяя для ее обозначения «государственного» маркера, характерного для обозначения Польши (*Regnum Poloniae*) или Литвы (*Magnus ducatus Lithuaniae*). **Нет также в титуле Василия определения «великий»** – историк называет его *dux Mosquensis*, в отличие от Александра Витовта, который именуется «великим князем Литвы» (*Alexander Withavdus magnus dux Lithuaniae*)⁴²³. Из реляций Длугоша, касающихся главным образом хода московско-литовских войн, непросто извлечь какие-либо сведения о внутреннем положении «московской земли». Автор хронике делает акцент на крайне низкой боеспособности армии «москвитов», позволившей литовцам «безнаказанно опустошать свою землю» и избежавшей разгрома лишь благодаря несогласию в рядах завоевателей, помощи извне и неблагоприятным погодным условиям. Длугош также отмечает пассивность Василия как политика, особенно заметную при сравнении его с энергичным Витовтом, самолично возглавлявшим военные экспедиции.

Меховий и Кромер, а также Стрыйковский не уделили особого внимания Василию, лишь повторили известные нам реляции Длугоша⁴²⁴.

⁴²² *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 426, 428v; **этот историк, пересказывая реляцию Герберштейна о Василии Шемячиче (Герберштейн: *Vasilius Semeckitz*; Бельский: *Bazyli Semeckyzs*), правнука Дмитрия Донского, объясняет его прозвище тем, что примерно так и называли его предка (*Dymitra dziada jego zwano Semeckza*).**

⁴²³ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. VI/2]. Lib. 10, 11: 1406–1412. Varsavia, 1997. P. 19–21.

⁴²⁴ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555.* P. 375; *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 516–518.

Один только Бельский представил дополнительные сведения, пересказав свидетельство Герберштейна о спорном престолонаследии в Москве на исходе правления Василия. Автор «Хроники всего света», следуя своему источнику, объяснил намеренную передачу этим московским князем престола брату Юрию (у Герберштейна – Георгию) в обход своего сына и прямого наследника Василия тем, что он «уличил в непорядочном поведении» его мать, свою жену, и дочь Витольда Анастасию (żonę swoją Anastazyją, córkę Witulthowę, matkę Basylego ... doznał w nierządnym chowaniu)⁴²⁵.

О начавшейся после смерти Василия Дмитриевича войне его наследников также пишет только Бельский. Его краткий пересказ реляции Герберштейна позволяет получить представление об основных участниках противостояния и результатах борьбы. Бельский, в частности, свидетельствует о том, что «сын покойного князя Василий был принят боярами», тогда как Георг[ий] (брат Василия Дмитриевича, ранее называвшийся Бельским Юрием, теперь фигурирует как *Geor*) обратился за помощью к татарам, которые также поддержали его соперника. Бельский упоминает о насильственном изгнании Георгием Василия в Углич, восстановлении его прав на «великое княжение», а также о возвращении Василия «к управлению монархией» после смерти Георгия. Передача великокняжеского престола Василию в обход сыновей самого Георгия – Андрея и Дмитрия, по свидетельству Бельского, стала причиной ослепления Василия и возобновления борьбы за власть, завершившейся в пользу «слепого» князя, который изгнал или пленил своих врагов, после чего «спокойно держал Великое княжество»⁴²⁶.

Наибольшее внимание авторы польских исторических сочинений уделили сыну Василия «слепого» Ивану прежде всего из-за его выдающихся достижений во внутренней и внешней политике. Оставляя в стороне восприятие польскими историками международных успехов Ивана, к которым мы обратимся ниже, остановимся на оценках его внутривосточных действий, главной из которых признавалось последовательное территориальное расширение Московского княжества.

Длугош характеризует Ивана как «величественного и предприимчивого» мужа (*Iwan, magni animi et factivitatis erat vir*), обладавшего «выдающимися умственными способностями» (*ingentis viri spiritum*)⁴²⁷.

⁴²⁵ *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 428; Тогда как Бельский использует относительно нейтральную формулировку, его источник прямо свидетельствует о прелюбодеянии жены Василия Дмитриевича: «Anastasiam uxorem... adulterii suspectam haberet» (*Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551. P. 10*)

⁴²⁶ *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 428–428v.

⁴²⁷ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. X] ... P. 442–443.*

Именно амбициями этого князя, стремлением расширить пределы личной власти (*imperio suo*), польский историк объясняет наиболее важное его достижение – подчинение Новгорода Москве, описанию которого уделяет внимание в заключительной 12-й книге своей хроники. Пытаясь определить причины произошедшего, Длугош, с одной стороны, приводит доводы Ивана, считавшего Новгород величайшей и богатейшей землей России, «принадлежавшей ему по праву, но отторгнутой у него провинцией» (*Nowogrod, terrarum Russiae et latissima et ditissima, quam sui iuris, suaeque ditionis, astruebat adempta*), а с другой стороны, упрекает в пренебрежительном отношении к новгородским делам польского короля и великого князя литовского Казимира, которому новгородцы уплачивали ежегодный налог. Историк также обращает внимание на слабость государственной организации Новгорода, сделавшей этот город легкой добычей Ивана.

Включение Новгорода в состав Московского княжества Длугош описывает в рамках одной погодной статьи 1479 г., из-за чего складывается впечатление одновременности всех описываемых событий (никаких иных дат польский историк в своем рассказе не приводит). Автор хроники свидетельствует о том, что Новгород был атакован (*offendisset*) и в дальнейшем «воссоединен» с державой Ивана (*in ditionem suam redegit*) в результате военной операции, проведенной скрытно (*celato animi sui proposito*) и с привлечением не только многочисленного московского войска, но и наемных солдат (*multo milite proprio et mercenario*)⁴²⁸. Длугош подробно описывает размеры контрибуции, вывезенной из Новгорода, а также упоминает о репрессиях в отношении новгородской знати: в частности историк свидетельствует о разорении «бесценной сокровищницы епископа» (*pontifice inaestimabili thesauro*), конфискации имений трехсот благородных горожан, которые были лишены гражданских прав по приговору⁴²⁹, что в совокупности составило огромное богатство «равное десяти Венециям». В хронике мы находим свидетельства о

⁴²⁸ Ibid. P. 443.

⁴²⁹ Длугош, уточняя характер репрессий в отношении трехсот новгородских старейшин, применяет латинскую формулу: «*trecentis civibus, natu maioribus, diciogibusque capite damnatis*», что означает утрату по судебному приговору гражданской правоспособности, то есть «гражданскую казнь», но не предполагает лишения жизни. Между тем в переводах этого фрагмента его хроники на польский язык есть много неопределенности. Например, в переводе К. Мехежиньского говорится о том, что «были потеряны триста наистарейших и влиятельнейших новгородцев» (*Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / przekł. K. Mecherzyńskiego. T. IV. Ks. XI–XII // Opera omnia. Krakow, 1867. T. V. S. 658*).

«безмерном количестве возов с мехами, изделиями из пурпура и разного рода иной добычей»⁴³⁰.

Данная Длугошем оценка князя Ивана и мотивов проводимой им политики по отношению к Новгороду не пересматривалась иными польскими историками. Так, Меховий в своей «Польской хронике» под выносной глоссой «Иван Васильевич князь Московии умер» характеризует этого монаха как «расчетливого принцепса» (*princeps frugi*), но ставит ему в заслугу главным образом успехи во внешней политике. Присоединению Новгорода Меховий посвящает краткий рассказ, в котором упоминает лишь о трофеях московского князя, вывезенных из Новгорода, однако опускает данное Длугошем объяснение мотивов акции Ивана⁴³¹.

Помимо сочинений Длугоша и Меховия, для польских историков второй половины XVI в. важным источником сведений об эпохе правления Ивана Васильевича становятся рукописная хроника Ваповского, а также записки Герберштейна. Их использование привело к корректировке представлений о новейшей истории Московии.

Кромер под выносной глоссой «Соседние русские совращены Москхами» (*Russi finitimi subacti a Moschis*) **свидетельствует о том, что русские князья, родственники Ивана, были подчинены им «скорее хитростью, чем силой оружия»** (*astu magis, quam armas subjugarat*)⁴³². В числе «русских северных народов», признавших верховную власть московского князя, им упомянуты Владимирцы (*Vladimirienses*), Новгородцы (*Novogrodenses*), Ярославцы (*Iaroslavienses*), Тверичане (*Tiverenses*), Можайцы (*Mosaiscenses*), Суздальцы (*Susdali*), Псковичи (*Piskovenses*), Рязанцы (*Rezanenses*) и Северцы (*Severienses*)⁴³³. Кромер не указывает дат включения тех или иных княжеств в состав Московской державы и поэтому опять же создается впечатление одновременности образования огромной империи. Также не указывая конкретных дат, в 29-й книге своей хроники Кромер освещает обстоятельства присоединения к Мо-

⁴³⁰ Свидетельства Длугоша о количестве ценностей, вывезенных из Новгорода в Москву, а также о масштабе репрессий в отношении знати не подтверждаются московскими источниками, подробно описавшими новгородские события. По всей видимости, Длугош использовал при написании данного раздела хроники устные свидетельства очевидцев и в процессе обработки полученной информации преувеличил масштабы конфискаций. Также заслуживает внимания мнение польского исследователя А. Кияса, который, сопоставив реляции московского летописного свода и хроники Длугоша, пришел к выводу, что в своем рассказе Длугош соединил свидетельства о событиях в Новгороде, произошедших в разное время – в 1477 и 1479 гг., причем использовал самые свежие данные о действительно имевших место масштабных репрессиях против новгородцев, осуществленных в октябре 1479 г. (см. *Kijas A. Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza ...* S. 33).

⁴³¹ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. CCCXLIII.

⁴³² *Martini Cromeri De origine et rebus...* Basileae, 1555. P. 631.

⁴³³ *Ibid.* P. 15.

сковии Новгорода и Северских земель. В первом случае историк с некоторыми сокращениями, но в целом корректно пересказывает реляцию Длугоша⁴³⁴, несмотря на наличие в его распоряжении более содержательного источника, освещавшего обстоятельства присоединения Новгорода к московским владениям, а именно записок Герберштейна. Во втором случае Кромер под выносной глоссой «Переход Северских русских на сторону Мосха» (*Severiensium Russorum defectio ad Moschum*) описывает «церемониальный» конфликт северских князей с польским королем Казимиром, ставший причиной их перехода под власть Ивана⁴³⁵, упоминаний о котором мы не встречаем ни в сочинениях более ранних польских историков, ни в трактате Герберштейна⁴³⁶. В этом фрагменте Кромер также дает свою оценку причин сближения с Москвой территорий, находившихся под формальным протекторатом литовских князей: историк пишет, что русские князья тяготились «презрительным» отношением к себе со стороны литовцев (*despicatui se esse Lituanis animadvertent*), а также осознавали свое отличие от них «в религии и святых обрядах», которыми они были близки «Мосхам» (*de religione ritu que sacrorum ab illis quidem dissentient, cum Moschis vero consentient*)⁴³⁷.

Марчин Бельский оценивает правление Ивана как «удачливое» (*fortunne*). Используя в качестве источника записки Герберштейна, он упоминает ряд новых обстоятельств, проигнорированных Длугошем, Меховием и Кромером. В частности, автор «Хроники всего света» упоминает о двух браках Ивана как важнейшей составляющей успеха его политики. Первый брак московского князя, с наследницей Тверского княжества Марией, привел к объединению этой земли с прочими его владениями и по указанию Бельского, сыграл особенно важную роль, поскольку под впечатлением этого события, а также подчинения Новгорода, «другие

⁴³⁴ Здесь мы сталкиваемся лишь с одним несоответствием, касающемся трехсот репрессированных новгородских старейшин. Кромер, упоминая об их судьбе, использует латинский глагол *interficio* в форме *plusquamperfectum* (*interfecerat*). Данный глагол имеет несколько значений – основное «убить» и второстепенное «огрбить»; таким образом, не вполне ясно, каким же образом Кромер интерпретировал также весьма двусмысленное сообщение своего предшественника о санкциях в отношении знатных новгородцев. Следует также отметить, что в записках Герберштейна вовсе не сообщается о каких-либо жестокостях Ивана в отношении новгородской знати и тем более массовых казнях знати.

⁴³⁵ *Martini Cromeri De origine et rebus... Basileae, 1555. P. 639*; подробнее об этом см. в заключительной главе нашей работы.

⁴³⁶ Источник этой реляции Кромера достоверно не установлен (см.: *Finkel L. Marcin Kromer. Historyk Polski XVI wieku: Rozbiór krytyczny. Kraków, 1883. S. 207*). Можно лишь предполагать, что польский историк мог воспользоваться не дошедшим до наших дней эпистолярным документом или же актом королевской канцелярии, содержавшим описание этого скандального эпизода.

⁴³⁷ *Martini Cromeri De origine et rebus... Basileae, 1555. P. 639*.

государи присоединились к нему [Ивану] добровольно, либо из страха, либо в надежде на благополучие»⁴³⁸. Вторую жену Ивана – Софию, взяв ту после смерти Марии, Бельский представляет на свой лад, сообщив, что она была «из рода Палеологов, Цезарей Греческих»⁴³⁹.

Следует отметить, что Кромер также упоминает о «греческой супруге» (ихоге Граеса) Ивана, но ни ее имени, ни каких-либо подробностей, касающихся ее происхождения, не сообщает⁴⁴⁰. Стрыйковский о жене московского князя свидетельствует трижды: в 20-й и 22-й книгах хроники он использует вышеупомянутое «клише» Кромера⁴⁴¹, в 21-й книге пишет о ней во фрагменте, посвященном браку дочери Ивана Елены с Великим князем Литовским Александром, как о матери невесты. Данное свидетельство Стрыйковского любопытно прежде всего тем, что жена Ивана упомянута под именем Анны⁴⁴², хотя в прочих деталях ее характеристика как дочери «Пелопонесского деспота Фомы Палеолога» (Tomasza Paleologa Pelepomskiego despota) не противоречит реляциям Герберштейна.

В хронике Стрыйковского мы также находим описание «взятия Иваном Великого Новгорода у Литвы». Таким образом, этот историк следует традиции трактовки новгородских событий, заложенной Длугошем. Влияние Длугоша прослеживается и в содержании реляций Стрыйковского, поскольку упоминается о вывозе из Новгорода «трех сотен возов с драгоценностями», а также о расправе и конфискации богатств знати. Причем если приговор в отношении представителей новгородской элиты по хроникам Длугоша и Кромера мог быть истолкован неоднозначно, то формулировка Стрыйковского не оставляет сомнений в том, что они были лишены жизни по личному приказу Ивана: в тексте хроники прямо говорится о том, что «трехсот первейших мещан он велел зарубить и полностью забрал их огромные и богатые имения» (trzysta przedniejszych mieszczan dał ściąć i ich wszystkie wielkie a bogate majątności pobrał)⁴⁴³. Лишь одна деталь указывает на использование Стрыйковским в рассказе о новгородской акции Ивана также и записок Герберштейна (на которого он ссылается) – упоминание о победной для москвитов битве на

⁴³⁸ *Bielski M.* Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 428v.

⁴³⁹ Герберштейн представил Софию более точно и менее помпезно, указав на то, что она была «дочерью Фомы, прежнего владельца Пелопоннеса, сына Эммануила царя Константинополя из рода Палеологов» (*Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ...* 1551. P. 11).

⁴⁴⁰ *Martini Cromeri De origine et rebus...* Basileae, 1555. P. 631.

⁴⁴¹ В польском варианте «żona Grecka», также без указания имени (*Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 659, 691).

⁴⁴² *Ibid.* P. 669; то же в повести «О началах»: *Strykowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego [...]. Warszawa, 1978. S. 544.

⁴⁴³ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 658.

реке Шелони (u rzeki Solony)⁴⁴⁴, не фигурировавшей в реляциях других польских авторов.

Представляет также интерес описание новгородских событий в сочинении Гваньини. Этот автор упоминает два важных обстоятельства, которые игнорировались его предшественниками и современниками. Оба они в той или иной степени имели отношение к религиозной подоплеке расширения Московского княжества. Гваньини указывает в качестве одной из главных причин жестоких репрессий в отношении новгородцев, инициированных московским князем, «угрозу перехода некоторых новгородцев из русской церкви в римскую»⁴⁴⁵. В этой связи выглядит вполне закономерным акцент Гваньини на решающей роли духовенства в расширении сферы влияния московских князей – он выстраивает в один ряд факты, подтверждающие эту гипотезу, указывая сначала на поддержку, оказанную планам Ивана окончательно подчинить Новгород Москве новгородским первосвященником Феофилом (источником были записки Герберштейна), а также называя «измену священнослужителей» (*proditiōne sacerdotum*) **причиной падения независимости Пскова**⁴⁴⁶.

В сочинениях Меховия, Кромера, Бельского и Стрыйковского также была освещена проблема спорного престолонаследия в московском государстве и ход борьбы за великокняжеский престол, начавшейся после смерти Ивана Васильевича.

В «Польской хронике» Меховия упоминается о пяти «оставшихся» сыновьях Ивана, которые названы по их именам и перечислены по порядку рождения: первым польский автор называет Василия (*Vassil, Basilus*), вторым – Юрия (*Jurgi, Georgius*), третьим – Дмитрия (*Demetrium*), четвертым – Семена (*Szemyen*) и пятым – Андрея (*Andream*). Историк сообщает также, что князь Иван «назначил преемником и наследником после себя своего внука Дмитрия» (*assignaverat ... successorem et heredem post se Demetrim nepote suum*), который в дальнейшем был схвачен и брошен в темницу первородным сыном Ивана Василием, занявшим княжеский престол вопреки воле отца⁴⁴⁷.

Воспользовавшись записками Герберштейна, Кромер уточняет свидетельство Меховия. Под выносной глоссой «Наследование московского княжества» (*Moschicus principatus haereditarius*) он сообщает о «родовом обычае» (*instituto gentis*), согласно которому «по отцу должен был наследовать самый старший сын» (*maximus natu filius in principatu patri*

⁴⁴⁴ Герберштейн упоминает о победе войска Ивана на Шелони (*ad fluvium Scholona*), но ни о каких расправах над знатными новгородцами не говорит (*Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein ... 1551. P. 13*).

⁴⁴⁵ *Gwagnini A. Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum ... F. 9.*

⁴⁴⁶ *Ibid. F. 8.*

⁴⁴⁷ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ... P. 370.*

succedit)⁴⁴⁸. Сложности, как свидетельствует Кромер, ссылаясь на Герберштейна, возникли в связи со смертью (еще при жизни московского князя) старшего сына Ивана, в результате чего наследником сначала был назначен внук Дмитрий, а затем «по всей видимости по совету второй жены-гречанки князь изменил решение» (*vero suasu secundae uxoris Graesae mutato consiliae*) в пользу рожденного ею сына Габриэля, «которого в дальнейшем стали звать Василием». Кромер также упоминает о заточении Дмитрия дедом «в темницу», последующем его освобождении и восстановлении в правах наследника княжеского престола. Окончательное утверждение власти Габриэля-Василия историк связывает с новым заточением Дмитрия после смерти Ивана, то есть подтверждает тезис Меховия о силовом характере смены князя и, соответственно, нелегитимности престолонаследия в Москве. Практически без изменений данный фрагмент хроники Кромера был пересказан Стрыйковским⁴⁴⁹.

Важные изменения в рассказ о престолонаследии в Москве вносит Марчин Бельский. Этот автор разделяет детей Ивана на рожденных «первой женой» (Иван и Дмитрий) и «Зофьей гречанкой» (сыновья Габриэль, который потом назван Василием, Юрий, Семен, Андрей и дочь Елена)⁴⁵⁰, что почти полностью соответствует реляции Герберштейна⁴⁵¹. Путаница в рассказе Бельского возникает из-за того, что, прямо не назвав Дмитрия внуком Ивана III, этот историк представляет династический спор между ним и Габриэлем как борьбу двух наследников равного родового статуса (то есть братьев, а не дяди и племянника), рожденных разными женами московского князя. Причем Дмитрий в этом споре как раз таки представляется старшим по рождению, так как назван Бельским сыном первой супруги Ивана, тогда как Габриэль – второй. Переписи чередования их пребывания в статусе официальных наследников описаны кратко в соответствии с реляциями предшественников. Рассказ завершается упоминанием о том, что после того как Дмитрий был заточен «братом Габриэлем» повторно, тот «сам сделал себя монархом» (*sam się Monarchom uczynił*). Таким образом, Бельский также склоняется к оценке действий этого князя по присвоению себе власти как нелегитимных, но в его рассказе из-за коррекции родственных связей участни-

⁴⁴⁸ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 668.*

⁴⁴⁹ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 691.*

⁴⁵⁰ *Bielski M. Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 428v.*

⁴⁵¹ Герберштейн Дмитрия также называет сыном Софии (*Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551. P. 11*), что соответствовало действительности. Бельский мог ошибиться, неверно истолковав родовой статус Дмитрия-внука, приняв его за сына Ивана от первого брака. Нашу гипотезу подтверждает также то обстоятельство, что Бельский в своем рассказе называет Габриэля братом того Дмитрия, который являлся его соперником в борьбе за московский престол.

ков противостояния это обвинение выглядит еще более обоснованным, чем в работах предшественников.

Подводя итог нашему обзору представлений польских авторов об истории московской Руси, отметим две тенденции ее восприятия в интересующую нас эпоху. С одной стороны, московское государство характеризовалось польскими историками как некое политическое «новообразование», не связанное с традициями русской государственности. Такой подход был характерен для Длугоша, Меховия, а также отчасти Кромера и Гваньини. Он во многом был обусловлен конъюнктурным восприятием роли Москвы в региональных международных отношениях как периферийной державы, стремившейся расширить сферу своего влияния. С другой стороны, под влиянием трактата Герберштейна широкое распространение получила иная трактовка московской истории, которая нашла отражение в хрониках Марчина Бельского и Мачея Стрыйковского, рассматривавших московское государство в качестве преемника и продолжателя многовековых политических традиций восточнославянской государственности и прежде всего Киевской державы.

Говоря о представленном выше польском историческом образе русской (восточнославянской) государственности в целом, мы можем отметить его четкую дифференциацию на «русский» и «московский» сегменты.

«Русский» сегмент включал авторские интерпретации заимствованных из летописных памятников известий о наиболее важных политических достижениях русских князей, междоусобных войнах за обладание киевским престолом, а также принципах организации государственной власти на Руси (вопросы престолонаследия, организации родовой иерархии, особенности политической культуры), относившихся к эпохе существования единой Киевской державы, а также унаследовавших ее политические традиции удельных княжеств. Интерес к их истории был обусловлен прежде всего включением этой части Руси в состав Польши и Литвы.

«Московский» сегмент польского исторического образа восточнославянской государственности предполагал осмысление принципиально иной модели политической организации, главной задачей создания которой была консолидация восточных славян вокруг нового мощного центра. Как мы могли убедиться, далеко не все польские авторы готовы были признать единство и историческую преемственность этих двух традиций государственной организации Руси, что было обусловлено особенностями региональных международных отношений, в частности стремлением польско-литовского союза закрепить свое господство над принадлежавшими ему восточнославянскими землями, которое оспаривалось Москвой.

3. 3. *Russia Orthodoxa*

Особенности освещения вопроса христианизации Руси

Интерес польских историков к вопросу крещения Руси во многом был обусловлен как огромным цивилизационным потенциалом христианских ценностей, значимостью самого факта приобщения к христианскому миру для культурного развития Руси, так и непростыми межконфессиональными взаимоотношениями католиков и православных, проживавших в польско-литовском государстве. Последнее обстоятельство придало позиции польских авторов динамизма, в своих сочинениях они не ограничивались лишь простым пересказом фактов, заимствованных из источников различного происхождения (русских летописей, византийских и западноевропейских памятников), а выражали собственное отношение к православной религиозной ориентации Руси, обусловленной особым характером ее отношений с Византией.

Об этих отношениях Длугош впервые упоминает, описывая визит княгини Ольги «в Константинополь к грекам», в ходе которого она была «обучена основам христианского вероучения» константинопольским патриархом⁴⁵². В некоторых списках хроники отражена попытка Длугоша датировать это событие путем привязки его ко времени правления императора Иоанна Цимисхия, что не соответствует датировке визита Ольги русскими летописными памятниками⁴⁵³. Особое внимание Длугош уделяет сюжету выбора веры князем Владимиром. Греки фигурируют в числе народов, религиозные обряды которых изучались русскими посланниками, описывается торжественный прием, оказанный им в Константинополе императорами Василием и Константином, наконец, приводятся аргументы в пользу выбора «греческой веры» – наличие в греческих церквях «красивого убранства» (*plura et magis cultiora ornamenta*) и «чувство сладости» (*dulcedinem sensisse*), испытанное послами во время греческой службы⁴⁵⁴.

Поход Владимира на Корсунь и последующие события, связанные с принятием христианства на Руси, описаны Длугошем в форме яркого художественного рассказа. Польский историк в целом корректно воспроизводит свидетельства русской летописи, однако именно здесь обнаруживаются некоторые расхождения с русским источником, на которые в свое время обратили внимание Н. И. Щавелева и А. В. Назаренко⁴⁵⁵.

⁴⁵² *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 48.

⁴⁵³ «Повесть временных лет» датирует визит Ольги 955 г., то есть временем правления предшественника Иоанна Цимисхия императора Константина Багрянородного, умершего в 969 г.; в тексте первой публикации хроники Длугоша 1615 г. вовсе нет упоминания какого бы то ни было византийского императора.

⁴⁵⁴ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 105.

⁴⁵⁵ *Щавелева Н.И. Древняя Русь ...* С. 378–379.

В частности, в отличие от русского летописца, Длугош сообщает о личном визите византийских императоров в Корсунь для проведения переговоров с русским князем, а внезапно поразившая Владимира слепота накануне крещения истолковывается польским историком как признак намерений в верности принятого решения отказаться от язычества в пользу христианской веры (в русской летописи дается прямо противоположное объяснение этому недугу князя)⁴⁵⁶. Роль греков в мероприятиях, связанных с крещением Руси, Длугош иллюстрирует двумя фактами: во-первых, упоминает о том, что русский народ был крещен в реке Днепре «епископом корсуньским и пресвитерами из Греции» (*ab episcopo Korsunensi et presbiteris ex Grecia*), и, во-вторых, сообщает о найме греческих мастеров (*artifices*) для строительства церквей⁴⁵⁷.

Меховий в «Польской хронике» представил сокращенную версию пространного рассказа Длугоша о крещении Владимира по греческому обряду, добросовестно изложив основные факты⁴⁵⁸. Свообразием отличаются реляции на данную тему, представленные в хронике Кромера. Этот автор проявляет особый интерес к проблеме выбора вероучения русским народом, что не в последнюю очередь могло быть обусловлено его принадлежностью к высшим кругам католического клира Польши.

Важнейшей предпосылкой культурно-религиозной ориентации Руси на Византию Кромер считал использование ее населением особого алфавита, «русских букв» (*russicae literae*)⁴⁵⁹, о происхождении которых он мог быть осведомлен по трактату Герберштейна, называвшего эти буквы «славянскими»⁴⁶⁰. При этом польский историк признает исключительной ситуацию, когда «варварский народ» использовал бы «в своих анналах» после принятия христианской веры собственную письменность, и поясняет, что буквы были заимствованы русскими «от болгар» в подражание грекам (*a Bulgaris ... ad imitationem Graecarum inventis*)⁴⁶¹. В специально посвященном вопросу крещения славян фрагменте сочинения Кромера эти сведения дополнены упоминанием о миссии «Кирилла и епископа Мефодия», которая, что особо подчеркивается, сделала возможным использование славянского языка в богослужении⁴⁶². Далее поэтапно излагается история крещения руссов со ссылкой на «их собственные анналы», а также (в последней редакции хроники) III том сочинения Зонары.

⁴⁵⁶ Для сравнения: Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 37об – 38об, стб. 109–111 ; *Historia Polonica Joannis Dlugossi* ... P. 106.

⁴⁵⁷ *Ibid.* P. 108.

⁴⁵⁸ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum* ... P. XXV–XXVI.

⁴⁵⁹ *Martini Cromeri De origine et rebus* ... 1555. P. 16.

⁴⁶⁰ *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain* ... 1551. P. 2.

⁴⁶¹ *Martini Cromeri De origine et rebus* ... 1555. P. 16.

⁴⁶² *Ibid.* P. 45.

Сославшись на этого известного греческого историка, Кроммер сообщает о первой попытке крещения руссов, предпринятой во времена царствования византийского императора Василия Македонянина (без точной датировки этих событий), когда на Русь был направлен некий епископ, усилиями которого «ее общечеловеческой была принята христианская религия» (*Russis a Basilio Macedone ... episcopum missim esse, eiusque opera eos publice religionem Christianam suscepisse*), а также пересказывает легенду о продемонстрированном во время этой миссии чуде – спасении брошенной в огонь книги Евангелия⁴⁶³.

Описания крещения «Ольги, или Елены, бабки Владимира» в Константинополе имеют отличия в различных редакциях хроники Кроммера. В ее ранних изданиях приблизительная датировка этих событий определялась указанием на участие в крещении русской княгини императора Иоанна Цимисхия, что лишней раз подтверждает факт заимствования сведений у Длугоша или Герберштейна⁴⁶⁴. Однако в издании 1589 г. помимо прежней приведена альтернативная датировка: со ссылкой на Зонару и «собственные анналы» руссов крещение Ольги было отнесено к более ранней эпохе – времени правления императора Константина Багрянородного⁴⁶⁵. Сам Кроммер не отдает предпочтения той или иной версии и не объясняет разночтений.

О роли греков в выборе вероучения Владимиром Кроммер сообщает в свойственной для него лаконичной манере одной емкой фразой, указав, в частности, что когда этот князь еще «поклонялся нечестивым демонам», им были направлены миссии «разведчиков к другим народам» (*exploratores ad nonnullas gentes*) ради изучения религий, среди которых ему «более всего приглянулось христианство у греков и константинопольцев» (*Christianamque ipsi in primis apud Graecos, et Constantinopolitanos placuisse*)⁴⁶⁶. В последнем издании хроники Кроммер, комментируя симпатии русских к греческому обряду, объясняет их выбор пренебрежительным отношением ведущих католических миссионеров X в. (имея в виду главным образом св. Адалберта) к восточнославянским землям, полагая, что если бы они учили руссов, те «сочувствовали бы римлянам, а не грекам» (*cum Romanis ij, non cum Graecis sentirent*)⁴⁶⁷. Доказательством тяготения русских к контактам с римской церковью Кроммер считает свидетельство немецкого историка Ламберта Шаффнабургского

⁴⁶³ *Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia ...* P. 31.

⁴⁶⁴ Выше мы уже упоминали о путанице с датировкой этих событий в хронике Длугоша (см. примечание 453 и 454). Свидетельство Герберштейна также неоднозначно: он сообщает, что крещение Ольги произошло «при Иоанне» (*sub rege Ioanne*), однако датирует это событие 6463 г., то есть временем правления Константина (см.: *Regum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ...* 1551. P. 3).

⁴⁶⁵ *Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia ...* P. 31.

⁴⁶⁶ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 46.

⁴⁶⁷ *Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia ...* P. 31.

о прибытии их послов к королю Оттону в 960 г. с просьбой о направлении на Русь католического епископа, которая была проигнорирована. Впрочем, это известие сам польский историк считает не вполне достоверным, высказав предположение об ошибке немецкого автора, перепутавшего Русь и Ругию, что в свою очередь подтверждается ссылкой на свидетельство хрониста деяний славян Гельмольда.

Наконец, Кромер свидетельствует также и о том, что «публичное» принятие руссами христианской религии происходит после 980 г. в период правления сыновей Иоанна Цимисхия Василия и Константина, когда «князь Владимир, сын Святослава от наложницы, вступил в брак с сестрой императоров и принял учителей греческой религии», «назначил митрополита в Киев, в Новгород же архиепископа, в другие города епископов, которые были посвящены в сан константинопольским патриархом». От себя польский историк добавляет, что «с этого времени руссы упорно придерживаются греческого религиозного обряда»⁴⁶⁸.

Отношения Руси и Византии, касающиеся лишь вопроса восприятия русскими греческого обряда кратко описаны Марчином Бельским во всех трех редакциях «Хроники всего света». Этот автор передает основные факты из хроники Длугоша и расходится со своим источником лишь однажды – упоминание о слепоте Владимира накануне крещения Руси Бельский связывает с визитом русского князя в Царьград (*gdę przyjechał do Carzygroda osłnął na oczy*)⁴⁶⁹, тогда как в сочинениях его предшественников упоминалось лишь о Корсуни, куда греческие братья-императоры вместе с сестрой Анной сами прибыли для встречи с русским князем.

Наиболее содержательный рассказ о принятии христианского вероучения русскими по греческому образцу представлен в хронике Стрыйковского. Ее автор указывает на культурные предпосылки этого события, в частности, делает акцент на решении византийского императора Михаила Куроплата «в знак симпатии и примирения» с беспокоившими его государствами «булгарами и славаками народа русского» передать им в дар «глаголические буквы» (*lityry Hłaholskie*), которые в то время «были на основе греческих букв изобретены и придуманы ради славаков» (*z greckich nowo były wymyślone i wynalezione gwoli Sławakom*)⁴⁷⁰. Стрыйковский констатирует, что благодаря этому «русаки, Москва и болгары ... начали писать раньше, чем мы поляки» и датирует это событие приблизительно 790 г.⁴⁷¹

⁴⁶⁸ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 45.

⁴⁶⁹ *Bielski M. Kronika wszytkyego świata ...* 1551. L. 166v; *Bielski M. Kronika, the iesth Historya świata ...* L. 344.

⁴⁷⁰ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 87; Стрыйковский в хронике неоднократно упоминает глаголицу как особую славянскую письменность, явно имея в виду кириллицу, на что указывает его оговорка о том, что это «то самое письмо, которое и ныне Русь использует» (*Ibid.* S. 141);

⁴⁷¹ *Ibid.* S. 87–88.

Со ссылкой на сочинение Зонары Стрыйковский упоминает о первой не увенчавшейся успехом попытке крещения Руси посланником императора Василия Македонянина⁴⁷². Описывая вторую попытку христианизации, связанную с крещением Ольги, Стрыйковский, располагавший крайние противоречивыми данными, заимствованными из летописных памятников и сочинений своих предшественников (Длугоша, Герберштейна и Кромера), путается в хронологии: в частности крещение русской княгини он датирует 6463 г. и одновременно упоминает о том, что Ольга была принята в Константинополе «греческим цесарем» Иоанном Цимисхием, что с вышеупомянутой датой никак не сочетается⁴⁷³. По русским летописям Стрыйковский в подробностях передает содержащиеся в них известия об обстоятельствах пребывания Ольги в Византии, упоминает факты, которые не были известны ни более ранним польским историкам, ни Герберштейну. Не удерживается этот польский автор и от некоторого развертывания сюжета, свидетельствуя, к примеру, о том, что в Константинополь вместе с Ольгой прибыл ее двор и «русские бояре», а также сообщая о вдовстве греческого императора. Завершая свой рассказ о крещении Ольги, польский историк указывает на то обстоятельство, что «Зонара об этих событиях пишет подробнее»⁴⁷⁴. Данная оговорка лишней раз выдает стремление Стрыйковского подтвердить греческое происхождение использованных в хронике сведений, за счет которых он стремится создать впечатление большей достоверности представляемых им свидетельств, что вовсе не доказывает знания им декларированных материалов.

Рассказывая о посольстве, направленном Владимиром с целью оценки достоинств различных вероучений, Стрыйковский упоминает как о визите русских послов в Константинополь, вызвавшим радость цесарей Василия и Константина, так и об ответной миссии посланника греческих императоров и патриарха, некоего «ученого мужа Кира или Цирussa» (Kir albo Ciruss)⁴⁷⁵. По словам историка, именно этот греческий философ подробно проинформировал Владимира о христианской вере, ответил на вопросы русского князя, который в результате этих бесед убедился в необходимости крещения. Важно отметить, что об этой миссии, сведения о которой польский историк мог заимствовать лишь из русских летописей, не упоминали его предшественники.

По свидетельству Стрыйковского, именно под влиянием бесед с ученым греком Владимир принял решение предпринять военную экспедицию «в Таврию, которую ныне зовем Перекопом, где овладел Кафой, или Феодосией, знаменитым городом принадлежавшим грекам, а потом

⁴⁷² Ibid. S. 142.

⁴⁷³ Ibid. S. 124.

⁴⁷⁴ Ibid. S. 125.

⁴⁷⁵ Ibid. S. 136.

крепостью и городом Корсунем ... наиболее ценной в то время драгоценностью греческих императоров»⁴⁷⁶. Осаде Корсуня Стрыйковский посвящает пространный рассказ с множеством подробностей, после которого приводит уже известное нам по сочинениям других польских авторов описание переговоров русского князя с императорами Василием и Константином. Стрыйковский почти дословно следует Длугошу, добавляя от себя лишь свидетельства о получении Владимиром после крещения нового греческого имени Василий и обращении в христианскую веру одновременно с ним «бояр, воинов и всего его русского рыцарства»⁴⁷⁷.

О характере русско-греческих отношений после крещения Владимира из хроники Стрыйковского мы узнаем немало новых подробностей, неизвестных его предшественникам. В частности, этот автор свидетельствует о том, что русский князь забрал с собой из Корсуня мощи св. Климента, иконы, книги, церковную утварь и протопопа Натасия, а также привел с собой греческих священников, диаконов, певчих, чернецов и различных ремесленников, привлеченных щедрым вознаграждением.

Стрыйковский также сообщает о том, что зарождавшаяся русская ученость была ориентирована в равной степени на «греческую и глаголическую письменность», которым обучались сыновья боярские усилиями дьяков и образованных юношей. Описывая созданную при активном участии константинопольского патриарха систему церковного управления на Руси, Стрыйковский ошибочно называет греческого первосвященника Фотия «киевским митрополитом», а также упоминает в качестве культурно-религиозного центра Руси, куда был назначен архиепископ, еще не существовавший в конце X в. Новогрудок. Вместе с тем с летописными известиями согласуется свидетельство польского автора об основании архиепископства в Новгороде Великом, а также назначении греческим патриархом первым новгородским архиепископом Иоахима Корсунянина.

Подводя итог рассмотрению данного вопроса, Стрыйковский констатирует, что «с тех времен все русские народы Белой и Черной, восточной, северной и лежащей на юге Руси постоянно и твердо придерживаются христианской веры по обрядам и церемониям греческим, пребывают под верховенством константинопольского патриарха»⁴⁷⁸.

О взаимоотношениях русских земель и Византии как в политической, так и религиозно-культурной сферах в дальнейшем польские авторы практически не упоминают. Как правило, ими используется традиционный «греческий» маркер при обозначении религиозной ориентации восточных славян. О степени интенсивности связей Руси с ее культур-

⁴⁷⁶ Ibid. S. 137.

⁴⁷⁷ Ibid. S. 139.

⁴⁷⁸ Ibid. S. 141.

ной «метрополией» судить крайне сложно: на их наличие указывают лишь отдельные фрагменты в сочинениях Длугоша и Стрыйковского.

Длугош при описании истории русских земель второй половины XI–начала XIII вв. затрагивает вопрос связей с Византией дважды. В первом случае, при описании русских войн Болеслава II, Греция характеризуется хронистом как потенциальное убежище для киевской знати, опасавшейся «разгневанных поляков»⁴⁷⁹. Во втором случае этот польский историк отмечает обратную тенденцию: под 1200 г. упоминает о временном пребывании «константинопольского императора Аскария» (**Aschkarius Constantinopolitanus imperator**) в Галицийской земле под покровительством князя Романа. Причиной этого визита Длугош называет изгнание византийского монарха в результате захвата Константинополя «венедианцами и франками»⁴⁸⁰. Источником этой реляции польского историка современные исследователи склонны считать очерк церковной истории Птолемея из Лукки, упоминавшего о бегстве Аскария в «Галацию, являющуюся частью Руси»⁴⁸¹. Между тем Длугош, связывая это событие с личностью Романа, свидетельствует о том, что Аскарий «был милостиво встречен и размещен» русским князем. Такое развитие сюжета со стороны польского автора мы можем объяснить стремлением посредством акцентирования связей Галицкой Руси с греческими монархами лишний раз засвидетельствовать могущество и политическое влияние ее князя, который применительно к началу XIII в. представлялся как наиболее опасный противник Польши.

Стрыйковский отмечает влияние Византии на Русь не только в сфере религиозных отношений, но и в формировании традиций политической культуры. Так, в 6-й книге своей хроники он указывает на прямое заимствование «республиканской формы правления» (*kształt sprawowania Rzeczypospolitej*) могущественными русскими городами – Великим Новгородом, Псковом и Полоцком, которые «без князей, свободно начали жить», по образцу «тех славных греческих республик Афин, Фив, Спарты или Лакедемона», чьи граждане для управления поставили над собою эфоров, судей или тридцать знатных мужей. Утверждение этих политических традиций Стрыйковский связывает с тем, что «в Новгороде, Полоцке и Пскове митрополитами, владыками и архимандритами были почти исключительно греки, «которых сюда всегда константинопольский или цариградский патриарх присылал»⁴⁸².

⁴⁷⁹ Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 243.

⁴⁸⁰ Ibid. S. 522.

⁴⁸¹ *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 203; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь ... С. 441–442.

⁴⁸² *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 271–272.

Подводя итог предпринятому выше обзору, мы можем отметить повышенный интерес польских авторов к христианизации Руси и роли греков в данном культурном процессе. Этот сюжет позволил им выразить свое отношение к христианской традиции. Так, Длугош выступает с позиции христианского космополитизма, трактует принятие русскими от греков вероучения как прогрессивное событие, позволившее избавить Русь от язычества. Кромер в большей степени склонен оценивать его с прокатолических позиций и сожалеет о недостаточном внимании к русским землям со стороны миссионеров с Запада, что этот автор считает причиной их потери для «латинской» церкви. Стрыйковский, который не был ангажирован идеологией католицизма, придерживается более широкого взгляда на вопрос христианизации Руси: он солидаризуется с позицией своего источника – русской летописи, при этом не только подробно пересказывает факты, но и передает все идеологические акценты, характерные для православных книжников.

Г Л А В А 4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕПЦИЯХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

4. 1. Russia vs Graecia

Известия о русско-византийских военно-политических отношениях IX–X вв.

Важнейшим внешнеполитическим соперником Киевской державы в первые столетия ее истории польские авторы конца XV–начала XVII вв. представляют Византию. При этом акцент делается прежде всего на конфликтах двух стран. В частности, о русско-византийских военных столкновениях информируют своих читателей Длугош, Меховий и Кроммер, однако наиболее содержательные свидетельства об истории военного противостояния Руси и Византии представлены в хронике Стрыйковского, который для освещения этого вопроса использовал материалы русского летописания и византийские памятники.

Лишь Стрыйковский описывает самые ранние походы русских князей против Византии. Первый поход этот автор связывает с именами «потомков Кия» Оскольда и Дира. Со ссылкой на летописи (*jak Ruś pi-sze*) Стрыйковский упоминает об осаде русскими Царьграда-Константинополя, завершившейся чудесным спасением греков благодаря вмешательству божественного промысла. Единственным разночтением между рассказом польского автора и реляцией летописца является упоминание разных греческих патриархов, защитивших своей молитвой столицу империи от русских: тогда как в «Повести временных лет» фигурирует Фотий⁴⁸³, Стрыйковским упоминается Сергей (*patriarcha Sergius*)⁴⁸⁴.

Стрыйковский также упоминает о походе против греков русской армии под предводительством Олега. Итогом этой войны польский историк называет заключение перемирия между греческим цесарем и русским князем, который, по словам историка, был «ублажен дарами» и «оставил там [в Константинополе] свой щит с гербом на память для потомков»⁴⁸⁵. В рассказе об этом событии Стрыйковский высказывает предположение, что «этот герб или щит ... подобен тому гербу, какой ныне использует Московский». Для убедительности автор хроники ссылается на свои личные наблюдения: свидетельствует о том, что он «своими собственными глазами» видел над галатскими воротами в Кон-

⁴⁸³ Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 70б. стб. 21–22.

⁴⁸⁴ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 119.

⁴⁸⁵ *Ibid.* S. 120.

стантинополе герб «аналогичный московскому» во время своего путешествия в составе польского посольства в Турцию в 1575 г. Подобного рода геральдические аналогии⁴⁸⁶ во второй половине XVI в. были весьма функциональны, поскольку отмеченное сходство гербов позволяло сделать акцент на преемственности древнерусской и московской государственных традиций, подтвердить тезис исторического единства политической организации восточных славян.

Очередной греческий поход, согласно Стрыйковскому, был предпринят Игорем «во время правления императора Романа». Польский автор сообщает, что в результате этой войны русскими были разорены «славные города» Никомедия и Гераклея, а также ограблены Вифиния и Понт, после чего русские устремились к Константинополю на пятнадцати тысячах кораблях. По свидетельству хрониста, победа над ними в этой войне была достигнута греками лишь «при помощи римлян» (z pomocy Rzumską) и других государей христианских⁴⁸⁷. В данном случае польский историк существенно расширяет круг своих источников – декларирует использование помимо русских летописей также свидетельств Лиудпранда (у Стрыйковского: *Luidprandus*) и Зонары.

Впрочем, достоверность таких заимствований не очевидна, поскольку содержательно рассказ польского автора не вполне сочетается с реляциями указанных источников. В частности, в записках кремонского епископа Лиудпранда не упоминается указанных нами выше обстоятельств похода, речь идет о нападении «короля русских» Игоря (*Inger*), располагавшего «тысячью и даже более того кораблей» на побережье греческой империи. Таким образом, не говорится о 15-тысячном русском флоте, но упоминается именно о 15 ветхих кораблях, задействованных греческим императором Романом (Лакапином) для организации отпора русским, что было сделано благодаря применению огненных снарядов⁴⁸⁸. В то же время, несмотря на собственную непоследовательность, Стрыйковский упрекает русского летописца в том, что он вовсе не упоминает о поражении Игоря (o tym porażeniu Ikorowym, Latopiszcze Ruskie wzmianki nieczynią).

Об очередном конфликте – войне Святослава с Византией – были осведомлены также и предшественники Стрыйковского – Длугош и Меховий. Эти авторы ограничиваются кратким упоминанием о состоявшемся в 972 г. «враждебном» вторжении этого русского князя в гре-

⁴⁸⁶ Во второй половине XVI в. в геральдической традиции Московского государства утверждается герб в виде двуглавого орла, заимствованный свое время из Византии, что позволяет объяснить гипотезу Стрыйковского о тождественности гербов Московского государства и Киевской Руси.

⁴⁸⁷ *Strzykowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 121.

⁴⁸⁸ Соответствующий фрагмент записок Лиутпранда см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 191–192.

ческую землю (*Swantoslaο Grecorum hostiliter invaserat*)⁴⁸⁹, но при этом не сообщают каких-либо подробностей. Рассказ Стрыйковского о войне между Святославом и греческими императорами Василием и Константином полностью повторяет реляции Герберштейна⁴⁹⁰. При описании хода войны Стрыйковский делает акцент на храбрости русских, а также личном мужестве и воинственности Святослава, сумевшего поднять боевой дух своих воинов перед неравной схваткой с неприятелем и заслужившим уважение «греческих народов», которые признали этого князя образцовым воином и правителем. Успешный для русских исход войны польский автор связывает с заключением почетного мира, по условиям которого за отказ Святослава от штурма Константинополя греки были вынуждены «откупиться огромной данью». Эта победа русского князя представляется Стрыйковским как событие, способствовавшее укреплению международного авторитета киевской княжеской династии, такой взгляд играл существенную роль для понимания логики русско-византийских взаимоотношений накануне христианизации Руси, которая «умиротворила» Русь, на долгие годы превратив ее из грозного противника греков в дружественную Византии страну.

В сочинениях польских авторов описан также неудачный для Руси поход против «соседей-греков» сына киевского князя Ярослава Владимира. Длугош датирует эти события 1040 г. и объясняет конфликт стремлением князя Руси «найти известность и славу в других странах». Неудача похода связывается с потерей русскими направлявшихся к греческой столице кораблей, разбитых бурей. Длугош свидетельствует лишь об относительном успехе спасшихся после кораблекрушения русских воинов, одержавших победу в сухопутном сражении с греками⁴⁹¹. Русский источник польского историка упоминает только о морском сражении. Это несоответствие было отнесено А. В. Назаренко на счет неверной интерпретации им термина «олядии», обозначающего вид боевого корабля, использовавшегося русскими во время похода⁴⁹².

Меховий кратко пересказывает свидетельство своего предшественника о греческом походе Владимира Ярославича, но при этом также излагает альтернативную версию данных событий со ссылкой на «дополнение», обнаруженное им в хронике Сигиберта (*Sigiberti assertio*). Меховий передает сообщение своего источника о том, что не названный по имени «русский король» (*Russorum rex*), узнав о вовлеченности греков в войну против сарацинов, «послал более тысячи кораблей

⁴⁸⁹ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 97.

⁴⁹⁰ Для сравнения: *Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ...* 1551. P. 7; *Strzykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 127–129.

⁴⁹¹ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 196.

⁴⁹² *Щавелева Н. И. Древняя Русь ...* С. 386.

к Константинополю». Оборону греческой столицы во время нападения русского флота Сигиберт, по словам польского автора, связывал с именем «тогдашнего греческого императора Романа» (*presentiens imperator graecorum Romanus*), который направил против захватчиков войска, потопившие русский флот огненными снарядами, взявшие множество пленников и принудившие остальных к бегству. Польский историк также отмечает, что «Сигиберт ничего не говорит о буре, но лишь о том, что греческие воины одержали победу в сражении»⁴⁹³. Каких-либо комментариев относительно разночтений данных своих источников Меховий не дает, хотя для нас очевидно, что они были связаны с тем, что реляция Сигиберта относилась к иному, более раннему походу русских против Византии, не упоминавшемуся ни Меховием, ни Длугошем.

Стрыйковский, в отличие от своих предшественников, сообщает о двух греческих походах русских под предводительством Владимира Ярославича, но ни один из них не датирует. Такое разделение носило искусственный характер и, вероятно, было обусловлено тем, что для описания этого события Стрыйковским были использованы разные источники. Так, рассказ о «первом» походе Владимира основывался на летописных известиях, поскольку здесь в качестве его соратника фигурирует «гетман Высота» (*hetman Wyssota*), не упоминавшийся ни Длугошем, ни Меховием, но известный русскому летописцу как Вышата. Свидетельства Стрыйковского соответствуют летописному рассказу лишь в отдельных деталях. Польский историк сообщает о поражении русских, пленении греками вышеупомянутого «гетмана», бегстве Владимира «к отцу в Киев», а также заключении четырехлетнего перемирия «с царьградским цесарем», по условиям которого русские пленники были освобождены⁴⁹⁴.

Рассказывая о «втором» греческом походе, с Владимиром Ярославичем во главе русской морской «армады», Стрыйковский ссылается на «русские хроники», а также сочинения Длугоша, Меховия, Сигиберта и Винцентия Кадлубка. Именно здесь представлены уже известные нам по хронике Меховия две версии рассказа о войне русских и греков, одна из которых излагается по Длугошу, а другая – по Сигиберту, но занимает не напрямую, а через посредничество хроники Меховия⁴⁹⁵. Хотя при этом Стрыйковский не называет каких-либо дат, сам факт упоминания в его сочинении в качестве участника русско-византийской войны императора Романа III Аргира (у Стрыйковского: *Roman Agiropilus*)

⁴⁹³ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. XLII.

⁴⁹⁴ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 174–175.

⁴⁹⁵ Для сравнения: *Historia Polonica Joannis Długosi ...* P. 196; *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. XLII; *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 177–178.

создает немалые сложности для корректной датировки описываемых событий, поскольку Роман Аргир умер в 1034 г., значительно раньше даты греческой экспедиции Владимира Ярославича, называвшейся как русским летописцем (1043 г.), так и Длугошем (1040 г.).

Это хронологическое несоответствие позволяет нам сделать общий вывод о некорректности привлечения Стрыйковским свидетельства Сигиберта в качестве источника сведений о греческом походе Владимира Ярославича. Эта некорректность обусловлена механическим повторением ошибочно интерпретированных свидетельств французского автора, представленных в сочинении Меховия. То обстоятельство, что особенности, связанные с этой войной, излагались со ссылкой на хронике Сигиберта, не оставляют сомнений в том, что этот источник на самом деле содержал описание морского сражения, состоявшегося во время похода дружины Игоря на Константинополь, когда русский флот действительно был уничтожен с помощью «греческого огня». Однако Меховий не мог знать об обстоятельствах греческого похода Игоря, поскольку никаких упоминаний о нем не содержалось в его главном источнике – хронике Длугоша. В результате, свидетельства Сигиберта были представлены Меховием в качестве мнения альтернативного «русской» версии (хотя в данном случае правильнее было бы говорить о ее «длугошевой» интерпретации) свидетельства о греческом походе Владимира Ярославича, тогда как на самом деле они вовсе не имели к нему никакого отношения.

Таким образом, Меховий произвольно дополнил реляцию Длугоша свидетельством Сигиберта, приблизительно совпадавшим с ней по характеру описываемых обстоятельств. Между тем Длугош вовсе не упоминал о событиях, описываемых Сигибертом, а именно о греческом походе Игоря (на что указывает сообщение о синхронности нападения русских с войной греков против сарацинов).

Вызывает интерес то обстоятельство, что Стрыйковский, который в своем сочинении как раз таки сообщал об обстоятельствах греческого похода Игоря, ограничился лишь некритическим пересказом реляции Меховия и полностью доверился его «прочтению» Сигиберта. Более того, дополняя Меховия, Стрыйковский назвал противником Владимира Ярославича не просто «греческого императора Романа», а Романа III Аргира, то есть, стремясь дополнить реляцию своего предшественника, выбрал среди византийских цесарей наиболее близкого по времени правления к описываемым событиям. Но при этом историк не решился соотнести Романа, упомянутого Меховием по Сигиберту, с «греческим цесарем» Романом (если судить по времени правления это мог быть лишь император Роман Лакапин, действительно воевавший с сарацинами), упоминавшимся им же в описании похода Игоря⁴⁹⁶.

⁴⁹⁶ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 121.*

Таким образом, обращение польских авторов к вопросам военно-политических отношений Руси и Византии в X и XI в. были для них превосходным поводом блеснуть эрудицией, продемонстрировать свое знание не только русских летописей, но также византийских памятников и западноевропейских источников. Вместе с тем отмеченные нами ошибки и неточности в их интерпретации указывают на слабое владение историческим материалом по данному спектру вопросов.

4. 2. Russia vs Barbari

Особенности освещения взаимоотношений Руси с нехристианскими народами Восточной Европы

Для этнополитической картины мира европейских интеллектуалов Средневековья и Ренессанса была характерна строгая дифференциация ее субъектов по религиозному признаку. К «цивилизированному миру» было принято относить лишь христианские народы, крещенные при посредничестве римской или греческой церкви, тогда как язычники или инверцы преимущественно считались «варварами» и врагами христиан. Представления польских средневековых авторов о нехристианских народах Восточной Европы – их происхождении, ареалах расселения, социально-политической организации и культуре – были весьма скудны, подвержены влиянию стереотипов и предрассудков. Вместе с тем историкам эпохи Возрождения удалось значительно расширить познания в области региональной этнографии за счет привлечения свидетельств восточнославянских летописей, в которых нехристианские народы Восточной Европы представлялись в качестве важных внешнеполитических партнеров Руси. При этом польские историки не ограничивались лишь описанием отношений нехристианских народов с русскими землями, но также стремились к изучению их ранней этнополитической истории, выдвигали новаторские гипотезы их происхождения. В данном разделе работы мы рассмотрим свидетельства авторов польских исторических сочинений конца XV – начала XVII вв. о взаимоотношениях русских земель с хазарами, булгарами, печенегами, половцами и татарами⁴⁹⁷.

Хазары («козары», или «коссеры») относились польскими историками к числу славянских народов. Реляции о них в польских исторических сочинениях весьма скупы: Длугош, а также ориентировавшийся на его мнение Стрыйковский, характеризуют их как «русский народ» и упоминают о том, что, подобно древлянам, хазары долгое время отказывались признавать власть киевских князей. В сочинениях этих авторов мы на-

⁴⁹⁷ К числу нехристианских народов, активно взаимодействовавших с Русью, следует отнести также и литовцев. В данном разделе нашей работы мы не уделяем внимания вопросу русско-литовских отношений, поскольку он рассматривается в отдельном параграфе.

ходим свидетельства о войнах Руси с «козарами», завершившихся их принуждением к уплате дани Святославом⁴⁹⁸.

Вопрос о происхождении «булгарского народа» впервые рассматривается в сочинениях Бельского и Кромера. Бельский неоднократно называет булгар «народом славянского языка»⁴⁹⁹, считает их древней прародиной земли, располагавшиеся «между Азией и Европой на обоих берегах реки Танаис, которую мы называем Волгой» (!) и связывает с названием этой реки происхождение этнонима булгар⁵⁰⁰. Польский автор также свидетельствует о том, что булгарский народ переселился из «великой Волгарии» «на побережье моря, которое мы называем Понтом Евксинским и Белого озера, которое мы называем Меотским озером, либо озером Бицен ... аж до реки Днепр». Последующее переселение булгар на Балканы Бельский связывает с эпохой «великого цесаря Юстиниана», описывает завоевание подвластных ему провинций булгарским князем Дербалем (Derbal)⁵⁰¹, в результате которого булгары заселили «большую и малую Мисию» и «назвали ее по отеческому месту Булгарией» (przezwali Ouczystym mieyscem Bulgaria)⁵⁰².

Автор «Хроники всего света» не ограничивается констатацией факта славянского происхождения и родства балканских и волжских булгар, он также утверждает, что именно от них произошли южнославянские народы, которые «заняли Боснию, через Венгрию продвинулись далеко, вплоть до Далмации, Иллирика, аж до самой Истрии»⁵⁰³. В третьей редакции хроники Бельского упоминается также и о том, что еще одна группа булгар, сохранившая в имени своего народа память о происхождении «от Волги», переселилась на Вольту и до сих пор называется вольтцами (sie udali na Wołyn, gdzie dzis są Wołyncy, rzeczeni theż od rzeki Wołhy)⁵⁰⁴.

Тогда как источников своих познаний о происхождении и ранней этнической истории булгар Бельский прямо не называет, Кромер, рассматривая данный спектр вопросов, ссылается на сочинения Птолемея, Иордана (здесь: *Iornandes*) и Флавио Биондо (здесь: *Blondus*). На основе реляций этих авторов Кромер верифицирует славянское происхождение булгар и связь их этнонима с Волгой, расположенной, по его словам, в

⁴⁹⁸ Historia Polonica Ioannis Długossi [...]. Dobromil, 1615. P. 93; Strykowski M. Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 126.

⁴⁹⁹ Bielski M. Kronika wszytkego świata ... 1551. L. 65, 75.

⁵⁰⁰ Ibid. L. 79v; Bielski M. Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 156.

⁵⁰¹ Бельский имеет в виду булгарского хана Тервеля (годы правления: 702-718), современника императора Юстиниана. В результате соглашения этих двух монархов Тервель в обмен на военную поддержку Юстиниана значительно расширил свои владения на Балканах и получил титул кесаря.

⁵⁰² Bielski M. Kronika wszytkego świata ... 1551. L. 79v.

⁵⁰³ Ibidem.

⁵⁰⁴ Bielski M. Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 156.

Азиатской Сарматии (in Sarmatia Asiatica Bulgarorum antiquas sedes esse: ad Rha, seu Volham fluvium)⁵⁰⁵.

Представленная Бельским и Кромером концепция происхождения и ранней этнической истории болгар нашла отражение также в сочинениях Гваньини⁵⁰⁶ и Стрыйковского⁵⁰⁷. При этом последний со своей стороны подтверждает достоверность этногенетической связи болгар со славянами и их территориальной связи с сарматскими землями указанием на то, что «и ныне Князь Московский Господарем Булгарским пишется»⁵⁰⁸. Таким образом, польские историки второй половины XVI в. «славянизировали» генеалогию болгар, по-своему интерпретируя доступные им свидетельства византийских писателей раннего средневековья о славяно-булгарском этническом союзе, возникшем в результате миграции болгар на Балканы. Выдвинутая ими гипотеза о славянской генезе болгар не противоречила описанной нами выше «сарматской» теории славянского этногенеза, поскольку всячески подчеркивалась общность славянского происхождения славяно-булгар и славяно-сарматов (рок-солан), приблизительное совпадение ареалов их расселения (общность сарматской прародины), а также указывалось на то, что различия в наименованиях следует объяснять топонимической спецификой конкретной местности, населенной этими народами.

О взаимоотношениях древнерусской державы и болгар (представляемых как народ, а не как государство) в сочинениях польских авторов содержатся лишь отрывочные сведения. Так, Длугош упоминает о походах русского князя Святослава против проживавших на Дунае «своих соседей» болгар, которых тот вынудил уплатить дань и захватил у них 80 крепостей (*octuaginta castris*)⁵⁰⁹. Эта реляция воспроизведена Кромером и Стрыйковским с незначительными изменениями: Кромер сообщает о захвате по Дунаю 70 крепостей (*septuaginta arces secundum Danubium*), повторяя эту цифру во всех авторских редакциях своей хроники⁵¹⁰, а Стрыйковский ориентируется на прежние данные⁵¹¹, а также, сославшись на некие «русские и польские хроники», более обстоятельно, нежели Длугош, описывает события на Дунае (к примеру, сообщает о заселении захваченных на Дунае болгарских крепостей русскими и об «основании [Святославом] столицы своих государств» в Переяславле, что аргументировалось вы-

⁵⁰⁵ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 15.

⁵⁰⁶ *Gwagnini A. Sarmatiae Europaeae Descriptio ...* F. 4v.

⁵⁰⁷ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 97–98, 100–101, 105.

⁵⁰⁸ *Ibid.* S. 97.

⁵⁰⁹ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 96.

⁵¹⁰ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 49; *Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia ...* P. 34.

⁵¹¹ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 126.

годным положением этого города на пересечении торговых путей⁵¹²). При этом Стрыйковский сочетает свой рассказ о походах Святослава с изложением концепции происхождения булгар (Бельский не связывает два этих сюжета), что позволяет ему объяснить дунайский поход этого князя стремлением подчинить своей власти единоплеменников-булгар.

Среди соседей Руси, не относившихся польскими авторами интересующей нас эпохи к славянам, наибольшее внимание уделялось печенегам, половцам и татарам. Значению этих народов в этнической истории Восточной Европы и внешней политике русских княжеств посвящена обширная литература⁵¹³, в которой, однако, не были затронуты вопросы восприятия этих народов в европейской книжности позднего Средневековья и Ренессанса. Между тем именно польские историки в своих сочинениях уделили этим этническим сообществам достаточно много внимания.

Как «наиболее опасных врагов русских» (*Ruthenorum hostes infestissimi*) и, одновременно, как союзников во внутренних и внешних конфликтах – польские историки представляют печенегов и половцев.

Свидетельства о происхождении этих народов мы находим в сочинениях Меховия, Бельского, Кромера и Стрыйковского. Меховий уделяет внимание данному вопросу на страницах «Трактата о двух Сарматиях» и выдвигает предположение о тождестве половцев и готов, утверждая, что «готты соседями назывались половцами» (*Gotthi ... a vicinis Polowci nuncupati*). Этот автор также отмечает сходство и образа жизни готов и половцев, в частности указав на то, что и те и другие, «подобно охотничьим псам, нападали на соседние народы, притесняли и грабили их», были грозными соперниками «роксоланов, рутенов и вандалов». Вышеупомянутые особенности образа жизни половцев послужили основанием для объяснения их этнонима: Меховий свидетельствует, что наименование этого народа на языке русских и москвитов обозначает «хищников и грабителей»⁵¹⁴. Автор «Трактата о двух Сарматиях» настаивает на восточном происхождении готов и половцев, при этом вовсе не упоминает известной его современникам альтернативной гипотезы

⁵¹² Ibid. S. 126–127.

⁵¹³ См., например: *Толочко П. П.* Кочевые народы степи и Киевская Русь. Киев, 1999; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях // *Материалы по археологии СССР. № 62.* 1958. С. 151–226; *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990; *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV вв. Казань, 2000.

⁵¹⁴ *Матвей Меховский.* Трактат ... Р. 148.

готского историка VI в. Иордана, считавшего древней родиной готов Скандинавию⁵¹⁵.

Польские историки второй половины XVI в. восприняли содержащийся в сочинениях Меховия тезис о родстве готов и половцев, но при этом дополнили его собственными догадками. В частности, Бельский называет потомками готов не только половцев, но также пруссов и литовцев (Polowcy byli ... wygodkowie od Gotow, jako i Prusowie albo Litwa) и, апеллируя к неким «историкам», отождествляет эти народы с гепидами (historykowie je zową Jepidy). Автор «Хроники всего света» вскользь упоминает о переселении половцев в причерноморские области, но при этом не называет региона, где они проживали ранее. Этноним половецкого народа, по мнению Бельского, имел русское происхождение, но трактовался этим автором двояко: с одной стороны, производился «от плена, так как Русь плен полоном называет» (od plonu, bo Ruś plonem zowie), с другой стороны, связывался с охотой, ловлей зверей (od łowow). Бельский также свидетельствует о том, что венгры называют половецкий народ «хумами». Данный вариант номинации половцев, фигурирующий во всех трех редакциях «Хроники всего света», объясняется тем, что они с Русью «кумовали», то есть тесно взаимодействовали (Chumi, iż się z Rusią pokumali)⁵¹⁶.

Кромер вовсе не упоминает о родстве готов и половцев, однако уделяет внимание этнониму последних. Имя половцев этот автор, вероятно ориентируясь на мнение Герберштейна, производит от славянского слова «поле»⁵¹⁷. Кромер высказывает предположение, что народ половцев получил название от своих соседей русских и славян в связи с тем, что половецкие племена населяли области, расположенные «в полях у Танаиса и Меотского озера» (habitarunt ...campestria ad Tanaim et Meoti-

⁵¹⁵ Главным источником познаний Меховия об истории готов, по всей видимости, была хроника Павла Диакона (720–799 гг.), написанная двумя столетиями позже хроники Иордана, по которой польский автор воспроизводит в своем трактате свидетельства о пребывании готов в Азиатской Сарматии, их взаимоотношениях с Византийской империей и народами этого региона. Последователи Меховия не сомневались в скандинавском происхождении готов. Бельский свидетельствует о том, что первоначально этот народ переселился «в поисках более плодородных земель» на юг к морю Понтскому и лишь затем двинулся на запад – во Францию, Германию, Италию и Испанию (*Bielski M. Kronika wszytkego świata ... 1551. L. 63*). Автору «Хроники всего света» был известен труд Иордана, однако представленное на его страницах описание «деяний» готов Бельский воспринимает скептически, полагая, что готский историк, желавший прославить свой народ, «приписал ему все то, что совершалось как в Европе, так и в Азии либо татарами, либо сарматами» (*Bielski M. Kronika, tho iesth Historia świata ... L. 337*).

⁵¹⁶ *Bielski M. Kronika wszytkego świata ... 1551. L. 177*.

⁵¹⁷ *Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551. P. 86*.

dem paludem loca), точно также как и поляки были названы от того же слова⁵¹⁸. Кроме того также были известны некоторые «альтернативные» наименования половцев – в первой редакции его хроники они названы «хунами или куманами» (Polouicijs, quos ... Chunos sive Cumanos esse volunt)⁵¹⁹, а в редакции 1589 г. – «фрагами или фрагиями» (Fragos esse Fragios)⁵²⁰. Однако какого-либо объяснения данной формы номинации, не встречавшейся в других источниках, в хронике Кромера мы не находим.

Авторскую гипотезу этногенеза половцев и печенегов выдвигает Стрыйковский, считавший их «побратимами» готов, гепидов, литовцев, ятвягов и аланов, которые, по мнению этого автора, все вместе составляли единый «воинственный и рыцарский народ». Опираясь на парабиблейскую традицию, этот историк называет его прародителем «Тогорму, третьего сына Гомера, внука Иафета, правнука Ноя». Он пишет о разделении на множество племен после переселения «из Ассирии в северные страны», а также утверждает, что некоторые из них стали именоваться киммерийцами (а также кимерами или цымбрами), а в числе прочих были те, которые остались у Черного моря и озера Меотис. Эти народы, согласно Стрыйковскому, были названы готами, гепидами, певчинами или печенегами и половцами, они частично остались в названных областях, а частично, расселившись далее на север, остались «в тех местах, где сейчас Вольнь, Подолия и Литва»⁵²¹.

Как можно видеть, польский автор отчасти опирался на уже зарекомендовавшие себя концепции (например, был сторонником «готской» генезы половцев). Вместе с тем идея родства половцев и печенегов с балтами является результатом самостоятельных этногенетических изысканий Стрыйковского. Она была обоснована в 8-й главе 5-й книги его сочинения, где мы находим описание разгрома половцев коалицией русских князей на реке Суле в начале XII в., заимствованное из хроники Длугоша⁵²², который, в свою очередь, почти буквально повторил рассказ русского летописца об этих событиях. Стрыйковский сообщает о том, что русские после победы гнали половцев «аж до Хорелы» (aż do Chorele). Но поскольку Длугош прямо не указывает, чем именно является «Хорела»⁵²³, Стрыйковский по своему усмотрению истолковал этот топоним и высказал предположение, что «Хорела, или Корола, где

⁵¹⁸ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 186–187.*

⁵¹⁹ *Ibid. P. 186.*

⁵²⁰ *Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia ... P. 128.*

⁵²¹ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 24–25.*

⁵²² *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 335.*

⁵²³ Летописец имел в виду р. Хорол (в русском источнике дословно: «гнаша до Хорола»), находившуюся на границе русских и половецких земель – ныне территория Полтавской области Украины.

и побили русаки половцев, является землей прилегающей к Финляндии на севере за Новгородом Великим, где жители говорят на латышском и иговском языке, близком литовскому». На основании этого территориального сопереживания польский автор приходит к выводу о том, что «половцы, которые в то время проживали в Корелле, были единым народом с Литвой». Весомым доказательством верности выдвинутой им гипотезы Стрыйковский считал то обстоятельство, что и «ныне еще остатки половцев перемешаны с Москвой, ... говорят на своем старом половецком языке, подчинены Князю Московскому и Москва их иговьянами и восками называет»⁵²⁴.

Появление половцев в Северном Причерноморье Стрыйковский связывает с их миграцией «с севера на восток» (*Polowcy ... mieli ossady swoje z północy ku wschodu się nachyliwszy*), после чего, по свидетельству этого автора, половецкий народ занял земли «у озера Меотис и Понта Евксинского», расселился «в полях около рек Танаиса и Волги, и в Таврике», захватил Манкоп, Киркель, Крым, Азов, Кафу, Монкаструм или Белгород⁵²⁵.

Представленные нами выше свидетельства польских ренессансных авторов позволяли европейским читателям XVI столетия получить представление об особенностях политической и военной организации половецкого народа, характере его отношений с соседями. Мы уже упоминали о том, что в «этнографических» разделах сочинений Меховия, Бельского, Кромера и Стрыйковского половцы характеризовались как кочевой народ, занимавшийся грабежом соседей и охотой. О существовании государственности у половцев польские историки не упоминают. В хронике Длугоша названы по именам десятки половецких вождей, иерархический статус которых обозначается латинским термином *dux*⁵²⁶. Его применение можно объяснить влиянием русского летописно-

⁵²⁴ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 201–202.

⁵²⁵ *Ibid.* S. 186.

⁵²⁶ Как правило, половецкие ханы упоминаются при описании русско-половецких войн. Их имена польский историк передает в латинской транслитерации и часто искажает. Некоторые из них упоминаются также и Стрыйковским, который приводит латинские формы их имен, представленные у Длугоша, на польском языке. Например, упомянутый в «Повести временных лет» под 1061 г. половецкий хан Искал / Сокал в хронике Длугоша назван Шекалом (*Szekal*), а сочинении Стрыйковского – Секалом (*Sekal*). Длугош также упоминает половецких «князей» Кытано (*Kythano*; у Стрыйковского – *Kitan*), Итлара (*Ythlar*; у Стрыйковского – *Itlar*), Тугортхана (*Tuhortkan*; у Стрыйковского – *Tohortkan*), Боняка (*Bonyak*, а также ошибочно *Manyak*; у Стрыйковского – *Boniak*), Ташу (*Tasza*), Сарукану (*Sarukan*; у Стрыйковского – *Sarnkan*), Рушобу (*Ruszoba*), Коча (*Kocza*), Харшлонопа (*Harszlonopa*), Киктанопу (*Kikthanopa*), Куману (*Kumana*), Азупу (*Azupa*), Куртраку (*Kurthaka*), Ченехрепу (*Czenuchrepa*; у Стрыйковского – *Cernierepa*), Сурбора (*Surbor*) и других.

го источника, в котором представители высшей знати половцев названы «князьями». В то же время Длугош не пишет о характере властных полномочий половецких «князей», а также не представляет никаких свидетельств, касающихся территориальной или политической дифференциации половцев. Из его рассказов следует, что половецкие «князья» возглавляли небольшие мобильные военизированные группы племенного типа, объединявшиеся для совместных действий во время войн⁵²⁷. О стационарных поселениях половцев Длугош упоминает крайне редко (лишь один раз сообщается о двух половецких «крепостях» Руканье и Сурове⁵²⁸), при этом чаще в его хронике можно встретить описание «лагерей» (*castra*), в которых половецкие воины проживали вместе с семьями (женами и детьми)⁵²⁹. О едином политическом центре половцев Длугош также ничего определенного не сообщает. В его сочинении для обозначения центра сбора трофеев применяется термин *societas*⁵³⁰, однако историк не поясняет, в чем конкретно состояло его значение в политической организации половцев⁵³¹.

О взаимоотношениях печенегов и половцев с Русью польские историки главным образом были осведомлены по русским летописям и византийским источникам. На летописи ориентируется Длугош, который воспроизводит русский вариант номинации печенегов в латинской

⁵²⁷ Следует отметить, что проблема реконструкции социально-политической иерархии половцев и в наши дни относится к числу дискуссионных. Современные исследователи отмечают трудности в определении статуса половецкой знати, поскольку наряду с вождями, стоявшими во главе семей и родов, постепенно образовывались объединения во главе с ханами (См., например: *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар ... С. 48*). В реляциях Длугоша, основанных на летописных известиях, нет четких указаний на подчиненность половецких «князей» друг другу, в связи с чем речь в них скорее идет о вождях, а не о ханах.

⁵²⁸ Измененное название половецких городов Шарукань и Сугров. Стрыйковский также ошибочно считает «половецкой крепостью и святыней» Схутен (*Schuten*), близ которого произошла победная для русских битва, описанная им под 1103 г. (*Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 201*). Согласно летописному рассказу, упомянутая битва произошла на территории Переяславского княжества у местечка Сутень.

⁵²⁹ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 353*.

⁵³⁰ *Societas* (лат. «союз», «товарищество») Длугош упомянул под 1171 г. в рассказе об успешной попытке русских князей вернуть добычу, захваченную половцами во время одного из набегов, указав при этом, что он находился в четырех днях пути от границ Руси (*Ibid. P. 466*).

⁵³¹ Комментируя этот фрагмент хроники, А. В. Назаренко склонен трактовать половецкий *societas* как «орду» однако он не поясняет, означает ли это понятие в данном случае один из многих военно-административных центров половцев или же некое подобие столицы их раннегосударственного образования (*Щавелева Н. И. Древняя Русь ... С. 326*).

транслитерации – *Pueczenyegos*. Между тем историки, использовавшие византийские сочинения, приводят различные формы этнонима этого народа: у Ваповского печенеги фигурировали под названием *Pewcini*⁵³², а в сочинении Стрыйковского и в пятой редакции хроники Кромера наряду с наиболее употребительной формой наименования *pecinigi*, со ссылкой на сочинение византийского историка XII в. Иоанна Зонары, упоминается также и альтернативная форма их этнонима – *Pacinniki / Pacinacas*⁵³³.

Народ печенегов польские историки представляют в роли непримиримых врагов русской державы, с которыми ее князья были вынуждены вести регулярные войны. Длугош упоминает о конфликтах Руси с «врагами печенегами» (*Pueczenyegos hostes*), ориентируясь на свидетельства русской летописи. Согласно реляциям польского автора, печенеги безуспешно осаждали Киев в 970 г.⁵³⁴, а в 972 г. нанесли поражение армии Святослава, в результате которого этот русский князь попал в плен и был убит печенежским князем Курей (*dux Pueczenyegorum Kura*)⁵³⁵. Длугош также пересказывает летописное известие о сделанной из черепа Святослава чаше. После публикации трактата Герберштейна в третьей редакции «Хроники всего света» Бельского, а также сочинении Стрыйковского в реляции об изготовлении чаши из черепа русского князя появляется упоминание о сделанной на ней нравоучительной надписи: «В поисках чужого свое утратил»⁵³⁶. Кроме того Стрыйковский в рассказе о смерти Святослава, следуя своей концепции происхождения печенегов, называет печенежского князя «Курю или Куреса» литовцем по происхождению⁵³⁷.

В хрониках Длугоша, Меховия и Стрыйковского описаны три конфликта Руси и печенегов в период княжения Владимира и Ярослава. Под 997 г. Длугош, ошибочно назвав печенегов половцами, описывает их разгром войском Владимира на реке Трубеже (*ad fluvium Thrubye-*

⁵³² Свидетельство об этом мы находим в хронике Стрыйковского, поскольку фрагменты хроники Ваповского, содержавшие описание событий интересующей нас эпохи, не сохранились до наших дней.

⁵³³ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 129; *Martini Cromeri*, *Varmensis episcopi Polonia ...* P. 34.

⁵³⁴ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 96.

⁵³⁵ *Ibid.* P. 97.

⁵³⁶ В сочинении Герберштейна надпись на чаше приведена в латинском варианте: *Quaerendo aliena, propria amisit* (см.: *Rerum Moschoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein ...* 1571. P.7). В сочинениях Бельского и Стрыйковского ее польские версии несколько различались. Для сравнения: у Бельского – *Pragnąc ludzkiego, swojeś stracił* (см.: *Bielski M.* *Kronika, tho iesth Historya ...* L. 427v); у Стрыйковского – *Szukając cudzego, swoje stracił* (*Strykowski M.* *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 129)

⁵³⁷ *Ibidem.*

sza), которому предшествовало единоборство печенежского «великана» и «низкорослого» русского⁵³⁸. Меховий исправляет ошибку Длугоша (не упоминает о половцах) и кратко передает его свидетельство о событиях на Трубеже⁵³⁹. Стрыйковский, описывая данную битву, литературно развивает сюжет за счет дополнения его сравнением участников поединка с античными героями, использования нетипичных для описываемой исторической эпохи формы обращения к князю и ряда других приемов. Эпизация повествования позволяет этому польскому автору назвать Владимира «великим и славным монархом», а также «единовластцем всех Русских земель»⁵⁴⁰, что дает возможность, за счет акцентирования способности князя противостоять внешней угрозе, подтвердить мощь и централизованный характер монархической власти на Руси. Под 998 г. Длугош свидетельствует о разорении Руси печенегами и чудесном спасении Владимира после неудачной битвы с ними⁵⁴¹. Из рассказа следует, что печенежское войско представляло собой грозную силу – польский историк упоминает о многочисленных военных потерях русских, захвате печенегами трофеев, крепостей и пленных, делает акцент на беспомощности князя Владимира, уцелевшего лишь благодаря божественному заступничеству. Стрыйковский, на сей раз строго следовавший Длугошу, также описывает эту войну, называет нападение печенегов на Русь «мстью» за прежнее поражение на реке Трубеже⁵⁴². Наконец, под 1033 г. Длугош и Стрыйковский упоминают о последней масштабной акции печенегов – осаде Киева, завершившейся их окончательным разгромом князем Ярославом⁵⁴³. В сочинениях Длугоша, Меховия, Кромера и Стрыйковского мы также находим свидетельства об участии печенегов (наряду с варягами) в качестве наемников в междоусобных войнах на Руси на стороне Ярослава и Святополка.

Наиболее содержательные сведения о взаимоотношениях половцев и Руси представлены в хронике Длугоша, черпавшего сведения по этому вопросу почти исключительно из русских летописей. С некоторыми сокращениями они впоследствии были воспроизведены в трудах историков XVI в., главным образом в хрониках Меховия и Стрыйковского. Длугош характеризует половцев либо как «варваров» (*Polowczy barbari*)⁵⁴⁴, либо

⁵³⁸ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 117. Русская летопись датирует эти события 992 г.*

⁵³⁹ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ... P. XXXIII.*

⁵⁴⁰ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 135.*

⁵⁴¹ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 117–118. Эту войну русский летописец датирует 996 г.*

⁵⁴² *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 164.*

⁵⁴³ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 175; Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 175–176; Описываемые события, согласно хронологии русского летописания, произошли в 1036 г.*

⁵⁴⁴ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 228, 259.*

как «варваров-язычников» (*gentiles et barbari, vocati Polowczy*)⁵⁴⁵, тем самым противопоставляет их Руси и другим христианским странам⁵⁴⁶. Используя в качестве источника русские летописи, Длугош свидетельствует о наиболее важных войнах русских и половцев, но при этом не всегда корректен в их датировке, поскольку «вписывает» реляции о русско-половецких отношениях в канву изложения польской истории. Первое «достоверное» сообщение о появлении половцев на границах Руси в хронике Длугоша помещено под 1058/1059 гг.: польский историк упоминает о разорении Переяславского княжества и первом поражении коалиции русских князей от половцев на реке Олхе⁵⁴⁷. Под 1085 г. Длугош описывает очередную войну, кульминационным моментом которой была битва на реке Стугне⁵⁴⁸. Последующие упоминания Длугоша о русско-половецких конфликтах помещены под 1089, 1091, 1103, 1107, 1111, 1126, 1154, 1171, 1194, 1205 гг.⁵⁴⁹ В этих войнах, по свидетельству автора хроники, борьба шла с переменным успехом – поражения русских князей, сопровождавшиеся разорением их земель и пленением жителей, сменялись их победами, захватом у половцев богатых трофеев в виде золота, серебра и других драгоценностей, верблюдов, коней, скота и пленников. Ареал противостояния русских и половцев Длугош очерчивает, называя реки, на которых происходили важнейшие сражения – кроме упомянутых нами выше Олхи и Стугны в хронике также фигурируют Голт, Сула, Хорол, Дон-Танаис и даже Дунай.

Характеризуя формы русско-половецких взаимоотношений, Длугош ссылается на нормы «международного права», договоры (раста) русских и половецких князей⁵⁵⁰, а также упоминает о выплате русскими половцам ежегодной дани (*annui solutionem tributi*)⁵⁵¹. В качестве гарантий

⁵⁴⁵ Ibid. P. 227.

⁵⁴⁶ О таком противопоставлении свидетельствует регулярно встречающаяся на страницах сочинения Длугоша характеристика пленников, захватывавшихся половцами, как «христиан» (Ibid. P. 339)

⁵⁴⁷ Согласно хронологии русского летописания, речь идет о событиях 1062 г.

⁵⁴⁸ Русский летописец датирует эту войну 1093 г.

⁵⁴⁹ Работа по сопоставлению датировки русско-половецких конфликтов в русских летописных памятниках и хронике Длугоша была проделана А. В. Назаренко; первая русско-половецкая война, которая в русских летописях датируется 1062 г., описана Длугошем под 1058 и 1059 гг., война 1093–1096 г. – под 1085 и 1089 гг., совпадает датировка русских летописей и хроники Длугоша в описаниях русско-половецких войн 1103, 1107, 1111 гг.; неудачный поход князя Игоря 1185 г., нашедший отражение в «Слове о полку Игореве», очень лаконично описан Длугошем под 1194 г.; наиболее позднее упоминание о военном столкновении русских князей и половцев, помещенное под 1205 г., по-разному датируется и в памятниках русского летописания (см.: *Щавелева Н. И. Древняя Русь ... С. 391–444*).

⁵⁵⁰ *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 317.*

⁵⁵¹ Ibid. 286.

мирного сосуществования русских и половцев, связанных договорными отношениями, Длугош упоминает о взаимном обмене князей заложниками⁵⁵², а также о женитьбе киевского князя Святополка на дочери половецкого князя Тугортхана⁵⁵³. Возникавшие в результате относительного сближения русских и половцев временные политические «союзы» (*fedus*) польский историк оценивает с прагматических позиций – считает их залогом безопасности наиболее уязвимых княжеств, а также дополнительным фактором усиления политических позиций того или иного русского князя в междоусобных войнах с соотечественниками⁵⁵⁴.

Длугош также отмечает участие наемных половецких отрядов, выступавших на стороне русских князей в войнах с их внешними противниками – Польшей, Венгрией и татарами. Под 1094 г. в его хронике подробно описана военная акция «половецкого князя Боняка» (**Bonyak Polowczonum dux**), действовавшего против венгров на западных границах Руси в интересах перемышльского князя Володаря и волынского князя Давида⁵⁵⁵. Половцы также упоминаются во фрагменте 6-й книги хроники Длугоша, посвященном описанию Галицкой войны, в качестве союзников коалиции четырех русских князей, противостоявшей объединенными силами Венгрии и Польши (эти события датированы 1209 г.). Польский историк пишет об участии в Галицкой войне «огромного половецкого войска» (**Polowiczonum exercitus ingens**), **которое по численности вдвое превосходило** армии венгров и поляков⁵⁵⁶ и, по свидетельству Длугоша, сыграло решающую роль в генеральном сражении, обеспечив русским победу. Реляции автора хроники указывают на то, что половцы в этой войне использовались лишь как наемники и не имели какого-либо политического интереса: тогда как русские, по словам Длугоша, после победы стремились не оставить в живых ни одного венгра или поляка, «резали их как скот», их союзники-половцы, напротив, были заинтересованы лишь в трофеях – конях, оружии, одежде, а также пленниках (половцы увели в свою землю множество венгров и поляков, которых обрели на «вечное рабство»)⁵⁵⁷.

Последний раз половцы упоминаются Длугошем под 1212 г., во фрагменте хроники, где содержится пространное описание битвы «на

⁵⁵² Под 1089 г. упоминает о том, что в заложниках у половцев находится сын переяславского князя Владимира Святослав, а у черниговского князя Олега находится сын половецкого хана Иглара (*Ibid.* P. 286)

⁵⁵³ *Ibid.* P. 281.

⁵⁵⁴ Об участии половцев в распрях русских князей на стороне одного из них Длугош сообщает под 1076, 1077, 1138, 1158, 1184, 1202 гг.

⁵⁵⁵ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 298.

⁵⁵⁶ *Ibid.* P. 541.

⁵⁵⁷ *Ibid.* P. 542.

реке Калче» (ad fluvium Kalcza), в ходе которой русские князья оказали помощь половцам в борьбе против татар (Thartari). Польский историк в данном случае допускает ошибку в датировке событий, однако в целом его описание точно передает содержание русских летописных источников. В своем рассказе автор хроники делит половцев на две группы в зависимости от места проживания по «ту» и «эту» сторону не названного им моря (Polowczis ex illa parte maris / citra mare), по всей видимости, имея в виду Черное и Азовское моря. Отношения Руси со второй группой половцев характеризуются в хронике как добрососедские и союзнические. Длугош представляет ситуацию, предшествующую решающей битве, как дипломатический торг, приводит аргументы половцев и татар, стремившихся убедить русских занять выгодную им позицию. Решение русских князей поддержать половцев, сопровождавшееся убийством татарских послов, польский историк оценивает как незрелое и непродуманное (*nulla super hiis matura deliberacione*)⁵⁵⁸. Длугош акцентирует внимание на трусости половцев в ходе битвы, пишет о том, что половецкая армия разбежалась, оставив русское войско в сражении один на один с врагом, а также в качестве примера вероломства половцев упоминает о том, что жители половецких земель, через которые разгромленные татарами русские воины спасались бегством, убивали их лишь для того, чтобы завладеть лошадьми и одеждой⁵⁵⁹.

Описывая историю русско-половецких отношений, последователи Длугоша в своих сочинениях, как правило, с сокращениями передают его реляции, в том числе повторяют ошибки в датировке и именах половецких князей⁵⁶⁰. Отступления от хроники Длугоша весьма немногочисленны. К числу таковых мы можем отнести свидетельства Стрыйковского о взаимоотношениях русских князей и половцев во второй половине XI–начале XII вв., представленные в так называемой «Русской

⁵⁵⁸ Ibid. P. 547.

⁵⁵⁹ Ibid. P. 548.

⁵⁶⁰ К примеру, Стрыйковский не ставит под сомнение реляцию Длугоша, дважды назвавшего хана Боняка Маняком (русский летописец в рассказе о войне с Руси с половцами под 1096 г. никаких разночтений в написании имени Боняка не допускает). В Лаврентьевской летописи под 1096 г.: «приде Бонякъ с Половци г Києву» (см. Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 76 об; стб. 231); у Длугоша под 1091 г.: «dux Manyak cum Polowczis venit contra Kyow» (*Historia Polonica Joannis Długossii ... P. 289*); у Стрыйковского: «Maniak, książę Połowieckie, ciągnął pod Kijów» (*Strzykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 195*). Пересказывая свидетельство Длугоша о данной войне русских с половцами, Стрыйковский вовсе не указывает года описываемых событий, а также ошибается в дне битвы на реке Трубеже – датирует ее 10 июля, тогда как в русской летописи и хронике Длугоша сообщается, что сражение произошло 19 июля.

кроничке», где упоминается о трех русско-половецких войнах, описание которых не совпадает с реляциями Длугоша⁵⁶¹.

Представленное в хронике Длугоша описание битвы на реке Калке, которое в сокращенном виде представлено в сочинениях большинства польских хронистов XVI в., с функциональной точки зрения имело огромное значение, поскольку именно оно «выводило» на историческую арену нового грозного противника не только Руси, но и всей христианской Европы – татар и являлось яркой презентацией военно-политического потенциала этого народа.

Интерес польских авторов к истории татар, а также их взаимоотношениям с другими народами был вызван необходимостью объяснить причины татарского нашествия на Русь, Польшу и Венгрию, определить роль татарского фактора в региональных международных отношениях. В XVI в. «татарский вопрос» постоянно актуализировался в условиях противостояния татарских «орд» с христианскими государствами Восточной Европы и приобретавшей все более угрожающие масштабы экспансии Османской империи. Потрясение от татарского нашествия XIII в. было настолько велико, что европейские историки были склонны демонизировать татар, приписывать им, наряду с гуннами, роль главных сокрушителей культурных ценностей христианских народов. Страх перед татарскими ордами породил множество фантастических домыслов, которые получили широкое распространение в средневековых анналах, а через их посредничество и в исторических сочинениях эпохи Возрождения⁵⁶².

⁵⁶¹ Поскольку описываемые события не датированы, соотнести свидетельства «Русской кронички» Стрыйковского с реляциями «Повести временных лет» и хроники Длугоша представляется возможным лишь по упоминаниям русских князей, принимавших участие в войнах с половцами. Речь идет о двух походах Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода, второй из которых, по словам Стрыйковского, завершился гибелью Изяслава (русский летописец и Длугош не связывали гибель этого князя с войной против половцев), а также о походе киевского князя Святополка, предпринятом при поддержке Олега Святославича, Владимира Мономаха и Давида Игоревича (см.: *Strykowski M. Kto-ś przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 184–185).

⁵⁶² Варварские набеги кочевников-завоевателей на христианские страны Европы и проявлявшаяся при этом жестокость привели к возникновению в европейской средневековой анналистике своеобразной мифологии «тартарского террора». Одним из ее творцов был выдающийся английский хронист XIII в. Матвей Парижский (*Matheus Parisensis*), считавший татар жаждущими крови чудовищами, пожирающими собачье мясо и человеческую плоть. Его современник папа Иннокентий IV назвал этот народ «посланиками саганы и прислужниками Тартаруса». Таким образом, татары изображались как предвестники конца света, и в этом качестве их пытались «вписать» в библейские рассказы, называя народом Гога и Магога, чьим предназначением являлось наказание божьего народа за грехи, что в Средние века проецировалось на христианскую Европу. Негативные представления о татарах усугублялись также неудачными попытками их христианизации, предпринимавшимися монахами-миссионерами (подробнее об этом см.: *Гёкеньян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой орды): От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 83).*

В частности, одним из самых распространенных культурных маркеров татарского народа становится сопряжение их этнонима с латинским названием преисподней (*Tartarus, Tartara*), что привело к утверждению в европейской латиноязычной хронографии несколько видоизмененной формы номинации татар – *Thartari*.

Польские историки XVI в., стремившиеся с рационалистических позиций осветить прошлое и актуальное положение татар, как правило, находились под влиянием вышеупомянутых этнокультурных стереотипов⁵⁶³, что не могло не отразиться на результатах их изысканий.

Длугош не вписывал татар в какие-либо древние и престижные генеалогии, производил их от армян (*Thartarorum gens et nacio ex Armenis*) по причине сходства во внешности и близости языка. О ранней этнополитической истории татарского народа этот польский автор пишет весьма путано, некритически пересказывает легенды, распространенные в европейских средневековых источниках различного происхождения⁵⁶⁴. Возвышение татар, их превращение в «огромный народ» Длугош связывает с деяниями «короля из их собственного рода по имени Хинхис» (*Chinchis*). Таким образом, благодаря данному сопряжению в польской хронографии получает широкое распространение мнение о том, что именно Чингисхан был основателем татарского народа и инициатором совершенных им впоследствии грандиозных завоеваний⁵⁶⁵.

Тезис об исторической неизвестности татар поддерживает также и Меховий. В «Трактате о двух Сарматиях» утверждается, что этот «новый и пришлый народ» переселился в Азиатскую Сарматию около трехсот лет тому назад из «предгорий Индии» (*gens Thartarorum de*

⁵⁶³ Об обратных тенденциях в восприятии татар и турков (примерах «туркофилии»), которые не нашли отражения в изученных нами исторических сочинениях, см. подробнее: *Егоров Д.* Идея «турецкой реформации» в XVI в. // *Русская мысль*. 1907. № 7. С. 1–14; *Schwoebel R.* The Shadow of the Crescent. The Renaissance Image of the Turk (1453–1517). Nieuwkoop, 1967.

⁵⁶⁴ В хронике Длугоша мы встречаем парафразы двух мифологических сюжетов: популярного среди средневековых авторов предания о заточении Александром Македонским «нечистых» народов в горе и легенды о пресвитере Иоанне. В первом случае Длугош ориентируется на свидетельство краткой всемирной хронологии «*Fasciculus temporum*», автором которой был его современник, немецкий писатель Вернер Ролевинк, включивший в число вышеупомянутых «узников горы» татар. Во втором случае польский историк пересказывает популярный в западноевропейской анналистике рассказ о легендарном христианском монархе, повелевавшем азиатскими варварами. Длугош называет татар данниками пресвитера Иоанна, фигурирующего в его хронике под именем «короля Бухама» (*Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 498*).

⁵⁶⁵ *Ibidem*.

submontibus Indiae venit)⁵⁶⁶. Свидетельства Меховия о происхождении государственности татарского народа основаны на реляциях Длугоша, а также «татарских преданиях и рассказах». Чингисхана этот автор называет Цингосом или Цинхисем (Cingos vel Cingkis) и характеризует его как «прародителя» (primus prorogator et sator) современных татарских императоров. Вместе с тем далеко не все излагаемые сведения Меховий считает правдоподобными. К примеру, им скептически оценивается легенда о том, что Цинхис был зачат не от человека, а от солнечных лучей⁵⁶⁷. В «Трактате о двух Сарматиях» мы также находим описание родословия татарских императоров, в котором перемешаны свидетельства разных источников, нарушена последовательность эпох и деяний татарских правителей.

Бельский локализует «татарские царства» в Азиатской Скифии, на огромных пространствах «от самого восточного Океана» до Волги и Дона. В качестве топонимического маркера, позволяющего отделить Татарию от Скифии, польским историком избрана гора Имава, расположенная за Каспийским морем. Прародителем татар Бельский считает библейского Магога, потомка Иафета, но одновременно утверждает, что некоторые «татарские орды» размножились от Хама. Имя татарского народа автор «Хроники всего света» производит от реки Тартар, однако не указывает ее местоположения. Он также связывает татар с «монгалами» (Mongałowie), произошедшими «из великой Азии», называет этот народ «настоящими татарами», а его воинственного «короля» Цангуисту (waleczny Krol Canguista) сравнивает с Александром Македонским⁵⁶⁸. Вместе с тем Бельский не всегда корректно применяет «татарский» маркер при описании этнокультурных процессов в Восточной Европе, в частности он характеризует гуннов как «татарский народ»⁵⁶⁹.

Наиболее обстоятельны в описании этногенеза татар Стрыйковский и Гваньини, чьи реляции включают заимствованные из сочинений различных авторов, нередко противоречащие друг другу свидетельства и гипотезы.

Для Стрыйковского определение «татарский» тождественно определению «скифский» – они применяются в равной степени как к этниче-

⁵⁶⁶ *Матвей Меховский*. Трактат ... Р. 129. По мнению С. А. Аннинского, данная реляция была заимствована из написанной в XIII в. энциклопедии «Speculum Historiale» ученого монаха-доминиканца Винцентия из Бовэ, который в свою очередь ссылался на сообщение своего современника монаха-францисканца Плано Карпини, посетившего Монгольскую империю в период ее наивысшего расцвета (Там же. С. 207, 212–213).

⁵⁶⁷ Там же. С. 64.

⁵⁶⁸ *Bielski M.* Kronika wszytkego świata ... 1551. L. 116v.

⁵⁶⁹ *Ibid.* L. 122.

ским сообществам и их языкам⁵⁷⁰, так и к занимаемым ими территориям⁵⁷¹. При этом важно отметить, что в сочинении Стрыйковского акцент делается на размежевании «татарско-скифской» номинации с номинацией «сарматской», поскольку сарматы представляются этим автором как народ, принципиально отличавшийся от татар и скифов по происхождению и культуре, враждовавший с ними в борьбе за территории⁵⁷². Именно результатами такого размежевания Стрыйковский объясняет деление Сарматии на европейскую и азиатскую части по Волге и Дону. Обосновывая сопряжение скифов и татар, польский автор апеллирует к мнениям авторитетных писателей античности, в частности ссылается на 3-ю книгу сочинения Диодора Сицилийского⁵⁷³, которому приписывается гипотеза, связывавшая происхождение «скифского народа татар» с Индией. Стрыйковский также относит к временам Диодора начало завоеваний татарами «горных стран аж до Кавказских гор» и равнинных стран «до Океана и Мертвого моря, или озера, которое зовут Меотис, и до реки Танаис»⁵⁷⁴. Таким образом, реляции не одного только Диодора, но также Геродота, Трога Помпея и Юстина о скифах польский историк склонен относить на счет татар⁵⁷⁵.

Противоречие концепции Стрыйковского состоит в том, что отождествляя скифов и татар и, тем самым, существенно «удревняя» историю последних, этот автор одновременно повторяет тезис своих предшественников о неизвестности татар греческим и латинским авторам, а также упоминавшиеся нами выше их реляции о происхождении этого народа «с реки Тартар» (*od rzeki Tartar*), **местонахождении их прародины** за Каспийским морем на склонах то ли горы Имаус, то ли Кавказских гор (*za Kaspuskim morzem w zawarciu góry Imaus i Casausijskich skat*)⁵⁷⁶.

Сам Стрыйковский противоречивости своих свидетельств не замечает, делая акцент не столько на происхождении татар, сколько на масштабах и результатах их завоеваний. В его хронике выделены два направления татарской экспансии – южное и западное. В первом случае Стрыйковский свидетельствует о завоевании «татарскими народами», вышедшими от Кавказских гор, Армении, Каппадокии и «Ритинейских королевств», установлении их господства «почти по всей Азии и Сирии», а также о захвате Иерусалима в 1012 г.⁵⁷⁷ Результатом этих заво-

⁵⁷⁰ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 94, 258, 261.

⁵⁷¹ *Ibid.* S. 106.

⁵⁷² *Ibid.* S. 110, 262.

⁵⁷³ Диодор Сикул (Diodorus Siculus) – греческий историк I в. до н.э., названный «сицилийским» по месту рождения. Автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах.

⁵⁷⁴ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 261.

⁵⁷⁵ *Ibid.* S. 262.

⁵⁷⁶ *Ibid.* S. 258–259.

⁵⁷⁷ *Ibid.* S. 174.

еваний, по словам Стрыйковского, было создание при попустительстве христианских государей «магометанского» Турецкого государства. Во втором случае исходным пунктом экспансии татар названо то место, где Волга впадает в Каспийское море. Стрыйковский пишет о том, что переправившись через Волгу они «огромной силой двинулись на запад, где вступили в войну с половцами»⁵⁷⁸.

Гваньини уделяет внимание вопросу происхождения и ранней этнической истории татар в «Хронике татарской земли», опубликованной в составе польскоязычной версии описания Европейской Сарматии⁵⁷⁹. В значительной степени этот автор ориентируется на достижения своих предшественников – с некоторыми изменениями пересказывает соответствующие фрагменты хроник Бельского (повторяется тезис о сопряжении татар и монголов) и Стрыйковского (заимствован тезис о сопряжении скифов и татар), а также включает в свое сочинение множество фантастических домыслов и преданий, которые представляют татар как древних властителей Азии⁵⁸⁰. В результате, реляции Гваньини о татарских древностях оказываются еще более противоречивыми и запутанными, нежели свидетельства его предшественников.

Взаимоотношения татар и Руси в польской историографии интересующей нас эпохи представляются как чередование взаимной вражды и союзнических действий, направленных против третьих стран.

Враждебность объясняется тем, что русские земли стали жертвами жестокого татарского нашествия наряду с иными христианскими государствами Европы. Описывая первое столкновение русских и татар – битву на Калке – Длугош и его последователи делают акцент на консолидации перед лицом татарской угрозы потенциала различных русских земель – упоминают об участии в битве с татарами отрядов из Киева, Галича, Чернигова и Смоленска, что позволяло подчеркнуть масштаб конфликта. Стрыйковский в своей хронике делает вывод о значении поражения русско-половецкой коалиции в битве на Калке как для всего региона «обеих Сарматий» в целом, так и для Руси в частности. По его словам, это сражение «почти полностью истощило силы издавна слав-

⁵⁷⁸ Ibid. S. 259.

⁵⁷⁹ *Gwagnin A.* Kronika o ziemi Tatarskiej y o narodzie ich [...]. Kraków, 1611.

⁵⁸⁰ Гваньини приписывает татарам множество деяний, совершенных в древности: в частности свидетельствует о том, что именно они изгнали Дария из Скифии, убили великого Кира, разгромили Зопириона, военачальника Александра, основали «королевства» в Бактрии и Парфии, в результате чего установили господство во всей Азии. Эти свидетельства дополняются известиями о древних татарских царях Хаме, Гоге и Магоге, а также легендарном королевстве Катагиум (*Katagyum*), «простирающемся через всю Азию от великого восточного Океана до Океана северного», подчиненного татарами своей власти. Также упоминается о разделении Азии горой Имаус на две части, населенные скифами и монголами, пересказывается легенда о «татарских женах амазонках» и предание о епископе Мефодии (со ссылкой на Герберштейна).

ной и мощной Русской монархии», что послужило прологом нового еще более жестокого нашествия татар на русские земли⁵⁸¹.

О новом нападении татар на Русь Длугош сообщает под 1228 и 1229 гг., таким образом, также отступает от хронологии русских летописей, датировавших начало полномасштабного татарского вторжения 1237 г. В его сочинении кратко упоминается о жестоком разорении рязанской, суздальской, черниговской и смоленской земель, а также сообщается о гибели нескольких князей⁵⁸². Этими краткими реляциями свидетельства Длугоша о татарском нашествии на Русь исчерпываются. Меховий, повторивший их как в «Трактате о двух Сарматиях», так и в «Польской хронике», дополнительно сообщает о захвате татарами Киева, датируя это событие 1241 г., а также Подолии. Стрыйковский в 6-й книге своей хроники ограничивается лишь общим описанием татарского нашествия на Русь, в частности пишет о том, что после разгрома русских и половцев на Калке татары, «немного отдохнув, в течение четырех лет во главе со своими царями Батыем и Кайданом разоряли все русские государства, как северные и восточные, где Москва, так и западные и южные, где наши русаки, вывозя трофеи в орду и вновь возвращаясь ... а разбив русских князей пришли в Польшу через русские страны»⁵⁸³. В 12-й книге Стрыйковский дополняет это описание данными, заимствованными из сочинения Герберштейна: в частности, в соответствии с реляцией немецкого автора, датирует нашествие Батые на Русь 6745 г., а также сообщает о гибели в это время князей Василия и Георгия⁵⁸⁴. Не вполне очевидно происхождение свидетельства этого польского историка о том, что татарская армия насчитывала 600 тыс. воинов, поскольку таких данных мы не находим ни у Герберштейна, ни в иных доступных нам источниках.

О нашествии Батые на русские земли сообщается также в «Хронике татарской земли» Гваньини. Этот автор свидетельствует о том, что первоначально «татарский король» захватил волжскую Булгарию, «расположенную ниже казанской крепости», а затем пришел к «столичной крепости» Москве. Согласно рассказу Гваньини, татары потратили «некоторое время» на осаду Москвы и, взяв ее, поголовно вырезали все население города, убили «великого Князя Московского» Юрия, после чего разорили ближайшие «провинции» Владимир, Переяслав, Ростов и Суздальское княжество⁵⁸⁵. Детали рассказа указывают на заимствова-

⁵⁸¹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 259.

⁵⁸² *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 574, 576.

⁵⁸³ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 264–265.

⁵⁸⁴ Для сравнения: *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ...* 1551. P. 9; *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 419.

⁵⁸⁵ *Gwagnin A.* Kronika o ziemi Tatarskiej ... S. 6.

ние сведений из сочинений Герберштейна и Стрыйковского, поскольку лишь немецкий автор называл Москву «царствующим градом» и упоминал о ее осаде армией Батгья⁵⁸⁶, тогда как Стрыйковский – единственный из предшественников Гваньини – называл погибшего во время татарского нашествия Юрия великим московским князем⁵⁸⁷. Вместе с тем вызывает интерес то обстоятельство, что Гваньини, датируя нападение татар на Русь 1229 г., тем самым ориентируется на хронологию Длугоша и Меховия, но игнорирует данные Герберштейна⁵⁸⁸.

Согласно реляциям польских историков, покорение русских земель татарами привело к кардинальному изменению русско-татарских отношений. В сочинении Длугоша и воспроизводивших его «русские» известия трудах польских историков XVI в., в которых содержалось описание ключевых событий, происходивших в сфере международных отношений в Восточной Европе второй половины XIII и первой половине XIV вв., мы не находим свидетельств о вражде между татарами и русскими, но лишь упоминания о совместных акциях, направленных против Польши.

Так, под 1259 г. Длугош сообщает о войне татар с поляками, для успешного исхода которой важна была поддержка татарского нашествия русскими. В частности, упоминается о том, что армия татарских «вождей» Ногая и Телебуги, напавших на Польшу, была «усилена русскими и литовскими князьями огромными отрядами, состоявшими из их соотечественников» (*Ruthenorum et Litwanorum duces per suas gentes et sorias ingenciozem fecerant*)⁵⁸⁹. Польский историк отмечает особую роль в войне русских князей Василько, Льва и Романа, благодаря коварному предательству которых татарам удалось овладеть сандомирской крепостью и расправиться с оборонявшими ее польскими рыцарями⁵⁹⁰. В описаниях военных акций различных русских князей против поляков Длугош также упоминает об участии татарских отрядов в качестве их союзников: под 1266 г. в его хронике мы находим свидетельство об участии татар в нападении на Сандомир князя Шварно⁵⁹¹, а под 1280 г. – об использовании татарских наемников в войне с Польшей князем Львом⁵⁹².

В качестве союзников русских, оказывавших им поддержку в период начавшейся в XIV в. экспансии Польши, завершившейся включением в ее состав земель юго-западной Руси, татары фигурируют также в 9-й

⁵⁸⁶ *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ...* 1571. P. 70.

⁵⁸⁷ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 419.

⁵⁸⁸ По всей видимости, для автора «Хроники татарской земли» была непонятна приведенная Герберштейном дата в летоисчислении «от сотворения мира».

⁵⁸⁹ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. IV] ... P. 124.

⁵⁹⁰ *Ibid.* P. 125.

⁵⁹¹ *Ibid.* P. 149.

⁵⁹² *Ibid.* P. 210–211.

книге хроники Длугоша: под 1302 г. упоминается об участии татарских отрядов в обороне русскими Люблинской крепости, а под 1344 г. о поддержке, оказанной татарским ханом повстанческому движению Дятко (у Длугоша: *Daszko*), которое стремилось противодействовать аннексии юго-западных русских земель, осуществившейся польским королем Казимиром III. Польский историк уделяет особое внимание второму сюжету, представляет взаимоотношения татарского хана и польского короля как войну двух суверенных субъектов международных отношений за русские территории, таковой статус утратившие. Длугош приводит аргументы русских, содержащиеся в обращении к татарскому хану, на помощь которого в борьбе с поляками они рассчитывали. В этом обращении, согласно Длугошу, русские, прямо признав свою зависимость от татар, призывали хана восстановить свое законное право «на дани и налоги» с Руси, незаконно присвоенное польским королем, а также наказать последнего за «обиды и пренебрежение своей особой»⁵⁹³. Главным результатом войны татар против Польши, в которой они не смогли одержать победы, Длугош считает подтверждение прав польской монархии на русские земли, а также отказ от таковых со стороны хана, что имело немаловажное значение для историографической легитимизации «русской» политики Казимира III.

О противоречиях во взаимоотношениях русских и татар Длугош упоминает лишь однажды: под 1288 г. в его хронике описана охватившая русские земли эпидемия, вызванная отравлением воды. Это масштабное бедствие польский историк склонен считать акцией, сознательно осуществленной татарами, которые тем самым стремились уничтожить русских «неявным способом». Длугош трактует эпидемию как божественную кару за те «бесчестные услуги», которые русские многократно оказывали татарам при разорении польских земель⁵⁹⁴.

Польские историки XVI в. в своих сочинениях передают свидетельства Длугоша о русско-татарских отношениях либо в полном объеме (Меховий, Стрыйковский), либо с сокращениями (Кромер, Иоахим Бельский), сохраняя при этом идеологические акценты своего предшественника. Три народа, угрожавшие польским землям во второй половине XIII–первой половине XIV вв. (русские, литовцы и татары), нередко описываются одинаково: подчеркивается их «варварство», акцентируются отличия в религии и агрессивные намерения в отношении Польши. Тем самым оправдываются действия Казимира III, стремившегося обезопасить свою страну с востока посредством присоединения прилегающих к ней русских земель. Длугош и его последователи изображают в своих сочинениях Польшу и Литву в качестве гарантов безопасности

⁵⁹³ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. V]. Lib. 9. Varavia, 1978. P. 233–234.

⁵⁹⁴ *Ibid.* P. 250.

вошедших в их состав русских земель, защищавших от набегов, предпринимавшихся татарами.

О взаимоотношениях с татарами княжеств северо-восточной Руси и прежде всего Москвы во второй половине XIII – первой половине XV вв. Длугош и Меховий вовсе не упоминают. Лишь после публикации сочинения Герберштейна этот вопрос был освещен в сочинениях Бельского, Стрыйковского и Гваньини.

Марчин Бельский в 9-й книге третьей редакции «Хроники всего света» свидетельствует о том, что зависимость московских князей от татар была установлена сразу после опустошения Москвы и Руси Батыем, поскольку «с этого времени татары отдавали приказы Московским и Русским князьям и брали с них дань». Бельский также акцентирует роль татар во внутренних конфликтах русских князей, в частности упоминает о поддержке последними тех или иных русских князей в борьбе за великокняжеский престол⁵⁹⁵. Свидетельства о войнах московских князей с татарами в «Хронике всего света» весьма лаконичны. Здесь упоминается о том, что «Дмитрий великий Князь Московский разгромил дважды Татарского Царя Мамая» (*Dymitr wielki Kniaź Moskiewski poraził Mamai Carza Tatarskiego dwarazy*), о захвате Москвы Тохтамышем (*Tachthamisiz*), а также об изгнании сыном Дмитрия Василием татар «из Булгарии, которая лежит за Волгой»⁵⁹⁶. Все три известия передаются по Герберштейну с некоторыми сокращениями⁵⁹⁷.

В 12-й книге хроники Стрыйковского характеризуются формы политической зависимости русских княжеств от татар. В частности, упоминается о том, что «все князья Русские и Московские не только были данниками татар, но также назначались на княжение татарскими царями, согласно их мнению и воле, а непослушные из них свергались». При этом подчеркивается посредническая роль татар «во всех спорах, касающихся уделов», упоминается о включении русских земель в татарскую систему судопроизводства, в которой судебные функции выполнялись назначенными «татарскими мурзами», а к «татарскому царю» подава-

⁵⁹⁵ Бельский дважды упоминает о посредничестве татар в разрешении споров русских князей, в частности о поддержке князя Андрея в его противостоянии с братом Дмитрием и московского князя Василия, боровшегося за московский великокняжеский престол с дядей Юрием. См.: *Bielski M. Kronika, tho iesth Historya świata ...* L. 428.

⁵⁹⁶ *Ibidem*.

⁵⁹⁷ *Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ...* 1551. P. 10. Бельский игнорирует хронологию Герберштейна (в его сочинении все три события датированы), не упоминает о том, что Тохтамыш нанес поражение все тому же Дмитрию, а также опускает приводимые немецким автором данные о размере выкупа, уплаченного московским князем за погибших русских после поражения от татар.

лась апелляция⁵⁹⁸. Также по сочинению Герберштейна, но значительно подробнее, чем в хронике Бельского, Стрыйковский описывает конфликты между русскими князьями, в урегулировании которых ключевую роль сыграли татарские ханы⁵⁹⁹. Реляции Стрыйковского о Дмитрии Донском, называемом в его хронике Дмитрием «Семечкой», являются комбинацией свидетельств, заимствованных из двух разделов сочинения Герберштейна – описания русской истории и главы «О татарах» и излагаются польским автором в рамках компактного очерка. В качестве важнейшей предпосылки открытого выступления Дмитрия против татар названо ослабление их государства внутренними конфликтами. Стрыйковский упоминает о двух битвах Дмитрия с «темником» Мамаем, указывает на то, что их разделяли три года, но при этом не датирует ни одну из них, а также сообщает об огромном количестве трупов татарских воинов, покрывавших пространство в тринадцать миль⁶⁰⁰. О поражении московского князя от Тохтамыша, упомянутом Герберштейном, Стрыйковский не сообщает.

Гваньини почти буквально передает реляции Герберштейна о характере зависимости русских князей от татар. Под выносной глоссой «Москва платит дань татарам» этот автор свидетельствует о том, что «с 1229 г. все русские князья были даниками татар аж до Великого князя Литовского Витольда, который свои провинции, которые имел на Руси, мужественно защищал от татарских сабель ... А великие князья Московские и Владимирские аж до князя Василия под гнетом и властью татар были»⁶⁰¹. Гваньини также добавляет, что все русские князья приезжали к татарским царям за разрешением на то, чтобы каждый из них в своем государстве мог править. По Герберштейну польский историк также сообщает о двух завоевательных походах татар против Москвы, совершенных под предводительством Тохтамыша (*Thachtamis*) и Темир-Асака (*Themiraszak*), причинивших русским землям большой урон. О каких-либо успехах московских князей в борьбе с татарами Гваньини не сообщает – не упомянув ни о победах Дмитрия Донского, ни о достижениях в борьбе с татарами Ивана III, этот автор лишь кратко информирует читателя о том, что данническая зависимость Москвы от татар сохранялась вплоть до эпохи правления Василия.

⁵⁹⁸ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 419.

⁵⁹⁹ *Ibid.* S. 419–420.

⁶⁰⁰ Стрыйковский ссылается на 8 и 70 страницы сочинения Герберштейна (по базельскому изданию 1571 г.), где рассматриваются описанные нами выше события.

⁶⁰¹ В отличие от Герберштейна, Гваньини не уточняет, о каком именно Василии идет речь. Немецкий автор имел в виду своего современника Василия III, называя его «кнынешним», в сочинении Гваньини такого уточнения нет. Ср. *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551.* P. 6; *Gwagnini A.* *Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum ... F.* 2v.

Таким образом, воспользовавшиеся одним и тем же источником для описания русско-татарских отношений вышеупомянутые историки представили события по-разному. Бельский упоминает как успехи, так и неудачи Москвы в противостоянии с татарами. Стрыйковский склонен подчеркивать лишь победы русских, а Гваньини, напротив, акцентирует только их поражения.

Об освобождении Москвы от татарского «ярма», произошедшем во второй половине XV в., в той или иной степени упоминают все польские авторы интересующей нас эпохи, за исключением Гваньини. Своего рода отправной точкой для оценки данного события становится содержащийся в заключительной книге хроники Длугоша яркий художественный рассказ, позволяющий реконструировать представления о характере московско-татарских отношений польских политических и интеллектуальных элит конца XV в. Реляции этого автора, занимавшего видное положение при дворе Казимира IV, указывают на то, что знания по интересующему нас вопросу в упомянутую эпоху были отрывочными и неопределенными. К примеру, о времени установления зависимости Москвы от татар Длугош имеет весьма смутное представление, на что указывает его высказывание о «варварском ярме», угнетавшем всю Москву со времен Александра Витовта (таким образом, период ига ограничивается лишь одним столетием).

Стремясь проиллюстрировать унижительный характер подчинения московского князя татарскому «цесарю», польский историк, прибегая к многочисленным амплификациям, описывает постыдный ритуал приема татарских послов в Москве. Согласно Длугошу, московский монарх выходил пешим навстречу сидящему на коне послу татарского хана, со смирением подавал ему кружку кобыльего молока, а когда тот пил, слизывал капающие на лошадиную гриву капли; при оглашении указа татарского императора подстилал под ноги посла и его переводчика самую изысканную соболью шубу и был вынужден на коленях выслушивать содержащиеся в нем приказы⁶⁰². О свержении татарского ига Иваном Длугош информирует кратко, оценивая это событие положительно, в связи с тем, что татары нередко принуждали подвластных им московских государей оказывать помощь в войнах против католиков⁶⁰³.

Данный фрагмент хроники Длугоша не привлек внимания Меховия, который в «Польской хронике» ограничивается краткой ремаркой о свержении татарского ига Иваном⁶⁰⁴, а в «Трактате о двух Сарматиях» вовсе не упоминает о подчинении московских государей татарам, делая акцент на том, что последние либо сами являются данниками Москвы (Казанская орда)⁶⁰⁵, либо доставляют немало хлопот московским владе-

⁶⁰² *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. X] ... P. 442.

⁶⁰³ *Ibid.* P. 443.

⁶⁰⁴ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum* ... P. CCCLXX.

⁶⁰⁵ *Матвей Меховский Трактат* ... P. 170–171, 189–190.

ниям своими разорительными набегами (в таком качестве фигурирует Заволжская орда, перекопские и ногайские татары)⁶⁰⁶.

Рассказ Кромера о московско-татарских отношениях помещен под выносной глоссой «Мосхи данники и рабы Татар» (*Moschi Tartatorum tributarij et servi*). Здесь с незначительными изменениями передан рассказ Длугоша о ритуале приема татарских послов в Москве. Лишь в одной детали повествования Кромер ориентируется на реляции Герберштейна – когда упоминает о том, что решение освободиться от зависимости было принято московским князем под влиянием «жены гречанки»⁶⁰⁷. От себя этот автор также добавляет, что татарское иго было свергнуто Иваном «силой оружия» (*sumptis armis excusserat*), однако не уточняет, какие именно военные акции им были предприняты для достижения столь важного результата.

Бельский, на свой манер пересказывая посвященный московско-татарским отношениям фрагмент трактата Герберштейна, значительно «мягче», нежели Длугош и Кромер, представляет отношения московского князя и татар. Этот историк свидетельствует о том, что Иван «слишком сильно попустительствовал татарам» (*Tatarom barzdo folgował*), поскольку, «когда к нему приезжали татарские послы, он им предлагал сесть, тогда как сам слушал их стоя» (*gdy do niego posłowie Tatarscy przyjeżdżali, stojąc ich słuchał, a onym siedzieć kazał*). Согласно Бельскому, избежать столь очевидного неравноправия, причем весьма оригинальным способом, Ивана убедила «его жена Софья Греческая», по словам историка, тяготившаяся тем обстоятельством, что «вышла замуж за татарского слугу». Автор «Хроники всего света» свидетельствует о том, что Софья «надоумила мужа сказатья больным, когда приедут татары в посольство, чтобы слушать их лежа» (*Zofia Greczka ... nawiodła potym męża, iż by sobie niemoć zmyslił, gdy przyjadą Tatarowie w poselstwie, aby ich leżąc słuchać*)⁶⁰⁸. Таким образом, Бельский несколько анекдотично представляет сюжет изменения формата московско-татарских отноше-

⁶⁰⁶ Там же. P. 170–171.

⁶⁰⁷ Ср.: *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551*. P. 13; *Martini Cromeri De origine et rebus... 1555*. P. 631.

⁶⁰⁸ *Bielski M. Kronika, tho iesth Historya swiata ... L. 428v*; Появление упоминания об этом ритуале в трактате Герберштейна некоторые исследователи склонны объяснять влиянием Длугоша (*Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 120*). Однако немецкий автор совершенно иначе представляет этот сюжет, по его описанию ритуал приема московским князем татарских послов не является столь унижительным. Не ясно происхождение реляции Герберштейна о совете Софьи Ивану симулировать болезнь во время визита татарских послов. Отметим также, что в рассказе автора «Записок о Московитских делах» ничего не сказано о приеме Иваном татарского посольства лежа (см. соответствующий фрагмент трактата: *Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain ... 1551*. P. 13), таким образом, эта подробность могла быть добавлена самим Бельским.

ний, но при этом, также как и его предшественники, вовсе не упоминает о каких-либо военно-политических акциях Ивана, направленных против татар.

В 20-й книге хроники Стрыйковского мы находим два «московско-татарских» фрагмента. Первый представляет собой парафраз рассказа Кромера о свержении татарского ига Иваном⁶⁰⁹. Второй, в котором описано «стояние» на Угре, является результатом самостоятельной работы историка с летописями литовско-русского происхождения. События на Угре Стрыйковский представляет как важную составляющую антимосковской внешней политики Великого княжества Литовского и Польши. «Заволжский царь» Ахмат (у Стрыйковского: *Sachmat*) позиционирован в хронике этого автора как союзник поляков и литовцев, а его выступление против Ивана объясняется соглашением, достигнутым с польским королем через дворянина Стрета. Аппелируя к хронике Длугоша, Стрыйковский объясняет срыв договоренности о совместных действиях Литвы и татар против Москвы позицией Казимира IV, который, вопреки нажиму со стороны «литовских панов», стремившихся военным путем вернуть прежде потерянные земли, был склонен к мирному сосуществованию с московским князем. Именно это обстоятельство польский историк считает причиной отказа Ахмата от войны с Москвой: Стрыйковский свидетельствует о том, что в ожидании союзника татарская армия не решилась воевать, а также упоминает о подкупе московским князем одного из татарских военачальников, который сначала убедил заволжского царя отвести армию «в свое царство», а затем коварно убил своего господина⁶¹⁰. Важно отметить то обстоятельство, что польский автор не интерпретирует события на Угре как переломный момент в истории московско-татарских отношений и напрямую не связывает их с освобождением Москвы от татарской зависимости.

Подводя итог обзору свидетельств польских авторов о взаимоотношениях Руси с нехристианскими народами Восточной Европы, мы можем отметить то обстоятельство, что наибольшее внимание в их сочинениях было уделено этногенетической проблематике (вопросам происхождения и ранней этнической истории), а также отмечалась особая роль в региональных международных отношениях наиболее влиятельных внешнеполитических партнеров Руси – половцев и татар, интерес к которым был в значительной мере обусловлен значимостью фактора русско-половецких и русско-татарских связей для решения Польшей собственных внешнеполитических задач.

⁶⁰⁹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 658.

⁶¹⁰ *Ibid.* S. 659.

4. 3. Russia vs Polonia

Конструирование мифологического образа истории польско-русских отношений X–XIV вв.

Интерес польских историков конца XV–начала XVII вв. к взаимоотношениям Руси и Польши был вызван стремлением выстроить отвечающую потребностям их эпохи историческую модель внешнеполитического позиционирования средневекового польского государства в региональных международных отношениях, необходимую для обоснования актуальных программ взаимодействия польско-литовского союза с восточными славянами. Ее конструирование осуществлялось на материале источников различного происхождения: помимо памятников польской средневековой хронографии и русских летописей привлекались также сочинения зарубежных авторов, содержавшие сведения об отношениях средневековой Руси и Польши.

В эпоху Средневековья польско-русские отношения носили преимущественно конфронтационный характер, что было обусловлено целым рядом причин, главными из которых были внешнеполитические амбиции Польши и Руси, усугублявшиеся протяженной общей границей, а также их конфессиональная разнородность, позволявшая каждой из сторон сохранять самобытность и в то же время обострявшая конфликтность в период усиления борьбы за сферы влияния в приграничном регионе⁶¹¹. Важно также помнить и о том, что к концу XV в., когда начинают создаваться исследуемые нами концепции двусторонних польско-русских отношений, большая часть русских земель находилась под политическим контролем польско-литовского союза, в связи с чем польские интеллектуалы, воспринимавшие восточных славян в качестве «младших партнеров», стремились посредством исторических аргументов подтвердить актуальную политическую ситуацию в региональных международных отношениях.

Большой вклад в формирование «гегемонистской» полоцентристской концепции политических взаимоотношений Польши и Руси внесла хроника Длугоша. Главным образом внимание этого автора привлекли многочисленные межгосударственные конфликты, обусловленные борьбой за пограничные территории и стремлением русской и польской сторон ослабить друг друга. Полоцентризм Длугоша проявляется уже

⁶¹¹ Данному вопросу посвящена обширная литература. См., например: *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч.1; *Пауцто В. Т.* Древняя Русь и Венгрия // Славяне и Русь. М., 1968. *Свідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X–XIII ст. К., 1983; *Шекера І. М.* Міжнародні зв'язки Київської Русі. Київ, 1963; *Исаевич Я. Д.* «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.

в описании ранней этнополитической истории Руси: воспользовавшись имеющимися в древнерусских летописях указаниями на польское происхождение ряда восточнославянских племенных союзов, например полян, вятичей и радимичей, этот автор называет всю Русь владением польского народа и подтверждает свой тезис указанием на то, что легендарный «праотец» русских Рус был потомком прародителя поляков Леха⁶¹².

Первый межгосударственный конфликт Киевской державы и Польши, в ходе которого князь Владимир захватил пограничные крепости Перемышль и Червен, Длугош описывает под 985 г. (русский летописец датирует этот поход 981 г.)⁶¹³. Автор хроники при этом от себя добавляет, что война шла «с переменным успехом, принося победы то русским, то полякам», на что в русском летописании нет никаких указаний (польские средневековые хронисты вовсе не упоминали о данных событиях).

Ключевыми элементами созданной усилиями Длугоша концепции отношений Польши и Руси становятся реляции о внешнеполитических акциях двух польских монархов, которые в XI в. проявили себя в качестве «покорителей» русских земель – Болеслава I и Болеслава II.

Болеслав I фигурирует в хронике Длугоша как покровитель одного из сыновей князя Владимира – Святополка, который бежал в Польшу и «смирненно» умолял польского короля оказать ему помощь в войне против занявшего киевский престол брата Ярослава. Предпринятая с целью «восстановления» власти Святополка в Киеве военная экспедиция Болеслава I на Русь оправдывается Длугошем «намерением отомстить за многие злодеяния, грабежи, разорения и обиды, которыми русские часто оскорбляли Польское королевство»⁶¹⁴. В качестве источников сведений о русских походах Болеслава I польский историк использует не столько русские летописи, сколько хроники своих соотечественников, что приводит к путанице в датировке описываемых событий⁶¹⁵, а также открывает широкие возможности для литературного развертывания данного сюжета. В результате, Длугош «растягивает» данную войну Польши и Руси на целое десятилетие: описывает связанные с ней события под 1008, 1009 и 1018 гг., а также включает в свое описание немало деталей, которые не подтверждаются какими-либо иными источниками.

В рассказах Длугоша подробно описываются четыре битвы поляков с русскими. Следствием победы поляков в первой битве, которую

⁶¹² *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 21.

⁶¹³ *Ibid.* P. 104.

⁶¹⁴ *Ibid.* P. 142.

⁶¹⁵ В сочинениях средневековых польских авторов – Галла Анонима, Винцентия Кадлубка и хрониста Великой Польши – даты похода Болеслава I на Русь не упоминаются. Русский летописец свидетельствует о захвате Киева польским королем под 1018 г. (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 48об – 49; стб. 142–144).

польский историк датирует 1008 г., назван захват Болеславом I Киева, представляемый в качестве события, предопределившего развитие взаимоотношений Польши и Руси на протяжении последующих столетий. При этом огромное значение для концепции Длугоша приобретает символическая маркировка этого важнейшего внешнеполитического успеха Болеслава I, осуществленная посредством двух амплификаций.

В первом случае Длугош выделяет в качестве кульминационного момента всей русской войны Болеслава I его триумфальный въезд в Киев «в блеске оружия, на коне с обнаженным мечом в окружении воинов» через Золотые ворота, которые, согласно реляции хрониста, «в знак победы» польским монархом были рассечены мечом. Описывая это событие под 1008 г., Длугош допускает «двойную» ошибку в его датировке, поскольку связывает триумф Болеслава I с Золотыми воротами, строительство которых, согласно «Повести временных лет», завершилось лишь через полтора десятилетия после смерти этого польского короля. В то же время такая увязка была оправдана идеологически, поскольку для Длугоша было крайне важно посредством акцентирования данного символического акта закрепить в историческом сознании поляков факт взятия Киева именно Болеславом I, совершившим множество иных достойных завоеваний и расширившим пределы Польши на западе и на юге, что позволяло обосновать претензии польской короны на русские земли в последующие эпохи.

Следует при этом отметить, что приписывая Болеславу I «рассечение» мечом Золотых ворот, Длугош не был оригинален, поскольку следовал реляциям своих предшественников. В частности, уже в хронике Галла Анонима мы находим свидетельство о том, что «Болеслав обнаженным мечом ударил в золотые ворота»⁶¹⁶, Винцентий Кадлубек называет отметину на них «пограничным знаком», обозначившим пределы владений Польши на востоке⁶¹⁷, а автор «Великопольской хроники», приписывавший мечу Болеслава сакральные свойства, пишет о том, что с его помощью след на киевских воротах был оставлен польским королем «по внушению ангела»⁶¹⁸.

Во втором случае Длугош приписывает Болеславу I установление пограничных знаков в виде «колонн из прочного железа» (*ex solido ferro columpnas*) в том месте, где Сула впадает в Днепр. При этом польский монарх удостоен Длугошем сравнения с «храбрейшим Геркулесом», который, согласно греческому преданию, прославился сооружением трех башен на границах Гесперии⁶¹⁹. Эта реляция также была в определенной степени основана на свидетельствах Галла Анонима и Винцентия Кад-

⁶¹⁶ *Galli Anonymi Cronicae* ... P. 22–23.

⁶¹⁷ *Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* ... P. 42.

⁶¹⁸ *Chronica Poloniae Majoris* ... P. 18.

⁶¹⁹ *Historia Polonica Joannis Długossi* ... P. 144–145.

лубка, в сочинениях которых мы находим сообщения об аналогичной акции, осуществленной за западных рубежах Польши, а именно на реке Солаве (нем. Заале)⁶²⁰, также известной Длугошу; наконец, в «Великопольской хронике» наряду с упоминанием рубежей Польши на Дунае, Тисе и Солаве говорится о том, что «Болеслав установил границы Польши в столице Руси Киеве» (*Boleslaus cum metas Polonie in Kyow quod est Russie metropolis ... statuisset*)⁶²¹. Таким образом, Длугош объединяет свидетельства более ранних польских авторов и дополняет их новыми деталями, присвоив им новое географическое «измерение» (вероятно формальным основанием послужило сходство названий рек: нем. Солавы и рус. Сулы), что позволяет ему обозначить пределы завоеваний Болеслава I и на востоке.

Развертывая сюжет покорения Болеславом I Руси, Длугош сообщает о том, что после первой своей победы над русскими польский монарх провел в Киеве «долгое время», добившись повиновения как со стороны знати, так и «всего русского народа» (*universe Ruthenice gentes*), а также нанес в период своего пребывания в столице Руси повторное поражение армии Ярослава, датированное тем же 1008 г.⁶²² Последовавшее за столь триумфальными деяниями Болеслава, кажущееся нелогичным отступление польской армии из Киева в хронике Длугоша объясняется предательством «лицемерного» союзника поляков Святополка, отдавшего тайный приказ убивать квартировавших в Киеве поляков, а также истощением запасов, необходимых для содержания польской армии. Изменой Святополка историк оправдывает последующее разорение столицы Руси и других городов, осуществленное отступавшей польской армией, а также захват Болеславом I в качестве заложниц сестер Ярослава и Святополка Предславы и Мстиславы (у Длугоша: *Przeczlawa et Mszczislawa*), пленение многих знатных русских и захват трофеев.

Под 1009 г. Длугош описывает третье сражение армий Болеслава I и Ярослава. Его причиной названо стремление русских взять реванш за прежние поражения и вернуть захваченную поляками добычу. Победа польской армии в этой битве историком признается заслугой их короля: Длугош превозносит достоинства Болеслава I как «мудрого военачальника» и «смелого воина» и в то же время акцентирует трусость Ярослава, свидетельствуя о том, что тот бросил знаки княжеского достоинства, стремясь избежать плена или гибели⁶²³.

Четвертая битва Болеслава I и Ярослава описывается Длугошем под 1018 г. Причиной сражения историк вновь называет стремление Яросла-

⁶²⁰ *Galli Anonymi Cronicae ...* P. 19; *Magistri Vincentii dicti Kadhubek Chronica Polonorum ...* P. 41.

⁶²¹ *Chronica Poloniae Majoris ...* P. 17.

⁶²² *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 144.

⁶²³ *Ibid.* P. 147–148.

ва «смыть бесславию поражения», отомстить за завоевание своих земель и столицы. По Длугошу, данная битва также закончилась поражением русского князя, паническим бегством его армии и разорением некоторой крепостей Руси⁶²⁴. Обстоятельства, связанные с двумя последними сражениями, были настолько схожими, что дали основание Н. И. Щавелевой высказать предположение, что помещенный под 1018 г. рассказ Длугоша дублировал его предыдущую реляцию «по недоразумению»⁶²⁵. Мы полагаем, что польский историк допустил такое повторение сознательно, стремясь усилить эффект безоговорочности победы Польши в войне с русскими, подтверждением и закреплением достигнутых результатов свидетельством о новой громкой победе, одержанной спустя десятилетие.

Посредством «мультипликации» побед поляков в битвах с русскими Длугошем актуализировались универсальные принципы внешнеполитической доктрины Польского королевства в отношении русских земель, для изложения которых историком была использована форма обращения монарха к воинам. Эти принципы мы можем реконструировать, основываясь на высказываниях, приписанных Длугошем Болеславу I. Среди них выделяются три главных тезиса: 1) война на востоке затеяна ради расширения границ Польши; 2) русские – это враги, которые намного превосходят поляков своей численностью, свирепы по природе, разозлены войнами с ними, но духом трусливы и бессильны; 3) если поляки намерены сделать Русь своей данницей и владеть трофеями, захваченными у этого врага – надо уничтожить его силой оружия, ибо нет толку подчинять другие народы, если Польша будет побеждена таким врагом как русские⁶²⁶. Таким образом, главной причиной польско-русского противостояния Длугош считает стремление польского государства к экспансии, подчинение Руси силой оружия. Польский историк также упоминает и об «альтернативной» причине вторжения Болеслава I на Русь – неудачном сватовстве польского короля к сестре князя Ярославла. Сведения о ней Длугош, по всей видимости, заимствует из сочинения Галла Анонима⁶²⁷, однако в его собственном труде эта тема не получает развития.

В трудах польских историков XVI в. «русская» война Болеслава I представлялась согласно описанной нами выше полоноцентристской концепции Длугоша. В «Польской хронике» Меховия связанные с

⁶²⁴ Ibid. P. 156–157.

⁶²⁵ Щавелева Н. И. Древняя Русь ... С. 384.

⁶²⁶ Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 146–147.

⁶²⁷ Galli Anonymi Cronicae ... P. 21–22; Хронист свидетельствует о том, что Болеслав «отомстил за свою обиду русскому королю, который отказался выдать за него свою сестру» ([Bolezlaus] suam iniuriam de rege Ruthenorum vindicavit, qui sibi sororem dare suam in matrimonium denegavit).

ней события упоминаются дважды: в рамках очерка истории Польши (VI–VII главы)⁶²⁸ и в описании истории Руси (X глава)⁶²⁹. Этот автор кратко излагает факты, заимствованные из хроники Длугоша, но при этом игнорирует некорректную хронологию своего предшественника⁶³⁰. Лаконичность Меховия в описании «русской» войны Болеслава I повлияла на Бельского и Гваньини, использовавших его сочинение в качестве источника представлений о польско-русских отношениях начала XI в: в их трудах мы находим заимствованные именно из «Польской хроники» краткие очерки, посвященные походам польского короля на Русь⁶³¹.

Кромер, представляя данный сюжет, прямо ссылается на Длугоша⁶³². «Русская война» (*Russicum bellum*) в его сочинении описывается в хронологических рамках, предложенных Длугошем. Реляции своего предшественника Кромер передает гораздо подробнее, нежели Меховий, а также переносит в свое сочинение характерные для Длугоша идеологические акценты. Собственное отношение к описываемым событиям этот автор проявляет лишь однажды: под выносной глоссой «Ложная причина русской войны» (*Falsa causa belli russici*) **оспаривается гипотеза** Длугоша о «матримониальной» подоплеке «второй» войны польского короля с князем Ярославом, объяснявшей конфликт двух монархов отказом русского князя дать согласие на брак Болеслава с его сестрой «из-за разницы в обряде». Кромер высказывает сомнение в том, что Болеслав, «князь сдержанный ... невзирая на возраст и блестящие заслуги», мог быть настолько увлечен любовной страстью и предаться жажде наслаждения в такой степени, «что решился воевать с целью получения жены»⁶³³.

В хронике Стрыйковского мы находим описание «русских» войн Болеслава I, которое также основано на сочинении Длугоша (в том числе воспринята его хронология данных событий). Однако этот автор вносит в очерк своего предшественника ряд изменений. В частности, Стрыйковский в качестве причины нападения на Русь указывает стремление Болеслава сделать своим данником «изгнанника Святополка», а также вернуть Перемышль, Червен и другие области, оторванные от Польши

⁶²⁸ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. XXVIII–XXX.

⁶²⁹ *Ibid.* P. XXXIII–XXXV.

⁶³⁰ В очерке русской истории Меховий упоминает о поражении, нанесенном князю Ярославу королем Болеславом в 1018 г. (*Ibid.* P. XXXV). В то же время события «русской» войны Болеслава I, описываемые в рамках очерка истории Польши, этим автором вовсе не датированы.

⁶³¹ Бельский близко к тексту пересказывает фрагмент 10-й главы хроники Меховия (*Bielski M. Kronika wszytkyego swiata ... 1551. L. 168–168v*), а Гваньини ограничивается лишь кратким упоминанием итогов «русской» экспедиции Болеслава I (*Gwagnini A. Sarmatiae Europaeae Descriptio ...* F. 18v).

⁶³² *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555.* P. 56.

⁶³³ *Ibid.* P. 63.

отцом Святополка Владимиром⁶³⁴. Тем самым историк пытается дать рациональное объяснение действиям польского короля, о чем не писали его предшественники.

Описание первой битвы армий Болеслава I и Ярослава в сочинении Стрыйковского представляет собой авторский пересказ соответствующего фрагмента хроники Длугоша. Стрыйковский игнорирует ряд негативных характеристик русского князя, акцентированных в сочинении его предшественника, а также дополняет свое описание заимствованной из русской летописи⁶³⁵ реляцией о поддержке, оказанной разгромленному Ярославу новгородцами и их посадником Константином (Konstanti possadnik). Стрыйковский передает реляцию Длугоша о триумфальном взятии Болеславом Киева и «рассечении» мечом Золотых или Царских ворот (Zolota albo Carska forta), однако намерение польского короля остаться на зимовку в Киеве, в отличие от Длугоша, объясняет стремлением обезопасить Святополка и утвердить его власть. Следуя Длугошу, Стрыйковский сообщает о дальнейших событиях польско-русской войны: второй битве Болеслава и Ярослава, сборе денег новгородцами с целью найма варягов, предательстве Святополка, установлении пограничных знаков на Суле (у Стрыйковского: *Sola*)⁶³⁶, а также о третьей и четвертой битвах польского и русского монархов⁶³⁷. Также по Длугошу Стрыйковский дает объяснение прозвища Болеслава I⁶³⁸.

Стрыйковский обращает внимание на расхождения в описании войн Болеслава I и Ярослава в польских хрониках и русских летописях. При этом он упрекает русского летописца в том, что тот не упоминает «ни

⁶³⁴ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 169.

⁶³⁵ Упоминания о посаднике Константине, который, согласно Стрыйковскому, удержал Ярослава от бегства из Руси, нет в хронике Длугоша. Русский летописец сообщает под 1018 г. о намерении Ярослава бежать «за море», чему воспрепятствовали новгородцы, которые рассекали его лады по приказу посадника Константина и тем самым подтолкнули его к продолжению войны с поляками (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 49, стб. 143). Стрыйковский в своем сочинении расчленяет летописное известие, представляет заимствованные из него сведения в двух фрагментах. Первый, в котором упомянут посадник Константин, он связал с бегством Ярослава в Новгород после неудачной для него первой битвы с Болеславом. Второй, в котором речь идет о сборе новгородцами пожертвований на найм варягов, польский историк связывает с «повторным» бегством Ярослава в Новгород после очередного поражения от поляков. О сборе пожертвований знал и Длугош, также связывавший его с вторым поражением Ярослава.

⁶³⁶ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 170.

⁶³⁷ *Ibid.* S. 171, 175–176.

⁶³⁸ Для сравнения: *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 158; *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 171; оба историка делают акцент на том, что прозвище «Храбрый» (*Chrobri*) было дано Болеславу самими русскими, превозносившими его доблесть и называвшими его величайшим из князей.

второй, ни третьей битв и поражений Ярослава от Болеслава», а знает лишь о первой битве⁶³⁹. Таким образом, этот польский историк испытывает больше доверия к польским источникам и воспринимает полонотристскую модель объяснения польско-русских отношений, характерную для его предшественников.

Эта модель содержала аргументы, необходимые для оценки и оправдания всех аналогичных акций последующих польских монархов, восточная политика которых представлялась польскими историками как подражание достижениям Болеслава Храброго, проявлявшего милость, мягкость и добродетельность в отношении покоренной Руси, в том случае, если русские сохраняли ему верность и не предпринимали попыток освободиться от власти поляков⁶⁴⁰. Факт зависимости Руси от Польши нуждался в постоянной актуализации и обосновании. В сочинении Длугоша и его последователей мы находим необходимые для этого доводы во фрагментах, посвященных «русской» политике различных польских монархов. Отправной точкой обоснования зависимости можно считать констатации Длугоша, содержащиеся в погодной статье 1024 г., где историк подводит итоги внешней политики Болеслава Храброго, в частности указывает на «покорение и завоевание Руси» (*Russiam bello subactas et oprressas*), ее «присоединение к Польше» (*Polonie adiecit*), а также превращение русских в «данников и подданных поляков» (*Polonis tributarias et subjugales*)⁶⁴¹. «Напоминания» об этих блестящих достижениях Болеслава I как покорителя Руси содержатся также в погодных статьях 1026, 1041, 1070 и 1081 гг. хроники Длугоша.

Действия русских князей, направленные на свержение установленного Болеславом «ига» (*iugum*), с которыми столкнулись его наследники, трактуются Длугошем в категориях «заговора» (*conjuracio*) и «мятежа» (*rebellio*). Именно так этот историк характеризует акцию русских князей Ярослава и Мстислава, направленную против сына Болеслава Храброго Мечислава, в результате которой в 1026 г. были опустошены некоторые области Польши, а также осаждена крепость Чирвенско

⁶³⁹ Ibid. S. 171.

⁶⁴⁰ Вместе с тем следует отметить, что в восхвалении доблестей Болеслава I Длугош явно увлекается, поскольку в реальности весьма скромные территориальные приобретения Польши, ограничивавшиеся лишь червенскими городами, польский историк преувеличивает настолько, что пишет о «подчинении вечной власти Польского королевства» большей части русских земель, расположенных у самого Киева. При этом отвергаются или всячески замалчиваются альтернативные объяснения русско-польского противостояния в это время (например, «матримониальная» подоплека конфликта). Упомянув о них, Длугош тем не менее скептически относится к очевидно не вписывавшимся в созданную им мифологему взаимной вражды свидетельствам средневековых польских анналов.

⁶⁴¹ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 161.

(Czirwyensko)⁶⁴². Длугош дополняет описание данной войны своим комментарием, полагает, что русские путем тайных заговоров и открытых мятежей стремились избавиться от зависимости, в которую попали в результате завоеваний Болеслава⁶⁴³. Описывая ответный поход Мечислава на Русь (историчность которого сомнительна⁶⁴⁴), якобы завершившийся захватом в качестве заложников «наиболее знатных из русских», автор хроники оценивает его как «подавление разгоревшегося мятежа», позволившее «удержать русских в верности» и лишившее их возможности в будущем изменить положение. Таким образом, здесь умышленно проигнорирован факт возвращения русскими князьями «червеньских градов» военным путем в период правления Мечислава, а факт возвращения этих территорий в состав русской державы представлен как акт доброй воли со стороны следующего польского короля Казимира, породнившегося с Ярославом благодаря женитьбе на его сестре Марии⁶⁴⁵.

Такая трактовка событий в сочинении Длугоша была оправдана идеологически, поскольку позволяла лишний раз подчеркнуть подчиненное положение Руси в двусторонних отношениях и наказуемость любой акции, направленной против Польши. В сочинениях польских историков XVI в. антипольская акция Ярослава и Мстислава трактуется по-разному. Меховий и Кромер кратко упоминают о ней, используя термин «мятеж»⁶⁴⁶, что указывает на их приверженность подходу Длугоша. Стрыйковский посвящает данным событиям краткий, но достаточно информативный рассказ, в котором сообщает о «захвате» русскими Червена, Перемышля и других крепостей, пленении многих поляков с целью заселения опустошенных войнами земель на Руси⁶⁴⁷. Таким образом, этот автор склонен считать результатом похода Ярослава и Мстислава восстановление *status-quo* в двусторонних отношениях Польши и Руси и не склонен оценивать эту войну в категориях бунта мятежной провинции против страны-сюзерена.

Наряду с войнами, в качестве важного фактора развития связей двух стран польские историки рассматривали польско-русские династиче-

⁶⁴² Русский летописный источник сообщает о совместном походе Ярослава и Мстислава «на Ляхь» с целью возвращения «Червеньских градов» под 1031 г. (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 51, стб. 150).

⁶⁴³ *Historia Polonica Joannis Długossi* ... P. 169.

⁶⁴⁴ Об ответном походе Мечислава ни русская летопись, ни польские средневековые авторы не сообщают. А.В. Назаренко обратил внимание на невозможность ответной акции Мечислава если принять хронологию русского летописания, датировавшего интересующие нас события 1031 г., из-за внутривосточного кризиса в Польше (*Щавелева Н. И. Древняя Русь* ... С. 385).

⁶⁴⁵ *Historia Polonica Joannis Długossi* ... P. 201.

⁶⁴⁶ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum* ... P. XXXVI; *Martini Cromeri De origine et rebus* ... 1555. P. 66.

⁶⁴⁷ *Strzykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska* ... S. 176.

ские браки. Мы уже упоминали о дискуссиях на страницах польских исторических сочинений, касавшихся нереализованных претензий Болеслава Храброго на брак с одной из дочерей князя Владимира Предславой. В то же время Длугош и его последователи не отражают в своих сочинениях ни реляции, содержащейся в хронике Титмара Мерзебургского, о заключении брачного союза между сыном Владимира (не назван по имени) и дочерью Болеслава⁶⁴⁸, ни оговорки Галла Анонима, свидетельствующего о том, что Болеслав после захвата Киева «поставил там на свое место властвовать некоего русского, состоявшего с ним в родстве»⁶⁴⁹. Игнорирование этого события, с нашей точки зрения, едва ли было случайностью. Можно предположить, что родство Болеслава и Святополка не акцентировалось в хронике в связи с тем, что женитьба последнего на дочери польского короля была истолкована Длугошем как ошибочное решение, поскольку зять Болеслава не только не смог закрепиться на киевском престоле по итогам войны с Ярославом, но и имел репутацию братоубицы, а также весьма ненадежного союзника Польши. Поэтому упоминание о породнении двух монархов могло нанести существенный ущерб репутации Болеслава Храброго в глазах читателей хроники Длугоша.

Важную роль для концепции двусторонних отношений в хронике Длугоша приобретает свидетельство о браке внука Болеслава Храброго Казимира и дочери Владимира Марии-Добронегии (у Длугоша: *Dogrogniewa*)⁶⁵⁰, которому посвящен содержательный рассказ. Этот брачный союз оценивается как выгодная Польше «матримониальная» сделка, заключенная в интересах польской монархии. Длугош называет важнейшим достоинством невесты ее «благородное» происхождение по материнской линии от сестры греческих императоров Василия и Константина Анны, делает акцент на богатом приданом, полученном Казимиром от ее брата Ярослава, а также придает особое значение переходу

⁶⁴⁸ Thietmari Chronicon // Monumenta Germaniae Historica. T. III. Hannoverae, 1839. P. 859.

⁶⁴⁹ В хронике Галла Анонима дословно: «loco sui quodam ibi Rutheno sui generis in domino constituto» (Galli Anonymi Cronicae ... P. 23).

⁶⁵⁰ Предшественники Длугоша лишь кратко упоминали об этом факте. Галл Аноним свидетельствует о том, что Казимир «взял себе в жены знатную девицу из Руси с большим приданым», автор «Великопольской хроники» знает жену Казимира по имени, однако ошибочно считает ее дочерью «русского князя Романа» (*filiū Romani principis Russie ... nomine Dobronegam, alias dicta Maria*), а Винцентий Кадлубек и вовсе игнорирует этот сюжет. А. Семкович считает источником обстоятельного рассказа Длугоша фрагмент русской летописи, а также жизнеописание св. Станислава (*Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 115*).

Марии-Добронеге в католичество⁶⁵¹. Важнейшим политическим следствием заключения данного брака историк считает обеспечение «спокойствия и безопасности со стороны Руси», а также «русскую помощь в войнах» против внешних и внутренних врагов польского монарха⁶⁵². Уже упоминавшийся нами символический акт добровольного «возвращения» Казимиром Ярославу захваченных в свое время Болеславом Храбрым «многих областей и крепостей Руси» Длугош обуславливает «истинно союзническими» отношениями (*in signum veri federis*) между двумя странами, установившимися в результате породнения двух династий. В сочинениях последователей Длугоша его свидетельства об этих событиях переданы без существенных изменений⁶⁵³.

Между тем сам факт заключения «равноправного» брака польского монарха и русской княжны, тем более связанный с возвратом русскому князю некогда завоеванных поляками земель, не вполне вписывался в «конфронтационную» модель польско-русских отношений, скрупулезно выстраиваемую Длугошем. Его контрпродуктивность отчасти была компенсирована в дальнейшем вымышленным свидетельством о «русском» браке Болеслава II – старшего сына Казимира, унаследовавшего польский королевский титул после смерти отца. Под 1067 г. Длугош сообщает о том, что в качестве невесты этого монарха советниками была избрана «дочь князя Руси» (*principis Russie filia*), ради которой были отвергнуты «дочери прочих соседних королей и князей». Длугош именует невесту Болеслава II Вышеславой (*Wieszslawa*), однако не называет по имени ее отца, сообщает лишь о том, что ей как единственной наследнице принадлежала «большая часть Руси». В качестве мотива для заключения брака польским монархом автор хроники называет стремление последнего узаконить свою власть над Русью, «к завоеванию и покорению которой он давно уже стремился, чтобы сравняться с дедом»⁶⁵⁴.

Вымышленность реляции Длугоша о женитьбе Болеслава II очевидна, поскольку ни польские, ни зарубежные источники не подтверждают упомянутых историком фактов. На легендарный характер описания также указывает отсутствие конкретных деталей и эпическая форма рассказа. Вместе с тем с идеологической точки зрения важность данного сюжета трудно переоценить – именно факт унаследования Болеславом II части Руси, через присоединение к своим владениям земель, составивших наследство законной супруги позволял обосновать и оправдать

⁶⁵¹ Эти свидетельства хрониста были оспорены А. Семковичем, который назвал известие о переходе русской княжны в католичество «необоснованным предположением» Длугоша, поскольку не нашел ему подтверждений в каких-либо иных источниках (*Ibidem*).

⁶⁵² *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 201.

⁶⁵³ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. XL.

⁶⁵⁴ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 239.

дальнейшую экспансию польской короны на востоке. Несмотря на очевидную спорность рассказа Длугоша о матримониальном наследстве Болеслава II, Меховий и Бельский в своих сочинениях воспроизвели его легенду о русском браке этого короля почти без изменений⁶⁵⁵. Вместе с тем Кромер, а вслед за ним и Стрыйковский, дополнили свидетельство о женитьбе польского монарха на Вышеславе упоминанием о том, что «отцовским наследством» своей супруги (*paterna esset uxoris suae haereditas*) Болеслав II считал лишь Перемышльскую землю, присоединение которой польские историки, следовавшие Длугошу, невзирая на отсутствие подтверждения этого факта какими-либо иными источниками, называли одним из выдающихся достижений Болеслава II в осуществленной им «русской» войне⁶⁵⁶.

Таким образом, для гегемонистской полоноцентристской концепции польско-русских отношений именно такая привязка была крайне функциональна, так как посредством создания данного прецедента читатель хроники убеждался в том, что помимо войн с русскими допустимым способом установления контроля над их землями может быть использование права наследования. Фигура Болеслава II для создания такого прецедента подходила идеально. Поскольку в польских и зарубежных средневековых источниках о браке этого монарха не было достоверных сведений, у Длугоша и его последователей появлялась возможность посредством произвольного включения в биографию Болеслава необходимых фактов, сочетавшихся с задачами главной внешнеполитической акции, предпринятой впоследствии им на востоке (участием в междоусобной войне русских князей, которая была представлена польскими историками как повторное завоевание Руси, сопоставимое по значимости с русской войной Болеслава Храброго), дополнить собирательный героический образ этого монарха как покорителя русских земель весьма востребованный в период складывания гегемонистской внешнеполитической доктрины Польского королевства второй половины XV–XVI вв., «поставщиками» исторических аргументов для которой были Длугош и его последователи.

Важным событием, призванным подтвердить факт зависимости Руси от Польши, в рамках полоноцентристской концепции двусторонних отношений для польских историков становится «русская» война Болеслава II. Ее описание мы находим во всех важнейших средневековых польских хрониках, авторы которых были склонны усматривать взаимосвязь походов этого польского монарха на восток с аналогичными по направленности акциями Болеслава Храброго. Длугош и его последователи восприняли такой взгляд средневековых анналистов, однако в реляциях о восточной политике

⁶⁵⁵ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ... P. XLIII. Bielski M. Kronika wszytkiego świata ... L. 172v.*

⁶⁵⁶ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 84; Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 182.*

Болеслава II, содержащихся в сочинениях разных авторов интересующей нас эпохи, обнаруживаются также определенные различия.

В сочинении Длугоша содержится прямое указание на завоевательный характер акции Болеслава II: целью «нападения» этого польского монарха на русские земли (в хронике буквально: *Boleslaus ... Russie invadit*) названо «возвращение всей Руси» (*recuperandam universam Russiam*), прежде покоренной оружием Болеслава I, ее «подчинение себе и Польскому королевству» (*Russiam sibi et Regno Polonie subiecturus*), а также обновление старых пограничных знаков, установленных его прадедом в виде колонн на реках Солаве и Днепре⁶⁵⁷. Формальным предлогом для вторжения Длугош называет стремление Болеслава II восстановить на киевском престоле «своего брата» Изяслава⁶⁵⁸, используя упомянутый нами выше факт наличия родственных связей как основание для вмешательства во внутренние дела Руси. Развивая тему «наследственных прав» польской монархии на Русь, Длугош апеллирует не только к «праву войны», но также к «материнскому и дедовскому титулу» (*materno et avito tutulo*) Болеслава II, тем самым напоминая о родственных связях последнего с русской великокняжеской династией через его мать русскую княжну, что, по мнению автора хроники, давало формальное основание этому польскому монарху как внуку Владимира претендовать на его наследство. Этот набор аргументов польский историк считает достаточным основанием для войны, традиционно называя неповиновение русских князей воле польского короля «мятежом» (*rebellio*)⁶⁵⁹.

Представленное в хронике Длугоша описание «русской войны» Болеслава II отличается от летописного рассказа об этих событиях. Помимо многочисленных амплификаций, посредством которых историк стремится подчеркнуть доблести армии польского короля и неспособность русских, в его реляциях имеются также и фактические расхождения со свидетельствами русской летописи, в том числе различия в датировке описываемых событий. Под 1070 г. автор хроники в своей интерпретации, но в целом корректно с фактической точки зрения, передает содержание летописной статьи 1069 г. о войне за Киев Изяслава, выступившего совместно с Болеславом⁶⁶⁰. Длугош по летописи называет день вступления польского короля в Киев – 2 мая (вышеупомянутое расхождение в погодной датировке сохранено), однако от себя добавля-

⁶⁵⁷ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 242.

⁶⁵⁸ Длугош не указывает на степень родства Болеслава II и Изяслава Ярославича, но видимо имеет в виду в данном случае то обстоятельство, что польский монарх был сыном дочери кн. Владимира Марии-Добронеге, то есть приходился внуком этому русскому князю, точно также как и Изяслав, который являлся внуком Владимира через Ярослава Мудрого. Таким образом, Изяслав и Болеслав были двоюродными братьями.

⁶⁵⁹ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 242.

⁶⁶⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 58об, стб. 173–174.

ет, что Болеслав оставался в городе «все лето, осень и зиму», а также предоставил своих воинов в распоряжение Изяслава для завершения преследования его противников на Руси⁶⁶¹.

О причинах достаточно быстрого возвращения армии Болеслава II в Польшу, упоминаемых в летописи (тайное избиение киевлянами поляков), Длугош не сообщает. Более того, вопреки свидетельствам русского источника, польский автор в рамках двух содержательных рассказов свидетельствует о захвате польским королем Перемышля (под 1071 г.)⁶⁶², а также Холмской и Волынской земель (под 1073 г.)⁶⁶³. Эти акции Болеслава II не подтверждаются иными источниками, на что неоднократно обращали внимание исследователи истории польско-русских отношений⁶⁶⁴. Тем не менее идеологическое значение этих «вставок» Длугоша, а также содержащихся в них амплификаций трудно переоценить. Благодаря им, польский историк пытается создать образ ожесточенной битвы за западные русские земли, находившиеся на границе с Польшей, акцентирует внимание на полководческом таланте Болеслава II, овладевшего русскими крепостями ценой огромных усилий и выдержки.

Рассказ Длугоша завершается упоминанием о размещении в захваченных крепостях польских гарнизонов. При этом историк также подчеркивает не только победоносность польской армии, но и безнаказанность ее действий. Согласно его реляциям, русские не решались вступить с поляками в открытую битву, из-за боязни потерпеть сокрушительное поражение⁶⁶⁵, а некоторые удельные князья предпочли откупиться от опустошения земель посредством выдачи польскому королю заложников⁶⁶⁶. Упомянутые «вставки» также позволили Длугошу создать впечатление непрерывности войны Болеслава II с Русью, заполнить хронологическую лауну между двумя ее главными и имевшими место в действительности «киевскими» походами, в которых принимали участие польские отряды.

Второй поход польской армии на Киев Длугош представляет как конец всей русской войны Болеслава II. Его начало датировано 1074 г., тогда как о взятии столицы Руси упоминается под 1075 г.⁶⁶⁷ Изяслав пред-

⁶⁶¹ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 244.

⁶⁶² *Ibid.* P. 244–245.

⁶⁶³ *Ibid.* P. 248–249.

⁶⁶⁴ Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X–первой половины XIII вв. Киев, 1988. С. 53.

⁶⁶⁵ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 249.

⁶⁶⁶ *Ibid.* P. 250.

⁶⁶⁷ Русский летописец датирует это событие 1077 г. и вовсе не упоминает о личном участии польского монарха в походе, затеянном в интересах Изяслава (в летописной статье дословно: «Поиде Изяслав с Ляхъ»), опиравшегося на военную поддержку польских наемников в борьбе за киевский престол со своим братом Всеволодом (Летопись по Лаврентьевскому списку ... Л. 67, стб. 199).

ставляется как второстепенная фигура, акцент сделан на его «мольбах», обращенных к польскому монарху «вернуть себя на киевский стол»⁶⁶⁸, которые тот благосклонно принял, самолично возглавив поход.

Само описание киевской акции Болеслава II Длугош представляет в виде яркого художественного рассказа, в котором использованы знакомые клише, применявшиеся ранее в реляциях о захвате Перемышля и Волыни, призванные придать героические черты образу короля-завоевателя. С этой целью упоминается о длительной осаде Киева, голоде среди его защитников, добровольной и ритуальной сдаче города польскому монарху, который, согласно реляции Длугоша, воспользовался поводом проявить свою благосклонность и милость в отношении побежденных. Кульминацией рассказа хрониста о завоевании Киева Болеславом II становится упоминание о «повторении триумфа его прадеда»: ударе клинком в железные ворота в знак победы⁶⁶⁹. Важнейшим политическим итогом второго киевского похода польского короля Длугош называет «умиротворение всей Руси» (*universa Russia pacata*), наложение на нее дани, а также «доверение дел родственнику из рода матери Изяславу», который «был сделан правителем Киевского края» (*materni propinquum principem Zaslaum summo rei prefecit et Kyowiensis ore illi attribuit gubernacionem*). Таким образом, Изяслав характеризуется как наместник польского короля в Киеве.

В образах Болеслава II и Болеслава I и проведенных ими «русских» войн можно выделить ряд сходств и различий. Так, если говорить о личностных качествах Болеслава II, то этот монарх представляется Длугошем как антипод Болеслава I⁶⁷⁰. В описании их «русских» войн сходным, прежде всего, является «повторность» захвата Киева с целью «силового» подтверждения прав Польши на владение русскими землями, позиционирование русских князей как слабых правителей, нуждавшихся в помощи поляков для утверждения у власти. Новым по сравнению с описанием ситуации начала XI в. становится использование упомянутого нами выше аргумента родства польских и русских князей в качестве оправдания вмешательства поляков в дела Руси.

⁶⁶⁸ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 248.

⁶⁶⁹ *Ibid.* P. 255.

⁶⁷⁰ Итоги русской войны Болеслава II Длугош трактует неоднозначно из-за того, что поляки, пребывавшие в Киеве, в такой степени подверглись растлению (*reputia*) из-за злоупотреблений удовольствиями, пиров, пьянства и любопытства, что «обладание победой принесло больше опасностей, чем выгоды». Вина за случившееся возложена главным образом на самого Болеслава II, который, по свидетельству историка, в период пребывания в захваченном Киеве «был побежден пороками тех, кого победил оружием» и, в результате, наказан презрением и ненавистью как своих, так и русских. Таким образом, Болеслав II характеризуется Длугошем как монарх, который дискредитировал саму идею просвещенной польской власти на Руси.

Последователями Длугоша, которые сохранили приверженность его трактовке описанных выше событий, в числе причин вмешательства Болеслава II во внутренние дела Руси, как правило, называлась либо его женитьба на Вышеславе, либо родство этого польского короля и князя Изяслава. На последнем обстоятельстве неоднократно делает акцент Кроммер, который сначала указывает на родство польского и русского монархов, свидетельствуя, что «киевский князь Изяслав был сыном Ярослава, брата королевы Доброгневы» (*Izaslaus princeps Kioviensium Iaroslai Dobrogneuae reginae fratris filiiis*)⁶⁷¹, а затем в приводимой на страницах своего сочинения речи Болеслава II, обращенной к польским воинам, от имени последнего называет князя Изяслава «нашим когнатом» (*Izaslaum cognatum nostrum*)⁶⁷². Эта речь, содержащая идеологическое обоснование «русской» войны Болеслава II, формально заимствованная из сочинения Длугоша, Кроммером значительно расширена и дополнена новыми деталями. В частности, помимо вышеупомянутых аргументов, призванных обосновать важность поддержки Изяслава, у Кроммера мы также находим описание границ польской монархии на востоке, отличающееся от данных Длугоша. Тогда как Длугош упоминает в качестве границ Польши реки Саву, Оссу и Солаву (*Szawa, Ossa, Zolowa*), Кроммер использует иные территориальные маркеры – пишет о «реках Борисфене, Эльбе и Сале, Сарматских горах и Германском океане» (*Boristhene, Albi et Sala fluvjis, Sarmaticis montibus, Germanico oceano*)⁶⁷³. Полагаем, что такая подмена едва ли была случайна, поскольку новые маркеры были призваны ограничить актуальную в большей степени для современной Кроммеру эпохи, нежели для второй половины XI в. сферу политических интересов польской короны, исторический прецедент восстановления контроля над которой позиционировался этим историком как важнейшая историческая миссия Болеслава II, стремившегося вернуть в состав Польши земли, некогда включенные в нее Болеславом I, а также наказать войной непокорный русский народ.

Основные факты, связанные с «русской» войной Болеслава II, польскими историками XVI в. передаются по Длугошу. Меховий, а также пересказавший соответствующий фрагмент его «Польской хроники» Марчин Бельский, сокращают красноречивые длинноты своего предшественника и представляют компактный рассказ, в котором отражены

⁶⁷¹ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 79.*

⁶⁷² *Ibid. P. 82;* вероятно именно эта характеристика Кроммера дает основание Стрыйковскому назвать Изяслава «родственником» Болеслава II и именно этим объяснить оказанную русскому помощь (у Стрыйковского дословно: «*Tego [Izasława] tedy Bolesław król, naprzód umyślił na ojczyznę wprowadzić, jako krewnego*» (*Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 180*).

⁶⁷³ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 83.*

ключевые факты и идеологические акценты концепции Длугоша⁶⁷⁴. Повествование Кромера более обстоятельно и содержит, как мы уже могли убедиться, помимо фрагментов хроники Длугоша, также авторские дополнения, впрочем весьма немногочисленные⁶⁷⁵. Особый интерес представляет соответствующий раздел хроники Стрыйковского. Этот автор, следуя Длугошу и Кромеру, описывает события «русской» войны Болеслава II, связанные с захватом Киева на первом этапе⁶⁷⁶, а также последующим завоеванием Перемышльской земли и Волыни⁶⁷⁷. Повторный поход польской армии на Киев, реляции о котором, как нам удалось установить, были вымыслом Длугоша, Стрыйковский описывает очень кратко, ограничивается свидетельством о том, что польский король Болеслав Смелый своего двоюродного брата Изяслава «проводил до Киева и ... второй раз посадил на Киевскую монархию» после разгрома при помощи поляков его противника князя Всеволода⁶⁷⁸.

Таким образом, в хронике Стрыйковского мы не находим свидетельств о столь важном для Длугоша и иных польских авторов триумфе Болеслава II, связанном с «повторным» захватом Киева, поражением мечом Золотых ворот, нет в ней также рассказа о последующем властвовании польского короля в столице Руси. Не вполне ясно, был ли такой пересмотр концепции Длугоша результатом сознательной коррекции взгляда Стрыйковского на историю отношений Польши и Руси, либо лишь итогом верификации изложенных предшественниками сведений с учетом противоречивших «польскому взгляду» реляций русского летописца. Если принять за основу второй тезис, то следует отметить, что такая верификация была проведена лишь частично, поскольку вымышленные Длугошем свидетельства о завоевании поляками Перемышля и Волыни не были отвергнуты Стрыйковским вовсе, хотя их историчность и была поставлена этим автором под сомнение⁶⁷⁹.

Таким образом, мы можем выделить ряд характерных особенностей «польского взгляда» на историю взаимоотношений двух стран в период существования Киевской державы. С одной стороны, польские

⁶⁷⁴ *Mathia de Mechow*. *Chronica Polonorum ...* P. XLIII–XLVI; *Bielski M.* *Kronika wszytkyego świata ...* 1551. L. 173–173v.

⁶⁷⁵ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 82–88.

⁶⁷⁶ *Strykowski M.* *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała* *Kronika Polska ...* S. 180–182.

⁶⁷⁷ *Ibid.* S. 182–183.

⁶⁷⁸ *Ibid.* S. 188.

⁶⁷⁹ Стрыйковский, в частности, обращает внимание на то обстоятельство, что в описаниях событий эпохи Болеслава II «русские хроники не в каждом месте согласуются с польскими хрониками» (*Ibid.* S. 184). Причем эти расхождения были признаны польским автором настолько существенными, что он включает в текст своего сочинения буквальный перевод русского источника, повествующего о данных событиях, так называемой «Руской хронички» (*Ibid.* S. 184–186).

историки стремились убедить читателей своих сочинений в необратимости вассальной зависимости русских земель, подтвержденной как силой оружия, так и правом наследования, вытекавшим из «матримониальных» обязательств (браки польских монархов и дочерей русских князей⁶⁸⁰). С другой стороны, русские князья изображались на страницах польских исторических сочинений как слабые и недееспособные правители, которые либо неизменно побеждались поляками в битвах, либо были вынуждены обращаться к польским монархам за поддержкой с целью укрепления своей власти на Руси⁶⁸¹. В результате, Польша представлялась как страна-сюзерен, опекавшая лояльных ей князей Руси и противостоявшая «мятежникам». Эти две особенности были характерны и для описаний наиболее значимых событий истории польско-русских отношений конца XI–XII вв.

Наиболее ярким примером реализации такого подхода является вымышленный фрагмент хроники Длугоша, представленный под характерным заголовком «Русские выходят из под власти поляков» (*Rutheni a Polonorum imperio disciunt*), где **были описаны события, перечеркнутые** результаты «русской войны» Болеслава II. Историк свидетельствует о том, что русские в 1090 г. подняли «открытый мятеж» против Польши, воспользовавшись «переворотом» в Польском королевстве, вызванном смертью сына Болеслава Смелого князя Мечислава, которому, по словам Длугоша, русские земли «принадлежали в силу недавно заключенного брака и по отцовскому, и по материнскому праву»⁶⁸². Вина за «потерю Руси» при этом возлагается на преемника Мечислава – польского князя

⁶⁸⁰ Помимо упомянутых при описании событий XI в. браков Казимира и Марии-Добронегы, а также Болеслава II и Вышеславы, Длугош в дальнейшем свидетельствует о нескольких польско-русских брачных союзах: под 1088 г. упоминается о женитьбе сына Болеслава II Мечислава на дочери кн. Святополка Евдоксии; под 1103 г. – о женитьбе Болеслава III на дочери кн. Святополка Сбыславе; под 1151 г. – о женитьбе князя Болеслава IV на дочери кн. Всеволода Мстиславича.

⁶⁸¹ Помимо кн. Святополка и Изяслава, в разделах, посвященных событиям конца XI–XII вв., Длугош упоминает нескольких русских князей, искавших покровительства и военной помощи в Польше, в том числе Ярополка Изяславича, волынских (владимирских) князей Давида и Ярослава, галицкого князя Ярослава и некоторых других.

⁶⁸² *Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 287; Мечислав, таким образом, был «вписан»* в ставшую привычной схему, прежде апробированную на его предшественниках – Казимире I и Болеславе II, которые реально или мнимо были женаты на русских княжнах. Как и те брачные союзы, женитьба Мечислава на «сестре киевского князя Святополка Евдоксии», объясняется Длугошем необходимостью сохранить «благодаря такому родству те области Руси, которые были покорены его отцом» (*Ibid.* P. 283). При том, что ряд современных исследователей сомневаются в достоверности данной реляции (см., например: *Щавелева Н. И. Древняя Русь ... С. 404*), для концепции истории двусторонних отношений, созданной Длугошем, этот брак имел крайне важное функциональное значение и не случайно акцентирован в хронике.

Владислава, который во время мятежа не поддержал польские гарнизоны на Руси и в конечном счете заключил с русскими мирный договор и передал им некие крепости. Таким образом, мнимый «мятеж» позволял Длугошу дезавуировать столь же мнимое «завоевание» Болеславом II Перемышля, Волыни и Киева. Вместе с тем следует отметить, что большинство последователей Длугоша о данных событиях либо упоминают весьма кратко (Меховий⁶⁸³, Кромер⁶⁸⁴), либо вовсе игнорируют его свидетельство об антипольском мятеже на Руси в это время (Бельский, Стрыйковский).

Согласно Длугошу, в результате мятежа 1090 г. польская держава была лишена законного и продолжительного владения русскими землями (*terrarum Russiæ iusta et continuata possessio ... a Polonorum ditione subducta est*). Установившиеся после этого события отношения двух стран в конце XI–XII вв. в хронике этого автора, а также в сочинениях его последователей представляются в большей степени враждебными, поскольку мы находим прежде всего упоминания о случаях конфронтации (война коалиции русских князей в составе Владимира Новгородского, переяславских князей Давида и Олега с Болеславом III⁶⁸⁵, а также война с этим польским князем перемышльского князя Володаря⁶⁸⁶), тогда как примеры дружественных акций весьма немногочисленны (брак Болеслава III и дочери князя Святополка Сбыславы⁶⁸⁷, а также брак Болеслава IV и дочери князя Всеволода Мстиславича⁶⁸⁸).

В качестве кульминационного момента польско-русского противостояния в первой половине XII в. Длугош позиционирует направленный на свержение польского «ига» заговор, инициированный киевским князем Ярополком. При этом в его хронике предпринята попытка реконструкции «русского взгляда» на практику политических отношений с Польшей: историк приписывает русским князьям мнение об их дискриминационном характере. Для обозначения характера зависимости Руси от Польши Длугош использует эмоционально окрашенные маркеры «тяжкое иго» (*grave iugum*), «позорное клеймо» (*ignominie cautegio*), «рабское состояние» (*servilis condicio*), а также упоминает в числе обстоятельств, вызвавших столь резкие оценки со стороны русских,

⁶⁸³ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. LIII.

⁶⁸⁴ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 94; под выносной глоссой «Русские утвердились в свободном состоянии» (*Russi in libertatem sese asseruere*) Кромер сообщает так же и о том, что поляки потеряли защищавшиеся ими замки, не указывая, какие конкретно.

⁶⁸⁵ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 313–314

⁶⁸⁶ *Ibid.* P. 376–377, 381–382.

⁶⁸⁷ *Ibid.* P. 316.

⁶⁸⁸ *Ibid.* P. 435.

«уплату дани» и «необходимость отправляться на внешние войны с венграми и чехами» в интересах польских князей⁶⁸⁹.

Таким образом, Длугош дает понять, что сами русские признавали факт зависимости от Польши. То же впечатление было призван произвести описанный в хронике замысел очередного «мятежа» русских, расстроенный польским бароном Петром Властовичем⁶⁹⁰. Хотя данный рассказ и был написан «по мотивам» реальных событий (упоминание о Петре Властовиче и пленении в результате раскрытия заговора русского князя мы находим в хронике Винцентия Кадлубка⁶⁹¹), для нас представляет интерес прежде всего то обстоятельство, что Длугош произвольно изменяет «масштаб» описываемых событий, переводя их из ранга противостояния местного значения, в которое были вовлечены удельные князья приграничной области, в ранг международного конфликта Польши и Руси, на что указывает «включение» в сюжет в качестве главного действующего лица «киевского князя Ярополка», а также маркировка противников польского князя Болеслава III как «русских князей» без указания их локальных характеристик. В этом масштабе событий последствия раскрытия заговора, которые Длугош связывает с пленением и последующим унижительным выкупом его зачинщика Ярополка, а также показательным «наказанием» мятежников, позволившими, по словам историка, «удержать в верности остальных князей и баронов Руси»⁶⁹², подтверждают восстановление вассальной зависимости русских земель от Польши, что вписывалось в полоноцентристскую ге-

⁶⁸⁹ Ibid. P. 394.

⁶⁹⁰ Исследователи нового и новейшего времени пришли к выводу о неправдоподобности описанной Длугошем ситуации. См., например: *Линниченко И.А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч.1. С. 2–6; *Стефанович П.С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. 2006. № 4. С. 58–59.

⁶⁹¹ Именно в хронике Кадлубка впервые упоминается о пленении Петром Властовичем перемышльского князя Володаря, правителя сравнительно небольшого приграничного княжества. Длугош упоминает о плене Володаря, но не связывает его с Петром Властовичем, приписывая ему пленение Ярополка. П. С. Стефанович полагает, что источниками Длугоша, посвятившего последнему сюжету содержательный рассказ, помимо этого сочинения были также Великопольская и Польско-Силезская хроники, а также «какой-то другой пока не определенный источник» (*Стефанович П. С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков ... С. 69–70). Ю. А. Лимонов также был склонен видеть источник представлений Длугоша о похищении русского князя в несохранившемся до наших дней памятнике русского летописания (*Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 42–43, 46).

⁶⁹² *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P. 395.

гемонистскую модель двусторонних отношений, выстраиваемую этим автором.

Вместе с тем, согласно реляциям Длугоша, Болеславу III удалось достичь перелома в отношениях с Русью и развить успех миссии Петра Властовича. В хронике по сочинению Кадлубка описаны произошедшие в последние годы правления этого польского монарха две войны с Русью, результаты которых были неоднозначны. Во-первых, под 1135 г. упоминается жестокая акция русских – коварный захват польской крепости Вислицы благодаря помощи «предателя-венгра». Длугош приписывает ее осуществление князьям Ярополку и Васильку (в их родственных связях историк постоянно путается, так как последний называется то сыном, то племянником первого), делает акцент на жестокости русских, устроивших «жестокою резню и чудовищное убийство горожан разного возраста, положения и пола»⁶⁹³. Во-вторых, под 1136 г. приводится рассказ о мести поляков, жестоком разорении Болеславом III Владимирской земли в отместку за гибель Вислицы⁶⁹⁴.

В свете описываемых событий также представляет интерес рассказ Длугоша о судьбе лояльного к Польше галицкого князя Ярослава, который был лишен своего княжества и нашел убежище при дворе Болеслава III, подобно многим другим князьям Руси, упоминавшимся нами ранее. На сей раз в реляциях Длугоша мы находим новый мотив – польский историк апеллирует к мнению жителей Галича, недовольных «обманом и коварством» Ярополка, обратившихся к польскому князю с просьбой восстановить их законного князя. Согласно хронисту, эта попытка потерпела провал из-за коварства русских и венгров – польский князь едва не погиб в битве и был вынужден бежать, чтобы сохранить свою жизнь. Тем не менее в реляциях Длугоша вновь акцентируется протекционизм Польши на русских землях, на сей раз проявившийся в стремлении оказать поддержку верному ей удельному князю, а также горожанам, настроенным против Киева.

Последователи Длугоша в своих сочинениях в той или иной степени отразили его реляцию о «заговоре Ярополка» и последовавших за ним польско-русских войнах. Меховий под выносной глоссой «Отделение русских» (*Ruthenorum defectio*) в целом корректно, хотя и в сокращенном виде передает содержание рассказа Длугоша, внося в реляцию своего предшественника лишь одно изменение: зачинщик заговора и лидер коалиции «русских князей» Ярополк Владимирович в хронике Меховия назван не киевским, а владимирским князем⁶⁹⁵. Этот историк упоминает

⁶⁹³ Ibid. P. 396–397.

⁶⁹⁴ Ibid. P. 398.

⁶⁹⁵ Длугош ошибочно называет Ярополка владимирским князем, когда упоминает о намерении Петра Властовича лишить заговорщиков лидера (Ibid. P. 395). Меховий эту ошибку своего предшественника не исправляет.

о речи Ярополка, но не придает ей особого значения, ограничившись краткой ремаркой о недовольстве русских участием в войнах на стороне Польши. Реляции о пленении и выкупе Ярополка, а также последовавших далее войнах переданы Меховием по Длугошу⁶⁹⁶. В свою очередь на реляции Меховия ориентируется Бельский, сокративший его рассказ о восстании русских до одной фразы, но добросовестно передавший реляции своего предшественника о пленении Ярополка Петром Властовичем⁶⁹⁷, его выкупе⁶⁹⁸ и последующих польско-русских конфликтах⁶⁹⁹.

Рассказ Кромера об этих событиях более обстоятелен. Как и Меховий, этот автор применяет для их характеристики термин *defectio*, однако ориентируется на пространное описание Длугоша, в которое вносит некоторые изменения. Упомянутая нами выше речь Ярополка, хотя и приводится в хронике Кромера, но не является пересказом соответствующего фрагмента сочинения Длугоша – Кромер передает ее содержание своими словами и от себя добавляет пространное описание тех несчастий, которые несет Руси зависимость от Польши⁷⁰⁰. Также не согласуется с Длугошем в деталях свидетельство Кромера об обстоятельствах похищения Петром Властовичем князя Ярополка⁷⁰¹. И, наконец, в рассказе Кромера о нападении русских на Вислицу, который в целом основан на хронике Длугоша, мы находим отсутствовавшие у этого автора сведения о положении вышеупомянутой крепости⁷⁰².

Почти дословно по Кромеру свидетельства о мятеже русских переданы в хронике Стрыйковского⁷⁰³. Заслуживает внимания вывод этого автора, отсутствующий в сочинениях предшественников: Стрыйковский называет итоговую победу, одержанную киевским князем Ярополком над Болеславом III, которая привела к смерти последнего «от горя» (*z frasunku*), «местью» за пленение этого русского князя Петром Властовичем⁷⁰⁴. Тем самым констатируется восстановление *status-quo* в польско-русских отношениях, некоего равновесия потенциалов, которое

⁶⁹⁶ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. LXXX.

⁶⁹⁷ *Bielski M. Kronika wszytkyego świata ...* 1551. L. 181v.

⁶⁹⁸ В отличие от Меховия, сообщавшего о том, что Ярополк был выкуплен князем Василько, Бельский свидетельствует о том, что выкуп был собран «вкладчину» всеми русскими князьями.

⁶⁹⁹ *Bielski M. Kronika wszytkyego świata ...* 1551. L. 182–182v.

⁷⁰⁰ Для сравнения: *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 394; *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 129–130.

⁷⁰¹ Согласно реляции Длугоша, Петр Властович захватывает Ярополка в его владимирской (!) резиденции, тогда как Кромер пишет о похищении русского князя во время конной прогулки.

⁷⁰² *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 132.

⁷⁰³ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 213–220.

⁷⁰⁴ *Ibid.* S. 220.

в той или иной степени были вынуждены признавать все упомянутые нами выше польские авторы.

Новое качество двусторонних отношений подтверждается реляциями о стабильном характере политических связей двух стран: период с 1138 по 1182 гг. не отмечен какими-либо яркими событиями в отношениях Польши и Руси – во всяком случае не упоминается о сколько-нибудь значительных конфликтах между ними.

Активизацию польско-русских отношений польские историки связывают с последними десятилетиями XII–началом XIII вв. – периодом правления малопольских князей Казимира II Справедливого и Лешека (Лестка) Белого. В хронике Длугоша акцентирована восточная политика польского князя Казимира. Под 1182 г. по мотивам весьма отрывочных реляций польских средневековых источников (главным образом «Великопольской хроники») подробно описывается военная акция этого монарха на восточнославянских землях, поводом для которой названа «измена города и провинции Бреста» (*Brestensis civitatis et provincie ... defectio*)⁷⁰⁵, то есть использованы привычные клише, применявшиеся им и прежде для маркировки действий восточных соседей Польши.

Также характерны упоминания о протекциях польского государства, проявивших лояльность к нему русских князьях, связанными с польским княжеским домом родственными узами. Так, Казимир изображен Длугошем как покровитель «своего родственника» галицкого князя Мстислава, подвергшегося гонениям на Руси. Эта вымышленная Длугошем фигура (не известна предшественникам)⁷⁰⁶ оказалась весьма функциональной для дальнейшего конструирования конфронтационной парадигмы двусторонних польско-русских отношений, поскольку благодаря ей хронист получает возможность в выгодном для поляков свете представить последующий конфликт Казимира с коалицией русских князей, противников мифического Мстислава, питаемых «врожденной ненавистью к полякам». Согласно Длугошу, в решающей битве, дати-

⁷⁰⁵ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 489; Длугош использует свидетельства 39 главы «Великопольской хроники», где упоминалось об отказе жителей города Берестье уплачивать дань Казимиру (*Chronica Poloniae Majoris ...* P. 61).

⁷⁰⁶ Ни польские средневековые хроники, ни русские летописи не упоминают галицкого князя Мстислава. Можно предполагать, что Длугош называет этим именем анонимного русского князя, известного автору «Великопольской хроники»: в этом источнике мы находим свидетельство о том, что Казимир «восстановил у галичан князем первенца своей сестры, некогда изгнанного из королевства ... который после отъезда своего дяди Казимира был своими же отравлен ядовитым питьем» (*Chronica Poloniae Majoris ...* P. 62). Русские летописи подтверждают факт отравления князя, однако в качестве жертвы галицких бояр упоминают незаконнорожденного сына Ярослава Осмомысла Олега «Настасьича». Таким образом, Длугош комбинирует факты, заимствованные из различных источников по своему усмотрению, вписывает их в создаваемую им концепцию польско-русских отношений.

рованной все тем же 1182 г., польская армия победила превосходившее ее по численности войско русских, что позволило Казимиру передать власть «в Галицком королевстве» (in Halicziense regnum) Мстиславу в обмен на клятву, что тот «никогда не оставит польский народ ни в счастье, ни в несчастье»⁷⁰⁷. Тем самым польский историк дает понять, что Казимиру удалось выполнить задачу утверждения на Руси лояльного по отношению к Польше князя, реализовать которую в разное время пытались его предшественники – Болеслав I, Болеслав II и Болеслав III.

Дальнейшие события (отравление Мстислава галицкой знатью, недовольной преференциями, предоставляемыми этим князем пребывавшим при нем полякам) Длугош рассматривает как повод для более масштабного конфликта Руси и Польши, в который активно вмешалось также и Венгерское королевство. Галицкое княжество представляется польским историком территорией, право на которую оспаривалось двумя могущественными державами – Польшей и Венгрией, стремившимися управлять ею путем утверждения лояльного по отношению к ним князя. В хронике упоминаются две альтернативные фигуры – сын венгерского короля Белы Андрей и новые протеже Казимира – князья Владимир и Роман.

Венгерское правление в Галиче изображено в самых мрачных тонах – Длугош называет его «игом», акцентирует отстранение русской знати от ключевых должностей и оценивает как «расплату» за преступление, некогда совершенное в отношении Мстислава⁷⁰⁸. При этом польский историк дает понять, что ситуация в этой приграничной русской земле становится важным фактором польско-венгерских отношений. Казимир, являвшийся сторонником конфронтации с Венгрией, в своем стремлении ослабить позиции венгерской монархии на Руси, согласно Длугошу, был готов поступиться многим, в том числе вступить в союз с русскими князьями, среди которых особое внимание уделено князю Владимиру, на сей раз фигуре вполне реальной, оспаривавшей право на галицкий престол первоначально в борьбе с вымышленным Длугошем Мстиславом, а затем – со ставленником венгерского короля.

Образ Владимира в хронике Длугоша весьма противоречив. Под 1187 г. помещен содержательный рассказ о разбойном нападении этого князя на Польшу во главе отряда наемников «со стороны Перемышля, который тогда был под властью поляков». Длугош существенно преувеличивает масштабы нанесенного Владимиром вреда⁷⁰⁹ очевидно с целью усиления конфронтационной линии в оценке польско-русских

⁷⁰⁷ Historia Polonica Joannis Dlugossi ... P. 490.

⁷⁰⁸ Ibid. P. 495.

⁷⁰⁹ В хронике весьма краткие и сдержанные реляции предшественников Длугоша о нападении Владимира на польские земли «развернуть» в драматический рассказ (для сравнения: Chronica Poloniae Majoris ... P. 63; Historia Polonica Joannis Dlugossi ... P. 498).

отношений. Между тем именно этот русский князь в хронике претерпевает характерную метаморфозу – превращается из «неистового врага» Польши в ее «верного и послушного слугу и друга». Польский историк представляет ситуацию таким образом, что Владимир «осознает» свою вину перед поляками за совершенные беззакония и, в результате, обращается к польскому князю Казимиру с просьбой о прощении «из страха подвергнуться суду». Согласно Длугошу, именно прощение Казимиром Владимира позволило последнему заручиться военной поддержкой Польши в борьбе с венграми и вернуть себе галицкий престол⁷¹⁰.

В результате, Владимир пополняет список протекже польских князей, что еще больше усиливает впечатление протекционизма польской монархии на русских землях⁷¹¹. Длугош подчеркивает этот аспект, упоминая о клятве, данной Владимиром польскому монарху, согласно которой как сам этот князь, так и его наследники обязывались «быть искренне послушными князьям Польши, вечно пребывать в их власти и подчинении». Как можно видеть, «клише» клятвы используется применительно к взаимоотношениям русских и польских князей уже во второй раз – аналогичный ритуал подтверждения лояльности польский историк также «применял» и к Мстиславу Галицкому, о чем мы упоминали выше. Однако на сей раз в позиционировании польского влияния на Руси появляется «внешний» элемент. Польская монархия впервые представляется как гарант безопасности приграничных русских земель в борьбе с внешним противником – Венгрией. Длугош подчеркивает это обстоятельство реляцией о том, что изгнание венгров из Галича «доставило Казимиру великую славу среди русского народа» и распространило страх перед его властью, а также делает акцент на милосердии польского князя, проявленном в отношении бывшего злейшего врага⁷¹².

⁷¹⁰ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ... P. 499–500*; в данном случае Длугош, следуя польским средневековым источникам (в «Великопольской хронике» прямо говорится о том, что Владимир «был восстановлен в Галицком королевстве» по поручению Казимира), несколько преувеличивает степень влияния малопольских князей на ситуацию в регионе. Современные исследователи склонны считать решающим фактором поддержку Владимира со стороны германского императора Фридриха Барбароссы, по просьбе которого польский князь Казимир оказал содействие в восстановлении его власти в Галиче (подробнее об этом см. Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша ... С. 85).

⁷¹¹ В то же время Длугош отмечает неоднозначность в оценках целесообразности союза Казимира и Владимира польскими элитами. В частности, ссылаясь на мнение «баронов» и «воинов», он отмечает негативное отношение к «незаслуженной враждебности в отношении соседнего дружественного короля» (имеется в виду венгерский монарх), а также порицание решения Казимира отдать предпочтение «ненавистному врагу» (имеется в виду русский князь).

⁷¹² *Historia Polonica Joannis Dlugossi ... P. 500*.

Вопрос престолонаследия в Галиче, ставший актуальным после смерти Владимира, также привлекает внимание Длугоша. В хронике приведены аргументы различных сторон, претендовавших на «галицкое наследство», но прежде всего акцентированы доводы той части правящей элиты Польши, которая настаивала на инкорпорации Галицкого княжества «согласно праву и справедливости и в силу союза заключенного Владимиром с князем Казимиром». Длугош приветствует превентивные меры польской стороны, направленные на установление контроля над Галичем, а именно военную экспедицию палатина Николая, который «был призван заботиться о положении дел в пустующем княжестве» и устроить все так, чтобы оно могло быть присоединено к Польше «в качестве провинции»⁷¹³.

Свидетельство Длугоша об этом походе, по мнению А. Семковича, являлось «ошибочным представлением» соответствующих фрагментов хроники Кадлубка⁷¹⁴, что, с нашей точки зрения, было сделано намеренно, поскольку давало возможность в очередной раз подтвердить приоритетное право Польши на галицкие земли. Для усиления данного эффекта Длугош также стремится создать впечатление добровольности предлагаемой инкорпорации Галича, пересказывая свидетельство Кадлубка о том, что галицкая знать «с честью и поклоном» приняла польского князя Лешека Белого «как своего законного господина», умоляла его самостоятельно «распоряжаться и править в Галицком княжестве» и не передавать эту землю во власть других князей Руси⁷¹⁵. Тем самым Длугош заранее негативным образом настраивает читателя своего сочинения в отношении принятого в дальнейшем решения польского князя передать Галич «в лен» владимирскому князю Роману, который представлен как сын некогда отравленного галицкой знатью Мстислава⁷¹⁶.

Эта тенденция в освещении событий вокруг «галицкого наследства» становится понятна из-за метаморфозы, произошедшей с Романом – одной из наиболее знаковых фигур во всей истории польско-русских отношений – превратившимся из ближайшего союзника Польши в ее

⁷¹³ Ibid. P. 515–516.

⁷¹⁴ *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 201.

⁷¹⁵ Ср. соответствующие фрагменты хроник Кадлубка и Длугоша: *Magistri Vincentii dicti Kadlubek Chronica Polonorum ...* P. 184–186; *Historia Polonica Joannis Długosii ...* P. 515–517. О «мольбах» галицкой знати Длугош упоминает неоднократно. В его хронике приведены данные о содержании налога в пользу польского князя, обещание которого должно было убедить Лешека Белого установить свое прямое правление в Галиче (Ibid. P. 517).

⁷¹⁶ В действительности Роман был сыном киевского и волынского князя Мстислава Изяславича. Длугош путается в генеалогических связях русских князей, однако можно предположить, что именно отчество Романа, известное Длугошу по русским летописям, могло стать причиной «вымышления» этим историком фигуры Мстислава Галицкого.

злейшего врага. Следовательно, образ этого князя чрезвычайно важен для концепции Длугоша. Изначально отношения Романа с польскими правящими элитами в хронике трактуются в традиционном «протекционистском» ключе. Он представлен как подданный польской монархии и деятельный участник междоусобной войны между сторонниками малопольской и великопольской династий, разгоревшейся после смерти Казимира, кульминацией которой стала битва на р. Мозгаве. Длугош отмечает содействие Романа краковской группировке: именно оказанной помощью, по мнению историка, этот князь заслужил доверие «своего господина» польского князя, передавшего ему Галич в обмен на традиционную «клятву верности и послушания»⁷¹⁷.

Перемена, произошедшая с Романом, который, по словам Длугоша, отплатил своему благодетелю «черной неблагодарностью», в хронике объясняется ослаблением политических позиций Лешека Белого в Польше⁷¹⁸. Историк свидетельствует об отказе этого русского князя платить дань в пользу своего сюзерена, а кульминацией «безрассудства» Романа считает развязанную им против польских князей большую войну, которой в хронике посвящен весьма содержательный рассказ.

Интерес представляют реляции Длугоша, касавшиеся предшествовавшего конфликту политического торга между русским князем и его польскими оппонентами. В частности, в хронике мы находим сведения о том, что Роман требовал в качестве компенсации за участие в войнах на стороне Лешека Белого и его союзников «передать, уступить и отписать ему в вечное владение весь Люблинский край», то есть настаивал на изменении в свою пользу западной границы Галицкой Руси. Харак-

⁷¹⁷ Исследователи данного периода истории русско-польских отношений по-разному трактуют вопрос вокняжения Романа в Галиче из-за очевидного недостатка достоверных и однозначных сведений о нем в польских и русских источниках. Современный польский историк Б. Влодарский, склонен рассматривать приход Романа к власти в Галиче как сделку с Лешекком Белым, оказавшим ему поддержку в обмен на признание зависимости со стороны русского князя (*Włodarski B. Polska i Ruś: 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 20–21*). А. Б. Головки, напротив, полагает, что Роман совершил удачный поход на Галич и «присоединил его к Волинии», считая позицию Б. Влодарского не приемлемой из-за ее несоответствия «реальной расстановке сил, ... военного и политического превосходства Волинского княжества в его отношениях с Малой Польшей» (*Головки А. Б. Древняя Русь и Польша ... С. 87*). Также скептически настроен в отношении гипотезы о «сюзеренитете» Лешека Белого над Романом А. В. Назаренко (*Щавелева Н. И. Древняя Русь ... С. 441*).

⁷¹⁸ Длугош упоминает об уступке Лешекком Белым Краковскому княжеству «по беспечности», что уменьшило его «славу и величие», спровоцировало пренебрежительное отношение со стороны Романа (*Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 531*). Между тем в реальности оснований для такой трактовки событий не было, из-за непродолжительности ослабления позиций Лешека Белого в Малой Польше (*Щавелева Н. И. Древняя Русь ... С. 443*)

терно также замечание автора хроники о том, что одной из целей нападения галицкого князя на Польшу было «истребление божественной ветви лагинян»⁷¹⁹. Таким образом, война Романа против Польши представляется Длугошем как «нечестивая» (*perhagium*), несправедливая и захватническая со стороны русского князя. В этой связи историк делает акцент на том, что ее инициатору не удалось заручиться благословением даже православного владимирского епископа, отмечавшего, согласно Длугошу, роль поляков как союзников Руси в сражениях с «варварскими народами»⁷²⁰.

Описывая ход войны, Длугош называет войско Романа «огромнейшим», делает акцент на неконвенциональности поведения русских, «бесстыдно обращавшихся со взятыми в плен знатными женщинами, женами и дочерьми [польских] воинов» во время осады Люблинской крепости, героическую оборону которой автор хроники представляет как предпосылку последующих неудач русских. Также подчеркивается всенародная мобилизация для отпора нашествию Романа.

Завершившая войну решающая битва, произошедшая под Завихостом, представляется Длугошем как одно из ключевых событий в истории польско-русских отношений. Датированная 1205 г. убедительная победа поляков под Завихостом, огромные потери русских, красочно описанные в хронике, а главное – гибель в битве князя Романа, отнесены польским историком на счет «Божией милости и помощи святых, ... в день которых произошло сражение»⁷²¹. Важнейшим итогом войны Длугош считает унижение и непоправимый урон, нанесенный «русской знати и народу», что не позволило им впредь беспокоить польские земли⁷²². Под 1206 г. этот автор упоминает об акции возмездия, осуществленной поляками в отношении русских: опустошении их земель армией краковских, сандомирских и люблинских воинов, завершившейся пленением одного из русских князей и показательной казнью знатных русских⁷²³.

Таким образом, видение Длугошем очередного этапа двусторонних польско-русских отношений – периода с 1182 по 1205 гг. – обладает рядом характерных особенностей. Историк, говоря преимущественно о Галицкой Руси, представляет эту территорию как протекторат польской монархии, а ее правителей – как вассалов польских князей. При этом нелояльность русских трактуется Длугошем как проявление коварства и даже предательства в отношении вышестоящего в иерархии сюзерена.

Взгляд Длугоша на эти события не был пересмотрен его последователями. Меховий сводит его свидетельства в два компактных рассказа: первый из них посвящен «восстановлению» Казимиром Мстислава в

⁷¹⁹ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 533.

⁷²⁰ *Ibid.* P. 532.

⁷²¹ Датой битвы Длугош называет 19 июня – день св. Гервасия и Протасия.

⁷²² *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 535.

⁷²³ *Ibid.* P. 537.

Галиче и последующих отношениях этого польского князя с Владимиром⁷²⁴, второй – особенностям «польской» политики Романа Галицкого⁷²⁵.

Меховий значительно преувеличивает масштаб контроля польскими монархами русских земель, в частности приписывает Казимиру распространение власти на «русские провинции»: Брестскую, Владимирскую, Дрогичинскую и Перемышльскую земли (степень их зависимости обозначается посредством латинских оборотов *adeptus est* и *ipsas provinciae per se administrabat*), о чем не упоминалось в хронике Длугоша⁷²⁶. Задачами расширения сферы влияния Польши на восток Меховий оправдывает протекционистскую политику польских князей на Руси: передачу по их воле Галицкой Руси в держание Мстиславу, Владимиру и Роману (как правило для подтверждения легитимности такой передачи употребляется латинский глагол *restituo* – «восстанавливать»). Этот автор не склонен подчеркивать враждебность Польши и Руси – напротив, стремится прежде всего указать на лояльное отношение русских князей и жителей русских провинций к польской монархии, что нашло отражение в особенностях передачи свидетельств Длугоша. В частности, фрагмент его сочинения о приеме Лешека Белого галичанами, настаивавшими на переходе в подданство польского князя, передан Меховием почти без сокращений, тогда как война Романа Галицкого против Польши, напротив, описана весьма лаконично, в рассказе о ней опущены пассажи о жестокости русских, претензиях их князя на польские земли и его стремлении истребить католическую веру.

Отдельные реляции Меховия нашли отражение в «Хронике всего света» Марчина Бельского, который свидетельствует о том, что Казимир «посадил в Галицком княжестве» Мстислава и Владимира в обмен на клятву «вечного послушания»⁷²⁷. В то же время этот автор вовсе не упоминает о нападении Романа Галицкого на Польшу, что может указывать на периферийность данного сюжета для исторической концепции этого польского автора⁷²⁸.

⁷²⁴ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ... P. СП–СПП; Меховий в своей хронике не упоминает ряда важных деталей, посредством которых Длугош объяснял те или иные события (например, проигнорирована реляция о причинах отравления Мстислава галицкой знатью, а также не отражены свидетельства о неодобрении в Польше «русской» политики Казимира, имевшей антивенгерскую направленность).*

⁷²⁵ *Ibid.* P. CIX.

⁷²⁶ *Ibid.* P. C.

⁷²⁷ *Bielski M. Kronika wszytkyego swiata ... 1551. L. 187-187v.*

⁷²⁸ Этот пробел хроники Марчина Бельского был восполнен его сыном: в составе так называемой «иоахимовой» редакции хроники Марчина Бельского данные события описаны по кельнской редакции сочинения Кромера (для сравнения: *Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia ... P.126; Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana [...]. Kraków, 1597. S. 143).*

Кромер, напротив, уделяет польско-русским отношениям 1182–1205 гг. особое внимание. Подводя итоги военной акции Казимира, направленной на восстановление контроля над «мятежным» Брестом, подправленной глоссой «Часть Руси возвращена Польше» (*Russie pars recuperata Polonis*) этот автор, следуя Меховио, приписывает польскому монарху захват брестской, дрогичинской, владимирской и перемышльской земель⁷²⁹. В описаниях битв поляков и русских Кромер нередко более многословен, чем Длугош. В частности, подробно описана победная для поляков битва 1182 г., позволившая Казимиру передать власть в Галиче Мстиславу (*Mescislaus*). При этом Кромер использует в качестве источника не только хронику Длугоша, но и сочинение Винцентия Кадлубка, а также пытается увидеть в них различия в оценке ситуации.

Кромер также подробно по Кадлубку и Длугошу описывает совместную акцию Казимира и Владимира, направленную на освобождение Галича от венгров. Историк противопоставляет милосердие Казимира коварству венгерского короля Белы, который, вопреки законам гостеприимства, держал Владимира в заключении ради присоединения Галича к Венгрии. Кроме того, освобождение Галича от венгров дает Кромеру возможность еще раз акцентировать протекционистские намерения польских князей в отношении своих русских партнеров – не случайно вышеупомянутая война описана под выносной глоссой «Владимир возвращен Казимиром» (*Volodimirus a Kazimiro reducitur*)⁷³⁰. Кромер не высказывает каких-либо сомнений в верности избранной польским монархом линии на поддержку русского князя в борьбе с венграми. Последние для него являются очевидными конкурентами Польши в борьбе за Галич и потому целесообразность союза Казимира с Владимиром этот польский историк, в отличие от Длугоша, не ставит под сомнение.

Оценки взаимоотношений Романа Галицкого с Польшей, которые содержатся в хронике Кромера, в целом совпадают с реляциями его предшественников. Без излишней эмоциональности этот автор приводит аргументы, подтверждающие право на княжение Романа в Галиче⁷³¹. Описание нападения этого русского князя на Польшу, завершившегося битвой под Завихостом, в хронике Кромера имеет важную отличительную черту: главным образом акцентирована антикатолическая направленность акции русского князя. Краткая оговорка Длугоша о намерении Романа уничтожить латинскую веру превращена в лейтмотив его действий против Польши – названа важнейшей причиной войны и дополняется свидетельством о насилии, чинимом русскими в отношении католического духовенства⁷³².

⁷²⁹ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 163.

⁷³⁰ *Ibid.* P. 166.

⁷³¹ *Ibid.* P. 174.

⁷³² *Ibid.* P. 182.

Наиболее обстоятельно реляции польских средневековых и ренессансных авторов (Кадлубка, Длугоша, Меховия, Бельского, Кромера и Ваповского), касающиеся польско-русских отношений 1182–1205 гг., представлены во 2-й и 5-й главах 6-й книги хроники Стрыйковского. Этот историк обратил внимание на несоответствие данных, представленных в сочинениях Кадлубка и хронистов XVI в., в частности он упомянул о разночтениях относительно масштабов расширения территории Польши за счет Руси в период правления Казимира Справедливого.

Стрыйковский в целом придерживается концепции Длугоша в интерпретации Кромера, описанной нами выше, пересказывает ее на польском языке в стихотворной или прозаической форме. Стихотворные фрагменты посвящены битвам, состоявшимся под Галичем⁷³³ и Завихостом (у Стрыйковского ошибочно: *Zawichwost*)⁷³⁴. Такая форма пересказа позволяет автору хроники за счет использования художественных приемов, беллетризации повествования усилить впечатление значимости и масштабности описываемых событий. Так, Казимир Справедливый представлен Стрыйковским как воинственный князь, добившийся победы в кровопролитной и ожесточенной битве с русскими. Те же задачи решены и в стихотворном описании войны Романа Галицкого против Польши: нравы русского князя и его соотечественников подчеркиваются с помощью эмоционально окрашенных эпитетов, противостояние двух сторон представлено как драматическое столкновение двух непримиримых соперников, что подчеркивает значимость достигнутой поляками победы.

Прозаические фрагменты в большей степени сориентированы на анализ ситуации, прежде всего в них содержится описание особенностей польско-венгерско-русских противоречий и приведены «генеалогические» аргументы, обосновывающие право того или иного русского князя на власть в Галиче, которые заимствуются из концепции предшественников. Стрыйковский также в целом корректно передает их свидетельства о борьбе Владимира и Романа за галицкий престол при поддержке поляков и со своей стороны не пытается каким-либо образом их оспорить на основе альтернативных источников.

Приведенный нами обзор показывает, что большинство польских историков XVI в., следуя Длугошу, полагают, что битва под Завихостом и гибель Романа Галицкого сыграли важнейшую роль в истории польско-русских отношений. Этот русский князь становится символом беспрецедентной по масштабам угрозы суверенитету и культурно-религиозной самобытности Польши. Таким образом, победа над ним, акцентированная в хронографии, давала возможность обосновать не-

⁷³³ *Strykowski M.* Ktora przedytm nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 229–230.

⁷³⁴ *Ibid.* S. 240–242.

обходимость дальнейшей экспансии польского государства на восточнославянские земли, в целях нейтрализации таких угроз в дальнейшем.

Для реализации этой задачи малопольским князьям в начале XIII в. не доставало военно-политических сил, в связи с чем инициатива в борьбе за русские земли постепенно перешла к более могущественному государству – Венгерскому королевству, с которым польские элиты были вынуждены согласовывать свои действия. В «полоноцентристских» историографических концепциях конца XV–XVI вв. это обстоятельство не вполне согласовывалось с убеждением о доминировании Польши в региональной политике и в отношениях с Русью. В результате, польские историки всячески стремились скрыть слабость малопольских удельных княжеств и подчеркнуть роль Польши как равноправного партнера Венгрии. Поэтому факты, касающиеся польско-венгерско-русских отношений начала XIII в., как правило, комбинировались в интересах решения вышеупомянутой задачи.

Характерным примером такого рода трактовки совместных акций Венгрии и Польши на русских землях в сочинениях Длугоша и его последователей являются свидетельства о так называемой Галицкой войне (*bellum Halicziensi*), которая рассматривалась как попытка раздела «галицкого наследства» Романа между этими странами⁷³⁵. Ее предпосылки представляются в выгодном для польских политических интересов свете. Согласно реляциям Длугоша, гибель Романа спровоцировала «гражданскую войну» на Руси, «для прекращения которой надлежало обратиться за посредничеством к соседним королевствам». Обосновывая выбор такого посредника, этот историк отмечает слабость «польской» партии среди галицкой знати по причине «памяти о недавнем поражении», что мешало ей «обратиться к Польше». Этим Длугош также объясняет провенгерские устремления галицких элит, нашедшие выражение в призвании на галицкий престол сына венгерского короля Коломана и изгнание из Галича русского князя Мстислава Мстиславича «Храброго» (*Chrobri*). Из последователей Длугоша его рассуждения о причинах отказа галичан от покровительства Польши и выбора венгерского королевича в качестве правителя в той или иной степени воспроизводят в своих сочинениях Кромер⁷³⁶ и Стрыйковский⁷³⁷. Меховий ограничивается лишь констатацией факта обращения «рутенгов» к венгерскому королю с

⁷³⁵ Таким же образом склонны трактовать эти события также некоторые современные польские историки (См., например: *Włodarski B.* Polska i Ruś ... S. 35).

⁷³⁶ *Martini Cromeri* De origine et rebus ... 1555. P. 184.

⁷³⁷ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 253; в стихотворном фрагменте хроники этот автор ограничивается краткой ремаркой о том, что галичане при выборе претендента на галицкий престол «испытывали неприязнь к польским князьям» (буквально: «się xiążętami Polskimi brzydzili»).

просьбой о содействии в «снижении напряжения внутренней войны» и при этом вовсе не упоминает о Польше⁷³⁸.

Поводом для начала Галицкой войны, в которой приняли участие русские князья под предводительством Мстислава, их союзники-половцы, а также Венгрия и Польша, Длугош и его последователи считали стремление венгров и поляков навязать русским католический обряд. По мнению польских авторов, именно это обстоятельство сблизало интересы венгров и поляков в отношении Галицкой Руси, скрепленные также браком Коломана и польской княжны Саломеи, которая была ошибочно представлена Длугошем как сестра Лешека Белого⁷³⁹.

В интерпретации обстоятельств, связанных с подоплекой Галицкой войны, из польских историков XVI в. выделяется Кромер, который пересмотрел подход Длугоша в двух существенно важных аспектах. Во-первых, этот автор высказал предположение (использован латинский глагол *opinor*), что инициатор войны русских с венграми Мстислав «являлся сыном того Мстислава, которого Казимир посадил на галицкий престол». То есть можно говорить о попытке обеспечения этого русского князя «альтернативной» легитимностью, характерной для протекционистского восприятия польско-русских отношений. Во-вторых, занимая очевидно антивенгерскую позицию, Кромер считает единственным, причем весьма шатким основанием для претензий Коломана на галицкий престол брак этого венгерского королевича с Саломеей, благодаря которому, по мнению историка, тот «получил галицкое государство с согласия поляков в качестве спорного приданого» (*Haliciensem dominatum controversum in dotem, concendentibus Polonis acceperisse*)⁷⁴⁰. Таким образом, Кромер обвиняет венгров в незаконном присвоении наследственных прав польской монархии на Галицкую Русь.

Описывая Галицкую войну, Длугош приписывает армии Мстислава «множество нечестивных злодеяний», в том числе упоминает о том, что союзные русским половцы «рассекали некоторых галичан на четыре части, иных убивая, сжигая, калеча и уводя в вечное рабство», не останавливаясь перед убийствами многих «из польской и венгерской знати». Его последователи такие подробности опускают, а некоторые из них, напротив, склонны изображать Мстислава как доблестного воина, которому удалось обратить в позорное бегство Коломана. К примеру, стоявший на антивенгерских позициях Кромер был склонен признавать легитимность прав Мстислава на галицкий престол, а Стрыйковский и вовсе называет этого русского князя «добрым рыцарем», который привел на бит-

⁷³⁸ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. CXVIII.

⁷³⁹ В действительности Саломея была дочерью Лешека Белого. О причинах ошибки Длугоша, назвавшего Саломею сестрой этого князя подробнее см.: *Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ...* S. 208.

⁷⁴⁰ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 185.

ву «как лев львов» лучших половецких и русских воинов, отмечает его мужество в сражении, а также свидетельствует, что в результате достигнутой победы тот был коронован «владыками» (od Władików) как «король и царь вся Руси» (Krolem i Carzem wszytkiey Rusi koronowany)⁷⁴¹.

Заключительная стадия конфликта в сочинениях польских историков представляется как «большой поход на Русь» объединенной венгерско-польской армии, поддержку которой оказали также и галичане (об этом обстоятельстве упоминает лишь Длугош). Участие поляков в этом походе, как правило, рассматривается как вспомоществование венграм: в рассказе о решающей битве, завершившей Галицкую войну, неизменно подчеркивается верность союзническому долгу и героизм польских отрядов, жертвенность поляков, которые страдали от жестокости русских наряду с венграми. Длугош также обращает внимание на ненадежность галичан как союзников (упоминается об их измене, обусловленной «желанием услужить Мстиславу», совершённой после победы, одержанной русскими князьями)⁷⁴².

Констатировав победу русских в войне, Длугош вопреки логике развития ситуации указывает на уступки с их стороны в пользу Венгрии (речь шла об условиях освобождения Коломана и его жены-польки, оказавшихся в плену у русских после захвата галицкой крепости), якобы согласованные в ходе переговоров между Мстиславом и венгерским королем. В частности, упоминая о подписании «вечного мира» между Мстиславом и Андреем (датирован 1210 г.), польский историк допускает множество неточностей в описании его условий, в частности отмечает, что русский князь не только добровольно уступил Галич Коломану, но и дал отцовское благословение на брак своей дочери Марии с другим сыном Андрея – Белой⁷⁴³. Длугош также свидетельствует о борьбе за власть в Галиче между все тем же Коломаном и еще одним русским претендентом на галицкий престол – сыном Романа Даниилом⁷⁴⁴. Вытеснение венгров из Галицкого княжества и вокняжение Даниила польский историк датирует 1225 г., связывая это событие со смертью Коломана «от болезни, а может быть и от яда»⁷⁴⁵.

⁷⁴¹ Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 253–255.

⁷⁴² Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 544.

⁷⁴³ Ibid. P. 557, 545 (в использованном нами экземпляре первого издания хроники Длугоша дефект пагинации: ошибочно указана 555 страница). Эти реляции не находят подтверждения ни в русских, ни в венгерских источниках, отмечавших более длительное правление Мстислава в Галиче и упоминавших в качестве жениха его дочери младшего брата Коломана Андрея, который по призыву галицкого боярства занял княжеский престол вместо Мстислава (подробнее об этом см. Щавелева Н. И. Древняя Русь ... С. 448–449).

⁷⁴⁴ Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 560.

⁷⁴⁵ Ibid. P. 565; согласно русским и венгерским источникам, при упомянутых Длугошем обстоятельствах в Галиче в 1235 г. умер Андрей, после чего власть в галицкий престол получил Даниил Романович.

Польские авторы XVI в. в своих сочинениях без изменений воспроизводят эти реляции Длугоша, не предпринимают попыток их верификации посредством сравнения с данными других источников. Лишь Стрыйковский вносит в рассказ своего предшественника отдельные поправки (в частности, называет невесту старшего брата Коломана Бельи Марию не дочерью, а сестрой Мстислава⁷⁴⁶), а также обращает внимание на то обстоятельство, что венгерские короли не смирились с потерей Галича, поскольку, несмотря на утрату власти в Руси, «они потом еще долго использовали титул Королевства Галицкого и Лодомерского, или Владимирского»⁷⁴⁷.

Таким образом, первая попытка Венгрии и Польши совместными усилиями установить контроль над Галицкой Русью в польской хронографии интересующего нас периода была признана неудавшейся, в результате чего русские князья вплоть до начала XIV в. характеризуются польскими историками как суверенные властители Галича. При этом во фрагментах их сочинений, посвященных событиям XIII в., венгры упоминаются очень редко, и главным образом описываются отношения русских князей, контролировавших непосредственно прилегавшие к польским границам земли, с князьями Малой Польши и Мазовии. В то же время все чаще в качестве важного актора, вышедшего на арену региональной политики, упоминаются литовцы, зачастую действовавшие в это время против Польши совместно с русскими.

Победа русских в Галицкой войне сказалась на характере двусторонних польско-русских отношений. Так, Длугош отмечает «презрение», которое русские оказывали полякам в это время, в связи с чем в хронике упоминается о «множестве воровских набегов» на польские земли, вынуждавших польских князей организовывать акции возмездия. В качестве примера такой акции под 1211 г. упоминается о походе на Русь сандомирского каштеляна Сулислава, санкционированном Лешком Белым, в результате которого, согласно донесениям историка, были пленены четыре русских князя, впоследствии «милостиво» освобожденные польским монархом⁷⁴⁸. Если ориентироваться на хронологию Длугоша, данный поход был организован уже после завершения Галицкой войны, что должно было свидетельствовать о могуществе малопольского княжества и боеспособности армии Лешка Белого. Современные исследователи пришли к выводу, что реляция Длугоша об акции Сулислава является повторением его же описания похода польской армии на Русь, датированного 1206 г.⁷⁴⁹ Прием дублирования событий этот историк использовал и раньше (достаточно вспомнить «мультиплика-

⁷⁴⁶ Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 256.

⁷⁴⁷ Ibid. S. 257.

⁷⁴⁸ Historia Polonica Joannis Długossi ... P. 546.

⁷⁴⁹ Ср.: Ibid. P. 537 / 546; Щавелева Н.И. Древняя Русь ... С. 448.

цию» русских походов Болеслава Храброго). На сей раз его применение было вызвано не только желанием подтвердить силу польских князей и лишний раз указать читателю хроники на агрессивность русских, но и давало возможность подчеркнуть готовность поляков к мирному сосуществованию с восточнославянскими соседями, в связи с чем сделан акцент на прощении пленников и сугубо оборонительном характере акции.

Меховий и Кромер кратко упоминают о походах Сулислава, не оспаривая их историчности⁷⁵⁰. Стрыйковский, изложивший реляции Длугоша в небольшом стихотворном фрагменте, со своей стороны называет причиной примирения поляков и русских появление у этих народов «новых худших неприятелей», а именно татар⁷⁵¹.

Вместе с тем, применительно к данному этапу развития польско-русских отношений, Длугош, а также ориентировавшиеся на материалы его сочинения Меховий и Кромер акцентируют желание поляков добиться от восточных соседей гарантий мира не только силой оружия, но и иными способами, в связи с чем в их сочинениях под 1220 г. появляется свидетельство о женитьбе Лешека Белого на русской княжне Гремиславе (которая представлена как дочь плененного в ходе упоминавшейся нами выше акции Сулислава князя Ярослава⁷⁵²), что объяснялось стремлением «благодаря этому родству и для поляков и для русских упразднить бремя войны, в которой они сталкивались друг с другом, и забыть прежние обиды»⁷⁵³. Длугош при этом упоминает также об альтернативных «матримониальных» планах польского князя (рассуждает о выгодах родства с венграми, алеманами и чехами), однако подчеркивает то обстоятельство, что именно брак с русской княжной в это время в наибольшей степени соответствовал интересам его страны⁷⁵⁴.

В последующие десятилетия – вплоть до середины XIII в. – как Длугош, так и историки XVI в. не фиксировали сколько-нибудь значительных изменений в сфере польско-русских отношений. Новая эскалация

⁷⁵⁰ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. CXV; *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 186; *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 257.

⁷⁵¹ *Ibid.* S. 257.

⁷⁵² Тогда как о супруге Лешека Белого по имени Гремислава мы находим упоминания и в других источниках (подробнее об этом см.: *Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ...* S. 215), ее русское происхождение далеко не очевидно, поскольку сам князь Ярослав, названный в хронике ее отцом, был вымышлен Длугошем.

⁷⁵³ *Historia Polonica Joannis Długossi ...* P. 558–559.

⁷⁵⁴ В сочинениях Меховия и Кромера этих рассуждений Длугоша о необходимости «дружбы» с русскими мы не находим. Эти авторы ограничиваются сухой констатацией фактов, связанных с женитьбой Лешека Белого на Гремиславе. Стрыйковский вовсе не упоминает об этом событии.

противостояния двух стран в середине и второй половине этого столетия связывалась с активизацией внешней политики русского князя Даниила Романовича и его сыновей.

Государство Даниила в польской хронографии интересующей нас эпохи представлялось как могущественная и агрессивная держава, угрожавшая интересам не только политических, но и духовных элит Польши. Последнее обстоятельство позволяет объяснить акцентирование в хронике Длугоша и его последователей резко негативной позиции польских католических иерархов в отношении коронации Даниила папским легатом Опизо, описанной под 1246 г.

Возникновение самого замысла коронации польский историк объясняет ростом влияния Даниила в условиях нарастающей угрозы католическим странам со стороны татар. В этой связи взятое на себя Даниилом обязательство поддержать католиков в борьбе с татарами, а также принять католическую веру, «вырвать несчетное число душ из темноты русских верований», представляется польским историком как решающий аргумент, убедивший папского легата Опизо в целесообразности присвоения королевского титула православному князю.

Описывая обстоятельства, связанные с коронацией Даниила, Длугош не скрывает своего негативного отношения к православию, а также отмечает в качестве наихудшей черты русских их лицемерие и склонность к обману, в дальнейшем подтверждая эту характеристику тем, что «русский король» не выполнил взятых на себя обязательств. Главными противниками коронации Даниила Длугош называет польских католических иерархов и прежде всего краковского епископа Прандоту (Prandotha), чья позиция, по словам историка, была превратно истолкована папским легатом как проявление зависти⁷⁵⁵. Рассуждения Длугоша об антагонизме католицизма и православия были воспроизведены в сочинениях Кромера⁷⁵⁶ и Стрыйковского⁷⁵⁷.

Изображая Даниила как наиболее влиятельную фигуру региональной политики, Длугош приписывает ему «незаконный» захват в 1244 г. опустошенного в результате татарского нашествия на Польшу «несчастливого города Люблина», а также построение в Люблинской крепости круглой башни из обожженного кирпича (*turrim rotundam ex coctis lateribus*), служившей символом власти завоевателя⁷⁵⁸. Из данной реляции не вполне ясно, идет ли речь о существенном изменении польско-русской границы и включении Люблинской земли в состав владений Даниила, или же

⁷⁵⁵ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. IV] ... P. 57–58.

⁷⁵⁶ *Martini Cromeri De origine et rebus* ... 1555. P. 232–233.

⁷⁵⁷ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska* ... S. 331.

⁷⁵⁸ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. IV] ... P. 47.

описан один из многочисленных набегов русских на польские земли⁷⁵⁹. Также помимо весьма спорной люблинской акции Длугош упоминает многочисленные и регулярные нападения русских князей из рода Даниила на другие восточные польские земли, непосредственно граничившие с Русью – главным образом на все тот же Люблин, Сандомир и Мазовию – во второй половине XIII в. В его хронике описаны антипольские акции, осуществлявшиеся русскими князьями в союзе с литовцами и татарами. Наиболее масштабными и значимыми конфликтами представляются польско-русские войны 1266 и 1280 гг., а также поход с целью освобождения от русских Люблина, датированный Длугошем 1304 г.

В войне 1266 г., согласно Длугошу, приняли участие армии Болеслава Стыдливого, названного этим историком «краковским и сандомирским князем», и Шварно, названного «племянником короля Руси Даниила»⁷⁶⁰, выступившего совместно с татарами. Автор хроники считает причиной этой войны стремление польского князя отомстить Шварно за «беззаконное и недостойное убийство» своего двоюродного брата мазовецко-го князя Земовита, случившееся в ходе нападения русских и литовцев на Мазовию, датированного Длугошем 1265 г. Тем самым Болеслав Стыдливый изображается как защитник интересов не только своего княжества, но и соседних польских земель. В хронике Длугоша подробно описано сражение двух армий «в местности, называемой Петой» (*in loco, qui Pyetha dicitur*)⁷⁶¹, состоявшееся в день святых Гервасия и Протазия, что дает основание сравнить это событие с победоносной для поляков битвой под Завихостом, некогда завершившейся разгромом «огромной армии князя Романа».

Эта аналогия оказала влияние и на содержание рассказа (во многом близкого фрагменту хроники, посвященному битве 1205 г.), подчерки-

⁷⁵⁹ Согласно гипотезе А. Семковича, Длугош мог перепутать русских с пруссами (из-за близости латинских вариантов этнонимов этих народов *Rutheni/Prutheni*), следуя автору средневекового источника, или же на свой лад передать свидетельство восточнославянских памятников, в частности «Вольнского» летописца (*Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 263*). В Ипатьевской летописи, к которой мог быть близок гипотетический «волынский» памятник упомянутый А. Семковичем, под 6753 г. (1245) упоминается о том, что «Даниил воевал Люблинскую землю ... и дошел до города Люблина», однако о захвате люблинского замка прямо не сообщается (Летопись по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб, 1908. Л. 268. Стб. 795–796).

⁷⁶⁰ В действительности Шварно был сыном Даниила.

⁷⁶¹ А. Семкович усомнился в историчности упомянутой Длугошем «местности», не обнаружив упоминаний о нем в иных источниках (*Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 285*). Последователи Длугоша повторили его реляцию о месте битвы, несколько видоизменив название местности (например, у Стрыйковского: *Pięta*).

вавшего актуальность «русской угрозы» польским землям, агрессивность русских князей. Кроме того акцентированное в описаниях обеих битв многократное численное превосходство разгромленной поляками армии захватчиков давало возможность указать на «божественное милосердие и заступничество костела» как одну из главных причин побед.

Подводя итог своему описанию войны 1266 г. Длугош свидетельствует, что «русских же это поражение до такой степени испугало и укротило, что потом много лет они не решались дотронуться до польских земель»⁷⁶².

Под 1280 г. Длугош сообщает о вторжении в Польшу с целью захвата Краковской, Сандомерской и Люблинской земель армии русского князя Льва (сына умершего короля Руси Даниила), который, по словам историка, в это время считался наиболее могущественным среди русских князей как по военной силе, так и по размеру подвластных ему территорий⁷⁶³. В затеянном Львом походе, согласно Длугошу, приняли участие не только русские, но также добровольцы и наемники из татар, литовцев, ятвягов и прочих «язычников» (*ex Thartaris, Litwanis et Iaczwingis ceterisque gentilibus et voluntario et mercenario milite*), которые составили три мощные армии. В хронике мы находим свидетельства о бесчинствах захватчиков и героической обороне Сандомира. Рассказ о решающей битве выстроен по привычной схеме, апробированной в более ранних описаниях сражений поляков с русскими 1205 и 1266 гг.: отмечается многократное численное превосходство врага, а также чудесное изменение хода битвы благодаря божественному заступничеству, из-за чего «варваров вдруг обуял настолько большой страх, что все они как безумные, бросив оружие, обратились в бегство в разные стороны». Предводитель русских князь Лев в рассказе Длугоша характеризуется как трус, спасший свою жизнь ценой позорного бегства с поля битвы. Потери неприятеля в битве оцениваются автором хроники в 8 тыс. человек, еще о 5 тыс. убитых упоминается в рассказе о предпринятом польским князем Лешеком Черным ответном походе на русские земли, в результате которого Русь якобы была опустошена «вплоть до Львова». При этом численность польской армии вторжения оценивается в 32 тыс. воинов.

Описание цикла польско-русских войн в хронике Длугоша завершается рассказом об освобождении Люблина, помещенным под 1302 г. Мы уже обращали внимание на неопределенность государственной принадлежности Люблинской земли, которая, согласно реляциям все того же Длугоша, была «незаконно» захвачена Даниилом в 1344 г., после чего на владение ею регулярно претендовали также наследники этого русского князя. Под 1302 г. Длугош свидетельствует о принадлежности Люблин-

⁷⁶² *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. IV] ... P. 150.

⁷⁶³ *Ibid.* P. 210–211.

ской земли и замка русским князьям, что оценивается им как «позорное пятно» (*note infamia*), «вещь постыдная и весьма позорная» для поляков⁷⁶⁴.

Поход с целью освобождения Люблина, согласно Длугошу, был осуществлен силами краковского и сандомирского княжеств и представлен как противостояние неравных по силам противников: традиционно отмечается численное превосходство русских, на стороне которых в решающей битве выступили нанятые за деньги татары, литовцы и иные «варварские народы», а также помощь, оказанная полякам в справедливой войне Всемогущим Богом. Рассказ Длугоша заканчивается описанием осады Люблина польской армией, которая вынудила русских сдать крепость, что и привело к освобождению всей Люблинской земли⁷⁶⁵. Тот же тезис акцентирован и в хронике Стрыйковского, который засвидетельствовал завершение в 1302 г. 57-летнего периода владения Люблином «русаками», начавшегося в результате его захвата их королем Даниилом Романовичем⁷⁶⁶.

Многие подробности в описаниях русских войн Болеслава Стыдливого и Лешека Черного, а также люблинского похода, не подтверждающиеся ни польскими, ни русскими средневековыми источниками⁷⁶⁷, были вымышлены Длугошем и «закреплены» в историографической традиции благодаря сочинениям его последователей. Посредством амплификаций польский историк создал впечатление ожесточенного противостояния и, в результате, существенно преувеличил масштаб польско-русских противоречий, а вместе с тем и серьезность угрозы интересам Польши со стороны Руси, что в свою очередь явилось основанием для появления в его хронике весьма спорных описаний акций возмездия (к примеру, свидетельство о глубоком рейде тридцатитысячной армии Лешека Черного по русским землям было вымышлено Длугошем). Несмотря на это, историки XVI в. при описании войн 1266 и 1280 гг. почти буквально следовали вышеупомянутым реляциям своего предшественника⁷⁶⁸, из-за чего в польской историографии интересующей нас эпохи утвердилось представление о русском государстве второй половины XIII – начала XIV вв. как могущественном и опасном противнике Польши, который подстрекал к нападению на нее иные «варварские» народы – татар и литовцев. Вместе с тем, несмотря на всячески

⁷⁶⁴ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. V]. Lib. 9. Varsovia, 1978. P. 19.

⁷⁶⁵ *Ibid.* P. 20.

⁷⁶⁶ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 376.

⁷⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ... S. 298.

⁷⁶⁸ *Mathia de Mechow.* *Chronica Polonorum ...* P. CXLV–CXLVI, CLXXIII–CLXXV; *Martini Cromeri* *De origine et rebus...* 1555. P. 235, 247; *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. *Kronika Polska ...* S. 341–342, 357–358.

подчеркивавшуюся успешность акций польских князей, направленных на сдерживание русской экспансии, согласно реляциям Длугоша и его последователей, отмечается сбалансированность военно-политических потенциалов польской и русской сторон.

Коренное изменение баланса сил в польско-русских отношениях в XIV столетии, обернувшееся включением значительной части русских земель в состав Польши, привлекло пристальное внимание польских историков, стремившихся не только описать эти важнейшие события, но также объяснить их причины и последствия.

Поводом для вмешательства польского монарха Казимира III во внутренние дела «львовской земли и остальных провинций Руси, соседствующих с Польским Королевством», Длугош называет убийство в результате заговора русской знати мазовецкого князя Болеслава, свидетельствуя, что он в свое время получил княжескую власть на Руси на законных основаниях, «с согласия русских баронов и дворянства» (*baronum nobiliumque Russie consensu*)⁷⁶⁹. При этом польский историк подчеркивает польское (мазовецкое) происхождение Болеслава, а причиной заговора против него, ссылаясь на мнение анонимных информаторов, называет приверженность этого князя католицизму, а также отстранение им местных элит от управленческих должностей, поручавшихся иноземцам (полякам, чехам и немцам), которые высокомерно относились к русским. Последующие действия короля Казимира, таким образом, оправдываются стремлением наказать заговорщиков, расправившихся с Болеславом, которого Длугош описывает не в качестве суверенного правителя, а лишь как «управляющего» на Руси (*Russie gubernatore*).

Кроммер представляет решение Казимира подчинить Русь как завершение многовековой борьбы польских монархов за господство на славянском востоке и посвящает этому вопросу краткий исторический экскурс, который служит своеобразным идеологическим обоснованием расширения польских владений. Ссылаясь на предыдущие книги своей хроники, этот автор напоминает о том, что Руссия «была подчинена великими армиями Болеслава власти королей и князей Польши, ... имела милость нашу со своими же правителями, однако затем постепенно свергла иго, главным образом в те времена, когда Польша была разделена на множество княжеств, вовлечена в гражданские и братоубийственные войны, не имея ни времени, ни воинов для обуздания восстаний руссов»⁷⁷⁰. Таким образом, Кроммер дает понять, что поглощение русских земель представляло собой закономерное явление, обосновывая его историческими правами Польши, некогда уже подчинившей себе Русь силой оружия.

⁷⁶⁹ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. V] ... P. 215.

⁷⁷⁰ *Martini Cromeri De origine et rebus...* 1555. P. 301.

В качестве предпосылки восстановления господства Польши над русскими землями Кромер называет упадок королевства Даниила, «самого мощного и авторитетного на Руси», в результате чего значительная часть восточнославянских территорий была включена в состав Литовского княжества наследником Гедимина князем Любартом, тогда как в сфере интересов Казимира оказалась «остальная Русь, от Галиции и Львова, [которая] тяготела к Польше» (*caetera Russia, quae ab Halicia et Leopoli in Poloniam vergit*)⁷⁷¹. Таким образом, решение польского короля включить упомянутые земли в состав своих владений, согласно Кромеру, было вызвано слабостью русской государственности, проявившейся в убийстве князя Болеслава. Это событие представляется историком как превосходный повод для Казимира, «чтобы Руссию, которой его предки лишились по небрежности, благополучно вернуть под свою власть».

Дополняющим «силовой» фактор «юридическим» основанием для фактического раздела Руси между могущественными соседями Кромер (апеллируя к прецеденту все того же Любарта) называет право поляков на русские земли, порожденное матримониальными обязательствами. Этот же аргумент использует и Стрыйковский, в хронике которого прямо говорится о том, что «Русские, Львовские, Владимирские и Галицкие княжества согласно естественному праву перешли к польскому королю Казимиру по мазовецкому и русскому князю Болеславу, отравленному на Руси»⁷⁷².

Рассказы о завоевании Руси Казимиром III венчают концепции польско-русских отношений, представленные в хронографии позднего Средневековья и эпохи Возрождения, в них мы находим оценки и выводы, которые не только сыграли ключевую роль в формировании польского исторического образа славянского востока раннего Нового времени, но и оказали влияние на формирование воззрений польских историков XX в. (обращает на себя внимание сходное по идеологической направленности отношение к вопросу инкорпорации Руси в состав Польши в работах А. Прохазки, С. Закшевского, Х. Пашкевича, Б. Влодарского и др.).

Наиболее обстоятельно данный вопрос был освещен Длугошем: в его хронике использованы свидетельства современников описываемых событий, которые тем не менее оцениваются с идеологических позиций второй половины XV в. Для удобства выстраивания идеологически ангажированной концепции многие факты историк скомбинированы произвольно, а отдельные события и вовсе вымышлены.

Длугош сообщает о двух успешных походах Казимира на Русь, состоявшихся весной и летом 1340 г. Первый, весенний, поход историк связывает с осадой Львова, которая завершилась капитуляцией защитников города, сопровождавшейся «присягой верности» львовян поль-

⁷⁷¹ Ibidem.

⁷⁷² *Strzykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ...* S. 429.

скому королю и вывозом в Польшу огромных богатств из сокровищницы русских князей. Длугош свидетельствует о том, что в ходе этой экспедиции был захвачен также Владимир, благодаря чему польский король подчинил своей власти «всю Волынскую землю». Также в хронике сообщается о том, что с целью предотвращения возможных бунтов Казимир сжег деревянные крепостные укрепления в завоеванных городах и «назначил из числа своих воинов старосту для города и земли львовской» (*constituto ex militibus suis terre et civitati Leopoliensi capitaneo*)⁷⁷³.

В результате второго (летнего) похода, согласно Длугошу, Казимир «подчинил своей власти почти всю Русь» (*universam fere Russiam in suam potestatem redigit*). Историк при этом подчеркивает мощь польской армии, собранной из всех земель для похода на Русь, перечисляет русские города, захваченные войском Казимира или добровольно сдавшиеся ему, в частности упоминает Перемышль, Галич, Санок, Любачов, Требовлю, а также Луцк и Владимир. Как видим, о захвате Владимира упоминается уже второй раз, хотя о причинах «повторности» этой акции Длугош не пишет.

Под 1349 г. этот автор в очередной раз упоминает о захвате армией польского короля владимирской и луцкой земель, на сей раз указав в качестве причины сопротивление экспансии поляков со стороны литовцев, также претендовавших на эти территории. Тем же 1349 г. Длугош датирует включение в состав Польского королевства брестской и хелмской земель⁷⁷⁴.

Степень достоверности представленных в сочинении Длугоша свидетельств о вышеупомянутых событиях невелика, поскольку источники, которыми пользовался этот автор, весьма скупо описывают «русские» походы Казимира, в частности они не содержат сведений о двух походах 1340 г., захвате в это время поляками Владимира и Волыни, а также не упоминают каких-либо конкретных названий захваченных Казимиром крепостей⁷⁷⁵. В связи с этим у нас есть все основания предполагать, что эти детали были вымышлены Длугошем с целью преувеличения масштаба и значимости акции польского короля. Не случайно описание завоевания русских княжеств в хронике завершается идеологически ориентированными оценками: Длугош полагает, что именно оно привело к «объединению и присоединению Руси к Польскому королевству на вечные времена в качестве провинции» (*Russie ... in formam provincie redactam Regno Polonie perpetuo applicat, incorporat, unit et annectit*), после чего она «никогда не отказывалась от повиновения и покорности»,

⁷⁷³ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. V] ... P. 216.

⁷⁷⁴ *Ibid.* P. 254.

⁷⁷⁵ Подробнее об этом см.: *Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza ...* S. 358.

«всегда продолжала пребывать в искренней, нерушимой и преисполненной преданности верности»⁷⁷⁶.

Эти патетические высказывания, представлявшие идиллическую картину соединения Руси с Польшей, не отражали действительного положения вещей, поскольку в сочинении Длугоша были приведены весьма противоречивые данные об отношении самих русских к польской экспансии.

Так, с одной стороны, этот автор сообщает об открытом сопротивлении «некоторых знатных русских» (*nonnulli ex Russie nobilibus*) установлению польского господства⁷⁷⁷. Чаще всего в качестве причины неприятия власти поляков называется приверженность русских «схизматическому обряду», отстаивая который, они, по словам Длугоша, готовы были «вытерпеть самое худшее». В этой связи в хронике подчеркивается готовность польского короля дать гарантии сохранения религиозной самобытности Руси, благодаря чему ему удалось превратить в своих подданных большую часть православного населения завоеванных территорий⁷⁷⁸. Свидетельствуя о непримиримых противниках польской экспансии, «пытавшихся путем частых походов оказать сопротивлению королю Казимиру», Длугош отмечает их нерешительность, вызванную «страхом перед силой короля», неспособность собственными силами вести войну с поляками (что вынуждало искать поддержки у татар) и, наконец, бесславный конец повстанческого движения, участники которого «после многочисленных войн были сломлены, погибли почти полностью и были рассеяны»⁷⁷⁹. В качестве примера потерпевшей крах антипольской акции русских в хронике Длугоша под 1344 г. помещен рассказ о восстании Дятко (у Длугоша: *Daszko*) и Даниила из Острова (*Daniel de Ostrow*), которое приобрело широкий размах и всерьез угрожало интересам Польши благодаря вооруженной поддержке, оказанной повстанцам татарским ханом⁷⁸⁰.

С другой стороны, упоминая о добровольной сдаче многих крепостей во время походов польского короля Длугош свидетельствует о том, что «многие среди русских бояр и дворянства желали для себя его правления» (*plerisque nobilibus et boyaris Russie principatum suum ultro expetentibus*)⁷⁸¹. В хронике мы также находим свидетельства о случаях перехода отдельных русских князей, потерпевших поражение в войнах с Казимиром, «в милость в качестве ленников» (*in gratiam et feudum*),

⁷⁷⁶ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. V] ... P. 217.

⁷⁷⁷ *Ibidem*.

⁷⁷⁸ *Ibid.* P. 216.

⁷⁷⁹ *Ibid.* P. 217.

⁷⁸⁰ *Ibid.* P. 233–234.

⁷⁸¹ *Ibid.* P. 217.

благодаря чему им возвращались их прежние владения⁷⁸². Одним из факторов раскола русских элит Длугош называет назначение отдельных представителей знати, которые принимали католическую веру, на «профессиональные и почетные общественные должности» (*professis officia dignitatesque publice*), что делало привлекательным сотрудничество с поляками и ослабляло повстанческое движение⁷⁸³.

Наряду с сопротивлением завоеваниям Казимира самих русских Длугош и его последователи считают серьезной угрозой для расширения владений польской монархии за счет Руси противодействие со стороны соседних держав – Литвы и Венгрии.

Мы уже упоминали о том, что проводившаяся литовскими князьями из рода Гедимины политика аннексии русских земель трактовалась Длугошем и его последователями как прецедент, оправдывавший аналогичные притязания польской монархии. Однако стремление к расширению сферы влияния Польши и Литвы обернулось нарастанием двусторонних противоречий, которые в польской хронографии интересующей нас эпохи связывались с обоюдными попытками захвата отдельных спорных русских земель, прежде всего Волыни. Главным противником Казимира III в борьбе за эту область Длугош называет сына Гедимины Любарта (*Lubardus*), который, по словам историка, «изгнав старых русских князей» (*eiectis antiquis Russye principibus*), занял луцкую землю, что и привело к открытому польско-литовскому конфликту (датирован 1349 г.), согласно Длугошу, завершившемуся захватом поляками Луцка и Владимира, а также брестской и хелмской земель⁷⁸⁴.

Констатируя агрессивные намерения литовских князей в отношении уже полностью подчиненной Польскому королевству Руси Длугош под 1351 и 1366 гг. описывает новую войну Казимира с литовскими князьями Любартом и Кейстутом, оспаривавшими право польской монархии на владение белзской, брестской, хелмской землями, а также Луцком и Владимиром⁷⁸⁵. Историк свидетельствует, что победного итога в этой войне (возвращения в состав Польши части вышеупомянутых спорных русских территорий) Казимиру удалось добиться с большим трудом, при значительной поддержке Венгрии. По результатам войны, согласно Длугошу, было осуществлено размежевание владений польского короля и литовских князей: при этом упоминается о закреплении за Польшей Луцка и Владимира, а также о передаче двух земель в лен лояльным по отношению к Казимиру литовским князьям: белзской земли – князю Георгию и части владимирской земли – князю Александру, которые рассматривались в качестве альтернативы враждебному полякам Любарту.

⁷⁸² Ibid. P. 255.

⁷⁸³ Ibid. P. 223.

⁷⁸⁴ Ibid. P. 254.

⁷⁸⁵ Ibid. P. 261–262, 331–332.

О принадлежности прочих спорных русских территорий – брестской и хелмской земель – в данном случае Длугош ничего не сообщает.

Окончательное урегулирование спора Польши и Литвы относительно принадлежности Руси Длугош связывает с династической унией этих двух государств, ставшей результатом женитьбы литовского князя Ягелло-Владислава на польской королеве Ядвиге. При этом в его хронике в качестве важнейшего условия заключения соглашения об унии названо присоединение к Польше земель, принадлежавших литовским князьям «по праву наследственного титула и приобретенного права». Это обстоятельство акцентировано упоминанием о том, что, став супругом Ядвиги и приняв католичество, Ягелло «земли Литвы, Самагиттии и Руси ... приписал навсегда Польскому королевству, объединил с ним, включил в него, присоединил и связал в целое» (*terrasque Lithwanie, Samagittie et Russie ... Regno Polonie perpetuo inscripsit, univit, invisceravit, adiunxit et incorporavit*)⁷⁸⁶. Тем самым Длугош обосновывает право новой королевской династии на всю Русь, дополняя свою декларацию о «вечных» правах Польши на русские земли, захваченные Казимиром III силой оружия, декларацией о принадлежности ей «литовской» Руси на основании брачного договора Ягелло-Владислава и Ядвиги.

Единственной державой, способной в последних десятилетиях XIV в. оспорить право польской монархии на завоеванные Казимиром III русские земли, Длугош считает Венгерское королевство. В его хронике причиной польско-венгерского конфликта, связанного с разделом Руси, названа политика занявшего вакантный польский трон после смерти Казимира III венгерского короля Людовика, который, «обратив внимание на плодородие и счастливое положение русских земель, ... постановил их включить в состав Венгерского королевства».

Под 1377 г. Длугош упоминает об устранении из русских земель опольского князя Владислава, «который по обыкновению назывался русским князем» и разделе его владений в держание венграм, «несмотря на сопротивление и возражение со стороны поляков». Эти действия Людовика в отношении русских земель автор хроники трактует как «распад единства Польского королевства», считает их отторжение акцией, противоречащей праву и справедливости⁷⁸⁷. Как недружественную акцию со стороны венгров Длугош также трактует состоявшуюся после смерти Людовика в 1382 г. продажу некоторых из русских замков (Каменьца, Олеско, Гродло, Лопатина и Снятина), «некогда захваченных Казими-

⁷⁸⁶ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. VI/1]. Lib. 10: 1370–1405. Varsavia, 1985. P. 154.

⁷⁸⁷ *Ibid.* P. 58–59.

ром ценой польской крови», литовскому князю Любарту, в то время также владевшему Луцком⁷⁸⁸.

Под 1390 г. в Длугош описывает поход польской королевы Ядвиги на Русь, целью которого называет «объединение и присоединение к Польскому королевству» прочих отторгнутых венграми от Польши «русских» владений. Историк свидетельствует о взятии штурмом армией Ядвиги или посредством добровольной капитуляции Перемышля, Ярослава, Грудка, Галича, Требовля, а также города Львова. Итогом войны Длугош называет изгнание из русских земель венгров и силезцев, поручение завоеванных замков польским панам и их возвращение в состав Польского королевства⁷⁸⁹.

Последователи Длугоша не во всем строго следуют его интерпретации событий 40–80-х гг. XIV в.. Меховий существенно сокращает реляции Длугоша, делает акцент на польско-литовских противоречиях в борьбе за Русь, но при этом почти не уделяет внимания конфликту Польши с Венгрией. Кромер и почти буквально передавший данный фрагмент его сочинения Стрыйковский посвящают данному вопросу компактные очерки, содержащие помимо реляций, заимствованных у Длугоша, также и новые сведения. В частности, не указывая продолжительности и каких-либо конкретных дат «русских» войн Польши и Литвы, Кромер сообщает, что после захвата Львова, Перемышля, Санок, Галича, Требовля, Любачова (*Lubassovia*) и Тустаня армия Казимира дошла «аж до самого Кременца» (*ut ad Stemeneciam*)⁷⁹⁰, после чего польский король, согласно свидетельствам этого автора, достиг соглашения литовскими князьями Явнутом, Кейстутом, Ольгердом и Любартом – сыновьями Гедимины, а также его внуками «двумя Георгиями», сыновьями Наримунта и Кориата⁷⁹¹, относительно раздела польских и литовских владений на Руси. В сочинении Кромера содержатся сведения об условиях этого соглашения, в частности упоминается о передаче Кременца в держание [Георгию] Наримунтовичу, а также о сохранении в течение двух лет за литовскими князьями Владимирской, Луцкой, Белзской, Хелмской и Брестской «держав» (*ditiones*). В качестве причины такого решения Казимира названо его стремление склонить ли-

⁷⁸⁸ Ibid. P. 103.

⁷⁸⁹ Ibid. P. 182.

⁷⁹⁰ Ни Тустань, ни Кременец не упоминались Длугошем и Меховием в числе крепостей захваченных армией Казимира.

⁷⁹¹ В данном случае сведения Кромера и Стрыйковского расходятся. Тогда как Кромер пишет о «двух Георгиях» – Наримунтовиче и Кориатовиче как участниках соглашения с польским королем, Стрыйковский упоминает лишь о Юрии Наримунтовиче.

товских князей к нейтралитету с целью стабилизации ситуации⁷⁹². В дальнейшем в хронике Кромера также упоминается об обновлении данного соглашения и закреплении за литовским князем Любартом замков на Волыни, а за Кейстутом – в Полесье или на Подлясье (**in Polessensi sive Podlessensem**). В рамках нового соглашения, согласно Кромеру, также оговаривалось посредничество венгерского короля в случае возникновения конфликтной ситуации в польско-литовских отношениях⁷⁹³.

Таким образом, в отличие от Длугоша, Кромер и Стрыйковский представляют инкорпорацию Руси в состав Польского королевства в совершенно ином свете: делают акцент не на «силовом», а на «юридическом» разделе Руси между Польшей и Литвой. Эти авторы также акцентируют то обстоятельство, что именно вышеупомянутое соглашение с литовскими князьями позволило Казимиру III обустроить присоединенные к Польскому королевству русские земли: а именно, назначить здесь своих воевод (*Palatinos*), каштелянов, префектов, судей и других «магистратов», распространить на них нормы польского права, с гарантией сохранения на Руси «старинного религиозного обряда». Описание Кромера завершается крайне важным с идеологической точки зрения указанием на то, что и «до настоящего времени эта часть России от Польши никаким публичным решением не отделена» (*neque deinceps consilio publico ea pars Russiae a Polonis desciiuit*)⁷⁹⁴. Сходную оценку этих решений Казимира дает в своей хронике и Стрыйковский⁷⁹⁵.

Последующие польско-литовские и польско-венгерские конфликты, связанные с разделом Руси, Кромер описывает, опираясь преимущественно на Длугоша и венгерского хрониста Бонфини, а Стрыйковский – на Кромера. При этом Кромер не только иначе компоует материал Длугоша, но и в ряде случаев относится к реляциям предшественника критически, указывая на фактические неточности в его сочинении

⁷⁹² Кромер в разных редакциях своей хроники использует различные формулировки для обозначения мотива Казимира. В редакции 1555 г.: ... *ad cetera impedimentum* (*Martini Cromeri De origine et rebus...* 1555. P. 302); в редакции 1589 г.: ... *ad caetera stabilienda impedimentum* (*Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia ...* P. 207). В обоих случаях следует понимать это выражение такими образом, что польский король стремился решить какие-то иные проблемы и для этого нуждался в перемирии с литовцами. В польском переводе Пашкевича имеется указание на то, что Казимир стремился «утвердить свою власть в иных русских державах», о чем прямо не упоминается в латинском оригинале. Стрыйковский перевел фразу, призванную проиллюстрировать мотив Казимира, следующим образом: *do gruntowania czego inszego* (*Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 429).

⁷⁹³ *Martini Cromeri De origine et rebus...* 1555. P. 302.

⁷⁹⁴ *Ibid.*

⁷⁹⁵ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S.429.

(касающиеся имен литовских князей, противостоявших полякам⁷⁹⁶ и городов, становившихся предметом борьбы двух стран⁷⁹⁷) и исправляя их. Использование труда Бонфини позволило этому автору несколько дополнить реляция Длугоша о попытках Венгрии перераспределить в свою пользу русские земли, ранее завоеванные Казимиром III.

Кроммер и Стрыйковский почти буквально повторяют представленную в хронике Длугоша трактовку статуса «литовской» Руси после восшествия Ягелло на польский трон. Кроммер пишет о том, что новый польский король «ту часть Руси, которая была в составе его державы, к Польше навечно по праву присоединил, сделал единым целым и скрепил [это решение] клятвой» (*ea parte Russiae, que in ditione eius erat, Polonie iure sempiterno adiunxit et in unum corpus redigit iureiurando interposito*)⁷⁹⁸. Стрыйковский при оценке данного акта пишет о соединении Руси и Польши Ягелло «вечным правом в едином теле» (*prawem wiecznym przyłączył, w jedno ciało spoił*) и подтверждении этого акта присягой – однако, в отличие от Кроммера, акцентирует также то обстоятельство, что русские земли были в свое время захвачены литовцами силой (*Ruskie krainy, których był mocą dostał*)⁷⁹⁹.

Как можно видеть, предложенная Длугошем концепция инкорпорации Руси Польским королевством была лишь в отдельных деталях пересмотрена его последователями. Завоевательные походы Казимира III и коронация Ягелло-Владислава в ней символизировали прекращение отношений Польши и Руси в качестве формально равноправных и самостоятельных субъектов. Русские земли, ставшие частью Польши и Литвы, рассматривались в исторических сочинениях лишь как их провинции, их история окончательно сливается с историей польского государства и народа.

Таким образом, на страницах сочинений польских исторических сочинений конца XV–начала XVII вв. была представлена многовековая история взаимоотношений Польши и русских земель, а также освещена роль соседних стран – прежде всего Венгрии и Литвы – в польско-русских контактах. Как мы могли убедиться, отношения двух стран описывались с полоноцентристских позиций, концепции польских авторов создавались в интересах правящих элит польского королевства, зани-

⁷⁹⁶ Кроммер поправляет Длугоша, называвшего противником Казимира в польско-литовской войне 1351 г. за обладание Львовом князя Кейстута, в свою очередь утверждает, ссылаясь на венгерскую хронику Бонфини, что этим князем был Любарт (*Martini Cromeri De origine et rebus... 1555. P. 308*).

⁷⁹⁷ При описании одного из эпизодов польско-литовской войны Кроммер высказывает предположение, что Длугош неверно называет предметом спора двух стран Галич, вместо Владимира, аргументируя свое исправление тем, что Галич в это время находился под контролем Венгрии и Валахии, а не Литвы (*Ibidem*).

⁷⁹⁸ *Ibid.* P. 353.

⁷⁹⁹ *Strzykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 474.*

мавшего в период их создания господствующее положение в Восточной Европе.

Базовая концепция отношений Польши и Руси была изложена в хронике Длугоша и лишь в отдельных деталях пересмотрена его последователями. Она представляла собой сконструированную в «полоноцентристском» ключе комбинацию тенденциозно подобранных реляций о действительно имевших место событиях с авторским вымыслом, которая давала возможность *post factum* обеспечить исторической легитимацией польскую экспансию на русские земли.

В польских концепциях содержание достаточно противоречивых польско-русских отношений сводится лишь к одной тенденции: доминированию Польши. Такой эффект был достигнут благодаря ярким художественным рассказам об осуществлявшихся на протяжении четырех столетий успешных военно-политических акциях польской монархии, направленных на установление политического господства на русских землях, в которых прежде всего были акцентированы победоносные «русские» войны польских королей. «Польская» политика русских князей, напротив, изображалась лишь как череда преимущественно неудачных попыток освободиться от «польского ига». Правители Руси при этом четко разделялись в его сочинении на лояльных по отношению к польской монархии князей и «бунтовщиков».

Для подтверждения основополагающей тенденции развития двусторонних отношений польские историки акцентировали знаковые событийные вехи («русские» походы Болеслава I, Болеслава II, Казимира II и Казимира III, противостояние Польши политике Венгрии и Литвы, оспаривавших ее право на владение русскими землями), а также подчеркнуто предвзято оценивали деятельность польских и русских исторических личностей, сыгравших наиболее важную роль в истории двусторонних отношений (характерны примеры «героизации» польского короля Болеслава Храброго и «демонизации» русского князя Романа Галицкого).

В качестве кульминационного события в истории польско-русского противостояния характеризовалась «русская» война короля Казимира III, в результате которой земли Червоной Руси были включены в состав польского государства, а в дальнейшем осуществлено размежевание сфер влияния Польши и Литвы на славянском востоке, юридически оформленное в 1385 г. после заключения династической унии этих двух государств, «навечно» закрепившей русские провинции за династией Ягеллонов.

Функциональность данной мифологизированной концепции трудно переоценить, поскольку благодаря ее утверждению в историческом сознании не только польских, но и европейских элит на многие столетия закрепился стереотип необратимости подчинения русских земель Польше, что способствовало развитию комплекса превосходства польских политических и культурных ценностей, обернувшегося в свою очередь

принижением роли цивилизационного потенциала восточного славянства польскими интеллектуалами Нового времени.

4. 4. *Russia vs Lithuania*

Представления о взаимоотношениях Литвы и средневековых восточнославянских княжеств

Вопросы взаимоотношений Литвы и Руси привлекали внимание польских историков конца XV–начала XVII вв. в силу особенностей политической организации польско-литовского союза, преобразованного в 1569 г. в «Речь Посполитую двух народов». Литва, занимавшая в структуре этого союза место младшего, но равноправного партнера Польши, накопила немалый опыт взаимодействия с восточнославянскими элитами. Интерес польских интеллектуалов вызывали взаимоотношения литовцев как с теми русскими землями, которые впоследствии оказались в составе Великого княжества Литовского, так и с теми княжествами Руси, которые не были подчинены литовским князьям и взаимодействовали с литовским государством как равноправные субъекты региональной политики (Москва, Тверь, Новгород, Псков).

Следует отметить, что «литовско-русские» известия крайне редко встречаются в сочинениях средневековых польских хронистов – Винцентия Кадлубка и автора «Великопольской хроники». Впервые эта тема нашла отражение на страницах хроники Длугоша и получила значительное развитие в сочинениях Стрыйковского и Гваньини. Прочие польские авторы интересующей нас эпохи – Меховий, Бельский и Кромер – как правило, лишь повторяли свидетельства этих историков, касавшиеся данного вопроса.

Длугош вовсе не был осведомлен о характере отношений Литвы и Руси на ранних этапах складывания их государственности. Первое известие о литовско-русском конфликте в хронике этого автора помещено лишь под 1205 г.⁸⁰⁰ При этом литовцы характеризуются им как дикий языческий народ, «имя которого прежде было не известно», а также указывается на то, что они «были рабами русских» и уплачивали им дань в натуральной форме⁸⁰¹. В очерке истории Литвы, предшествующем описанию событий, связанных с восшествием на польский престол литовского князя Ягелло-Владислава, Длугош вновь упоминает

⁸⁰⁰ Формально самое раннее упоминание о разорении русских земель литовцами, предпринятом совместно с пруссами, в хронике Длугоша мы находим под 1103 г. (*Historia Polonica Joannis Długosi ...* P. 319). Какими-либо иными источниками эта реляция не подтверждается. А.В. Назаренко высказал предположение, что хронист «добавил» литовцев к пруссам произвольно, тогда как упоминание о последних было результатом неверного понимания слова «прузи» (саранча) в сообщении русского летописца (*Щавелева Н. И. Древняя Русь... С. 405, 410*).

⁸⁰¹ *Historia Polonica Joannis Długosi ...* P. 535–536.

о зависимости древних литовцев от киевских князей, получавших с Литвы весьма скудную дань «в силу неурожайности и убожества этой страны» лишь для того, чтобы обозначить ее подчиненное положение. Здесь польский автор также обращает внимание на то обстоятельство, что первоначальный характер некогда дикого и языческого народа литовцев⁸⁰², существенно переменялся «в результате сожительства и смешивания с русскими» (*Ruthenice convictus et comixtio*), хотя и не был разрушен полностью⁸⁰³.

Мнение Длугоша о неизвестности литовцев и их зависимости от русских воспроизведено в сочинениях Меховия, Кромера и Бельско-го. Стрыйковский, опиравшийся на неизвестные его предшественникам летописные памятники литовско-русского происхождения (прежде всего протограф хроники Быховца)⁸⁰⁴, кратко информирует читателей о достижениях своих предшественников, однако категорически опровергает вышеупомянутую точку зрения, напротив стремится доказать древность происхождения литовского народа, в связи с чем описывает успешные военно-политические акции литовских князей, которые, согласно реляциям этого автора, уже в XI в. оказывали русским достойное сопротивление. В 3-й книге хроники Стрыйковского под выносной глоссой «Первый литовский поход на русские земли» мы находим краткий рассказ об инициированной внуками легендарного праотца литовцев Палемона князьями Кернусом (*Kiernus*) и Гымбутом (*Gymbut*) войне с Русью, в ходе которой была предпринята попытка захвата принадлежавшего Полоцкому княжеству города Браслава и разорения приграничных с Литвой русских земель. Польский историк оценивает итоги войны как победу литовцев и считает ее последствием создание русскими для предотвращения дальнейших нападений с их стороны оборонительных укреплений⁸⁰⁵. «Русскую» войну Кернуса и Гымбута Стрыйковский датирует 1065 г., однако о каких либо иных аналогичных акциях литовских

⁸⁰² Длугош преувеличивает отсталость Литвы и акцентирует ее приверженность язычеству именно в этом разделе своего сочинения не случайно. Н. Н. Улащик причиной столь негативных оценок Длугоша называет стремление этого историка показать, «насколько дикой была языческая Литва, чтобы тем подчеркнуть величие осуществленного Ягайлом и поляками дела – христианизации последнего в Европе языческого народа» (*Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 135).

⁸⁰³ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. VI/1] ... Р. 166.

⁸⁰⁴ Подробнее о летописных источниках сочинений Стрыйковского, в тех их фрагментах, которые содержат свидетельства об истории литовско-русских отношений см. в работах: *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985; *Улащик Н. Н.* «Литовская и жмойтская кройника» и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского // *Славяне и Русь*. М., 1968; *Погов А. И.* Русско-польские культурные связи ... С. 128.

⁸⁰⁵ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska ... S. 83.

князей, относящихся к последующим полутора столетиям не упоминает. Несмотря на то, что вышеупомянутые свидетельства Стрыйковского являются очевидным вымыслом, основанным на «легендарных» известиях протографа летописца Быховца⁸⁰⁶, рассказ о победоносных для Литвы войнах с Русью был весьма функционален для концепции этого польского автора, поскольку позволял героизировать начальную историю литовской династии Палемоновичей посредством указания на военно-политические успехи ее первых князей.

Первые достоверные сведения о литовско-русских отношениях, заимствованные польскими историками из источников русского, литовско-русского и польского происхождения, касаются событий XIII в. Согласно Длугошу, именно в это время их характер существенно изменился, так как литовский народ всего за несколько десятилетий из «толпы рабов» превратился в серьезную силу, с одной стороны, представлявшую угрозу для русских князей, а с другой – нередко использующую ими же в качестве наемников в войнах против Польши.

В «литовско-русских» известиях хроники Длугоша, относящихся к началу XIII в., чаще упоминается о конфликтах двух народов. Под 1205 г. Длугош, Меховий и Кромер очень кратко описывают первое нападение литовцев на Русь, свидетельствуя о том, что оно ценой больших потерь было отбито «князьями Ольговичами» (заимствованное из русских летописей обобщенное имя сыновей черниговского князя Олега Святославича)⁸⁰⁷. Во фрагментах сочинений этих историков, посвященных событиям второй половины XIII в., литовцы чаще изображаются в качестве союзников русских князей в войнах с Польшей (описаны совместные русско-литовские нападения на Мазовию, участие литовских наемников в акциях русских, направленных против малопольских князей на рубеже XIII и XIV вв.). О претензиях литовцев на русские земли упоминается лишь однажды: под 1267 г. Длугош пишет об убийстве русским князем Львом литовского князя Войшелка и указывает в качестве его причины «спор за владение некоторыми русскими землями»⁸⁰⁸.

Упорядоченного рассказа о подчинении княжеств Руси Литве в хронике Длугоша мы не находим. Коренной перелом в литовско-русских отношениях Длугош связывает с деятельностью Витеня (Vithenen) и Гедимины. Витень, по словам историка, «первый взбунтовался против русских, сам встал во главе народа, коварными атаками победил русских князей... и постепенно до такой степени вырос в силах, что, сбросив

⁸⁰⁶ Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. XXXII. М., 1975. С. 129.; отметим, что реляция Стрыйковского более обстоятельна, нежели летописный рассказ, и содержит авторскую оценку описываемого события.

⁸⁰⁷ *Historia Polonica Joannis Dlugossi ...* P.535–536; *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ...* P. CXIII; *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 183.

⁸⁰⁸ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. IV] ...* P. 157.

их ярмо, даже принудил Русь к уплате ему дани, которую он сам много лет платил»⁸⁰⁹. Гедимин, согласно Длугошу, в период своего правления «отторг» значительные земли от Руси и разделил их между сыновьями. Польский историк перечисляет русские земли, составившие наследство Гедиминовичей, что позволяет читателю его сочинения получить представление о масштабе завоевания Руси, осуществленного их отцом. В частности, владением Монтвида назван Слоним, Наримунта – Пинск, Кориата – Новогрудек. В хронике Длугоша также упоминается о наследовании русских земель сыновьями Гедимины в результате династических браков: Ольгердом – Витебского княжества, а не названным по имени «седьмым и последним» сыном Гедимины (имеется в виду Любарт) – Львовского и Владимирского княжеств⁸¹⁰. Владельцем Луцкой земли, изгнавшим оттуда «старых русских князей», Любарт также назван во фрагменте хроники, посвященном польско-литовским войнам за Волинь⁸¹¹. О каких-либо иных русских владениях литовских князей Длугош не упоминает.

Таким образом, в сочинении Длугоша, а также следовавших ему более поздних польских авторов – Меховия и Кромера, установление господства литовских князей на русских землях отнесено к рубежу XIII и XIV вв. При этом описание литовской экспансии на Русь неконкретно и неполно: вовсе не упоминается о включении в состав Литвы Брестской земли, Подляшья, Черниговского, Полоцкого, Смоленского, Северского княжеств и, наконец, самого Киева. Появление этих лакун можно объяснить неизвестностью Длугошу источников литовско-русского происхождения. Эти памятники для освещения истории литовской экспансии на русские земли впервые были привлечены лишь Стрыйковским, который предпринял попытку согласования содержащихся в них сведений с описанием истории отношений Польши и Руси, которое в его хронике было основано на свидетельствах Длугоша, а также известиях восточнославянских летописей галицко-волинского и киевского происхождения. В свою очередь, материалы Стрыйковского в несколько переработанном виде были представлены на страницах латинской хроники Гваньини, благодаря которой о литовско-русских отношениях были проинформированы европейские читатели.

Стрыйковский при создании своей концепции литовско-русских отношений XIII–XV вв., представленной в трех его сочинениях – «Посланнике добродетели», повести «О началах» и хронике (различия

⁸⁰⁹ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. V] ... Р 166; широкую известность это свидетельство Длугоша о Витовте получило благодаря его пересказу Меховием в «Трактате о двух Сарматиях» (*Матвей Меховский Трактат ...* Р. 176).

⁸¹⁰ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. VI/I] ... Р. 92.

⁸¹¹ *Ibid.* Р. 254; О всех перипетиях польско-литовской борьбы за спорные русские земли в освещении Длугоша мы подробно рассказывали в предыдущем разделе нашей работы.

между ними весьма существенны⁸¹²), подчиняет свидетельства использовавшихся им источников собственному пониманию ситуации в региональной политике. В результате, известия, отражающие историческую действительность, тесно переплетаются с вымышленными реляциями, так как летописные памятники литовско-русского происхождения, посвященные событиям первой половины XIII в., содержали немало легенд, призванных возвеличить и «удревнить» историю литовского государства и правящей династии⁸¹³. Именно благодаря легендарному элементу образ литовско-русских отношений, представленный на страницах сочинений Стрыйковского, разительно отличается от представлений его предшественников.

Важнейшей предпосылкой коренного изменения баланса сил во взаимоотношениях литовцев и русских Стрыйковский в повести «О началах» и хронике называет поражение армии Романа Галицкого от поляков под Завихостом. По свидетельству историка, в предшествующий этому событию период Литва находилась под властью князей Руси, уплачивала им дань, но при этом нередко «выходила из подданства как народ языческий, беспокойный и вольнолюбивый», что вынуждало русских проводить против литовцев карательные акции, а в качестве наказания принуждать их к «скотским работам, для которых предназначались кони и волы»⁸¹⁴. Называя Романа «главным польским и литовским врагом»

⁸¹² В наиболее зрелом виде концепция литовско-русских отношений представлена Стрыйковским в хронике. Именно к этому источнику мы будем обращаться для ее описания, учитывая особенности освещения тех или иных сюжетов в более ранних работах этого автора.

⁸¹³ А. И. Рогов считает источником представлений Стрыйковского о легендарном периоде истории Литвы «памятники фольклора, в самостоятельном виде не дошедшие до нас» и содержащиеся в летописцах «типа Быховца», а также допускает возможность «литературного развития» польским автором рассказов использовавшихся им летописей (*Рогов А. И. Русско-польские культурные связи ... С. 128*). В связи с тем, что из источников хроники Стрыйковского многие не сохранились до наших дней, а в ее тексте ссылки на летописные памятники весьма условны, весьма непросто отделить заимствования из летописей от фрагментов добавленных самим историком. В любом случае применительно ко многим разделам его сочинения, относящимся к событиям первой половины XIII в. мы можем говорить о комбинации заимствованных и авторских «вымыслов». Н. Н. Улащик полагает, что авторские фантазии Стрыйковского в большей степени нашли отражение в повести «О началах», тогда как при составлении хроники историк «стал больше следовать за своими источниками, тоже, впрочем, достаточно фантастическими» (*Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания ... С. 153*).

⁸¹⁴ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 238; о жестоком обращении с подвластными Руси литовцами Стрыйковский упоминает также в повести «О началах» (Strykowski M. O początkach ... S. 156).*

(główny Polski i Litewski nieprzyjaciel)⁸¹⁵, Стрыйковский тем не менее упоминает об участии литовских и ятвяжских отрядов в битве под Захихостом на стороне русских⁸¹⁶.

Победу поляков, «надломившую русскую мощь», хронист считает шансом для литовцев выступить против своих поработителей, ослабленных поражением. В отличие от Длугоша, Меховия и Кромера, кратко засвидетельствовавших лишь сам факт столкновения литовской и русской армий в 1205 г., Стрыйковский во всех подробностях описывает эту войну, а решающей битве Ольговичей с литовцами посвящает обстоятельный стихотворный рассказ. При этом в качестве предводителей литовцев упоминаются два «выборных» вождя, названных «гетманами» – Живибунд (Ziwbund) и Монтвил (Montwil), а также перечисляются русские земли, подвергшиеся их нашествию – Новгородские волости, Луцк, Владимир, Мозырь (Mozer) и Пинское княжество. Местом решающей битвы двух армий, завершившейся победой русских, названы Слонимские поля.

Поражение от Ольговичей, согласно Стрыйковскому, не привело к умиротворению литовцев. При этом польский автор стремится выявить причины коренных изменений характера взаимоотношений двух народов. В 6-й книге хроники им отмечается, что «в дальнейшем Литва непрерывно причиняла вред Руси, предавая ее огню», воспользовавшись внутренними распрями русских князей, «благодаря согласию выросла из ничего состояния в великую державу», куда в конечном итоге была перенесена столица древней Киевской монархии (Kijowska monarchia dawna ... dla niezgody do Litwy swój stolec przeniosła, / Litwa z niszczonego zgodą w wielki stan urosła)⁸¹⁷. В стихотворном фрагменте повести «О начале» Стрыйковский вновь акцентирует то обстоятельство, что Литва, воспользовавшись несогласием среди русских князей, «подняла рога» и утвердилась в их «отчизнах» благодаря своему единству (Litwa ... gdy niezgoda u ruskich książąt rogi wzniosła ... w ich ojczyznach zgodą swą osiadła)⁸¹⁸.

Другой важной причиной роста могущества Литвы Стрыйковский считает «преломление мощи русских князей» татарами. Следуя ошибочной хронологии Длугоша, этот автор под 1211 г. описывает разгром русских и половцев татарами в битве на реке Калке⁸¹⁹ и именно это со-

⁸¹⁵ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 240.

⁸¹⁶ *Ibid.* S. 239.

⁸¹⁷ *Ibid.* S. 244.

⁸¹⁸ *Strykowski M.* O początkach ... S. 154.

⁸¹⁹ Длугош и его последователи датировали битву на реке Калке 1212 г. Стрыйковский указывает более раннюю дату – 1211 г., хотя и оговаривается, что «согласно некоторым» это событие могло произойти в 1118 г. (в хронике очевидная опечатка, ее автор явно имел в виду 1218 г.). Согласно русским летописным источникам, битва на Калке произошла в 1223 г.

бытие связывает с началом решительной экспансии литовских князей на восточнославянские земли⁸²⁰.

Прямым следствием разгрома русских татарами на Калке Стрыйковский считает «русские» походы Монвила и Живибунта, датированные в повести «О началах» 1214, 1215 и 1216 гг., а в хронике 1213, 1214, 1216 и 1217 гг.⁸²¹ Итогом похода 1217 г. в обоих этих сочинениях называется аннексия непосредственно прилегавших к историческим литовским землям русских замков – Новогрудка (Nowogródek), Гродно, Бреста (Brzeście), Дрогичина, Мельника, Суража (Suraz), Браньска (Bransko) и Бельска (Bielsko), владельцем которых назван Монвил Эрдзивилович. Польский историк акцентирует то обстоятельство, что захваченные литовцами города к этому времени уже «были разрушены царем Батьем» (przez Bateja carza zburzone), в связи с чем их жители не только не оказали сопротивления Эрдзивилу, который «любезно взял их под защиту», но и «добровольно принесли ему присягу верности» (przyjął w obronę łaskawie, a oni mu też wszyscy posłuszeństwo przysięgli dobrowolnie)⁸²². В результате, Эрдзивил назван «первым князем Русским Новгородским» (pierwszy Wielki Książ Ruski Nowogrodzki).

В дальнейшем Стрыйковский стремится всячески акцентировать роль литовских князей как покровителей принадлежавших им русских земель в условиях нараставшей татарской угрозы. Так, в 11-й главе 6-й книги его хроники содержится обстоятельное описание столкновения возглавлявшейся Эрдзивилом объединенной литовско-русской армии с ордами соратника Батыя «заволжского царя Кайдана». Эрдзивил представлен здесь как правитель Новгородского, Подляшского, Брестского, Дрогичинского русских княжеств и прочих земель «от Вилии

⁸²⁰ В качестве главной причины начала экспансии литовских князей разорение Руси Батьем представлено также в хронике Гваньини, где почти буквально передается содержание соответствующего фрагмента «Посланника добродетели» Стрыйковского (Для сравнения: *Goniec Cnothy do prawdziwych slachciczów, przez Matysa Strykowiusa uczyniony [...] // Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe [...]. T. II. Warszawa, 1846. S. 540; Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae cum suis ducibus, provinciis, palatinatibus, civitatibus et castris praecipuis, morumque gentis, originis, religionis antiquae compendiosa descriptio. Cracoviae, 1578. F. 3v).*

⁸²¹ Описание литовско-русских войн данного периода в этих двух сочинениях Стрыйковского различается не только в датах. В повести польский автор подробно рассказывает о неудачном походе армии, возглавлявшейся сыновьями Монвила Викинтом и Неменом, на Полоцк, в котором Немен погиб. В результате, причиной последующих войн их отца против русских в этом сочинении называется месть за гибель сына, на что в хронике нет никаких указаний (для сравнения: *Strykowski M. O początkach ... S. 170–171; Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 266).*

⁸²² *Ibid.* S. 266.

до Мозыря»⁸²³. Согласно Стрыйковскому, этот князь в символической форме отверг требование уплаты дани со стороны могущественного татарского царя (послал ему в подарок стрелы вместо драгоценностей из золота), предьявлявшееся ко всем иным покоренным татарами русским землям, что и привело к войне. Польский историк отмечает роль Эрдзивила как выдающегося военного организатора, сумевшего сплотить для отпора татарскому нашествию военные силы из литовских и русских земель (упоминается об участии отрядов с Новогрудка, Слонима и Пинска) и нанести, благодаря этому, поражение татарской армии в решающей битве, состоявшейся в устье Припяти⁸²⁴. По мнению Стрыйковского, эти события способствовали укреплению авторитета литовских князей в северо-западных русских землях.

Очередной этап расширения владений литовской династии на Руси Стрыйковский связывает с деятельностью сына Эрдзивила Мингайло (Mingajlo) и его потомков. Историк подтверждает законность принадлежности ему русских земель на основании «отчего права», а в числе «русских» владений Мингайло упоминает Новогродское и Подляшское княжества, Брест и «все русские страны от Вилии до истоков Немана»⁸²⁵. Главным военно-политическим достижением наследника Эрдзивила Стрыйковский считает завоевание Полоцка. Формальным поводом для аннексии им этого русского княжества польский автор называет агрессивные действия полочан в отношении их ближайших соседей, находившихся под покровительством литовских князей. Согласно Стрыйковскому, в результате победы объединенной армии литовцев и новгородских русских над полоцким ополчением в битве под Городцом (pod Horodcem) Полоцк добровольно сдался Мингайло, который, «укротив гордость» граждан этой городской республики, первым из литовских князей стал «полоцким и новгородским князем» (Połockim książęciem i Nowogrodskim)⁸²⁶ и по завещанию разделил принадлежавшие ему русские земли между своими сыновьям: младшему Гинвилу (Ginwil) передал Полоцк, а старшему Скирмунту (Skirmunt) – столичный Новогрудок.

Правление Гинвила Мингайловича в Полоцке оценивается в хронике Стрыйковского как «счастливое». Польский историк отмечает в качестве решений, сыгравших особую роль для укрепления его авторитета, женитьбу на дочери тверского князя Бориса Марии, а также крещение «в греческой вере». При этом Гинвил, получивший при крещении православное имя Юрий, назван «самым первым христианским литовским

⁸²³ Ibid. S. 269.

⁸²⁴ Ibid. S. 270.

⁸²⁵ Ibid. S. 271.

⁸²⁶ Ibid. S. 272.

князем»⁸²⁷. Историк также весьма положительно оценивает достижения наследников Гинвила. «Славным» названо правление в Полоцке его сына Бориса, который сохранил приверженность христианству, что нашло выражение в храмовом строительстве, а также вернул полоцчанам «вечевые» вольности, некогда отмененные его дедом Мингаило. О внешней политике полоцких князей из литовской династии хронист пишет очень кратко: свидетельствует о «пограничных» войнах Гинвила и Бориса с соседями – псковичами, а также князьями Смоленска и Витебска. Согласно Стрыйковскому, династия Мингайловичей в Полоцке прервалась после смерти внуков Бориса Параскевы (Pogoskawia) и Глеба, после чего полочане «стали по старому жить свободно вечевым строем, не имея над собой господина»⁸²⁸. В отечественной историографии появление в сочинениях Стрыйковского этих неправдоподобных свидетельств о правлении литовских князей в Полоцке объясняется стремлением польского автора представить полоцких князей потомками литовского великокняжеского рода с целью оправдания последующего литовского владычества в Белоруссии, весьма востребованного в эпоху Ливонской войны⁸²⁹.

В заслугу Скирмунту Мингайловичу польский историк ставит дальнейшее расширение владений литовского княжества за счет русских земель в результате войны с участником битвы на Калке луцким и пинским князем Мстиславом Романовичем, датированной 1220 г. Причиной конфликта названо намерение Мстислава (якобы следовавшего совету киевского князя Владимира Рюриковича) вернуть ранее захваченные литовцами «изначально русские крепости» (zamków ojczystych Ruskich) Новогрудок, Брест, Мельник и Дрогичин. В результате победы литовцев в этой войне, согласно Стрыйковскому, к державе Скирмунта были присоединены «Мстиславовы княжества» Пинск и Туров⁸³⁰.

Старший сын Мингаило привлекает внимание Стрыйковского не только как собиратель русских земель, но и как их деятельный защитник от татарской угрозы. С его именем польский историк связывает отказ в уплате дани «султану Балаклаю, царю Заволжской орды» (Bałaklaj soltan, carz hordy Zawolskiej), «который подчинил себе из-за внутреннего несогласия тех русских князей, чьим монархом ныне является Великий князь Московский». Рассказ о конфликте Скирмунта и Балаклая во многом подобен описанному нами выше свидетельству о войне Эрдзивила и Кайдана: Стрыйковский вновь свидетельствует о разгроме огромной татарской орды, причем на сей раз сообщает о гибели самого «султана»

⁸²⁷ Ibid. S. 273.

⁸²⁸ Ibid. S. 275.

⁸²⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 365; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи ... С. 141.

⁸³⁰ Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 277.

в сражении с объединенным войском «русаков и Литвы»⁸³¹. Тем самым польский историк подтверждает особую роль литовских князей как защитников Руси от татар.

Стрыйковский считает, что именно благодаря этой победе над татарами Скирмунт настолько укрепил свой авторитет среди русских, что без труда присоединил к своей державе новые города – Мозырь, Стародуб, Чернигов (Сугniehów), Карачев (Karaczów) и «столичные замки северских русских княжеств»⁸³², которые позже разделил между сыновьями – Любартом (Черниговское и Карачовское княжества), Пессимунтом (Туровское и Стародубское княжества) и Тройнатой (Новгородок, Подляшье и Повилийская Литва). Эти наследники Скирмунта, согласно Стрыйковскому, продолжили борьбу с татарами, завершившуюся кровопролитным сражением с армией сына Балакляя татарского султана Курдаса, после которого в живых остался лишь Тройната, ставший единственным наследником державы Скирмунта и передавший ее своему сыну Альгимунту (Algimunt). Преемника Альгимунта Рынгольта (Ringolt) польский автор именует первым «Великим Князем Литовским, Жмудским и Русским», тем самым возвышая этого правителя над всеми его предками⁸³³.

Принятие Рынгольтом великокняжеского титула, в котором отразилась его претензия на владение русскими землями, Стрыйковский считает поводом для войны Литвы с коалицией русских князей, возглавлявшейся киевским монархом Святославом, «который присваивал себе власть над всей Русью согласно родословной своих предков, как это делает ныне Московский», и намеревался вернуть под свою власть языческих литовских князей, некогда плативших дань Киеву.

Целью русских в этой войне польский автор называет изгнание Рынгольта из Новгородка, Стародуба, Карачова, Чернигова, Подляшья и Гродна – «древней родины своих русских княжеств, которые всегда

⁸³¹ Ibid. S. 270, 281; польский автор отмечает некоторые различия в поступках литовских князей, противостоявших татарам: согласно его реляциям, в отличие от Эрдзивила, который, отказавшись повиноваться воле татарского царя, послал ему в дар вместо драгоценностей стрелы, Скирмунт жестоко обошелся с татарскими посланцами – приказал отрезать им губы, носы и уши.

⁸³² В повести «О началах» в числе захваченных замков упоминаются также Брянск и Путивль (*Strykowski M. O początkach ... S. 185*).

⁸³³ Именно в такой формулировке титул Рынгольта приводится лишь Стрыйковским как в хронике (*Strykowski M. Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 285*), так и в повести «О началах» (см. фрагмент под выносной глоссой: «Ryngolt na Wielkie Księstwo Litewskie, żmodzkie i ruskie zwolnie wybrany»; *Strykowski M. O początkach ... S. 187*). Между тем его предполагаемые источники (Еврейновская летопись, Летопись Рачиньского, Летописец Быховца, Ольшевская летопись, Румянцевская летопись) именовали Рынгольта либо «великим князем Новгородским», либо просто «великим князем».

принадлежали Киевской монархии». Стрыйковский свидетельствует, что русские князья, противостоявшие литовцам, действовали при поддержке татар, тогда как Рынгольт опирался на «своих русских» из подвластных ему восточнославянских княжеств, которые в решающей битве благодаря «божьей помощи» нанесли поражение армии Святослава и его союзников⁸³⁴. Важнейшим следствием победы литовского князя польский историк называет утверждение «вечного мира» во владениях Рынгольта, а также принуждение Киева к признанию его власти над вышеупомянутыми русскими землями.

Известием о Рынгольте завершается «легендарная» часть известий Стрыйковского о литовско-русских отношениях. В заслугу польскому историку можно поставить упорядочивание летописных известий о генеалогии легендарных литовских князей, что привело к формированию на страницах его сочинений историографической мифологемы покорения ими значительной части западных русских земель, которое отнесено к первой половине XIII в. Особенностью подхода Стрыйковского к описанию этих событий является пренебрежительное отношение к хронологии⁸³⁵. В результате семь поколений упоминаемых им литовских князей (от Монтвила до Рынгольта) «вписаны» в незначительный временной промежуток, охватывающий около трех десятилетий. Конкретных дат польский автор при этом практически не упоминает, что дает ему возможность произвольно комбинировать факты и события и подчинять их логике мифологического дискурса.

Н. Н. Улащик пришел к выводу, что фигурой, связавшей в единую генеалогическую цепочку легендарных и реальных литовских князей становится Рынгольт, благодаря «приданию» ему потомства «до Гедимины»⁸³⁶. Стрыйковский, следуя этому подходу, объединяет две генеалогии в одну. Однако «техника» такого объединения в повести, в ранних произведениях Стрыйковского и хронике была различной. В «Посланнике добродетели» и повести «О началах» польский историк датирует избрание Рынгольта князем 1200 г., а также связывает его правление с упоминавшейся нами выше войной против коалиции русских князей во главе со Святославом Киевским, произошедшей в первых

⁸³⁴ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 286–287.

⁸³⁵ Ярким примером хронологической путаницы в сочинениях Стрыйковского является датировка нападения на Литву и Польшу татар во главе с «гетманом» царя Батыея Кайданом. Польский автор связывает это нашествие с эпохой правления литовского князя Эрдзивила (*Ibid.* S. 270) и польского князя Болеслава Стыдливового (*Ibid.* S. 327), княжение которого синхронизируется с правлением Миндовга в Литве. Согласно генеалогии литовских князей, представленной Стрыйковским, Миндовга и Эрдзивила разделяло шесть (!) поколений. О причинах хронологической путаницы в хронике Стрыйковского, подробнее см.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи ... С. 141.

⁸³⁶ *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания ... С. 143.

десятилетиях XIII в.⁸³⁷ Вероятно, сочтя дату избрания Рынгольта на великокняжеский престол некорректной, в хронике Стрыйковский вовсе правления Рынгольта не датирует, лишь сообщает о его смерти в Новогрудке и передаче власти сыну Миндовгу (у Стрыйковского: *Mendog*).

Историчность Миндовга Стрыйковский подтверждает ссылками на сочинения своих соотечественников Меховия и Кромера, по-разному писавших его имя⁸³⁸. Русские владения этого литовского князя характеризуются очень неопределенно – указывается на столичный статус Новогрудка и принадлежность ему «иных русских замков». К эпохе правления Миндовга Стрыйковским отнесено расширение литовских владений за счет русских земель в результате походов, осуществленных его «племянниками» Эрдзивилом, Викинтом (в повести «О началах»: *Wikint*) и Товчивилом. Историк свидетельствует об утверждении Товчивила в Полоцком княжестве «по праву наследования», Викинта – в Витебске, Эрдзивила – в некоторых городках и волостях Смоленской и Друцкой земель, а также отмечает их пренебрежительное отношение к Миндовгу, вызванное нежеланием признавать его власть над собой⁸³⁹. Следствием раскола правящей элиты Литвы Стрыйковский считает заключение противниками Миндовга союза с Даниилом Романовичем, «который в то время писался королем и царем всей Руси», и Василием, или Васильком, князем Галича и Владимира, с целью совместного ведения войны против Великого литовского князя.

Главным мотивом проведения войны с Миндовгом со стороны русских Стрыйковский опять же называет стремление их князей, «воспользовавшись несогласием литовцев, вернуть Киевской монархии Новогрудек и прочие Русские княжества, которые все еще держала Литва, и вынудить ее войной к уплате дани, как было прежде» (*niezgodą Litewską Nowogródka i ostatka Ruskich księstw, które jeszcze Litwa trzymała, dostać i do Kijowskiej monarchiej, jako zdawna było, przywrócić, a Litwę po staremu do hołdu przymusić wojną*)⁸⁴⁰. При этом польский автор противопоставляет русских и литовских христианских князей язычнику Миндовгу: акцентирует приверженность православию оппозиционных ему литовских монархов⁸⁴¹, выступивших в союзе с русскими, а также свидетель-

⁸³⁷ *Goniec Cnothy do prawdziwych slachciców, przez Matysa Strykowiusa uczyniony ...* S. 541; *Strykowski M. O początkach ...* S. 187.

⁸³⁸ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 326.

⁸³⁹ *Ibidem*.

⁸⁴⁰ *Ibidem*. S. 327.

⁸⁴¹ Стрыйковский в хронике свидетельствует о том, что Товчивил, Викинт и Эрдзивил с целью заручиться благосклонностью своих подданных «приняли христианский закон согласно русским или греческим церемониям» (*zakon chrześcijański, według Ruskich, albo Greckich ceremonij przyjęli*). Упоминается также о том, что впоследствии полоцкий князь Товчивил был перекрещен из русской веры в римскую по внушению крестоносцев.

ствует о том, что противники Великого литовского князя апеллировали к христианской солидарности при обращении за поддержкой в предстоящей войне к польскому князю Болеславу Стыдливному.

Война с Миндовгом по-разному описывается в повести «О началах» и хронике Стрыйковского. В повести этот историк кратко упоминает о совместном разорении Литвы армиями «племянников» Великого литовского князя и «русского монарха» Даниила⁸⁴². В хронике эти события описаны более подробно, в частности сообщается о захвате русскими Слонима, Волковыска и Мстибова (Mścibohów), а также многих других литовских замков. Польский историк свидетельствует о том, что русские князья отвергли предложение Миндовга о перемирии, а также взяли под стражу его сына Войшелка (у Стрыйковского: *Wolstinik*), переданного им в качестве заложника⁸⁴³.

Стрыйковский полагает, что поражение Миндовга привело к существенным изменениям в литовско-русских отношениях: свидетельствует о «примирении и единении» литовского и русского «королей», представляя в качестве примера их партнерства нападение на Мазовию объединенной армии, возглавлявшейся Миндовгом и племянником Даниила Шварно⁸⁴⁴, а также дает понять, что литовская экспансия на русские земли в это время была приостановлена.

Причинами дальнейшей усиления позиций Руси в двусторонних отношениях польский историк считает династический кризис, вызванный гибелью Миндовга, представленный как повод для вмешательства русских во внутренние дела Великого княжества Литовского, апеллировавших к настроениям его восточнославянского населения. В хронике упоминается о «единогласном стремлении» тех русских подданных Литвы, «которые были подчинены и издавна принуждены к повиновению Литве и общему единству литовскими князьями Скирмунтом, Эрдзивилом, Альгимунтом и Рынгольтом, отцом Миндовга», а именно Полочан, Новгородцев, Гродненцев, Подляшан и Мозырян, видеть своим князем одного из сыновей русского короля Даниила (Льва или Романа), либо его «племянника» Шварна. Стрыйковский отмечает, что такие устремления были решительно отвергнуты литовскими панями, князьями и боярами, желавшими сохранить «первородные черты своего народа», произошедшего от римских князей, поскольку он не только «никогда не имел над собой чужих властителей, но и на русские княжества сыновей литовских князей Литва и Жмудь садила»⁸⁴⁵. В хронике приведен еще один весомый аргумент литовских элит, не желавших передачи великокняжеского престола русским, а именно подчеркивается, что «если бы кто из сыновей русского короля Даниила получил власть в Великом княжестве Литовском, то русский в большей степени был бы благосклонен к русскому народу, из-за чего Литва из великой державы превратилась

⁸⁴² *Strykowski M.* O początkach ... S. 195.

⁸⁴³ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 327–328.

⁸⁴⁴ *Ibid.* S. 335.

⁸⁴⁵ *Ibid.* S. 338.

бы в небольшой округ или удельное княжество и потом была бы возвращена под русское владычество»⁸⁴⁶.

Важно отметить, что приведенные нами выше доводы, содержавшие историческое обоснование отклонения литовцами русского претендента на великокняжеский престол, представлены лишь на страницах хроники Стрыйковского – ни в повести «О началах», ни в известных нам летописных памятниках такого рода свидетельств мы не обнаруживаем, что дает основание признать их авторской «вставкой» самого историка, позволившей ему еще раз напомнить о героическом прошлом литовского государства, возвысившегося в результате присоединения русских земель.

Польский автор указывает на противоречивость литовско-русских отношений в период правления преемника Миндовга князя Войшелка. С одной стороны, упоминается о «большой дружбе» Войшелка и Шварно, которые совместно нападали на Польшу⁸⁴⁷. С другой стороны, Стрыйковский свидетельствует о конфронтации литовского князя с «русским королевичем» Львом Даниловичем, причиной которых названо намерение Войшелка оторвать от его владений Владимир, воспользовавшись нестабильностью политической обстановки на Руси, вызванной смертью Даниила. Упоминается также о том, что литовский князь «настойчиво требовал у Руси всей Волинии» (*się wszystkiego Wołynia upornie pod Rusią domagał*).

Именно эти претензии, по мнению Стрыйковского, стали причиной убийства Войшелка Львом. Польский историк подробно описывает это преступление как в хронике, так и в повести «О началах»⁸⁴⁸. Согласно его реляциям, спор о принадлежности волинских земель предполагалось разрешить посредством переговоров и подписания «договора» при посредничестве Шварно Дрогичинского, Василько («брата покойного Даниила, дяди Льва») и «других русских князей». Из-за сходства обстоятельств, сопутствовавших убийству (русский князь коварно заманил Войшелка в отдаленный монастырь), польский историк сравнивает преступление, совершенное Львом, с «хитрой уловкой его предка Киевского и Владимирского монарха Ярополка», который в 1139 г. так же «предательским способом» (*zdradnym przemyślem*) нанес поражение «польскому королю» Болеславу Кривоустому⁸⁴⁹.

⁸⁴⁶ Ibidem.

⁸⁴⁷ Ibid. S. 341–342.

⁸⁴⁸ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 343; Strykowski M. O początkach ... S. 220.*

⁸⁴⁹ **О противостоянии Болеслава Кривоустого и Ярослава Стрыйковский** сообщает в 5-й книге хроники (*Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 220*). Сходство между действиями Ярослава и Льва Даниловича состояло лишь в том, что в обоих случаях русские князья обманным путем побеждали своих противников. Между тем Болеслав Кривоустый, в отличие от Войшелка, не погиб от руки Ярослава, а лишь потерпел чувствительное поражение накануне своей смерти, которую Стрыйковский объясняет его неудачей в «русской» войне.

Об обстоятельствах убийства Войшелка Львом Стрыйковский подробно рассказывает в хронике, в частности пишет о том, что, будучи пьян, русский князь перед расправой над Войшелком «начал предьявлять претензии за жестокости его отца Мендога, которые тот причинял русским землям, в том числе и за то, что он алчно и несправедливо захватил несколько его русских наследственных замков»⁸⁵⁰. Таким образом, проблема пограничного размежевания вновь представляется польским историком как наиболее актуальный и принципиальный вопрос в отношениях русских и литовских князей.

Расправа над Войшелком и его приближенными, по свидетельству Стрыйковского, завершила войну Руси и Литвы, а также способствовала росту влияния Льва Даниловича, «славы и любви у его русских». Польский историк также отмечает, что со смертью Войшелка прекратилась «фамилия римского князя Палемона», в результате чего позиции Литвы в региональных международных отношениях были существенно ослаблены, а ее отношения с русскими княжествами стабилизировались. Во всяком случае, описывая события трех последних десятилетий XIII в., Стрыйковский практически не упоминает о серьезных литовско-русских конфликтах. Лишь один раз в его сочинениях упоминается о вторжении «на Воынь в державы Киевского и Луцкого князя Льва Даниловича» литовского князя Гермонта (Giermont), который, по словам историка, был движим стремлением отомстить за убийство Войшелка⁸⁵¹. Эта кампания не обернулась какими-либо серьезными успехами той или иной сторон и до конца столетия о существенном территориальном переделе польский автор не сообщает, но в то же время не упускает случая лишний раз подтвердить принадлежность литовскому государству ранее захваченных русских земель, упоминая о том, что «паны», представлявшие русское население подвластных Литве земель (полочане, пинчане, подляшане и новгородцы), приняли участие в мероприятиях, связанных с замещением вакантного великокняжеского престола после смерти жмудского князя, Трабуса Гермонтовича, являвшегося «опекуном или губернатором Великого княжества Литовского»⁸⁵².

В 9-й книге хроники Стрыйковского в качестве фигуры знаковой для литовско-русских отношений последних десятилетий XIII в. представлен псковский князь литовского происхождения Довмонт (Dowmant)⁸⁵³, которому удалось, опираясь на военную поддержку псковской и новго-

⁸⁵⁰ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 343.

⁸⁵¹ *Ibid.* S. 348.

⁸⁵² *Ibid.* S. 352–353.

⁸⁵³ Об избрании Довмонта псковичами на княжение, а также его сношениях с Литвой польский историк мог был осведомлен по летописным памятникам литовско-русского происхождения: идентичные рассказы о нем содержат Летописцы Быховца и Рачиньского, а также Евреиновская, Румянцевская, Ольшевская летописи.

родской Руси (*woysko z Pskowskiey i Nowogrodskiey Rusi*), на некоторое время отторгнуть от Литвы Полоцкое княжество. Польский историк обращает внимание на то обстоятельство, что «все русское рыцарство и горожане Полоцкого княжества» добровольно сдались Довмонту, намеревавшемуся в дальнейшем бороться со своим младшим братом Тройденом за обладание «отчим литовским престолом»⁸⁵⁴. Для этой войны Довмонтом, как пишет Стрыйковский, была собрана армия «с Руси Псковской, Полоцкой и Витебской», тогда как на стороне его противников выступили «новогородские русские» (*Rusaki Nowogrodzkie*). Хронист, следуя своим летописным источникам, свидетельствует, что в решающей битве армия Довмонта была разгромлена, сам князь погиб, а Полоцк был возвращен в состав Литвы⁸⁵⁵. Таким образом, Стрыйковский приводит дополнительные исторические аргументы, подтверждающие право литовских князей на владение Полоцкой землей, хотя о завершении ее инкорпорации в состав Литвы в связи с описанными выше событиями в хронике этого автора речи не идет, поскольку окончательное «взятие Полоцка Литвой», ссылаясь на «старые русские летописи», он датирует 1307 г.⁸⁵⁶

Литовско-русские отношения в период правления Великого литовского князя Витеня, главной заслугой которого в свое время Длугош называл освобождение Литвы от «русского ига», если ориентироваться на реляции Стрыйковского, не претерпели существенных изменений. Окончательное покорение Руси Великим литовским князьям этот историк считает заслугой «преемника» Витеня Гедимина, которому удалось «овладеть некоторыми русскими княжествами частично силой и войной, частично уговорами и добровольным переходом под литовскую власть»⁸⁵⁷.

На момент прихода Гедимина к власти Стрыйковский отмечает неояльность «новогородских и полоцких русских» литовской монархии: в частности, упоминает об их стремлении «взять себе за государя Ки-

⁸⁵⁴ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 360.

⁸⁵⁵ *Ibid.* S. 363–364.

⁸⁵⁶ *Ibid.* S. 381; статус Полоцкого княжества в составе Литвы Стрыйковским при этом не оговаривается: в его реляциях, посвященных эпохе правления Гедимина полочане неоднократно фигурируют в качестве участников войн в составе литовской армии (*Ibid.* S. 391, 392, 393), однако об их князьях при этом не говорится. Косвенным указанием на автономию Полоцка в составе Великого княжества в первой трети XIV в. может служить игнорирование Стрыйковским этой русской земли при перечислении владений Гедиминовичей (*Ibid.* S. 407–408). Лишение полоцкой земли привилегированного положения в составе Великого княжества Литовского хронист связывает с неудачей мятежа, предпринятого внуком Гедимина полоцким князем Андреем Ольгердовичем, который был лишен княжения, отправлен в Польшу и заточен (*Ibid.* S. 477).

⁸⁵⁷ *Ibid.* S. 384.

евского монарха, либо кого-нибудь из Волынских, Галицких и Северских князей, которых в это время хватало в русских землях, чтобы иметь над собой господина своего народа, веры и языка, нежели язычника литовца»⁸⁵⁸. Вместе с тем Стрыйковский полагает, что изменить отношения русских подданных к себе Гедимину удалось благодаря значительным успехам, достигнутым им во внутренней и внешней политике в первые годы правления. Польским историком подчеркивается особое значение завоевания пограничных с Литвой русских княжеств, в котором на стороне Гедимины выступили отряды, представлявшие Новогрудок и Полоцкую Русь.

«Русские» походы Гедимины Стрыйковский датирует в повести «О началах» 1305 г.⁸⁵⁹, а в хронике 1320 / 1321 гг.⁸⁶⁰, описывая их, опираясь на летописные предания, которые дополняет собственными соображениями. В обоих этих сочинениях подробно рассказывается о присоединении к Литве Волынского и Луцкого княжеств, а также Киева, однако лишь в хронике польский автор пытается дать объяснение описываемым событиям. В частности, активизация внешней политики Литвы на «русском» направлении связывается им с успешным завершением войн с прусскими крестоносцами, существенно укрепившими личный авторитет Гедимины и военно-политическую мощь его государства. Поводом объявления Великим литовским князем войны русским княжествам Стрыйковский в хронике называет их недружественную позицию во время войны литовцев с крестоносцами, в частности упоминает о нападениях волынцев на подвластные Гедимину литовские и русские земли⁸⁶¹, а также отторжении в это же время луцким князем Львом принадлежавших Великому княжеству Литовскому Брестской и Дрогичинской земель⁸⁶².

Важнейшими событиями волынского похода представляются упорный штурм литовцами столичной крепости и города Владимира, который «русские храбро защищали» и решающая битва армии Гедимины с русско-татарским войском волынского князя Владимира, погибшего в этом сражении. При этом Стрыйковский отмечает низкую боеспособность татарских союзников волынцев, а также верность литовскому князю его русских подданных, которых неприятели «призывали своих

⁸⁵⁸ Ibid. S. 386; альтернативность выбора для Литвы князя после смерти Витеня была актуальна, как полагает Стрыйковский, из-за спорности происхождения Гедимины: ряд источников, на которые ссылается польский автор, были склонны считать его не сыном Витеня, а его слугой-конюхом, убившим своего господина и незаконно присвоившим государственную власть.

⁸⁵⁹ *Strykowski M.* O początkach ... S. 232.

⁸⁶⁰ *Strykowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 392.

⁸⁶¹ Ibidem.

⁸⁶² Ibid. S. 393.

не предавать»⁸⁶³. Гибелью князя Владимира польский историк объясняет прекращение сопротивления со стороны волынского войска и защитников столичной крепости, которые «сдались на милость победителя Гедимины и принесли ему клятву верности, .. а все Волынское княжество благодаря этой победе и добровольной капитуляции его граждан Гедимин взял под свою власть, когда убедился, что избежать этого было трудно»⁸⁶⁴.

Луцкий поход литовского князя, согласно реляциям Стрыйковского, не был связан с военными действиями, поскольку князь Лев, не дожидаясь «мощи Гедимины», бежал к своему зятю брянскому князю Роману, после чего «бояре и чернь» столичной крепости «не хотели сопротивляться Великому князю Гедимину, и все единогласно перешли под его власть и правление, со всем Луцким княжеством и его городами принесли присягу наследственной верности»⁸⁶⁵. Вместе с Луцким княжеством, как пишет Стрыйковский, в состав Литвы была возвращена также Брестская земля, прежде незаконно отторгнутая Львом.

Для войны с киевским князем Станиславом, «который единственный в то время по своим предкам писался монархом или единовладцем русским», согласно реляциям Стрыйковского, Гедимин тайно собрал огромное войско, захватил приграничные крепости Овруч и Житомир, а также приказал разрушать и сжигать во владениях Станислава «все, что попадалось на глаза». Польский историк свидетельствует, что такое насилие вынудило киевского князя, не дожидаясь литовцев в Киеве, первым напасть с оружием на «рабов своих предков», заручившись поддержкой татар и «прочих русских и северских князей», в числе которых упоминаются переяславский князь Олег, луцкий князь Лев, изгнанный литовцами, и Роман Брянский. Русско-татарское войско, противостоявшее армии Гедимины, Стрыйковский называет «громадой». Решающее сражение на реке Перне (Регна) описано как в хронике, так и в повести «О началах» очень подробно: польский автор подчеркивает масштабность битвы, отмечая полководческий талант Гедимины и слабый моральный дух русских, проигравших сражение из-за гибели двух своих князей (Олега и Льва)⁸⁶⁶.

⁸⁶³ Ibid. S. 392.

⁸⁶⁴ Ibidem.

⁸⁶⁵ Ibid. S. 392–393.

⁸⁶⁶ Ibid. S. 394; *Strykowski M. O początkach ... S. 233–234*; о «великой сечи на реке Рпени под Белым городом в шести милях от Киева» летописные источники информируют очень кратко (вовсе о ней не упоминается в Евреиновской летописи, содержащей рассказ об упомянутых событиях). Таким образом, описание битвы в хронике Стрыйковского, по всей видимости, было результатом литературного развертывания ее автором летописного рассказа об этом событии.

Стрыйковский свидетельствует о том, что окончательная победа в войне Гедимином была достигнута лишь в результате захвата Киева, который его жители защищали «долго и мужественно», ожидая спасения от своего князя Станислава, бежавшего после разгрома на Перне вместе с брянским князем Романом в Рязань⁸⁶⁷. Сдачу Гедиминому крепости и города польский историк объясняет получением известия об «обмане» киевлян их князем. Он красочно описывает торжественный ритуал принятия литовским князем клятвы верности с участием вышедшей ему навстречу процессии, включавшей митрополита, владык, архимандритов, протопопов со всем духовенством, сопровождавшихся боярами и всеми знатными горожанами, которые «передали себя в милость и под власть Великого князя литовского Гедимины»⁸⁶⁸. Помимо Киева в числе «трофеев» литовцев Стрыйковский называет также Белогородек, Слепоторот, Каинов, Черкассы, Брянск и Переяславль⁸⁶⁹. Польский автор также свидетельствует о мерах, направленных на обустройство включенных в состав Литвы русских земель, в частности упоминает о том, что в столичных крепостях захваченных русских княжеств им были назначены старосты и наместники, а также размещены литовские военные гарнизоны.

Подводя итог «русским» походам Гедимины, польский автор свидетельствует, что этот князь «одной победой присоединил к Литовскому государству Киевскую монархию, Волынские и Северские княжества до самого Путивля», и при этом попытался противопоставить «титულные» амбиции Великих литовских князей, унаследовавших русские территории, захваченные Гедимином, и современных ему Великих князей московских, провозглашавших себя в XVI в. «единовладцами всей Руси». В хронике Стрыйковский оспаривает данный титул московских государей, считая его ошибочным «из-за того, что Литва издавна владела немалой частью русских княжеств»⁸⁷⁰.

Таким образом, завоевания Гедимины Стрыйковский склонен оценивать как величайший внешнеполитический успех Литвы, существенно укрепивший ее международные позиции. В дальнейшем этот автор, как правило, упоминает о русских землях преимущественно в контек-

⁸⁶⁷ Летописные источники Стрыйковского свидетельствуют о бегстве Станислава и Романа в Брянск.

⁸⁶⁸ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 394.

⁸⁶⁹ В летописных источниках Стрыйковского в числе городов захваченных Гедимином упоминается также Вышгород (Евреинская летопись // ПСРЛ. Т. XXXV. М., 1980. Л. 468; Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. XXXII. М., 1975. С.29).

⁸⁷⁰ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ...* S. 396.

сте внутривосточной истории Великого княжества Литовского⁸⁷¹, а также рассматривает их в качестве спорных территорий при описании истории литовско-польских отношений.

Значение описанной нами выше концепции Стрыйковского трудно переоценить. Именно благодаря ей польский читатель получил целостное представление о формировании Великого княжества Литовского как многонациональной державы. За пределами Польши она получила распространение благодаря хронике Гваньини, содержавшей латиноязычный очерк истории литовско-русских отношений, представлявший собой переработку «русских» известий «Посланника добродетели» Стрыйковского⁸⁷².

Переломной вехой в отношениях русских земель с Литвой польские историки признавали достижение польско-литовского компромисса в вопросах раздела русских земель, который во многом стал возможен благодаря заключению польско-литовской династической унии 1386 г. Урегулирование территориального спора, а также согласование интересов Польши и Литвы в проведении «русской» политики привело к

⁸⁷¹ Как и Длугош, Стрыйковский в хронике упоминает о разделе литовских земель между наследниками Гедимина, однако его рассказ отличается большей полнотой не только по сравнению с более ранними сочинениями соотечественников, но и по сравнению с реляциями летописных памятников. В частности, более точно указываются границы русских владений Наримунта («Пинск со всеми окрестными землями над рекой Припятью достигающими Днепра, которых войной приобрел Гедимин у русского князя Владимира Владимирского»), Ольгерда («государство достигало реки Березины на востоке»), а по дочери витебского князя «взял в качестве приданного княжество витебское, которое в то время тянулось от Березины до Угры), Кейстута (Гродно, Лида аж до Подляшья), Кориата (княжество Новогрудек с Волковыском и Мстиславским) и Любарта (Владимирское, Волыньское и Луцкое княжества). См.: *Strzykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 407–408. В дальнейшем русские земли представляются польскими авторами в качестве уделов тех или иных литовских князей, за право обладания которыми нередко велись ожесточенные войны. О распределении между потомками Гедимина русских земель на момент заключения личной унии Литвы и Польши мы можем получить представление по упоминаниям о русских владениях литовских князей, присутствовавших на коронации Ягелло (см., например: *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555.* P. 354).

⁸⁷² Стихотворные фрагменты «Посланника добродетели» Стрыйковского, в которых упоминается о литовско-русских отношениях, Гваньини, почти не изменяя их содержания, пересказывает прозой (для сравнения: *Goniec Cnothy do prawdziwych slachciczów, przez Matysa Strykowiusa uczyniony... S. 539–547; Gwagnini A.* Magni Ducatus Lituaniae ... F. 3–11v). При этом корректируется лишь хронология сочинения Стрыйковского: итальянский автор игнорирует дату начала правления Рынгольта 1200 г., упоминающуюся в «Посланнике добродетели», но свидетельствует о смерти этого литовского князя в 1240 г. В результате, правление предков Рынгольта (от Эрвзивила до Альгимонта) «по умолчанию» относится Гваньини к XIII в.

переносу внимания польских историков на отношения Великого княжества Литовского с восточнославянскими державами, сохранявшими независимость от литовских князей и польских королей (Смоленском, Рязанью, Псковом, Новгородом и Москвой), в которых Польша рассматривалась как союзница Литвы.

Вопросу присоединения к Великому княжеству Литовскому Смоленска уделили внимание Длугош, Меховий, Кромер, Стрыйковский и Гваньини. В хронике Длугоша под 1403 г. упоминается о «захвате оружием» Смоленского княжества и «присоединении его к Литве в качестве провинции литовским князем Витовтом». Подчеркивается тот факт, что в ходе «смоленских» войн, продолжавшихся непрерывно в течение десяти лет, литовцам ежегодно присылал помощь польский король Владислав, «без которой ни на какой поход против смолян Витовт бы не отважился». В этой связи Длугош считает справедливым раздел огромных богатств Смоленска между литовским князем и польским королем, а также наиболее заслуженными рыцарями. Наконец, упоминается о бегстве в Венгрию и гибели последнего смоленского князя Василия⁸⁷³. Эти свидетельства Длугоша о смоленских событиях очень кратко пересказаны в хронике Меховия: этот автор сообщает о присоединении Смоленска Витовтом (Witowdus), но при этом вовсе не упоминает о поддержке литовцев Польшей⁸⁷⁴.

Более содержательные свидетельства о взаимоотношениях Литвы и Смоленского княжества мы находим в сочинениях польских историков второй половины XVI в. Кромер сообщает о двух смоленских войнах литовских князей. При этом не вполне очевиден источник, из которого были заимствованы известия о первой войне, не упоминавшейся Длугошем: ни летописные памятники, ни хроника Ваповского не содержат представленной Кромером трактовки событий. Причиной первой смоленской войны этот автор называет «нападение на Литву смоленского князя Святослава» (*Smolensiorum dux Suetoslaus Lituaniam infestat*), в результате которого были опустошены окрестности Витебска и Орши, а также осажден Мстиславль. Кромер сообщает о решении Ягелло отправить в Литву добровольческую литовско-польскую армию во главе со Скригелло и Витовтом, которой удалось изгнать захватчиков. Польский историк упоминает о гибели в ходе этой войны Святослава, а также свидетельствует о том, что «его сын Георгий принес присягу верности Владиславу и Скригелло» (*Georgium iurare in verba Vladislai et Srigellonis iussum*). Итогом войны Кромер называет «покорение смолян литовцами и поляками» (*Smolensi a Lituanis et Polonis subacti*)⁸⁷⁵. Реляция этого ав-

⁸⁷³ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. VI/1]... P. 250–251.

⁸⁷⁴ *Mathia de Mechow Chronica Polonorum* ... P. CCXCIII.

⁸⁷⁵ *Martini Cromeri De origine et rebus* ... 1555. P. 354.

тора о второй смоленской войне является почти буквальным пересказом соответствующего фрагмента хроники Длугоша⁸⁷⁶.

Стрыйковский помимо сочинений Длугоша и Кромера при описании смоленских войн в качестве источников использует также летописные памятники. В 13-й книге его хроники, а также в повести «О началах» мы находим рассказы о вторжении Святослава (*Swandosław albo Swantosław*) «в русские земли Ягеловы» – Витебск, Оршу и Мстиславль. При этом, почти буквально пересказывая летописные известия, историк сообщает о жестоком обращении смоленского войска с населением «в Литве и Руси, Литве подчиненной», в частности свидетельствует о том, что Святослав «приказал беспощадно сечь, бить и убивать людей русских, несмотря на то что они были веры христианской», опустошать дворы, села и фольварки, сгонять жителей до жилищ, где их немилосердно сжигали, а некоторых велел класть шеями под приподнятые фундаменты домов, которые потом опускали на землю, тем самым жертв душили и задавливали⁸⁷⁷. Стрыйковский полагает, что смоленский князь, придумывавший различные способы убийства «без всякого милосердия», превосходил свирепостью и римского Нерона и персидского Камбиса и Ирода⁸⁷⁸.

Эти беспрецедентные по жестокости действия Святослава польский историк считает причиной объявления ему войны «королем Ягело», отправившим «на спасение Отчизны» князей Скиргайло и Витовта (у Стрыйковского: *Witolt*) во главе литовского войска, включавшего польских добровольцев. В хронике упоминается о победе литовско-польской армии в решающей битве, а также о гибели смоленского князя, который жизнью «заплатил за свою жестокость». При этом Стрыйковский повторяет свидетельство Кромера о том, что раненный в битве сын Святослава Юрий был пойман, а затем посажен Смоленске вместо своего отца после того, как «присягнул на веки веков сохранять верность, веру, честь и подданство королю Ягеле, брату его Скиргайло и потомкам их Великим князьям литовским»⁸⁷⁹.

В 14-й книге хроники Стрыйковский возвращается к «смоленской» теме и, используя в качестве источников летописные памятники, описывает непростые взаимоотношения сыновей Святослава Юрия и Глеба с

⁸⁷⁶ Ibid. P. 372; в отличие от Длугоша, Кромер не упоминает имени смоленского князя, бежавшего в Венгрию после взятия Смоленска Витовтом.

⁸⁷⁷ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 476; *Strykowski M.* O początkach ... S. 308–309.

⁸⁷⁸ При сравнении смоленского князя с жестокими правителями древности Стрыйковский отходит от своего источника, поскольку в летописях смоленский князь ассоциируется с Антиохом Ассирийским и «законопреступником» Юлианом (Юлианом «Отступником»). См., к примеру: Хроника Быховца ... С. 56–57; Евреиновская летопись ... Л. 487.

⁸⁷⁹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 477.

Великим литовским князем Витовтом⁸⁸⁰. Регулярное вмешательство последнего в дела смоленской земли в хронике оправдывается «бунтами» ее князей, которые в свою очередь объясняются им «наущениями» могущественного рязанского князя Олега (Holha). В хронике упоминается о двух спровоцированных изменами захватах Смоленска литовцами, в результате которых сначала Витовтом был лишен княжения Юрий, а затем сменивший его по воле литовского монарха Глеб, также проявивший неблагодарность в отношении своего сюзерена. Изгнание смоленских князей из их наследственных владений, как пишет Стрыйковский, привело ко «взятию» Витовтом всего Смоленского княжества, которое в дальнейшем управлялось его наместником и было «осаждено» литовцами и достойными доверия русскими⁸⁸¹.

Данные события датированы в хронике Стрыйковского 1396 г. и именно с этой датой ее автор связывает начало периода пребывания Смоленска «под литовской властью»⁸⁸². При этом отмечается, что отношение соседних русских князей к включению Смоленска в состав Великого княжества Литовского было неоднозначным: с одной стороны, в хронике Стрыйковского неоднократно подчеркивается неприятие претензий Витовта на Смоленск рязанским князем Олегом⁸⁸³, с другой — упоминается о благожелательном отношении к успехам литовского князя Великого московского князя Василия (польский автор свидетельствует о том, что Василий, «услышав о столь счастливых успехах Витовта, приехал к нему в Смоленск, бил челом, желая счастливого правления как своему зятю, которого тот с благодарностью приняв у себя угощал»⁸⁸⁴).

Описывая смоленскую войну 1403 г., упоминания о которой содержались также в сочинениях Длугоша, Меховия и Кромера, Стрыйковский, следовавший за летописцами, в отличие от своих предшественников, называет причиной конфликта бунт смолян против наместников Витовта, в ходе которого были перебиты противники восстановления на смоленском княжении Юрия Святославича⁸⁸⁵. В то же время ход и

⁸⁸⁰ Наиболее вероятным источником Стрыйковского в данном случае была летопись Быховца (для сравнения: Хроника Быховца ... С. 65–66; *Strykowski M.* Ktora przedytm nigdy swiatla nie widziala Kronika Polska ... S. 504–505).

⁸⁸¹ *Ibid.* S. 505.

⁸⁸² *Ibid.* S. 506.

⁸⁸³ Стрыйковский, назвавший Олега «причиной всех бунтов и волнений смоленских», упоминает об организованном против него походе, в результате которого рязанская земля была захвачена без сопротивления. Вместе с тем о каких-либо принципиальных изменениях в отношениях Литвы с Рязанским княжеством при этом не сообщается: в хронике мы находим лишь упоминание о возвращении литовской армии из его земель, известных своим плодородием, «с большой выгодой» (*Ibid.* S. 505).

⁸⁸⁴ *Ibidem.*

⁸⁸⁵ Наиболее вероятным источником этого свидетельства Стрыйковского является Летописец Быховца (Хроника Быховца ... С. 69).

итоги войны представлены в традиционном для польской хронографии ключе: Стрыйковский пишет о том, что Витовт овладел Смоленском, «взяв помощь от короля Ягело», после чего «превратил его в повет или в воеводство Великого княжества Литовского», поделился смоленскими «сокровищами» с польским королем, а Юрия Святославича вынудил «уйти» в Венгрию⁸⁸⁶.

В латинской хронике Гваньини собраны отрывочные свидетельства о смоленских событиях, заимствованные главным образом из «Посланника добродетели» Стрыйковского, а также сочинения Кромера⁸⁸⁷, которые скомбинированы весьма произвольно. В частности, у Кромера заимствуются известия о нападении на Литву Святослава, его поражении от «польских добровольцев и литовцев», а также гибели этого смоленского князя⁸⁸⁸. При этом подчинение Смоленска Литве Гваньини не связывает напрямую с поражением Святослава, а считает результатом активной политики Витовта, благодаря которой смоленские князья «торжественно пообещали передать себя в его власть на вечные времена» (*in potestate eius semper fore sponderunt*)⁸⁸⁹. Эти сведения, по всей видимости, были заимствованы из «Посланника добродетели»⁸⁹⁰. Тот же источник, а также, возможно, отдельные неопубликованные материалы Стрыйковского Гваньини использует, упоминая об изгнании Витовтом из Смоленска «помышлявшего о восстании» князя Глеба, который, по словам итальянского автора, был заменен «другим»⁸⁹¹. Рассказ Гваньини о смоленских событиях 1403 г., помещенный под выносной глоссой

⁸⁸⁶ *Strykowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 506.

⁸⁸⁷ В тексте своего сочинения на хронику Кромера Гваньини не ссылается. Можно предположить, что итальянский автор пользовался не самой хроникой Кромера, а одним из «компендиумов», сокращенных компиляций его труда.

⁸⁸⁸ Наша гипотеза о заимствовании Гваньини сведений о первой смоленской войне из хроники Кромера основана на акцентировании роли польских «добровольцев» в походе против Святослава (для сравнения: *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 354; Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae ... F. 14*). В «Посланнике добродетели» Стрыйковского об этих событиях вовсе не упоминается.

⁸⁸⁹ *Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae ... F. 17v.*

⁸⁹⁰ Свидетельство Гваньини является почти буквальным переводом на латынь соответствующего стихотворного фрагмента «Посланника добродетели» (*Goniec Spothy do prawdziwych slachciczów, przez Matysa Strykowiusa uczyniony ... S. 549*).

⁸⁹¹ На использование Гваньини неопубликованных материалов Стрыйковского указывает то обстоятельство, что в «Посланнике добродетели» вовсе не упоминается о нелояльности Глеба Витовту и его замене другим князем (польский автор здесь ограничивается упоминанием об изгнании смоленского князя), тогда как об этом подробно рассказывает в повести «О началах» и хронике 1582 г. (*Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae ... F. 17v; Strykowski M. O początkach ... S. 331–332; Strykowski M. Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 504–505*).

«Витольд завладел Смоленском», является почти дословным заимствованием из хроники Кромера⁸⁹².

Взаимоотношения Великого княжества Литовского с Псковом и Новгородом также рассматривались польскими историками в контексте проводимой Витовтом политики распространения влияния польско-литовского союза на соседние русские земли. В качестве показательных акций, призванных подтвердить доминирование Литвы, в исторических сочинениях польских авторов представляются войны литовского князя с псковичами и новгородцами. Однако трактовки этих событий достаточно сильно различаются: прежде всего обращают на себя внимание отличия в подходах Длугоша и Стрыйковского.

Литовско-псковскую войну Длугош датирует 1426 г. и называет ее причиной несущественные разногласия в вопросах разметки границы. При этом, с одной стороны, отмечается готовность псковичей к компромиссу и их желание урегулировать конфликт полюбовно, а, с другой стороны, акцентируется чрезмерная воинственность литовского князя, стремившегося развязать войну, несмотря на доводы «краковского епископа Збигнева», отменявшего ее «несправедливый» характер⁸⁹³. Тем самым Длугош демонстрирует негативное отношение к агрессивным планам Витовта в отношении Пскова, хотя при этом прямо не обосновывает своей позиции. Историк свидетельствует об участии в походе на Псков «польских панов и рыцарей» (говоря об армии литовского князя использует формулировку «поляки и литовцы»), получивших щедрое вознаграждение за счет контрибуции, выплаченной по итогам войны псковичами. Отмечая трудности, с которыми столкнулась польско-литовская армия в походе, Длугош свидетельствует об итоговой победе Витовта, который, по словам историка, благодаря ей вынудил псковичей «оставить разметку границ на его усмотрение»⁸⁹⁴. О каких-либо изменениях в статусе псковской земли этот автор не сообщает.

«Беззакония при определении границ» Длугош называет «ложным предлогом» для нападения Витовта на Новгород, отмечая, что в действительности литовский князь намеревался обогатиться, достигнув легкой победы над «несклонными к ведению войны» новгородцами, а также рассчитывал прославить свое имя, подчинив их своей власти⁸⁹⁵. Новгородскую войну Длугош датирует 1428 г., сообщает о тщательной подготовке к ней и участии в походе «огромной армии из поляков, ли-

⁸⁹² Для сравнения: *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555*. P. 372; *Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae ... F. 18*; следует отметить лишь различия в написании имени литовского князя: тогда как Кромер называет его Витовтом (*Vitoudus*), то Гваньини использует форму номинации *Vitoldus*, характерную для сочинений Стрыйковского.

⁸⁹³ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. VII]. Lib. 11: 1413–1330*. Varsavia, 2000. P. 219.

⁸⁹⁴ *Ibid.* P. 220.

⁸⁹⁵ *Ibid.* P. 243.

товцев и русских» (в дальнейшем он, как правило, использует для обозначения войска литовского князя определения *polonorum armatum* или *polonorum exercitus*⁸⁹⁶). При описании войны акцент сделан на трудностях, с которыми столкнулась армия Витовта в новгородской земле (среди них выделяется поход через непроходимые леса и болота, а также осада крепости Опочка), а также уделяется внимание процедуре принятия литовским князем новгородских послов, униженно просивших о мире. Условиями прекращения войны Длугош называет выплату новгородцами Витовту контрибуции: в частности сообщается о передаче «десяти тысяч рублей чистого серебра, всех людей и коней, находившихся в крепости Опочка, пятидесяти шуб отделанных соболями, столько же из всяких иных шкур, а также трехсот пурпурных мантий». Эти «дары», согласно Длугошу, Витовт раздал преимущественно польским рыцарям, к которым относился с наибольшим почетом и уважением⁸⁹⁷.

Из рассказа Длугоша не ясно, был ли Новгород в результате похода Витовта обложен регулярным налогом в пользу Литвы, или же речь шла о выплате единовременной контрибуции. В 12-й книге своей хроники этот автор упрекает польского короля и Великого литовского князя Казимира в пренебрежительном отношении к новгородской державе, «уплачивавшей в его казну ежегодно по сто тысяч рублей» (*annis singulis centum millia ciclorum penderet*)⁸⁹⁸. Когда именно и при каких обстоятельствах Новгород взял на себя эти финансовые обязательства Длугош не сообщает.

В хронике Стрыйковского отношения Литвы с Псковом и Новгородом представлены в несколько ином свете. Война Литвы с этими державами датирована 1414 г. Поход на Псков объясняется стремлением Витовта «в то время свободных псковичей загнать под свое ярмо» (*Pskowian na ten czas wolnych pod jarzmo swoje przyrędzić*), как он прежде поступил с другими русскими землями, из которых были изгнаны княжившие там его братья. Историк отмечает, что литовскому князю удалось успешно достичь этой амбициозной цели, так как псковичи «не смогли дать отпор литовской армии» и с городом Псковом, а также всем княжеством «добровольно сдались Витовту, обязавшись платить ему и его потомкам Великим князьям литовским ежегодный налог в 5000 золотых червонцев, немецких фрезов, которых получали от порта Нарвы, принадлежавшего им и лифляндцам, и всех мехов и звериных шкур каждого по половине (двадцати) сороков, особенно волчьих, медвежьих, рысих, лисьих

⁸⁹⁶ Ibid. P. 244.

⁸⁹⁷ Ibid. P. 245–246.

⁸⁹⁸ Ibid. P. 443; это свидетельство Длугоша воспроизведено в сочинениях Кромера (*Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 631*) и Гваньини (*Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae ... F. 18v*). Причем первый при этом ссылается на Длугоша и Ваповского, а второй – только на Ваповского.

и прочих, а кунных, соболиных, беличьих и горностаевых и прочих по сороку»⁸⁹⁹. К уплате аналогичного налога в литовскую казну, согласно реляциям Стрыйковского, была также принуждена и Новгородская земля, для которой была назначена ежегодная выплата «десяти тысяч червонных золотых только с одного города Новгорода и еще по сто немецких фрезов, по десяти сороков всяких мехов»⁹⁰⁰. Стрыйковский также свидетельствует, что захваченными в этих войнах трофеями литовский князь «поделился с Ягелой»⁹⁰¹, но при этом об участии поляков в псковском и новгородском походах этим автором вовсе не упоминается. Символическим актом, призванным закрепить власть литовского князя в псковской и новгородской землях Стрыйковский считает назначение Витовтом в них старост и наместников: во Псков – князя Юрия Носса, в Новгород – Семена Альгимунта Хольшанского.

Наиболее последовательным противником Литвы в борьбе за влияние на русских землях польские историки признают Московскую державу и уделяют в своих сочинениях значительное внимание взаимоотношениям этих двух государств. При этом Длугош, Меховий, Кромер и Бельский активное вмешательство Москвы в региональную политику, ставшее причиной активизации ее отношений с Литвой, относят лишь к XV - началу XVI вв., главным образом связывая его с политическими успехами Ивана III. О взаимоотношениях литовских и московских князей в более ранний период упоминают лишь Стрыйковский и Гваньини.

Самый первый конфликт Литвы и Москвы Стрыйковский датирует 1331 / 1332 г., называя его инициатором Великого московского князя Дмитрия Ивановича (Dimitr Iwanowic, Wielki Książ Moskiewski). По словам польского историка, Дмитрий, уже к этому времени прославившийся победой над великим татарским царем Мамаем (!), «также решил войной добиться от языческой Литвы Витебского, Киевского и Полоцкого русских княжеств» (*umysłił też pod Litwą pogany Witebskiego, Kijowskiego i Połockiego, księstw Ruskich wojną dochodzić*).

Как можно видеть, Стрыйковский, несмотря на очевидные хронологические несоответствия, «сводит» вместе две выдающиеся фигуры восточноевропейской политики XIV в. – Ольгерда и Дмитрия и, прибегнув к амплификации, конструирует крайне важный с идеологической точки зрения «сценарий» их прямого военного столкновения с целью героизации литовского князя. При этом польским историком делается акцент на высокомерном отношении московского князя к Литве. Так, упомянув о посольстве, отправленном из Москвы к Великому литовскому князю Ольгерду, польский автор свидетельствует, что, желая показать свою силу и готовность к войне, Дмитрий послал тому в дар саблю

⁸⁹⁹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 544.

⁹⁰⁰ *Ibid.* S. 545, 658.

⁹⁰¹ *Ibid.* S. 545.

и огниво, велел передать, что в следующем году на Пасху он намерен поприветствовать своего противника этими «дарами» в Вильно, а также собирался всю Литву в течение года завоевать⁹⁰².

Ольгерд изображается Стрыйковским как деятельный организатор защиты от московской угрозы подвластных Литве русских земель, значительная часть которых принадлежала лично ему (рассказывая о разделе наследства Гедимины, в качестве восточной границы русских владений Ольгерда польский автор называет Березину, а также упоминает о приобретении этим князем после женитьбы на единственной дочери русского витебского князя «в качестве приданного Витебского княжества, которое в то время тянулось от Березины до Угры, [которая ныне] в Москве»⁹⁰³). Именно этим объясняется стремление Ольгерда не допустить усиления влияния московского князя в русских землях Литвы. Его конфликту с Дмитрием Стрыйковский посвящает подробный, литературный рассказ, написанный по мотивам летописного предания⁹⁰⁴. Следуя своим летописным источникам, польский автор сообщает о походе огромной армии Ольгерда из Витебска на Москву через Можайск, ставшем для его противника полной неожиданностью, упоминает о расположении лагеря литовцев на Поклонной горе и последующих переговорах между князьями, завершившихся заключением перемирия, компенсацией всех военных расходов Литвы, а также установлением литовско-московской границы с одной стороны по Можайску, а с другой стороны по глубокой и болотистой реке Угре, которая начинается недалеко от Догобужа в восемнадцати милях от Смоленска (граница по Угре при этом подтверждается ссылкой на труд Герберштейна⁹⁰⁵). Стрыйковский свидетельствует о том, что «кондиции», согласованные в ходе переговоров, были подтверждены торжественной присягой и целованием креста, а также упоминает о том, что литовский князь, в назидание Дмитрию, совершил символический акт, призванный увековечить его победу: то ли «сломав копье о московскую крепостную стену», то ли приставил его к ней, «чтобы Москва помнила, что Литва с Ольгердом с копьями своими подступала к московской крепости»⁹⁰⁶. Завершая свой рассказ,

⁹⁰² Ibid. S. 420.

⁹⁰³ Ibid. S. 407.

⁹⁰⁴ Литовско-русские летописи содержат более краткий рассказ о конфликте Ольгерда и Дмитрия, причем не датируют его. А. И. Рогов в свое время высказал предположение, что Стрыйковский мог использовать не сохранившиеся до наших дней «приукрашенные народной фантазией» известия о походах Ольгерда на Москву, в действительности имевших место в 60-х гг. XIV в. (*Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи ... С. 175–177).

⁹⁰⁵ Дана ссылка на 70-ю страницу трактата Герберштейна (по изданию 1571 г.), где содержится заимствованная характеристика реки Угры, «некогда разделявшей Литву и Московию» (*Ugra ... fluvius olim Lithvuaniam a Moschoviam dividebat*).

⁹⁰⁶ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 421.

Стрыйковский называет московский поход «славной победой» и видит особую заслугу Ольгерда в том, что литовское государство было расширено без проведения битвы и кровопролития».

Рассказ о московском походе также был представлен в сочинении Гваньини под выносной глоссой «Ольгерд триумфует в Московии» (*Olgardus in Moschovia triumphat*). Этот автор в целом корректно передает факты, отражавшие суть событий, судя по всему опять же используя при этом свой традиционный источник – «Посланник добродетели» Стрыйковского. Лишь в отдельных деталях свидетельства итальянского автора не совпадают с реляциями, содержащимися в данном сочинении. Во-первых, Гваньини называет московского князя Дмитрия «тираном»⁹⁰⁷, что было не свойственно для источников Стрыйковского, но легко объясняется особенностями восприятия итальянским автором политических традиций московского государства в современную ему эпоху. Во-вторых, упоминая об установленной по итогам похода Ольгерда московско-литовской границе, Гваньини локализует ее в шести милях от Можайска и в двенадцати милях от города Москвы (*finibusque Lituaniae ultra Mozaiskum sex miliaribus ex una partis promotis a Moschovia urbe duodecim miliaribus*)⁹⁰⁸. В «Посланнике добродетели» и повести «О началах» Стрыйковский вообще не указывает каких-либо конкретных данных об отдаленности границы от Москвы⁹⁰⁹, а в хронике 1582 г. свидетельствует о том, что она проходила в восемнадцати милях от этого города⁹¹⁰.

Антимосковская направленность внешней политики Ольгерда Стрыйковским подчеркивается также при упоминании о планах литовского князя заключить союз с Тверским княжеством, которое, по словам историка, «в то время было очень сильным» и располагалось в непосредственной близости от Москвы (в хронике указывается точное расстояние между Москвой и Тверью – 36 миль, а также расстояние от Москвы до тверской границы – 16 миль)⁹¹¹. Стрыйковский усматривает общность интересов литовской и тверской держав в том, что обе они страдали от агрессивности московского государя, который «в то время вторгался в тверские пределы, а ныне, как видим, всем этим княжеством овладел». Союз с Тверью, по мнению польского автора, предоставлял Ольгерду возможность совместно наступать «на общего неприятеля московского», с литовским войском «спокойно пройти через дружественные тверские земли, а затем внезапно подступить к самой Москве». Эти

⁹⁰⁷ *Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae ... F. 12v.*

⁹⁰⁸ *Ibidem*; о расположении границы Литвы и Москвы «в шести милях дальше Можайска» Гваньини также упоминает в «Описании Московии» (*Gwagnini A. Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum ... F. 7–7v*).

⁹⁰⁹ *Goniec Cnothy do prawdziwych slachciczów, przez Matysa Strykowiusa uczyniony ... S. 546; Strykowski M. O początkach ... S. 262.*

⁹¹⁰ *Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 421.*

⁹¹¹ *Ibid. S. 422.*

свидетельства мы не находим в летописных источниках Стрыйковского, что дает нам основание признать их попыткой польского автора самостоятельно проанализировать внешнеполитическую ситуацию на восточных рубежах Великого княжества Литовского.

Важным элементом политики Ольгерда на русских землях, располагавшихся на восточных рубежах его державы, Стрыйковский признает чрезвычайно удачные браки этого князя. В этой связи им акцентируется то обстоятельство, что союз с Тверью был подкреплен женитьбой Ольгерда на дочери тверского князя, которая, со ссылкой на сочинения Кромера и Бельского, но вопреки свидетельствам летописных источников, именуется Марией⁹¹². Как мы помним, ранее в сочинениях Стрыйковского также упоминалось о расширении владений этого литовского князя за счет Витебского княжества благодаря приданому его первой жены, которая была представлена как Ульяна (русские летописцы называют первую жену Ольгерда Анной). Путаница с именами русских княжон может быть объяснена тем, что Стрыйковский по своему усмотрению использовал свидетельства о браках литовского князя, подчиняя их собственному видению ситуации в региональной политике, что нашло отражение также в его рассуждениях о значении литовско-тверского союза, направленного против Москвы.

Несмотря на то, что в сочинениях Стрыйковского не упоминается о результативности литовско-тверского союза, усиление Ольгердом позиций его державы на ее восточных границах, представляемое как следствие московского похода, дают основание польскому историку поставить достижения этого князя в один ряд с выдающимися результатами внешней политики его племянника Витовта, которому «из-за небрежности ученых людей», единственному несправедливо приписывалась вся слава. Таким образом, Витовт представляется как продолжатель политики Ольгерда в отношениях с Москвой. Весьма лестная оценка Ольгерда Стрыйковским нам представляется не случайной, поскольку акцентирование его заслуг позволяет польскому историку поставить Москву в позицию «младшего партнера» Литвы, а также спроецировать свое представление о характере взаимоотношений двух стран на отношения наследников Дмитрия и Ольгерда – Василия и Витовта, в кото-

⁹¹² Дочь тверского князя, ставшую женой Ольгерда и родившую ему двенадцать сыновей, Марией (*Maria Russa uxore Thruverensium ducis filia*) именует Кромер (*Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 349*), а также буквально передавший в своем сочинении это известие Гваньини (*Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae ... F. 12v*). Бельский упоминает о рождении «русской женой [от] тверского князя» двенадцати сыновей, но не называет ее по имени (*Bielski M. Kronika, tho iesth Historia świata ... L. 379v*). Таким образом, эти польские авторы вовсе не были осведомлены о том, что Ольгерд был женат дважды. В летописных памятниках тверская княжна, выданная замуж за литовского князя, именуется Ульяной Юрьевной (см., например: Хроника Быховца ... С. 43, Евреиновская летопись ... Л. 473об.).

рых литовский князь первоначально представляется как дружественный Москве правитель, а затем – как ее грозный противник.

Акцентируя первую тенденцию, Стрыйковский указывает на личный характер отношений московского и литовского князей: упоминает о женитьбе Василия на дочери Витовта, дружественной встрече зятя и тестя в Смоленске, на которой обсуждались планы совместной борьбы Москвы и Литвы с татарами⁹¹³. В этих вопросах Стрыйковский проявляет большую осведомленность по сравнению с предшественниками, отмечавшими лишь сам факт выдачи замуж за Василия дочери Витовта. Длугош и Меховий ошибочно называют ее Анастасией⁹¹⁴, тогда как их последователи, в том числе Стрыйковский, вовсе имени литовской княжны не упоминают⁹¹⁵.

Вторая тенденция находит отражение в описаниях литовско-московских войн начала XV в., о которых были осведомлены также предшественники Стрыйковского. Сообщается о двух походах Витовта на Москву: первый из них датирован 1406 г., второй – 1408 г. Длугош рассказывает о первом походе кратко, упоминает лишь о том, что армия Витовта, «собранная из поляков, литовцев и русских» (*collecto ex Polonis, Lithuanis et Ruthenis*), опустошила московские земли и с большими трофеями вернулась в Литву, так и не сумев принудить московское войско к открытому сражению⁹¹⁶. О причинах данного конфликта Длугошем не сообщается. Этот изъясн попытался устранить Кромер, не вполне уверенно писавший о том, что эта война началась то ли из-за стремления Витовта расширить свои границы (*proferendorum finium*), то ли из-за обиды (*iniuria*), нанесенной ему «зятем Василием»⁹¹⁷.

Более конкретен в этом вопросе Стрыйковский, который посвящает первой литовско-московской войне в повести «О началах» и хронике содержательный стихотворный рассказ. Причиной резкого ухудшения прежде дружественных отношений Витовта и Василия в нем назван разгром московским войском под Путивлем «литовских северюков» (*Siewruków Litewskich*), которые пожаловались литовскому князю, обвинив Москву в разбое и грабеже. Историк свидетельствует о неудавшейся попытке Витовта восстановить справедливость, при этом нежелание

⁹¹³ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 505–506.

⁹¹⁴ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. VI/2] ... P. 19; *Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum ... P. CCLXXVII.

⁹¹⁵ Кромер называет Василия зятем (*gener*) Витовта (*Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555.* P. 375), Стрыйковский очень кратко сообщает о том, что Витовт отдал свою дочь Василию в «Посланике добродетели» (*Goniec Cnothy do prawdziwych slachciczków, przez Matysa Strykowiusa uczyniony ... S. 549*), а в хронике акцентирует внимание на родстве литовского и московского князей, не сообщая каких-либо деталей относительно жены последнего.

⁹¹⁶ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. VI/2] ... P. 14.

⁹¹⁷ *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555.* P. 375.

московского князя пойти на компромисс представляет как проявление высокомерия со стороны Василия, считая именно такое его отношение к просьбе литовского князя поводом для войны. В отличие от Длугоша и Кромера, Стрыйковский вовсе не упоминает об участии поляков в московском походе и пишет о том, что Витовт «собрал литовские, смоленские и витебские войска», которые в ходе войны разорили приграничные московские земли. Условия мирного соглашения, заключенного Витовтом и Василием, согласно Стрыйковскому, подтверждали границу по Угре. При этом литовский князь удостоен весьма лестной оценки как защитник от притязаний Москвы тех земель, которые «на сто миль с тьмой крестьян и тьмой шляхты» позже были отняты у Литвы⁹¹⁸.

Причиной второго московского похода Стрыйковский называет бегство в Москву брата польского короля литовского князя Свидригайло, который сжег ранее переданные ему во владение польским королем Владиславом-Ягелло Брянск и Стародуб, а Новгород Северский «сдал Василию»⁹¹⁹. Длугош и Кромер напрямую эти события не связывали, лишь называли Свидригайло союзником московского князя, чья поддержка позволила тому избежать поражения⁹²⁰. В рассказе этих авторов еще в большей степени, чем при описании первой московской войны подчеркивается роль польских отрядов в армии Витовта: Длугош свидетельствует о пяти хоругвях, насчитывавших тысячу копьеносцев во главе с маршалком Збигневом из Бжежи, отправленных королем на помощь литовскому князю. Также этим автором упоминается о требованиях, выдвинутых испытанными немало лишений польскими участниками похода выплатить им вознаграждение. Свидетельствуя об удовлетворении королем этих требований, Длугош представляет московскую войну как борьбу «во имя обороны и величия Польского королевства» (*pro Regni Polonie defensione et amplitudine*)⁹²¹. Стрыйковский не игнорирует факта военной помощи, присланной польским королем, но не считает ее определяющим фактором в войне, упоминая о польских отрядах наряду с участвовавшими в походе крестоносцами. Традиционно этот историк делает акцент на русских отрядах в составе армии Витовта. Результатом войны все вышеупомянутые авторы называют принуждение Василия к миру, по условиям которого он обязывался вернуть Литве ранее взятые крепости и подтверждал границу по Угре⁹²².

Такой исход войны польские авторы склонны были трактовать как основу для прочного мира между Витовтом и Василием на несколько

⁹¹⁸ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 516.

⁹¹⁹ *Ibid.* S. 517.

⁹²⁰ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. VI/2] ... P. 19; *Martini Cromeri De origine et rebus* ... 1555. P. 375–376.

⁹²¹ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [T. VI/2] ... P. 21.

⁹²² *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 518.

десятилетий, поскольку о других конфликтах этих князей в их сочинениях не упоминается. Вместе с тем отмечается, что преемники Витовта испытывали все большее давление со стороны московских князей. В частности, в хронике Стрыйковского под 1442 г. упоминается о новой войне с Москвой, которую был вынужден вести Великий литовский князь Казимир. Причиной конфликта названа внутренняя смута в Литве, которой решил воспользоваться не названный польским историком по имени московский князь. Стрыйковский свидетельствует о том, что в ходе этой войны московское войско предприняло попытку захвата принадлежавшей в то время Литве Вязьмы, а литовская армия, которой командовал Станислав Кишка, на протяжении девяти дней разоряла волости неприятеля, сожгла несколько крепостей, в том числе Можайск, Верею, Калугу и Козельск, и, полностью разгромив 15-тысячную армию противника в решающей битве, вернулась в Смоленск к Казимиру с огромными трофеями. Одной из причин поражения Москвы Стрыйковский считает разделение ее сил на две войны: упоминается о произошедшей в то же самое время битве с татарским царем Махметом у Суздаля, после поражения в которой сам московский князь едва спасся. Двумя этими военными неудачами польский историк объясняет стремление московского государства добиться перемирия с Казимиром⁹²³.

Предшественники Стрыйковского о войне с Москвой в 40-х гг. XV в. вовсе не упоминают и сосредоточивают внимание на угрозах, с которыми столкнулся Казимир из-за проведения антилитовской внешней политики московским князем Иваном, захватившим зависимый от Литвы Новгород и некоторые другие пограничные земли. При этом применительно к событиям последних десятилетий XV в. в работах польских авторов интересы Великого княжества Литовского и Польского королевства в отношении с Москвой уже не разделяются: эта держава представляется как их общий противник.

Длугош называет главной причиной вышеупомянутых успехов Москвы пренебрежение Казимира, обладателя польского королевского и великокняжеского литовского титулов, к делам на восточных границах, его отсутствие в Литве, а также те огромные богатства, которые были вывезены из Новгорода и сделали московского князя «страшным и опасным для соседних народов»⁹²⁴. Этот польский историк, который был современником описываемых событий и досконально знал внеш-

⁹²³ Ibid. S. 596; этот рассказ Стрыйковского основывается на летописных источниках, свидетельства которых передаются не вполне точно. В свое время А. И. Рогов обратил внимание на очевидную некорректность датировки войны и явное преувеличение польским автором численности московской армии (*Рогов А. И. Русско-польские культурные связи ...* С. 208–209).

⁹²⁴ *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae* [Т. X]. Lib. 12: 1462–1480. Cracovia, 2005. P. 442–443.

неполитическое положение своей страны, благодаря привилегированному положению при дворе Казимира, высказываясь как бы от имени польско-литовского монарха, «отговаривает» литовцев от войны и предостерегает их от безрассудного соперничества «с вождем славным и усилившимся огромными богатствами, не заручившись поддержкой со стороны опытной и хорошо обученной польской армии». Длугош также советует литовцам в борьбе с Москвой «не полагаться излишне на принадлежащих Литве русских, которые не дружественны им из-за различий в вероисповедании»⁹²⁵. На этом известия Длугоша о литовско-московских отношениях прерываются: в 1480 г. этот историк умирает, в связи с чем данная тема получила развитие в трудах его последователей – Меховия, Кромера, Бельского и Стрыйковского.

Эти авторы в своих сочинениях описывают взаимоотношения польско-литовского союза и московской державы на рубеже XV и XVI в. не освещенные в хронике Длугоша. Меховий отмечает положительные и отрицательные тенденции в отношениях этих двух держав. С одной стороны, он информирует читателей своей хроники о женитьбе сына Казимира короля Александра на дочери московского князя Елене (*Helena coniunx regis Alexandri, filia Iwan ducis Moskoviae*)⁹²⁶. С другой стороны, польский историк изображает этих двух монархов как врагов: сообщает о захвате Иваном у Литвы Можайского княжества, «длинной и шириной в семьдесят миль» (*principatum Mozaisensem, longitudinis septuaginta, latitudinis totidem miliarium*), то ли сорока, то ли тридцати крепостей⁹²⁷, а также свидетельствует о неудавшихся попытках завоевания московским князем принадлежавшего Литве Смоленска⁹²⁸.

В хронике Кромера в числе наиболее существенных неудач Литвы в отношениях с Москвой наряду с потерей Новгорода названа измена северских князей. Этому событию польский историк посвящает содержательный рассказ, не представленный в сочинениях его предшественников, в котором поводом для измены назван инцидент, случившийся во время приема северских князей Казимиром в Вильно, когда по вине королевского привратника один из них сломал палец. Это событие польский историк называет «не очень важным поводом» для перехода северских князей на сторону Москвы, тогда как истинной причиной произошедшего он склонен считать презрительное отношение к ним литовцев,

⁹²⁵ Ibid. P. 443.

⁹²⁶ *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ... P. CCCLX.*

⁹²⁷ Меховий приводит различные данные в двух своих сочинениях: в «Трактате о двух Сарматиях» упоминается о захвате московским князем Можайска и 40 крепостей (*Матвей Меховский Трактат ... P. 182*), тогда как в хронике о Можайске не упоминается, а также указывается меньшее количество крепостей (*Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ... P. CCCLXX*).

⁹²⁸ Ibid. P. CCCLI, CCCLX.

а также отличия в религии и священных обрядах, в чем северские русские были близки Москве⁹²⁹.

В своих оценках «литовской» политики московского князя Кромер следует Длугошу. В частности, сравнивая военный потенциал Москвы и Литвы, этот автор, как и его предшественник, отмечает преимущество в боеспособности и численное превосходство могущественной московской армии, «закаленной в войнах и сохраняющей память об одержанных победах», а также полагает, что литовская армия не была в состоянии ей противостоять, поскольку «давно отвыкла от войны и изнежилась», нуждалась в помощи наемных солдат. Тем самым Кромер оправдывает стремление Казимира «миром уладить противоречия с жестоким московским князем», упоминает о его длительных переговорах с ним. В то же время этот автор отмечает в качестве важной причины пассивности Казимира в противостоянии с Москвой его вовлеченность в урегулирование других важных вопросов внутренней и внешней политики⁹³⁰.

Стремлением «увеличить государство» Кромер также объясняет выдачу замуж Великим московским князем его дочери Елены за Великого литовского князя Александра. При этом польский историк свидетельствует о требовании Ивана, обращенного к своему зятю, «вернуть ему всю Русь аж до Березины»⁹³¹, которое привело к началу литовско-московской войны. Со ссылкой на труд Герберштейна, Кромер также приводит в своем сочинении московскую «версию» происхождения конфликта двух стран, согласно которой, война началась из-за нарушения зятем московского князя принципиального условия брачного договора: вопреки взятому на себя обязательству тот не построил в Вильно часовню для своей жены, которая придерживалась русского обряда⁹³².

Описывая ход войны, Кромер свидетельствует о низкой боеспособности литовской армии, которая «не имела ни сил, ни духа для борьбы со столь могущественным врагом», из-за чего Александр был вынужден нанимать солдат в Польше, Силезии, Чехии и Моравии. Главным успехом Москвы в войне названа битва на реке Ведроши, в которой попавшие в засаду литовские полки были рассеяны, а сам командующий армией «русский Константин Острожский» и множество знатных вельмож попали в плен. В результате поражения литовцев, согласно Кромеру, Москва захватила Дорогобуж, Торопец, Белую крепость и Брянск, а также сохранила за собой северские земли, чьи князья ранее перешли к московскому князю⁹³³. Завершение войны с Москвой этот польский

⁹²⁹ *Martini Cromeri De origine et rebus ...* 1555. P. 639.

⁹³⁰ *Ibid.* P. 640–641.

⁹³¹ *Ibid.* P. 655.

⁹³² *Ibid.* P. 656.

⁹³³ *Ibidem.*

историк связывает с безуспешной осадой Смоленска московской армией под командованием Дмитрия, сына великого князя Ивана и шурина Александра, который был вынужден отступить, прослышав о приближении Александра «с множеством людей». По итогам войны, как сообщает Кроммер, «между тестем и зятем» было заключено перемирие на шесть лет с условием обмена пленными⁹³⁴. Также этот автор в своем сочинении свидетельствует то ли о «выкупе», то ли о «взятии» Иваном у литовцев «свыше семидесяти крепостей и замков» (*Lituanis supra septuaginta arces et castella ademerat*), что, как можно видеть, существенно расходится с приведенными нами выше данными Меховия⁹³⁵.

Марчин Бельский в 9-й книге третьей редакции «Хроники всего света» представляет описание истории взаимоотношений Литвы и Москвы на рубеже XV и XVI в., которое является авторским пересказом соответствующих фрагментов латинского трактата Герберштейна. Польский историк свидетельствует о том, что «Иван Васильевич великий князь московский, отдав за польского короля Александра свою дочь Елену, начал войну, найдя для этого в качестве повода то, что тот ей русской церкви не построил в Вильно, и что также попов Русских ей не оставил, каких она хотела, как и компаньонка (у Бельского: *fraucymer*), то есть русских девушек, как было обещано послами»⁹³⁶. Бельский пишет о том, что «собрав множество людей», московский князь разделил свою армию на три войска, первое из которых отправил на Северскую землю на юг, вторую на Торопец на север, а третью к Дорогобужу и Смоленску. Польский автор упоминает о разгроме литовской армии в битве на Ведроши (*Wedrasz*), пленении «гегмана» Константина Острожского, захвате «московскими» огромных трофеев, взятии ими Торопца, Дорогобужа, Белой и Брянска, а также переходе на сторону Москвы князей Северской земли, «которые всегда были подданными литовской земли». В результате этой войны, констатирует Бельский, весьма произвольно передавая мысль Герберштейна, «Москва получила все то, что забрал у нее Витовт» (*Moskwa dostała tego wszytkiego co był Witułt pod nimi wziął*). Вовсе отступая от своего источника, Бельский приписывает князю Ивану Васильевичу помимо «взятия у Литовского княжества семи-

⁹³⁴ Ibid. P. 660.

⁹³⁵ Для сравнения: *Mathia de Mechow. Chronica Polonorum ... P. CCCLXX; Мамеей Меховский. Трактат ... P. 182; Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 668*. В хронике Кроммера для обозначения действия, осуществленного Иваном в отношении литовских крепостей, использован латинский глагол *admeo* (в редакции 1555 г. в форме *ademerat*, а в редакции 1589 г. в форме *ademit*), который имеет значение «докупать». В этой связи не вполне ясно, идет ли речь о захвате 70 крепостей или же о совокупном приросте владений московского князя, в том числе за счет новгородских и северских земель, что не было результатом войны Литвы и Москвы. Вполне возможно, что Кроммер использует этот глагол в переносном значении.

⁹³⁶ *Bielski M. Kronika, tho iesth Historya świata ... L. 428v.*

десяти миль [территории]» (wziął księstwa Liteswskiego na siedmdziesiąt mil) также присоединение «благородного города Пскова, который поивовался литовцам»⁹³⁷.

Наиболее содержательный рассказ о литовско-московской войне конца XV–начала XVI вв. представлен в хронике Стрыйковского. Этот автор добавляет много новых свидетельств по сравнению с реляциями своих предшественников. Ничего нового не сказано лишь о причинах войны: в этом вопросе Стрыйковский ориентируется на свидетельства Кромера⁹³⁸. Между тем в его сочинениях очень подробно описана ситуация в региональных международных отношениях, предшествовавших конфликту между польско-литовским союзом и московской державой. В частности, упоминается о «сговоре» Москвы с перекопским царем Медликереем и валашским воеводой Стефаном, а также о просьбе Ивана, обращенной к князьям Семену Ивановичу Можайскому и Василию Ивановичу Шемяке (у Стрыйковского: *Osiemiatczye*), «чтобы они со всеми своими северскими замками отступили от его зятя великого литовского князя и служили ему». Согласно Стрыйковскому, эти князья приняли предложение московского князя и перешли к нему вместе со своими замками: Черниговом, Стародубом, Новгородом Северским и Рьльском. Упоминается также о переходе к Москве князя Семена Ивановича Бельского «со всей своей державой» и об измене жителей Брянска, которые, узнав о приближении московского войска, умышленно подожгли брянскую крепость и присягнули московскому князю⁹³⁹.

Стрыйковский подробно описывает решающую битву литовской и московской армий, состоявшуюся на реке Ведроши, поименно перечисляет участвовавших в ней литовских панов. Следствием поражения Литвы в этом сражении польским историком названа потеря Путивля, Дорогобужа, Залидова и Торопца. Стрыйковский повторяет свидетельство Кромера о вербовке Александром наемников в Чехии и Германии, однако от себя добавляет, что нанятые солдаты «мало пользы, а больше вреда Литве причинили». Вместе с тем им в заслугу ставится освобождение Смоленска от осаждавшей его московской армии, которая мощно штурмовала город ночью и днем, применяя разнообразные осадные орудия. Стрыйковский подчеркивает героизм защитников Смоленска, которые отбили штурм и вынудили сына московского князя Дмитрия, потерявшего множество людей, с позором отступить от крепости. Еще одной неудачей противников Литвы на заключительной стадии войны

⁹³⁷ Ibid. L. 429; О присоединении Пскова Иваном III никто из предшественников Бельского не упоминал. Меховий, Герберштейн и Кромер относят это событие в эпоху правления сына Ивана Василия.

⁹³⁸ Для сравнения: *Martini Cromeri De origine et rebus ... 1555. P. 655–656; Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska ... S. 668.*

⁹³⁹ Ibid. S. 679.

польский историк называет безуспешную попытку овладеть Мстиславлем союзника Москвы князя Семена Ивановича Можайского⁹⁴⁰.

В числе причин прекращения войны Стрыйковский называет, с одной стороны, создание антимосковской коалиции Литвы и заволжских татар, которые отвлекли на себя часть войск московского князя, а с другой стороны, материальные затруднения литовских князей, вызванные их потерями из-за войны с Москвой, а также бесполезными тратами на найм иностранных солдат, которые, оставшись без военной добычи, «возвращаясь, опустошали и грабили то, чего неприятель не завоевал»⁹⁴¹. Стрыйковский свидетельствует, что с инициативой заключения перемирия на шесть лет выступил Александр, который согласился с тем, что «Москва оставила себе отнятые у Литвы крепости и пленных, захваченных на Ведроши». Таким образом, Стрыйковский опровергает свидетельство Кромера о том, что пленники были возвращены в Литву⁹⁴². Касаясь вопроса территориальных потерь Литвы в результате войны, Стрыйковский также расходится с Кромером, упоминая о том, что московский князь «отнял у литовского княжества 70 замков и городов вместе с Новгородом Великим» (*Litewskiemu księstwu 70 zamków i miast z Nowogrodem Wielkim odjął*)⁹⁴³.

Предпринятый нами обзор позволяет констатировать неравномерность освещения истории литовско-русских отношений в сочинениях различных польских авторов. Для Длугоша, Меховия, Кромера и Бельского этот сюжет был периферийен, этих авторов прежде всего интересовала история взаимоотношений русских земель и Польши, тогда как «литовско-русские» фрагменты носили дополняющий характер. Именно этим можно объяснить отсутствие в трудах вышеупомянутых авторов сведений о ранних этапах взаимоотношений Литвы и Руси. Значительно подробнее ими освещаются вопросы «русской» политики литовских князей в конце XIV–начале XVI вв. Изменение отношения к проблематике литовско-русских отношений можно объяснить тем обстоятельством, что в результате восшествия на польский престол литовской династии Ягеллонов внешнеполитические интересы Польши и Литвы существенно сблизились. Потому в работах большинства польских авторов мы находим описания совместных внешнеполитических акций Литвы и Польши, направленных на усиление влияния конфедерации этих стран в русских землях (фрагменты, посвященные взаимоотношениям со смоленской, псковской, новгородской землями и Великим княжеством Московским).

⁹⁴⁰ Ibid. S. 682.

⁹⁴¹ Ibidem.

⁹⁴² Ibid. S. 686.

⁹⁴³ Ibid. S. 691.

В сочинениях Стрыйковского и Гваньини истории взаимоотношений Литвы и Руси уделяется повышенное внимание. Их развитие прослеживается с момента зарождения литовской государственности до эпохи фактического объединения Польши и Литвы под властью одного монарха. Причиной появления сочинений, содержащих обстоятельные очерки истории формирования главным образом на русских землях обширного литовского государства, мы полагаем, стало создание в результате подписания в 1569 г. Люблинской унии единого польско-литовского государства, в котором литовские элиты стремились достичь баланса в отношениях с элитами польскими посредством исторической аргументации, доказательства древности происхождения своего народа и героической истории складывания литовской государственности. Эти обстоятельства объясняют доминирование мифологического элемента в описании ранних этапов развития литовско-русских отношений, а также идеологические акценты в концепции Стрыйковского, с помощью которых этот автор обосновывал поглощение Литвой русских земель, некогда входивших в состав могущественной Киевской державы. Стрыйковский и Гваньини тем самым стремились представить Великое княжество Литовское как альтернативную форму политической организации восточных славян, утративших собственную государственность в силу объективных исторических обстоятельств.

Таким образом, история литовско-русских отношений в польской хронографии интересующей нас эпохи сегментирована. Разделение ее осуществлено по хронологическому рубежу 1386 г. – году вступления литовского князя Ягелло на польский королевский престол. Дальнейшие события в истории литовско-русских отношений освещаются в сочинениях всех изученных нами авторов согласованно, в их представлении нет различий концептуального характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование позволяет проследить процесс «открытия» польскими учеными эпохи Возрождения истории славянского востока для читающей публики Польши и Западной Европы. По времени этот процесс совпал с рядом важных событий в истории интеллектуальной культуры Старого Света – распространением книгопечатания, началом постепенной эмансипации ученых от церкви, а также стремительным расширением умопостигаемого пространства просвещенных европейцев, вызванного Великими географическими открытиями, которые предопределили рост интереса к новым неизведанным землям, их истории, богатству природных и человеческих ресурсов.

Переход от характерных для средневековой хронографии отрывочных представлений о прошлом восточных соседей поляков к системному восприятию их истории, формированию полноценного и идеологически ангажированного исторического образа Руси, был обусловлен не только общими тенденциями развития ученой мысли в Европе, но и коренным изменением политической ситуации. С XIV в. Польша постепенно начинает превращаться из конгломерата слабых удельных княжеств в региональную державу. Решающую роль в этом процессе сыграло включение в состав Польского королевства Юго-Западной (Червонной) Руси и заключение династической унии между Польшей и Литвой в 1385 г. По условиям этого соглашения, польская корона передавалась литовской династии Ягеллонов, что положило начало процессу политического и культурного сближения польского и литовского государств, завершившемуся их объединением в 1569 г.

В новых исторических условиях коренным образом изменились концепция внешней политики Польши на славянском востоке и отношение к православному населению русских земель, оказавшихся под властью Польши и Литвы. Этнические русские, превратившиеся в подданных Ягеллонской монархии и считавшиеся «младшими партнерами» двух титульных народов – поляков и литовцев, нередко подвергались политической и культурной дискриминации. Для легитимации гегемонистской внешнеполитической доктрины польско-литовского союза, рассматривавшей славянский восток как покоренную территорию, ключевую роль должны были сыграть исторические аргументы – именно они стали мощнейшим инструментом обоснования прав Польши на владение русскими землями. В этой связи «русская» тема оказывается в центре внимания выдающихся польских историков Ягеллонской эпохи, многие из которых в той или иной степени были связаны либо с польским королевским двором, либо с высшими церковными иерархами Польши.

Разнообразие в подходах польских авторов к описанию истории восточных славян было обусловлено не только изменчивостью политиче-

ской обстановки, но и самой природой ренессансной интеллектуальной культуры, позволявшей историкам выходить за рамки средневековых моделей описания прошлого. Польские ученые обратились к потенциалу античной историографии и воспользовались достижениями ведущих мастеров исторического жанра европейского Ренессанса. В результате, созданные ими концепции истории славянского востока отражали передовые тенденции в развитии исторического знания того времени и на протяжении столетий были образцом для подражания – к ним обращались многие поколения интеллектуалов, представлявшие разные страны Европы.

Ключевую роль для обоснования ягеллонской концепции истории славянского востока сыграла хроника Яна Длугоша. Заслугой этого автора было привлечение огромного массива фактического материала из русских летописей, его упорядочение, перевод на латинский язык и истолкование в соответствии с основополагающими идеями концепции национальной истории польского государства. Именно Длугошу удалось «вписать» историю русских земель в историю Польши, создать «пантеон» героев и антигероев истории взаимоотношений двух стран, выделить ключевые моменты в историческом развитии Руси и ее взаимоотношений с соседними государствами и народами.

Вместе с тем созданный Длугошем «исторический синтез» имел существенный недостаток: в его сочинении была применена устаревшая «анналистическая» техника изложения исторического материала в форме «погодных» статей. Из-за того, что «русские» известия в хронике были «рассеяны» по тексту, понять логику исторического развития Руси неискушенному читателю было весьма сложно. Еще одним фактором, препятствовавшим популяризации представлений Длугоша об истории славянского востока, была рукописная форма его хроники. В результате, свидетельства Длугоша об истории Руси до массового читателя дошли преимущественно в интерпретациях его последователей – польских ренессансных историков XVI в., комбинируя заимствованные из хроники Длугоша «русские» свидетельства по своему усмотрению и трактовавших их с учетом стремительно менявшейся политической ситуации в региональных международных отношениях, лейтмотивом которых в это время становится бескомпромиссная борьба польско-литовского союза и Московского государства за гегемонию в Восточной Европе, достигшая кульминации в годы Ливонской войны.

Кроме того, представленная на страницах хроники Длугоша трактовка истории Руси, получившая широкую известность благодаря опубликованным сочинениям Матвея Меховия, совершенно не учитывала «московского» фактора. Именно это обстоятельство привело к некоторой коррекции представлений Длугоша в трудах польских историков второй половины XVI в. – Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, Мачея Стрыйковского и Александра Гваньини.

Важнейшим катализатором таких изменений стала публикация «Записок о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна, содержавших непривычную для поляков трактовку истории славянского востока, которая в значительной степени была ориентирована на интересы Московского государства и потому существенно отличалась от интерпретации Длугоша и Меховия. Авторитет Герберштейна среди европейских интеллектуалов был настолько велик, что проигнорировать его «взгляд» на историю Руси польские авторы не могли. Попытки согласования двух различных подходов обернулись тем, что каждый из упомянутых нами историков продемонстрировал индивидуальный подход к «интеграции» изложенных Герберштейном «альтернативных» свидетельств об истории русских земель в собственную концепцию истории Польши и польско-русских отношений.

Мартин Кромер, в целом сохранивший приверженность «историческому синтезу» Длугоша при описании истории Польши и польско-русских отношений, заимствует у Герберштейна лишь отдельные факты новейшей истории Московии XIV–XVI вв. Это позволило ему разделить историю «польско-литовской» и «московской» Руси и представить Московию как относительно молодое образование, не связанное с традициями древнерусской государственности.

Марчин Бельский в третьей редакции «Хроники всего света» представил обе трактовки истории славянского востока: в очерке истории Польши этот автор воспроизвел соответствующие фрагменты сочинения Длугоша, а в очерке истории Московского государства – передал основные элементы концепции Герберштейна, тем самым сделав ее доступной широкому кругу польских и восточнославянских читателей, не владевших латынью.

Мачей Стрыйковский при написании своего сочинения, как и Длугош, использовал материалы восточнославянского летописания, а также привлек литовские источники. Таким образом, он предпринял попытку согласования польского, литовского, русского и московского «прочтенный» региональной истории. В его хронике нашли отражение «гегемонистские» претензии сразу трех держав – Польши, Литвы и Московского государства; для обоснования их исторических прав на русские земли Стрыйковский, опираясь на источники различного происхождения, зачастую приводит противоречащие друг другу аргументы.

Александр Гваньини, воспользовавшийся достижениями своих предшественников, представил историю русских земель с прагматических позиций иностранного наблюдателя, находившегося на польской службе. Этот автор опубликовал свой труд на заключительном этапе Ливонской войны, и в связи с этим созданный им исторический образ славянского востока в немалой степени был согласован с результатами передела сфер влияния в Восточной Европе в интересах Речи Посполитой. Гваньини, следуя Кромеру, сводит исторический очерк истории

Московии Герберштейна к описанию захвата московскими князьями русских княжеств, тогда как история древнерусской Киевской державы рассматривается им как ранний период истории «Русской земли», ограниченной пределами польско-литовского государства.

Аналогичная трактовка истории русских земель представлена также и в хронике Иоахима Бельского, возродившего традицию «полоноцентристского» взгляда на историю восточных славян: этот автор заимствовал из сочинений своих предшественников преимущественно те фрагменты, которые позволяли акцентировать необратимость интеграции русских земель в структуру польско-литовского государства.

Характер освещения в сочинениях польских авторов отдельных сюжетов русской истории, а именно вопроса происхождения восточных славян, проблем политической истории средневековых русских княжеств, особенностей политических и культурных взаимоотношений Руси с соседними государствами и народами также детерминировался упомянутыми нами выше актуальными приоритетами внешнеполитической доктрины польско-литовского государства.

Вопрос этногенеза восточных славян в исторических концепциях старопольских авторов приобрел ключевое значение не только для освещения истории русских земель и конкретизации места Руси в этнокультурной картине мира поляков, но и был крайне важен для конструирования польской национальной исторической мифологии в целом. Этногенетическая связь восточных славян и поляков трактовалась двояко: если первоначально акцент делался на происхождении русских от поляков, подчеркивался их более низкий статус в родовой иерархии славянских народов, то в дальнейшем генеалогия Руси была существенно «облагорожена», ибо русские представлялись как часть древнего славяно-сарматского сообщества и насельники его древней этнической родины, сохранившего память о сарматском прошлом в своем имени. Оба эти подхода были порождены «великодержавными» амбициями Польши, поскольку позволяли оправдать экспансию современного польского государства на славянский восток и обеспечить исторической легитимацией захват им русских земель – в первом случае посредством апелляции к «старшинству» поляков в родовой иерархии, а во втором случае благодаря использованию аргумента воссоздания под польским верховенством великой сарматской державы в ее прежних границах, включавших Русь.

В свете сказанного выше весьма знаковым обстоятельством следует признать отмеченное нами в ряде этногенетических гипотез, выдвинутых польскими историками, исключение из числа претендентов на «сарматское» наследство «московского народа», а также акцентирование иноэтничности московитов по отношению к потомкам древних славяно-сарматов (поляков и русских). Данный подход, противоречивший очевидному с точки зрения практического знания факту родства «рус-

ского» и «московского» народов, тем не менее в период острой военно-политической конфронтации польско-литовского союза и Великого княжества Московского, кульминацией которого стала Ливонская война, оказался весьма востребованным, поскольку позволял оправдать разделение русских земель посредством привлечения этногенетических аргументов, указывавших на исторический характер размежевания русских и московитов, возводившегося к глубокой «библейской» древности.

Наряду с этногенетическими сюжетами в сочинениях польских историков были широко представлены также и концепции политической истории русских земель, отражавшие их представления об эволюции восточнославянских государств, в том числе Киевской державы и сформировавшихся после ее распада удельных русских княжеств. Большинство польских историков были склонны трактовать «русские государства» как политическую периферию Европы, акцентируя их политическую нестабильность, а также несамостоятельность и негативные личные качества русских князей (трусость, беспечность, лицемерие и склонность к тирании). Исключения из этого правила весьма немногочисленны: отдельные позитивные оценки русских государственных традиций содержались лишь в трудах Стрыйковского.

Столь нелюбимые характеристики соседнего народа и его государственных традиций также объясняются ангажированностью польских авторов интересующей нас эпохи, их ориентацией на конструирование «полоноцентристской» национальной исторической мифологии, одной из главных «внешнеполитических» составляющих которой была в свое время представленная в хронике Длугоша концепция польско-русских отношений, служившая образцом для его последователей и не пересматривавшаяся вплоть до конца XVIII в. В этой концепции Польша на протяжении всей ее истории трактуется как страна-сюзерен и в отношениях с восточнославянскими соседями выступает «с позиции силы». Главными героями «пантеона славы» Польши представляются именно завоеватели Руси, тогда как их русские партнеры четко разделяются на две категории по критерию лояльности сюзерену и трактуются либо как верные вассалы, либо как бунтовщики.

Представления о роли других ключевых внешнеполитических партнеров Руси – печенегов, половцев, татар, Венгрии и Литвы – в рамках «полоноцентристской» исторической мифологемы, нашедшей отражение в польской хронографии интересующего нас периода, полностью подчиняются задаче доказательства исторических прав Польши на владение русскими землями. Единственным исключением здесь является Византия, влияние которой на польско-русские отношения было опосредованным. Прочие страны и народы Восточной Европы, чьим отношениям с Русью польские историки уделяют внимание, чаще всего оцениваются именно с точки зрения их роли в польско-русских отношениях. В результате, печенеги, половцы и татары трактуются как

союзники русских в противостоянии Польше, а Венгрия и Литва – как конкуренты поляков, вопреки справедливости оспаривавшие их право на владение русскими землями. Что любопытно, как конкурент Польши и союзной ей Литвы в борьбе за Русь в рамках «полоноцентристского» исторического мифа рассматривается также и Московское государство.

Альтернативный взгляд на историю международных отношений в Восточной Европе был представлен лишь в сочинениях Стрыйковского и Гваньини, где «полоноцентристская» историческая мифологема, сконструированная Длугошем, была несколько трансформирована с учетом интересов литовско-русских элит Речи Посполитой. Стрыйковский описывает историю «полицентрически», характеризует три главные восточноевропейские державы – Польшу, Русь и Литву в качестве суверенных субъектов международных отношений. Хотя этот автор также находится под влиянием «полоноцентристской» мифологемы Длугоша, она отчасти уравнивается материалом, заимствованным из альтернативных источников (русских летописей, трактата Герберштейна) и потому не играет определяющей роли.

В заслугу Стрыйковскому следует прежде всего поставить конструирование «литуаноцентристской» мифологемы (выводившей Великое княжество Литовское на историческую арену как равноправного партнера Польского королевства), в рамках которой права Литвы на владение русскими землями получают мощное историческое обоснование. При этом Стрыйковский по сути копирует «длугошеву» модель мифологизации процесса «инкорпорации» русских земель, заменяя лишь субъект экспансии (Литва вместо Польши). Мифологема Стрыйковского обладает спецификой по сравнению с мифологемой Длугоша, однако сам по себе факт создания концепции литовско-русских отношений «по аналогии» указывает на системный характер мифотворчества, целью которого являлось конструирование исторической действительности в интересах достижения актуальной для современников задачи обеспечения экспансионистской государственной идеологии исторической аргументацией.

Представленная на страницах польских хроник предренессансной и ренессансной эпох аргументация была важным фактором пропагандистской работы (в которой вольно или невольно принимали участие авторы изученных нами польских исторических сочинений), направленной на оправдание и обоснование экспансии польско-литовского союза на русские земли не только в глазах элит собственной страны, но и европейской просвещенной публики. Благодаря публикациям трудов польских историков на латинском языке в различных странах Европы именно «польская» точка зрения на историю Руси и ее взаимоотношений с другими странами и народами была воспринята на Западе, что стало одной из причин формирования негативного образа России в европейской историографии Нового времени.

Польское посредничество как фактор формирования комплекса представлений европейцев о русской истории, таким образом, является весьма интересным объектом исследования. В нашей работе мы постарались указать на специфику трансформации образа истории Руси лишь применительно к одной эпохе в развитии исторической мысли Польши. Между тем вопрос искажения истории в интересах политической конъюнктуры, создание «внешних» мифологизированных исторических образов, ориентированных на интересы государственной пропаганды, наконец, целевое использование этих образов для формирования политики исторической памяти сохраняет актуальность и в наши дни и потому заслуживает дальнейшего пристального внимания со стороны научного сообщества.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Еврейновская летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. XXXV.

Летопись по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. – СПб, 1908. – Т. II.

Летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. – Ленинград, 1926. – Т. I. Вып. 1: Повесть временных лет. – 2-е изд.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер., коммент. С. А. Аннинского. – М.; Л., 1936.

Летопись Красинского // Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. XXXV.

Летопись Рачинского // Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. XXXV.

Ольшевская летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. XXXV.

Румянцевская летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. XXXV.

Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. XXXII. – М., 1975.

Ad serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio, a de Ioanne Fabri aedita // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. – М., 1997.

Annales Stanislai Orichovi Okszi. Adiuximus vitam Petri Kmitae. – Dobromili in Officina Ioannis Szeligae, 1611.

Bielski M. Kronika Wssythyego swyata na ssesc wieków a na czwory księgi także Monarchie rozdzielona, rozmaitych historij, tak w swętym piśmie jako w prostym, s Kosmografia nową y rozmaitemi krolestwy, tak pogańskimi żydowskimi, jako krzesciyanskimi: w ktorey też żywoty Papyeskye, Ceserskye, y królów inych także Ksyażat, od początku swyata aż do tego roku który sye pisze 1554. Myedzy ktoremi też nassa Polska yest z osobna położona, y swyata nowego wypisanye. Dostatecznyey niż pirwssa s pisana y pilnyey figurami ochędożnemi. Cum gratia et privilegio. – Drukowano w Krakowye przez Hieronima Scharffenberga, 1554.

Bielski M. Kronika wszytkyego swyata, na ssesc wyekow, Monarchie czterzy rozdzielona, s Kozmograpia nowa y z rozmaitemi Krolestwy tak pogańskimi Żydowskyemi jako y krzesćiańskyemi, s Sybillami y prorocctwy ich po polsku pisana s figurami. W ktorey też żywoty Cesarskye, Papyeskye, y tych królów z ich Krolestwy, Asyryjskich, Egipskich, Żydowskich, Greckich, Perskich, Tureckich, Węgyerskich, Czeskich, y inych rozmaitych thak Krolow, Kxyażat, jako inych przełożonych od początku swyata aż do tego

roku który się pisze 1551 są napisane. Myędzy ktoremi też nasza Polska na ostatku zosobna yest wypisana. – [Kraków, 1551].

Bielski M. Kronika, tho iesth, Historya swiata na sześć wieków, a czterzy Monairchie, rozdzielona z rozmaitych Historyków, tak w świętym piśmie krzescijanskim, żydowskim, iako y Pogańskim, wybierana y na Polski ięzyk wypisana dosthatheczniey niż pierwey, s przydanim wiele rzeczy nowych: Od początku świata, aż do tego roku, który się pisze 1564 s figurami ochędożnymi y własnymi. – Drukowano w Krakowie u Mattheusza Siebeneychera, 1564 (перп. переизд.: 1976).

Chronica Poloniae Majoris // Monumenta Polonica Historica. N. S. – Warszawa, 1970. – T. 8.

Chronica sive Historiae Polonicae compendiosa, ac per certa libroram capita ad facilem memoriam recens facta descriptio: Authore Magnifico Viro Joanne Herburto de Fulstin, Regni Polonici Senatore. Cum gratia et privilegio Caes. Maiest, ad decem et Regis Galiarum ad novem annos. – Basileae Ofic. Oporiniana, 1571.

De Moscovia ad Clementem VII. Pont. Max. Albertus Campensis. Venetis Apud Paulum Girardum. M.D.XLIII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. – М., 1997.

Decius I. L. De Iagiellonum Familia. – Cracoviae, 1521. – Lib. II.

Decius I. L. De Sigismundi Regis Temporibus. – Cracoviae, 1521. – Lib. III.

Decius I. L. De vetistatibus Polonorum. – Cracoviae, 1521. – Lib. I.

Demitrowicz P. Compendium abo Krotkie opisanie tak Książąt y Krolow Polskich jako spraw przypadkow y dawnych dziejow krolestwa Polskiego z Kroniki Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego y inszych [...]. – Lubicz, 1625.

Galli Anonymi Cronica et Gesta Ducum sive Pricipum Polonorum // Monumenta Polonica Historica. N. S. – Cracoviae, 1952. – T. 2.

Goniec Cnothy do prawdziwych slachciczów, przez Matysa Strykowiusa uczyniony w którym są przykłady piękne spraw mężów znacznych, postęпки Sarmatów i królów Polskich, książąt litewskich i ich narodu sławnego wywód, i sprawy skuteczne z dawna w prochu zakryte, a od żadnego przed tym nie wydane, od początku ich aż do dzisiejszego z łaski Bożej krola Henryka // Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtórzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582, Poprzedzone wiadomością o życiu i pismach Stryjkowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o Latopiscach Ruskich Przez Daniłowicza Pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Stryjkowskiego według pierwotnych wydań. – Warszawa, 1846. – T. II.

Gwagnin A. Kronika o ziemi Tatarskiej y o narodzie ich: w ktorej się zamyka opisanie Scythiey dwoiakiey, historia o Amazonkach, przyszcie Tatar do Europy, a co są za lud: mieszkał przed tym w ziemi tej, kędy dziś Tatarowie mieszkaią. Tudzież też Hordy królestwa, życie, obyczaie ich, y sposoby wojenne opisuią się: A to są księgi VIII. – Kraków, 1611.

Gwagnin A. Kronika W. X. Moskiewskiego y państw do niego należących. – Kraków, 1611.

Gwagnin A. Kronika ziemie Ruskiej: W którey się zamyka wszystkich miast, zamków y prowinciey do niey należących, krótkie opisanie / Tudzież też Xiążąt y Monarchów onych dawnych, z których się zacne y wielkie Familie na Rusi, y w Wielkim X. Litewskim rozrodziły, genealogia: A to są księgi III. – Kraków, 1611.

Gwagnini A. Magni Ducatus Lituaniae cum suis ducibus, provinciis, palatinatibus, civitatibus et castris praecipuis, morumque gentis, originis, religionis antiquae compendiosa descriptio. – Cracoviae, 1578.

Gwagnini A. Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium arcium civitatum praecipuarum, illarum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio. Adjuncta praeterea gesta praecipua Tyrannisque ingens moderni Monarchae Moschoviae Joannis Basilidis nuper perpetrata, vera fido descripta. – Cracoviae, 1578.

Gwagnini A. Tartarorum Campestrium in Hordas divisorum, morumque et consuetudinis vitae eorundem brevissima descriptio. – Cracoviae, 1578.

Historia Polonica Joannis Długossii seu Longini Canonici Cracovien. In 3 t. digesta // Autoritate et sumptibus Herbulti Dobromilski edita. – Dobromili, in Officina Ioannis Szeligae, 1615.

Ioannis Crassinii Polonia ad serenissimum, et potentissimum, Henricum primu Valesium, Dei gratia vtriusque Poloniae Regem. – Bononiae, Apud Peregrinum Bonardum. Venia ad superioribus consella [1574].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 7, 8. – Varsavia, 1975. – [T. IV].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 9. – Varsavia, 1978. – [T. V].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 10: 1370–1405. – Varsavia, 1985. – [T. VI/1].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 10, 11: 1406–1412. – Varsavia, 1997. – [T. VI/2].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 11: 1413–1330. – Varsavia, 2000. – [T. VII].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 11, 12: 1431–1444. – Varsavia, 2001. – [T. VIII].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 12: 1455–1461. – Cracovia, 2003. – [T. IX].

Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 12: 1462–1480. – Cracovia, 2005. – [T. X].

Joannis de Czarnkow Chronicon Polonorum // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski. – Lwów, 1871. – T. 2.

Kronika Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach koronnych polskich: ksiąg XXX przez

Marcina Błazowskiego na polski język przetłumaczone przydatkami i dowodami niektórymi poniekąd utwierdzone y własnym onegoż kosztem z druku na świat podane. Cum gratia et privilegio S.R.M. – W Krakowie w drukarni Mikołaja Loba, 1611.

Kronika Polska Stanisława Chwalczewskiego // Zbiór pisarzy polskich. – Warszawa, 1829. – T. IX. – Część trzecia.

Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna jego wydana. Cum gratia et priuilegio S. K. M. – W Krakowie, w Drukarni Jakuba Sibeneychera, 1597.

Kronika Sarmacyey Europejskiej, w ktorey się zamyka Krolestwo Polskie, ze wszystkimi Państw, Xięstw, y prowincyami swemi; tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew[skiej]; Ruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tatarów; przez Alexandra Gwagnina z Werony, Hrabię Pałacu laterańskiego, Rycerza pasowanego y Rotmistrza Jego K. M. pierwey roku 1578 po łacinie wydana. A teraz zaś z przyczynieniem tych Królów, których w łacińskiej niemasz: Tudzież królestw, Państw, Insuł, ziem y Prowincy ku tey Sarmacyey przyległych: iako Graecyey, ziem Słowiańskich, Wołoszey, Pannoniey, Bohemiey, Germaniey, Daniey, Szwecyey, Gotyey etc. Przez tegoż Authora z wielką pilnością rozdziałami na X ksiąg króciuchno zebrana: A przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Authorowym z Łacińskiego na Polskie przełożona. – Kraków, 1611.

Która przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej, etc. Y rozmaite przypadki wojenne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich, y inszych krain Krolestwu Polskiemu y Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu przyległych, według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodów z rozmaitych Historikow y Autorow postronnych, y domowych, y Kijowskich, Moskiewskich, Sławiańskich, Liflatskich, Pruskich starych, Dotąd ciemnochmurną nocą zakrytych Kronik, y Latopiszow Ruskich, Litewskich, y u Długosza Oycza dzieiow Polskich z inszymi, z wielką pilnością y wężłowatą pracą (Osobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych) przez Macieia Osostewicivsa Striykowskiego dostatecznie napisana, złożona, y na pierwsze światło z wybadaniem prawdziwie dowodniey starodawności własnym wynalezieniem, przeważnym dochcipem, y nakładem nowo wydźwigniona przez wszystkie starożytnie wieki, aż do dzisieyszego Roku 1582. A tu przod wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich na Swiecie Narodow gruntowne wywody. Z łaską i Priwileiemi Kro: J: M: – Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera, 1582.

Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Adiecta est in fine, eiusdem autoris funebris Oratio, Sigismundi, Regis vitam compendiose complexa. Cum Caes. Maiest. Gratia et Peivilegio ad annos decem. – Basileae per Joannem Oporinum, MDLV.

Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti. Funeris eiusdem auctoris Oratio Sigismundi Regis vitam compendiose complexa et aliquoties iam prius edita. Accessit iudicium Francisci Robortelli Utinensis de auctore et libro. Cum gratia et privilegio Caes. Maies. ad novem annos. – Basiliae ex Officina Oporiniana, 1568.

Martini Cromeri Varmensis episcopi Polonia, sive De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Oratio funeris Sigismundi primi regis. Deque situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae, libri duo. Omnia nunc ultimo ab ipsomet auctore recognita, ac multis iocis emendata et aucta. His accesserunt recens ad historiae continuationem, quae sequens pagina demonstrat et chartae geographicae cum Poloniae, Prussiae, Masoviae, Russiae etc. tum etiam Lituaniae, Liunioniae et Moscoviae, aeneis formis expressae. Cum indice rerum memorabilium locupletissimo. – Coloniae Agrippinae in officina Birckmannica sumptibus Arnoldi Mylij, Anno M.D.LXXXIX.

Mat. Strykovii Descriptio Sarmatiae Europaeae // Historiarum Poloniae et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum. – Varsavia, 1761. – T. 1.

Mathia de Mechow. Chronica Polonorum. – Cracoviae, per Hieronymum Vietorem, 1519–1521.

Pauli Iovii Nouocomensis libellus de legatione Basili magni Principis Mo schouiae ad Clementem. VII. Pont. Max. in qua situs Regionis antiquis incognitus, Religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referuntur. Caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolemaei, aliorumque Geographiae scriptorum, ubi de Rypheis montibus meminere, quos hac aetate nusquam esse, plane compertum est. Roma // Россия в первой половине XVI в.

Polskie wypisanie dwoiey krainy świata: która po łacinie Sarmatią, także y lud tam przebywaiący zowa Sarmatę, iakoby zawsze gotowi a zbroyni. Gdzież też obiawione są niektóre dawne dzieie polskie. Z wypisania Da Macieia Miechowity dopiro wyłożone. – Kraków Flor. Ungler, 1535.

Rerum moscovitarum commentarii. Quibus Russiae ac metropolis eius Moscoviae descriptio, chorographicae tabulae, religionis indicatio, modus excipiendi et tractandi oratores, itinerana in Moscovia duo et alia quedam continentur. His nunc primum accedunt. Scriptum recens de graecorum fide, quos in omnibus moscorum natio sequitur et commentarius de bellis moscorum adversus finitimos polonos, lituanos, suedos, livonios et alios gentis ad annum usque LXXI scriptus ab Ioanne Levenclao. – Basiliae ex officina Oporiana. Per Polycarpum et Hieronimum Gemuseos et Baltasarum Han, 1571.

Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg et Guettenhag. In hijs commentarijs sparsim contenta habebis, candide Lector, Russiae et, que nunc ejus metropolis est, Moscoviae brevissimam descriptionem. De religione quoque varia inserta sunt et quae nostra cum religione non conveniunt. Chorographiam denique totius imperij Moscici et vicinorum quorundam mentionem. Quis denique modus excipi-

endi et tractandi oratores disseritur. Itineraria quoque duo in Moscoviam sunt adjuncta. – Basileae, 1551.

Rocznik kapitulny krakowski // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski.– Lwów, 1871. – T. 2.

Rocznik Traski // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski.– Lwów, 1871. – T. 2.

Sarmatiae Europae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moscoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligenter conscriptae. – Cracovia, 1578.

Stanisłai Sarnicii Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum. Libri octo. Habes hic priorem partem horum Chronicorum, hactenus omissam & neglectam ab alijs authoribus: quae incipit ab Asarmoth conditore Sarmaticorum populorum, & continuatur ad Lechum ipsum, rerum ordine secundum temporum seriem servato. Et tandem a Lecho ad nostra tempora, quid in istis terris actum sit fideliter exponitur. Caetera, quae in hoc libro continentur, ipsius libri argumentum eidem praefixum indicabit. – [Kraków], 1587.

Starowolski S. Setnik pisarzy polskich albo pochwały i żywoty stu najznakomitszych pisarzy polskich / Przekł. i komentarz J. Starnawski, wstęp F. Bielak, J. Starnawski. – Warszawa, 1970.

Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / oprac. i koment. J. Radziszewska. – Warszawa, 1978.

Thietmari Chronicon // Monumenta Germaniae Historica. – Hannoverae, 1839. – T. III.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Апатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.). – М., 1973.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. – М., 1952.

Базылев Л. Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976.

Бахтурина Р. В. «Космография» русской редакции XVI в. и «Хроника всего света» Мартина Бельского // Древняя Русь и Запад: Научная конференция: Книга резюме. – М., 1996.

Белза И. Монография о Стрыйковском // Советское славяноведение. – 1967. – № 1.

Белы А. Хроніка Белай Русі. Chronicon Russiae Albae. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. – Мінск, 2000.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. – СПб., 1868.

Бибиков М. Б. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие для студентов вузов / М. Б. Бибиков [и др.]; под ред. Е. А. Мельниковой. – М., 2003.

Вайнштейн О. Л. Западноευропейская средневековая историография. – М.; Л., 1964.

Вирський Д. Річпосполитська історіографія України (XVI–середина XVII ст.). – Київ, 2008. – Ч. 1.

Гейштор А. Образ Руси в средневековой Польше // Культурные связи России и Польши. XI–XX вв. – М., 1998.

Гёкеньян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой орды): От Калки до Астрахани 1223–1556. – Казань, 2001.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / пер. с фр. Е. В. Баевской и Э. М. Береговской; под ред. И. И. Соколова. – М., 2002.

Сигизмунд Герберштейн Записки о Московии: в 2 т. – М., 2008. – Т. II: Статьи, комментарии, приложения, указатели, карты.

Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. – М., 1961.

Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой половины XIII вв. – Киев, 1988.

Головко О. Б. Київська Русь на сторінках хроніки В. Кадлубека // Український історичний журнал. – 1993. – № 6.

Грыцкевіч В. П. Гісторыя і міфы / Вучэб. дапаможнік. – Мінск, 2000.

Данилович И. О литовских летописях // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Ноябрь 1840. – Т. 28.

Доронин А. В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина. – М., 2003.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие для студентов вузов / М. Б. Бибииков, Г. В. Галызина, Т. Н. Джаксон и др.; под ред. Е. А. Мельниковой. – М., 2003.

Дьяков В. А. Изучение истории Польши советскими историками // Новая и новейшая история. – 1985. – № 6.

Дячок О. А. Анализ рукописных переводов «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини на русский и украинский языки // Исследования по археографии и источниковедению отечественной истории XVI–XX вв. – Днепропетровск, 1990.

Дячок О. О. Археографія видань твору А. Гваньїні та фрагментів з нього // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. – Дніпропетровськ, 2001.

Дячок О. О. Використання «Хроніки Європейської Сарматії» як джерела українськими авторами XVII–XVIII ст. // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. – Дніпропетровськ, 2003.

Дячок О. О. Запорозьке козацтво в «Хроніці Європейської Сарматії» А. Гваньїні // Історія запорозького козацтва: сучасний стан проблеми вивчення. – Дніпропетровськ, 1990.

Дячок О. О. Проблема авторства «Опису Європейської Сарматії» в історіографії // Осягнення історії. Збірник наукових праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчю. – Острогор; Нью-Йорк, 1999.

Дячок О. О. «Хроніка Європейської Сарматії» А. Гваньїні як джерело з історії України. – Дніпропетровськ, 1992.

Дячок О. Хроніст Алессандро Гваньїні // Укр. археогр. щорічник. – Нов. сер., 2004. – Вып. 8/9.

Егоров Д. Идея «турецкой реформации» в XVI в. // Русская мысль. – 1907. – № 7.

Ерусалимский К. Ю. Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. – М., 2008.

Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. – М., 2006.

Жинкин Н. П. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького // Тр. Отд. древнерус. лит. – 1953. – Т. 9.

Зашикульняк Л. А. Формирование и развитие исторической науки в Польше: учеб. пособие / Льв. гос. ун-т им. Ив.Франко. – Львов, 1986.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV вв. – Казань, 2000.

Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.: из истории международных культурных связей России. – Л., 1980.

Казакова Н. А. Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марциана Бельского // Археографический ежегодник за 1980 г. – М., 1981.

Карнаухов Д. В. Восточнославянские династические легенды в интерпретациях польских историков конца XV–XVI веков // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени: материалы конференции. – М., 2010.

Карнаухов Д. В. История русских земель в «Описании Европейской Сарматии» и «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2006. – Т. 5, вып. 1 (доп.). – (История, филология).

Карнаухов Д. В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII вв. – Новосибирск, 2009.

Карнаухов Д. В. Исторические мифологемы в историографическом восприятии русско-польских отношений // Перспективы исторического и культурологического образования в вузе и школе: Теория и практика. – Новосибирск, 2006.

Карнаухов Д. В. Латиноязычная историография в интеллектуальной культуре польского ренессанса // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2.

Карнаухов Д. В. Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа: концерт культур. – СПб., 2004.

Карнаухов Д. В. Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI в. // Вестн. Евразии. – 2000. – № 3.

Карнаухов Д. В. Польская историческая россика в политическом дискурсе польско-русских отношений // История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 9–10 апреля 2009 г.). – Нижевартовск, 2009.

Карнаухов Д. В. Польский историк XVI в. Мачей Стрыйковский о происхождении восточных славян // Российско-польский исторический альманах. – Ставрополь [и др.], 2006. – Вып. 1.

Карнаухов Д. В. Представления об истории Руси и Московии как элемент национальной исторической мифологии ренессансной Польши // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории: материалы междунар. науч. конф. – Ставрополь [и др.], 2008.

Карнаухов Д. В. Публикации «Трактата о двух Сарматиях» Мачея Меховского и развитие научных знаний о восточноевропейских землях в эпоху Возрождения // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и общ. XIII науч. конф. – М., 2001.

Карнаухов Д. В. Средневековые интерпретации легенды о славянских прародителях как культурный определитель // Славяне и их соседи: Миф и история: Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени. – М., 1996.

Карнаухов Д. В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв. (источники и историография исследования) // История и историки: историогр. вестн. 2005. – М., 2006.

Клосс Б. М. Русские источники I–VI книг *Анналов Яна Длугоша* // Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. – М., 2004.

Ковальский Н. П. Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1972. – Вып. 1.

Козут З. От Иафета до Москвы: процесс создания библейской родословной славян в польской, украинской и русской историографии (XVII–XVIII вв.) // Украина и соседние государства в XVII век: материалы междунар. конф. – СПб., 2004.

Козлова Г. Г. Александр Гваньини и его сочинения // Гваньини А. Описание Московии. – М., 1997.

Козлова Г. Г. «Описание Московии» Александра Гваньини // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. – М., 1972.

Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. – Минск, 1997.

Крашевский Ю. О Стрыйковском и его хронике // Фин. вестн. – 1847. – Т. 18. – Ч. 2.

Кром М. М. Сведения по истории России конца XV – первой трети XVI в. в Хронике Бернарда Ваповского // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: сборник статей и тезисов докладов Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. – М., 1999.

Кудрявцев О. Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., авт. введ. ст., примеч., указ. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997.

Кудрявцев О. Ф. Русское государство в восприятии европейцев первой половины XVI в. (Альберт Кампенский, Павел Йовий, Иоганн Фабри) // Вестн. Рос. гуманит. научн. фонда. – 1996. – № 3.

Кудрявцев О. Ф. Базельское книгопечатание XVI в. в распространении сведений о Московском государстве // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей: (по материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии). – М., 1995.

Купранець О. Походження назви «Русь» в «Хроніці Руської землі» Олександра Гванінуса з 1611 року. – Рим; Торонто, 1977.

Лев В. Український переклад Хроніки Мартина Бельського. – Варшава, 1935.

Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М., 2002.

Лимонов Ю. А. Московия в западноевропейской картографии и сочинениях иностранных авторов XVI в. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в.: VI Междунар. семинар ист. исслед. «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 28–30 мая 1986 г.). – М., 1997.

Лимонов Ю. А. Польский хронист Ян Длугош о России // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972.

Лимонов Ю. А. Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси // Проблемы истории феодальной России. – Л., 1971.

Лимонов Ю. А. Русские летописи и польская историография XV–XVI вв. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976.

Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. – Л., 1978.

Лимонов Ю. А. «Хроніка Польщі» Матвія Меховського та її давньоруські джерела // Укр. іст. журн. – 1976. – № 3.

Лукомский Г. К. Московия в представлениях иностранцев XVI–XVII вв. – Берлин, 1922.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. – СПб., 1994.

Матвей Меховский и его сочинение «О двух Сарматиях» // Отеч. зап. – 1854. – Т. 12.

Михайловская Л. Л. Белоруссия и Литва конца XIV – первой трети XVI в. (по материалам хроники Б. Ваповского). – Минск, 1981.

Михайловская Л. Л. Жизнь и творчество Мацея Стрыйковского // Вопр. ист. – 1978. – Вып. 5.

Мицик Ю. Вступ // Гваньїні О. Хроніка Європейської Сарматії / упорядкув. та пер. з пол. о. Ю. Мицика. – Київ, 2007.

Мицик Ю. Історико-географічний опис Польщі у хроніці О. Гваньїні // Іст. журн. – 2004. – № 4.

Мицик Ю. Опис молдавського походу козаків 1574 р. в хроніці Гваньїні // Гуманіт. журн. – 2005. – № 4.

Мицик Ю. Опис Московської держави у хроніці О. Гваньїні // Іст. журн. – 2005. – № 6 ; 2006. – № 1–4.

Мицик Ю. Опис України у хроніці Олександра Гваньїні // Всесвіт. – 2000. – № 11/12.

Момрик А. Біблійна генеалогія в етногенетичних концепціях польських та українських хроністів (до постановки проблеми) // *Mediaevalia Ucraina*: ментальність та історія ідей. – Киев, 1998. – Т. 5.

Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности. XVI – начало XVIII в. – СПб., 1999.

Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. – СПб., 1996.

Мыльников А. С. Об истоках становления славяноведения в России: к вопросу об изучении «предыстории» славистики // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* – М., 1984.

Мыльников А. С. Славянские этногенетические легенды: место и роль в эволюции исторического познания // *Славяне и их соседи. Миф и история.* – М., 1996.

Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII в. – Днепропетровск, 1978.

Наконечный Е. Украдене ім'я: Чому русини стали українцями. – Львів, 1998.

Наливайко Р. А. О русско-литовских источниках XV в. «*Annales Poloniae*» Яна Длугоша // *Вестн. Санкт-Петерб. ун-та.* – Сер. 2: История. – 2007. – № 3.

Неедлы З. История славяноведения до XVIII в. // *Историк-марксист.* – 1941. – № 2.

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.: текст, пер., коммент. – М., 1993.

Наконечный Е. Украдене ім'я: Чому русини стали українцями. – Львів, 1998.

Оболевич В. Б. Идеино-художественная основа «Истории Польши» Яна Длугоша (1415–1482) // *Славянская филология.* – Л., 1972. – Вып. 2.

Охотникова В. И., Лурье Я. С. Русское историческое повествование и западная письменность XV–XVII вв. // *Известия АН СССР.* – Сер.: Литература и язык. – Т. 40. – 1981. – № 1.

Первольф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Славянская идея в литературе до XVIII в. – Варшава, 1888. – Т. 2.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // *Материалы по археологии СССР.* – 1958. – № 62.

Плетнева С. А. Половцы. – М., 1990.

Пташицкий С. Западно-русские переводы хроник Бельскаго и Стрыковскаго: Библиографические заметки // *Новый сборник статей по славяноведению.* – СПб., 1905.

Пташицкий С. Длугош, польский историк XV столетия. – СПб., 1888.

Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М., 2004.

Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. – М., 1963.

Рогов А. И. Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского и их источники // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1964. – Вып. 42.

Рогов А. И. Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. – М., 1967.

Рогов А. И. Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976.

Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). – М., 1966.

Рогов А. И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. – М., 1967.

Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986.

Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., авт. ввводн. ст., примеч., указ. О. Ф. Кудрявцев. – М., 1997.

Семянчук А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. – Гродна, 2000.

Семянчук А. А. Польскія хронікі другой паловы XVI ст. як крыніцы па гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Дысэртацыя на атрыманне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. – Мінск, 1997.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: библиогр. материалы. – СПб., 1903.

Стефанович П. С. Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопр. медиэвистики. – 2006. – № 4.

Татищев В. История Российская. – М., 2003. – Т. 1.

Творогов О. В. Хроника Мартина Бельского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1989. – Вып. 2. – Ч. 2.

Тихомиров И. А. О составе западно-русских, так называемых литовских летописей // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Май 1901. – Т. 335.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. – М., 1956.

Тихомиров М. Н. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. – М., 1969.

Толочко П. П. Кочевые народы степи и Киевская Русь. – Киев, 1999.

Тржештик Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Studia Balcanica. Т. 20: Раннефеодальные славянские государства и народности. – София, 1991.

Турилов А. А. Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV–начале XVI века // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. – М., 1998.

Улащик Н. Н. Белая и Черная Русь в «Кронике» Матвея Стрыйковского // Имя тваё Белая Русь. – Минск, 1991.

Улащик Н. Н. «Литовская и жмоитская кройника» и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского // Славяне и Русь. – М., 1968.

Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / отв. ред. В. И. Буганов. – М., 1985.

Флоровский А. В. Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отделение гуманитарно-общественных наук. – Одесса, 1922. – Т. II.

Флоря Б. Н. Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Сов. славяноведение. – 1965. – № 2.

Флоря Б. Н. Русское государство и русский народ в оценке шляхетских публицистов XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII вв. – М., 1978.

Флоря Б. Н. Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. – М., 1990.

Флоря Б. Н. Самосознание польской народности в XV в. // Этническое самосознание славян в XV столетии. – М., 1995.

Хорошкевич А. Л. Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-Slavica. – 1976. – Т. 10.

Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988.

Хорошкевич А. Л. Термины «Россия» и «Московия» в 9–13 книгах «Анналов Польши» Яна Длугоша // «Cultus et cognitio»: studia z dziejów śriedniowiecznej kultury. – Warszawa, 1976.

Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI–XVII вв. // Тр. Отд. древнерус. лит. – 1963. – Т. 19.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб., 1908.

Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники за 1975. – М., 1976.

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. – М., 2004.

Щавелева Н. И. Князь Роман Галицкий в культурно-исторической традиции Польши и России // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. – М., 1998.

Щавелева Н. И. Польки – жены русских князей // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1987 год. – М., 1989.

Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники: текст, пер., коммент. – М., 1990.

Щавелева Н. И. Русь и русские в «Анналах» XV в. Иоанна Длугоса // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения: XII чтения памяти В. Т. Пашуто: материалы конференции. – М., 2000.

Шнирельман В. А. Ценность прошлого: Этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. – М., 2000.

Яновский О. А., Бобышев В. И. Международные отношения в Восточной Европе XVI в. в парадигмах польской и российской историографии // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы навук. канф. – Мінск., 2000.

Bardach J. Kronika Macieja Strykowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji // Przegl. Hist. – 1967. – Z. 2.

Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. – Warszawa, 1970.

Barycz H. Bielski Joachim // Polski słownik biograficzny. – Warszawa, 1936. – T. 2.

Barycz H. Dwie syntezy dziejów narodowych przed sądem potomności: Losy «Historii» Długosza i Kromera w XVI w. i w połowie XVII w. // Pamiętnik literacki. – 1952. – Z. 1–2.

Barycz H. Kromer Marcin // Polski słownik biograficzny. – Warszawa [etc.], 1970. – T. 15.

Barycz H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: studia nad historiografią w. XVI–XVIII. – Wrocław [etc.], 1981.

Bazyłow L. Rosja w polsko-łacińskiej literaturze politycznej XVI wieku // Slavia Orientalis. – 1974. – № 1.

Bernacki A. Sarmatiae Europae Descriptio. Histoire d'un plagiat // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 1979. – № 3.

Bibliografia Polska XV–XVI stólecia: zestawienie chronologiczne 7200 druków w kształcie rejestru do bibliografii, tudzież spis abecadłowy tych dzieł, który dochowały się w bibliotekach polskich przez K. Estreichera. – Kraków, 1875.

Bibliografia literatury polskiej: Nowy Korbut. – Warszawa, 1964. – T. 2. Pśmemmictwo staropolskie: Hasła osobowe A–M.

Bibliografia literatury polskiej: Nowy Korbut. – Warszawa, 1965. – T. 3. Pśmemmictwo staropolskie: Hasła osobowe N–Ż.

Bobrzyński M. Jan Długosz. Jego życie i stanowisko w piśmiennictwie / M. Bobrzyński, S. Smolka. – Kraków, 1893.

Bömelburg H.-J. Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa: das polnische Geschichtsdenken und die Reichweite einer humanistischen Nationalgeschichte (1500-1700). – Wiesbaden, 2006.

Borek P. Ruś w Kronice Macieja Strykowskiego // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей.* – Київ, 1998. – T. 5.

Borkowska U. Historiograficzne poglądy Jana Długosza // *Długossiana: studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza.* – Warszawa; Kraków, 1985. – Cz. 2.

Borzemski A. Kronika Miechowity: rozbiór krytyczny. – Kraków, 1890.

Braun D. De scriptorum Poloniae et Prussiae historicorum, politicorum et ictorum typis impressorum ac manuscriptorum in Bibliotheca Brauniana collectorum, virtutibus et vitiis, Catalogus, et iudicium, post evolutionem exactam, sine odio aut studio, limatissimum. – Coloniae, 1723.

Budka W. Gwagnin Alexander // *Polski słownik biograficzny.* – Wrocław [etc.], 1961. – T. 9.

Budzyk K. Szkice i materiały do dziejów literatury staropolskiej. – Warszawa, 1935.

Bystroń J. S. Megalomania narodowa: Źródła – Teorii – Skutki. – Warszawa [etc.], 1935.

Caro J. Johannes Longinius. Ein Beitrag zur Literärgeschichte des fünfzehnten Jahrhunderts. – Jena, 1863.

Chojnicka K. Idee towarzyszące procesowi uzyskania przez Moskwę dominacji na ziemiach ruskich w 15, 16 wieku // *Oblicza Wschodu.*

Chrzanowski J. Bielski Marcin // *Polski słownik biograficzny.* – Warszawa, 1936. – T. 2.

Chrzanowski J. Marcin Bielski: Studium literackie. – Warszawa, 1906.

Cynarski S. Uwagi nad problemem recepcji «Historii» Jana Długosza w Polsce XVI i XVII w. // *Długossiana: studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza.* – Warszawa, 1980. – Cz. 1.

Dąbrowski D. Romanowicze w Kronice Polskiej, Litewskiej, zmużskiej i wszytckiej Rusi Macieja Strykowskiego (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii genealogicznych) // *Senoji Letuvos Lit.* – 2006. – T. 22.

Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie. – Wrocław, 1964.

Estreicher K. Bibliografia Polska. – Kraków, 1891–1939. – T. 12–33 : Stulecie XV–XVIII w układzie abecedłowym.

Gawlas S. Świadomość narodowa Jana Długosza // *Studia Źródłoznawcze.* – 1983. – T. 28.

Geary P. The myth of nations: the medieval origins of Europe. – Princeton; Oxford, 2002.

Gieysztor A. Polish Historians and the Need for History in 15th and 16th Century Poland // *The Polish Renaissance in its European Context / Ed. by Samuel Fiszman; foreword by Czesław Miłosz* – Bloomington, **Indianapolis**, 1988.

Goleman W. Wielkie Księstwo litewskie i jego mieszkańcy w oczach Macieja Strykowskiego // Uniwersalizm i regionalizm w kronikarstwie Europy Środkowo-Wschodniej: średniowiecze – początek czasów nowożytnych. – Lublin, 1996.

Golebiowski L. O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. – Warszawa, 1826.

Grabski A. F. Czy historiografię można uwolnić od mitów? // Przegl. Humanistyczny. – 1996. – Nr 1 (40).

Grabski A. F. Dzieje historiografii. – Poznań, 2006.

Grabski A. F. Zarys historii historiografii polskiej. – Poznań, 2000.

Grala H. Die Rezeption der «Rerum Moscoviticarum Commentarii» von Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der zweite Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins «Rerum Moscoviticarum Commentarii». Internationale Tagung vom 12.–16. Oktober 1999, Münster / red. F. Kämpfer, R. Frötschner. – Münster, 2002.

Grala H. Rutheni vs. Moschi: Elita ruska W. Ks. Litewskiego wobec wojen moskiewskich w XVI w. // Наш радавод.– Гродна, 1999. – Кн. 8.

Grygel S. Proba rekonstrukcji zaginionej części Kroniki Bernarda Wapowskiego // Studia źródłoznawcze. – 1964. – T. 9.

Grzybowski S. Jan Długosz. – Kraków, 2003.

Grzybowski S. Marcin Kromer czyli Kariera snoba // Pisarze staropolscy. – Warszawa, 1997. – T. 2.

Daniłowicz I. Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach // Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Strykowskiego. – Wydanie nowe. – 1846. – T. I.

Dawni pisarze polscy: od początków piśmiennictwa do Młodej Polski: przew. biogr. i bibliogr.– Warszawa, 2000. – T. 1.

Dawni pisarze polscy od początków piśmiennictwa do Młodej Polski: przew. biogr. i bibliogr.– Warszawa, 2001. – T. 2.

Dawni pisarze polscy od początków piśmiennictwa do Młodej Polski: przew. biogr. i bibliogr.– Warszawa, 2003. – T. 4.

Dziuba A. Wczesnorennesansowa historiografia polsko-łacińska. – Lublin, 2000.

Finkel L. Marcin Kromer. Historyk Polski XVI wieku: Rozbiór krytyczny. – Kraków, 1883.

Hajdukiewicz L. Miechowita Maciej // Polski słownik biograficzny. – Warszawa [etc.], 1974. – T. 19.

Jakubowski J. Kroniki Litewskie // Rocznik towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. – Wilno, 1909.

Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. – Warszawa, Wrocław, 1992.

Jaskólski M. Historia i mit historyczny w doktrynie politycznej // Historia. – 1984. – T.14.

Jurkiewicz J. Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa *Sarmatiae Europaeae descriptio* (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. – Vilnius, 2007.

Karnaukhov D. V. Images of Eurasian ethnicity in works of Renaissance Polish historians // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2009. – Nr. 37 (4).

Karnaukhov D. V. «Kronika» Marcina Kromera jako renesansowe kompendium wiedzy o dziejach Rusi // Staropolskie kompendia wiedzy. – Warszawa, 2009.

Karpluk M. O języku Macieja Strykowskiego historyka i poety z drugiej połowy XVI wieku. I. Regionalizmy, cechy ruskie i poetyzmy w dziedzinie fonetyki. – Wrocław [etc.], 1977.

Kersken N. New Types of National Historiography in the 15th and 16th century // Uniwersalizm i regionalizm w kronikarstwie Europy Środkowo-Wschodniej: średniowiecze – początek czasów nowożytnych. – Lublin, 1996.

Kijas A. Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza // Europa Orientalis: Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność. – Toruń, 1996.

Kijas A. Moskwa w relacjach polskich XVI i pierwszej połowy XVII wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999.

Kłoczowski J. Polacy i cudzoziemcy w XV wieku // Swoiskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej. – Warszawa, 1973.

Korolko M. Pionier sarmackiego dziejopisarstwa – Marcin Bielski // Pisarze staropolscy. – Warszawa, 1991. – T. 1.

Kuczyński M. Miechowita jako historyk // Studia i Materiały do Dziejów Nauki Pol. Ser. A. – 1965. – Z. 7.

Labuda G. Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w Rocznikach królestwa Polskiego Jana Długosza: Próba rekonstrukcji. – Poznań, 1983.

Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. – Białystok, 2006.

Łatyszonek O. Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historio grafii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV–XVI ww. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2006. – T. 25.

Leciejewicz L. Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim // Slavia Antiqua. – 1989/1990. – T. 32.

Maciejowski W. A. Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. – Warszawa, 1851. – T. 1.

Malicki J. Mit początku narodu a świadomość etniczna: Szesnastowieczne polemiki o pradzieje Polski, Litwy i Śląska // Staropolskie teksty i konteksty: Studia. – Katowice, 1989.

Malicki J. Mity etnogenetyczne w kulturze polskiej średniowiecza i renesansu // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 8. Literaturoznawstwo,

folklorystyka, problematyka historyczna / Prace na XI Międzynarodowy Kongres Słowistów w Bratysławie 1993. – Warszawa, 1992.

Malinowski M. Wiadomość o życiu i pismach Macieja Strykowskiego // Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszyckiej Rusi Macieja Strykowskiego. – Wydanie nowe. – 1846. – T. I.

Maternicki J. Mity historyczne, ich geneza, struktura i funkcje społeczne // Metodologiczne problemy badań nad dziejami myśli historycznej / Materiały konferencji naukowej w Krynicy w 1989 r. / pod red. J. Maternickiego. – Warszawa, 1990.

Michałowska T. Kronika // Słownik literatury staropolskiej (Średniowiecze – Renesans – Barok). – Wrocław [etc.], 1990.

Mrukówna J. Jan Długosz. Życie i twórczość. – Kraków, 1972.

Nadolski B. Kierunki rozwojowe dziejopisarstwa staropolskiego. – Lwów, 1938.

Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. – Wilno, 1838. – T. III.

Nehring W. O życiu i pismach Joachima Bielskiego. – Poznań, 1860.

Ostrowski J. B. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka, i wszyckiej Rusi Macieja Strykowskiego // Badania krytyczne-historyczne i literackie. – Berlin; Poznań, 1870. – T. IV.

Otwinowska B. Język – naród – kultura: Antecedencje i motywy renesansowej myśli o języku. – Wrocław [etc.], 1974.

Papée F. Długosz Jan // Polski słownik biograficzny. – Warszawa, 1939–1946. – T. 5.

Pieradzka K. Genealogia biblijna i rodowód Słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // Nasza Przeszłość. – 1958. – Nr. 8.

Powierski J. Ruś w opiniach najwcześniejszych polskich kronikarzy // Polacy o Ukraińcach, Ukraińcy o Polakach. Materiały z sesji naukowej pod red. Tadeusza Stegnera. – Gdańsk, 1993.

Perfekij E. Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectvi // Práce Slovanského ustavu v Praze. – 1932. – Sv. 7.

Plezia M. Jan Długosz // Pisarze staropolscy. – Warszawa, 1991. – T. 1.

Radziszewska J. Maciej Strykowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia. – Katowice, 1978.

Radziszewska J. Maciej Strykowski i jego dzieło // Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego. – Warszawa, 1978.

Radziszewska J. Warsztat naukowy Marcina Kromera [1512–1589] w jego dziele «De origine et rebus gestis Polonorum» // Z zagadnień historiografii od czasów Antyku do XVI wieku. – Katowice, 1982.

Radziszewska J. W sprawie korzystania przez Długosza z «Powieści minionych lat» // Ziemia Częstochowska. – 1984. – T. 14.

Radziszewska J. Źródła Marcina Kromera do dzieła «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX» // Studia Warmińskie 1989. – 1994. – T. 26.

Rogow A. Maciej Strykowski i historiografia ukraińska XVII w. // *Slavia Orientalis*. – 1965. – № 3.

Rozbiór krytyczny «*Annalium Poloniae*» Jana Długosza z lat 1385–1444. T. 1 / oprac. St. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska, K. Stachowska, pod kier. J. Dąbrowskiego. – Wrocław [etc.], 1961.

Rozbiór krytyczny «*Annalium Poloniae*» Jana Długosza z lat 1445–1480. T. 2 / oprac. St. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska pod kier. J. Dąbrowskiego. – Wrocław [etc.], 1965.

Schwoebel R. The Shadow of the Crescent. The Renaissance Image of the Turk (1453–1517). – Nieuwkoop, 1967.

Semiańczuk A., Semiańczuk H. Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku // *Oblicza Wschodu w kulturze polskiej*. – Poznań, 1999.

Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «*Dziejów Polski*» Jana Długosza (do roku 1384). – Kraków, 1887.

Semkowicz-Zarembina W. Przedmowa // *Jana Długosza Roczniki Sławnego Królestwa Polskiego*. – Warszawa, 1961. – [T. I]. Ks. 1/2.

Sielicki F. Jan Długosz i latopisy ruskie // *Opuscula Polonica et Russica*. – 1997. – T. 5.

Sielicki F. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawniej historiografii ruskiej // *Slavia Orientalis*. – 1966. – T. 14.

Sielicki F. Kroniki staroruskie w dawniej Polsce na tle polsko-ruskich stosunków kulturalnych // *Slavia Orientalis*. – 1964. – T. 13.

Solicki S. Metoda pracy nad dziejami obcymi w *Annales Poloniae* Jana Długosza // *Studia Źródłoznawcze*. – 1977. – T. 22.

Szafran-Szadkowska L. Zagadnienie etnogenezy Słowian w historiografii polskiej w okresie od średniowiecza do końca XIX stulecia. – Opole, 1983.

Śnieżko D. Kronka wszystkiego świata Marcina Bielskiego: pogranicze dyskursów. – Szczecin, 2004.

Turowski K.J. O życiu i pismach Alexandra Gwagnina // *Z Kroniki Sarmacyi Europejskiej Alexandra Gwagnina z Werony*. – Kraków, 1860.

Tymieniecki K. Zarys z dziejów historiografii polskiej. – Kraków, 1948.

Ulewicz T. Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. – Kraków, 1950.

Walewski C. Marcin Kromer. – Warszawa, 1874.

Winarska A. Historiografia radziecka o Janie Długoszu // *Jan Długosz. W pięćsetną rocznicę śmierci. Mater. z sesji (Sandomierz 24–25 V 1980)*. – Olsztyn, 1983.

Wiszniewski M. Historia literatury polskiej. – Kraków, 1845. – T. VII.

Włodarski B. Polska i Ruś: 1194–1340. – Warszawa, 1966.

Wojtkowiak Z. O smoleńskim Latopisie Demetriusza, nieznanym źródle Macieja Strykowskiego i o przyczynach jego «zapomnienia» // *Scriptura custos memoriae: prace historyczne*. – Poznań, 2001.

Wojtkowiak Z. Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności. – Poznań, 1990.

Wojtyska H.D. Roła odrodzenia i reformacji w rozwoju koncepcji historii i jej metody // *Zesz. Nauk. KUL* 1979. – 1981. – Nr 4 (22).

Zabłocki S. Od Renesansu do Oświecenia: Z dziejów inspiracji klasycznych w literaturze polskiej. – Warszawa, 1976.

Zeissberg H. Dziejopisarstwo polskie wieków średnich: przekł. z niem.– Warszawa, 1877. – T. 1.

Zientara B. «Populus – gens – natio»: Z zagadnień śrzedniowiecznej terminologii etnicznej // «Cultus et cognitio»: Studia z dziejów śrzedniowiecznej kultury. – Warszawa, 1976.

Научное издание

Карнаухов Дмитрий Владимирович

**КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
В ПОЛЬСКОЙ ХРОНОГРАФИИ
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Монография

Редактор – *О. А. Ченгаева*
Компьютерная верстка – *И. С. Сидоренко*

Подписано в печать 12.04.10. Формат бумаги 60x84/16
Печать офсетная. Уч. изд.л. 18,25. Усл.п.л. 17. Тираж 500 экз.
Заказ № 854.

ГОУ ВПО НГПУ, 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
Отпечатано:
630001, Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 1, оф. 201
Тел.: (383) 292-12-68, 226-40-13
e-mail: nemopress@mail.ru